

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Самарский государственный социально-педагогический университет»**

На правах рукописи

САВИЦКАЯ Екатерина Владимировна

**КОГНИТИВНЫЙ СУБСТРАТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА
И ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ**

**Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

**Д и с с е р т а ц и я
на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

**Научный консультант
доктор филологических наук,
профессор Борисова Е.Б.**

Самара 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПЦИИ	
КОГНИТИВНОГО СУБСТРАТА	17
§ 1. Соотношение коммуникативной, мыслеформирующей и моделирующей функций в функциональном спектре языка	17
§ 2. Проблема кумулятивной функции языка	31
§ 3. Научная и «наивная» картины мира в языке	39
§ 4. Семантическая система языка и проблема лакун	53
§ 5. Онтологические категории, важные для выявления сущности лакун	75
§ 6. Философское и лингвистическое понимание внутренней формы	82
§ 7. Внутренняя форма языковой единицы как мотиватор ее значения	95
§ 8. Понятие “языковое мышление”	103
§ 9. Когнитивный субстрат языкового мышления	112
§ 10. Когнитивные паттерны	133
Выводы по главе I	149
ГЛАВА II. СЕНСОРНАЯ ОСНОВА АБСТРАКТНОГО ЯЗЫКОВОГО	
МЫШЛЕНИЯ	154
§ 1. Когнитивный паттерн “Пространство”	154
§ 2. Участки когнитивного паттерна “Пространство”	162
А) Верх – низ	162
Б) Близость – дальность	173
В) Правая – левая сторона	175
§ 3. Презентация времени с помощью пространственных категорий	178
А) Циклическая модель («колесо») времени	179
Б) Прямолинейная модель («ось / стрела») времени	181
В) Комбинированная модель («спираль») времени	185
§ 4. Когнитивный паттерн “Физические параметры предметов”	195
А) Тяжесть – легкость	197

Б) Плотность – рыхлость	202
В) Сила – слабость	206
Г) Чистота – грязь	210
Д) Конфигурация предметов	217
§ 5. Перцепция как когнитивная основа ментальной деятельности	226
§ 6. Проблема понимания в свете концепции когнитивного субстрата	233
§ 7. Культурные скрипты как часть когнитивного субстрата	251
§ 8. Ментальный мир в наглядно-чувственном представлении	274
§ 9. Потенциал семантической системы языка	290
Выводы по главе II	304
ГЛАВА III. ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОГНИТИВНОГО СУБСТРАТА ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ	309
§ 1. Влияние строя и типа языка на языковое мышление	309
§ 2. Когнитивная сущность безличных конструкций	319
§ 3. Семантическая имплицитность / эксплицитность наименований	331
§ 4. Выражение пола / гендера языковыми средствами в свете концепции когнитивного субстрата	341
§ 5. Порядок слов предложения в лингвокогнитивном аспекте	351
§ 6. Категория определенности / неопределенности существительного в лингвокогнитивном аспекте	355
§ 7. Употребление форм пассивного залога глагола в лингвокогнитивном аспекте	357
Выводы по главе III	366
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	371
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	375
1. Теоретическая литература	375
2. Словари и справочники	413
3. Художественная литература	415
4. Источники текстовых примеров	419

ВВЕДЕНИЕ

В XX столетии лингвистика стран Запада развивалась в значительной мере в русле структурализма и выросшей на его почве генеративистики – научных направлений, исходивших из основополагающей декларации: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [Соссюр 1999: 180]. В их рамках изучалось только внутреннее устройство языка – в большем или меньшем отрыве от той среды, в которой он функционирует. Такой подход позволил точно и детально описать *форму* языка; но этим и исчерпывалось его предназначение. Между тем, как справедливо указал А.Ф. Лосев, «форма вещи недостаточна для ее определения. Самая сверхчувственная, ... самая строгая и самая точная ... форма вещи всё же еще не есть самая вещь. Самая вещь – жива и жизненна, всякая же форма по неизбежности отвлеченна» [Лосев 1994: 303].

Сведёние языка к форме, его отделение от культурного, социального и психологического контекста сужало горизонты исследований, и преодолеть эту инерцию было нелегко. По свидетельству А.Е. Кибрика, «установка XX века на то, что язык – это особая и ни с чем не связанная вещь в себе, оказалась безумно сильна» [Кибрик 2019: 18]. И всё же стремление ощутить язык как «живую и жизненную вещь», как трепетную ткань духа, а не мертвую схему, в конечном счете заставило западных лингвистов вновь обратиться к широким и разнообразным связям языка с его окружением. Что касается нашего отечественного языкознания, в нем структуралистские и генеративистские тенденции никогда не были столь сильны, как за рубежом, и живая связь языка с окружающим миром всегда была объектом внимания ученых.

Как итог «прагматического поворота» 60-х – 70-х годов XX века в системе общественных и гуманитарных наук появились стыковые дисциплины – социо-, этно-, психолингвистика, лингвопсихология, лингвокультурология, лингвосемиотика, лингвопрагматика, теория речевых актов и не в последнюю очередь – когнитивная лингвистика как отрасль когнитивной науки. В ее

недрах возникла когитология (от *lat. cogitare* “мыслить”) – «наука о языковом сознании и речевом мышлении, одно из ответвлений когнитивной лингвистики» [Рябцева 2005: 7].

Наблюдаемый в наши дни рост наукоёмкости производства и проникновение науки во все сферы человеческого бытия побуждают к выявлению того, какими путями и способами осуществляется познание мира и какую роль играет в нем естественный язык. Поэтому когнитивная лингвистика ныне обрела особенно высокую значимость. В ее русле решаются вопросы создания, накопления, сохранения и передачи знаний о мире с помощью естественного языка; участия языка в категоризации, концептуализации и моделировании действительности и в целом в процессах познания; связи между языком и когнитивными способностями человека. На этом пути достигнуты значительные успехи. Но ряд проблем еще ждет своего решения.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что в рамках когитологии требуют дальнейшей разработки вопросы о характере связи между традиционным, «наивным» языковым мышлением и мышлением современным, сциентизированным; о когнитивном субстрате семантической системы языка; о роли внутренней формы языка в познании мира; о языке как многомерном ментальном пространстве, как моделирующей системе, как программе естественного интеллекта. При этом во взглядах лингвистов наблюдаются определенные противоречия и нестыковки, нуждающиеся в устранении. Наши изыскания проведены в этом ключе.

Степень разработанности проблемы исследования. Проблема связи между наглядно-чувственным и абстрактно-логическим мышлением, отраженной в языке, имеет ряд аспектов, разрабатывавшихся отечественными и зарубежными учеными.

В аспекте соотношения внутренней формы и значения языкового знака данная проблема освещалась в трудах Г. Гегеля, А.А. Потебни, А.Ф. Лосева, А.М. Мелерович, О.А. Леонтович, В.Н. Телии, З.Д. Поповой и др.

В аспекте перехода от универсально-предметного к вербальному коду в процессе порождения речи эта проблема анализировалась в работах Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, С.Л. Рубинштейна, А.А. Леонтьева, И.Н. Горелова, Е.С. Кубряковой, И.А. Зимней и др.

В аспекте культурных скриптов (сценариев) как основы языкового мышления рассматриваемая проблема исследовалась в трудах М. Минского, А. Вежбицкой, К. Годдарда, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и др.

В аспекте языковой картины мира данная проблема рассматривалась в трудах С.Г. Тер-Минасовой, Анны А. Зализняк, Н.Ф. Алефиренко, И.А. Стернина, В.А. Масловой и др.

Объектом работы является когнитивный субстрат семантической системы языка и языкового мышления.

Предмет исследования – онтологическая природа, элементный состав и структура когнитивного субстрата и его влияние на языковое мышление.

В работе ставилась **цель** выявить и описать механизмы влияния когнитивного субстрата семантической системы языка на характер языкового мышления.

Поставленная цель обусловила необходимость решения ряда **задач**:

- 1) определить и истолковать понятия “когнитивный субстрат семантической системы языка и языкового мышления” и “когнитивный паттерн” и обосновать целесообразность их применения;
- 2) установить компонентный состав когнитивного субстрата семантической системы языка и языкового мышления;
- 3) описать способы, которыми когнитивный субстрат определяет особенности языкового мышления и воздействует на него;
- 4) выяснить, как внутренняя форма единиц языка обуславливает характер моделирования действительности языковыми средствами;
- 5) установить сущность лакун, обнаруживаемых в семантической системе языка, и выяснить их связь с когнитивным субстратом этой системы;

- б) описать ряд основных когнитивных паттернов, которые входят в когнитивный субстрат семантической системы английского языка, взятого как образец;
- 7) охарактеризовать роль культурных скриптов в осуществлении языкового мышления;
- 8) показать, как специфика грамматического строя языка определяет стратегии языкового мышления.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем

- уточнен и объяснен характер соотношения коммуникативной, мыслеформирующей и моделирующей функций языка;
- описаны способы выполнения языком кумулятивной функции;
- выявлено соотношение внутренней формы означаемого и внутренней формы означающего в языковом знаке;
- приведено определение и теоретическое обоснование понятия “когнитивный субстрат семантической системы языка и языкового мышления”;
- выявлена сущность лакун, обнаруживаемых в семантической системе языка, и выяснена их связь с ее когнитивным субстратом;
- установлена и описана онтологическая природа когнитивного субстрата семантической системы языка и языкового мышления;
- описаны способы, которыми когнитивный субстрат определяет специфику языкового мышления и воздействует на него;
- показано, как грамматический строй языка обуславливает стратегии формирования и формулирования мысли в рамках языкового мышления.

В качестве **теоретико-методологической базы** проведенного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в следующих областях:

когнитивная лингвистика (И.В. Андреева, Ю.Д. Апресян, А.А. Безингер, Н.Н. Болдырев, Л.М. Босова, Б.И. Кононенко, Е.С. Кубрякова, А.И. Новиков, З.Д. Попова, И.П. Черкасова, А. Вежбицкая, С. Goddard¹ и др.),

лингвистическая семантика (Л.Г. Бабенко, М.М. Маковский, М.В. Никитин, Н.Т. Саная, О.Н. Селиверстова, Дж. Лайонз и др.),

ситуационная семантика, иначе именуемая **теорией фреймов и сценариев** (Г.С. Поспелов, М. Минский, Дж. Лакофф, Ч. Дж. Филлмор, У.Л. Чейф и др.),

теория соотношения языка, мышления и культуры (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Ощепкова, Ю.М. Малинович, С.Г. Тер-Минасова, С.М. Треблер и др.),

этнолингвистика и теория картины мира (И.В. Андреева, О.Е. Баксанский, Л.М. Босова, С.Г. Воркачев, Г.Д. Гачев, Анна А. Зализняк, Г.В. Колшанский, Б.И. Кононенко, Ю.В. Чернавская, Е.Н. Шурыгина, А.Е. Щербинина, D. Chandler, S. Hampshire и др.),

теоретическая грамматика английского языка (А.И. Бочкарев, А.И. Смирницкий, M. Deutschbein, O. Jespersen, N. McCawley, G. Nunberg и др.),

генеративная лингвистика (И.А. Мельчук, С.К. Шаумян, Н. Хомский, J.J. Katz, J.A. Fodor, J.S. Gruber и др.),

философия познания и лингвофилософия (Г.А. Брутян, А.Ф. Лосев, А.Н. Чанышев, Г. Гегель, В. фон Гумбольдт, И. Кант, У. Оккам, К. Поппер, Б. Спиноза и др.),

общая семиотика, семиотика культуры и лингвосемиотика (Ч.У. Моррис, Ч.С. Пирс, Ф. де Соссюр, Ю.М. Лотман, Р. Барт, Л. Ельмслев, В.И. Карасик и др.),

психология речи и психоллингвистика (Е.Ю. Артемьева, Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская, С.Л. Рубинштейн, А.А. Ухтомский и др.).

В качестве **материала** исследования послужили: корпус английских слов знаменательных частей речи общим объемом около 3500 единиц, собранный

---

¹ В этом перечне использование кириллицы / латиницы определяется тем, как фамилии ученых представлены в Списке литературы.

путем целенаправленной выборки из ряда общих, отраслевых и специальных лексических словарей английского языка; корпус английских фразеологизмов и фразеоматизмов общим объемом около 1200 единиц, собранный путем целенаправленной выборки из ряда словарей английских идиом; корпус текстовых примеров речевого употребления английских языковых единиц общим объемом около 450, почерпнутых в основном из справочных интернет-ресурсов. Наряду с английским языковым материалом привлекались примеры из русского, латинского, древнегреческого и других языков общим объемом около 550 языковых единиц.

В порядке пояснения выбора материала для исследования, проведенного в русле общей и когнитивной лингвистики, отметим глобальное значение английского языка, из которого мы почерпнули базовый корпус единиц для анализа. Как известно, в наши дни английский – основной язык международного общения и обмена научно-техническими достижениями в мировом масштабе, крупнейший источник лексических заимствований, причем не только в сфере науки, но и в ряде других областей цивилизации и культуры. Это дает основание говорить о «лингвистической интервенции», проявляющейся в активном внедрении – путем глобальной экспансии английского языка – системы ценностей, идеологии и морали англосаксов² в массовое сознание жителей всех стран.

Несмотря на наличие противоположной тенденции – стремления к многополярности мира – англосфера в значительной мере определяет облик современного мира и в некоторой степени – грядущего мира.

---

² Мы используем название *англосаксы* не в этноисторическом, а в современном значении “жители англосферы” – совокупности англоязычных стран (Великобритании, Канады, США, Австралии, Новой Зеландии), которые исторически тесно связаны с Британскими островами, имеют существенные общие черты и своим цивилизационным обликом восходят к Великобритании.

Английский – типичный язык средневропейского стандарта³. Многие закономерности, описанные в нашей работе на материале этого языка, по нашим наблюдениям, характерны и для других языков данного стандарта.

Хорошо это или плохо, но фактом является то, что ряд особенностей английского языка ныне в той или иной мере воздействует на мышление многих народов. В частности, отсутствие грамматической категории рода у английского существительного повлияло на мышление англосаксов и немало способствовало тому, что именно в англосфере возникла идея стирания гендерных различий в социальных, культурных и психологических аспектах – идея, насаждаемая во всем мире, но, к счастью, слабо приживающаяся на почве русской лингвокультуры. В числе прочих причин этому препятствует флективность русского языка, не допускающая устранения категории рода из грамматики, а значит, и из языкового мышления. Эта межъязыковая параллель наглядно демонстрирует зависимость мышления и отражения мира от типа языка – то, что составляет предмет наших изысканий.

В ходе исследования применялись следующие **методы и методики**: компонентный анализ лексических значений; анализ словарных дефиниций; этимологический анализ; межъязыковое сопоставление; элементы полевого анализа; сопоставление значений и внутренних форм языковых единиц; реконструкция виртуальных языковых единиц путем построения матриц лексических полей. В процессе обработки материала осуществлялись полевой, фреймовый и комбинаторный **подходы**.

При работе над темой был задан индуктивно-эмпирический вектор исследования (сбор фактического материала, его систематизация, обобщающие выводы), но это не исключало периодического обращения к гипотетико-дедуктивному вектору (выдвижению предположений с их последующей

---

³ Среднеевропейский стандарт (*англ.* Standard Average European) – совокупность общих черт языков Европы, возникших в результате языковых контактов и проистекающей из них конвергенции языков, а также культурного обмена (термин введен в научный обиход Б.Л. Уорфом [2002]).

верификацией). В этой связи нами была выдвинута **гипотеза** исследования, формулируемая следующим образом.

Свойственная современной цивилизации рационалистическая картина мира, зафиксированная в семантике единиц и форм естественного языка, возникла на базе комплекса коллективных сенсорных представлений о действительности, запечатленных во внутренней форме естественного языка, и по сей день основывается на них. Особенности упомянутых представлений обусловлены спецификой человеческих органов чувств, что в конечном счете не мешает людям верно отражать окружающий мир.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что выдвинутые в ней положения могут способствовать дальнейшему продвижению в решении таких проблем, как соотношение языка и мышления, связь менталитета народа и этнического языка, сосуществование и взаимодействие сциентизированного и наивного языкового сознания, сущность лакун и их влияние на характер отражения действительности в языке, роль грамматики в реализации стратегий языкового мышления.

Практическая ценность исследования заключается в том, что собранные материалы и сделанные выводы могут получить применение при разработке лекционных курсов общего языкознания, лексикологии, теоретической грамматики, сравнительной типологии английского и русского языков, теории межкультурной коммуникации, спецкурсов и спецсеминаров по фразеологии, когнитивной лингвистике, генеративной лингвистике, психолингвистике. На базе диссертации может быть создано учебное пособие к спецкурсу по соотношению мышления, лингвокультуры и языка. Кроме того, упомянутые материалы и выводы могут использоваться при руководстве подготовкой курсовых и выпускных квалификационных работ, докладов и рефератов в рамках научно-исследовательской работы студентов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Мыслеформирующая, моделирующая и кумулятивная функции языка наряду с коммуникативной функцией выступают как ведущие, а не второстепенные. Существует ментальное пространство языка, в котором мысль создается и кодируется субъектом, затем объективируется и в виде высказывания транслируется другому субъекту, а тот, в свою очередь, декодирует высказывание. Таким образом, выполнение коммуникативной функции – лишь срединная стадия речевой деятельности. Чтобы передать мысль, нужно сначала сформировать ее посредством языка.

2. Кумулятивная функция выполняется не языком как таковым, а лингвокультурой; культура наполняет содержанием единицы и формы языка. Названная функция реализуется: (а) в пословицах; (б) во фразеологизмах; (в) в значениях слов, усваиваемых новыми поколениями в онтогенезе речи; (г) во внутренней форме языковых единиц, понимание которой передается в поколениях путем культурного наследования; (д) в семантических структурах слов; (е) в моделях их сочетаемости; (ж) в структурах семантических полей, членящих мир этноспецифическим способом.

3. Когнитивный субстрат языкового мышления – это совокупность выработанных в ходе культурного развития народа, устоявшихся в общественной практике (кодифицированных), закрепленных в исторической семантике языка коллективных представлений о действительности, а также познавательных установок, лежащих в основе языковой картины мира, служащих культурными кодами в процессе общения и в той или иной мере обуславливающих поведение носителей лингвокультуры в общенародном и индивидуальном масштабе. К этому субстрату относятся не только пребывающие в рамках здравого смысла представления о причинно-следственных и иных связях между явлениями, но и мифологические представления о мире, и поверья, и синестезические ассоциации, и генетически наследуемая информация.

4. В когнитивном субстрате современного языкового мышления проявляется преобладание и структурный параллелизм мышления предметно-практического и абстрактно-теоретического. Абстрактное мышление неотделимо от своей сенсорной основы; образность, содержащаяся во внутренней форме единиц языка, влияет на формирование абстрактных понятий и таким способом участвует в моделировании действительности языковыми средствами. Когнитивный субстрат – фундамент семантической системы языка – «не отпускает» от себя абстрактное мышление, не дает ему полностью оторваться от своих истоков – предметно-наглядного мышления, обусловленного природными и культурно-историческими факторами. Это определяет специфику моделирования мира средствами языка.

5. Проблематика картины мира и когнитивного субстрата связана с проблематикой лакун. Картина мира может быть представлена как координатная сетка, наброшенная на мир и члениющая мир определенным способом. Под научной картиной мира лежит обыденная, влияющая на формирование научной и исполняющая роль когнитивного субстрата. Обе они зафиксированы в языке. В лингвистическом аспекте они предстают как семантическая система языка и внутренняя форма языка. Как в верхней, так и в нижней сетках имеются незаполненные ячейки – лакуны. Между лакунами в семантической системе языка (современными) и лакунами во внутренней форме языка (реликтовыми) имеют место три типа соответствий – сукцессия (преобладание), элиминация (устранение), эмерджентия (появление).

6. Когнитивный субстрат семантической системы языка обладает мощным креативным потенциалом и продолжает порождать новые значения. Семантическая система языка является моделирующей системой; в качестве объектной области моделирования выступает весь мир, и не только реальный, но и возможные, и даже невозможные миры. В пустующих ячейках сетки (лакунах) угадываются виртуальные реалии; угадывание осуществляется с помощью координатной сетки.

7. Когнитивный субстрат языкового мышления распадается на отдельные участки – когнитивные паттерны (модели фрагментов мира, схемы презентации внеязыковых объектов, лежащие в основе их осмысления). В языковом мышлении особую роль играют группы когнитивных паттернов: (1) “Пространство (верх – низ, близость – дальность, передний – задний план, правая – левая сторона)”; (2) “Движение (вверх – вниз, вперед – назад, поступательное – возвратное, быстрое – медленное)”; (3) “Физические параметры предметов (тяжесть – легкость, плотность – рыхлость, сила – слабость, чистота – грязь)”; (4) “Конфигурация предметов (острота – тупость, угловатость – округлость, прямизна – кривизна)”; (5) “Перцепция (видение, слышание, осязание, обоняние, вкусовые ощущения, боль)”. Каждый когнитивный паттерн моделирует определенную совокупность тематических областей.

8. Темпоральные категории (время, вечность, мгновение) в лингвокультуре моделируются с помощью пространственных и двигательных когнитивных паттернов ввиду того, что время и пространство имеют общие свойства – протяженность, бесконечность, континуальность (которая поддается условной дискретизации). Течение времени репрезентируется как движение по прямой линии (в циклической модели времени это сферическая прямая, а в стреловидной модели времени – Евклидова прямая). Представления о прогрессе и регрессе связаны со стрелой времени, а представления о стагнации – с кольцом времени. Презентация времени в виде спирали совмещает в себе циклическую и стреловидную модели. Изменения, происходящие в мире, и вызванный ими ход времени ассоциируются с движением, беспокойством и жизнью, а неизменность и подразумеваемая ею вечность (отсутствие хода времени) ассоциируются с неподвижностью, покоем и смертью.

9. Грамматический строй языка далеко не в столь большой степени обусловлен особенностями менталитета народа, как это утверждается в ряде трудов по когитологии. В частности, в английском языке преобладание личной формы подлежащего с существительным в общем падеже и фиксированность

порядка слов **не** свидетельствуют о стройности мышления, активности и инициативности англосаксов, а в русском языке обилие безличных морфосинтаксических конструкций и вариативность порядка слов **не** говорят о фатализме, пассивности и безынициативности как чертах русской ментальности. Упомянутые грамматические различия **не** определяются национальным характером.

10. Особенности грамматической структуры языка гораздо больше обусловлены его структурно-типологическими свойствами, нежели национальным менталитетом и другими экстралингвистическими факторами. Это связано с тем, что грамматика имеет свои внутренние структурные закономерности, в значительной мере автономные от этнокультуры. Специфика языкового мышления состоит не столько в том, что в грамматику языка заложен менталитет народа, сколько в том, какими стратегиями пользуется языковое мышление для выражения универсальных грамматических значений, исходя из возможностей грамматики этноязыка.

Апробация работы. Основные результаты исследования излагались в докладах и выступлениях в рамках ряда международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций в гг. Москве (сент. 2014, окт. 2014, дек. 2014, сент. 2020), Тяньцзине, Китай (нояб. 2018, окт. 2020), Самаре (дек. 2010, май 2022), Екатеринбурге (дек. 2014), Чебоксарах (сент. 2020), Смоленске (март 2020), Орле (окт. 2018, окт. 2022), Саратове (окт. 2020), Уфе (дек. 2020), Воронеже (февр. 2021), Перми (апр. 2022, апр. 2023), проводившихся на базе НИЦ МИСИ, ПГСГА, СГСПУ, ВГСПУ, НАУ, ТУИЯ, НОУ ДПО ЭМЦ, СГУ, СНИУ, ОГУ, ВГУ, ПНИУ.

По теме исследования опубликовано 57 работ, в том числе монография, учебное пособие и 55 статей, из них 16 – в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и Списка литературы, насчитывающего **522** наименования, в

том числе 105 – на иностранных языках. Общий объем работы составляет 423 страницы.

В Главе I излагается общетеоретическая основа исследования. Определяются его основные понятия и термины, выдвигается авторская концепция, ведется полемика по поводу ряда ключевых понятий лингвокогнитивистики. В Главе II выявляется и анализируется сенсорная основа абстрактного языкового мышления. На материале ряда европейских языков описываются когнитивные паттерны и культурные скрипты, составляющие фундамент такого мышления. В Главе III рассматривается грамматический субстрат языкового мышления, демонстрируется его организующая роль в моделировании действительности. В Заключение подводятся общие итоги исследования и перечисляются его дальнейшие перспективы.

Условные обозначения. В тексте работы даются разные виды ссылок на Список литературы:

содержимое ссылки	вид скобок	раздел Списка литературы
фамилия, год издания, страница	квадратные	1. Теоретическая литература
аббревиатура	квадратные	2. Словари и справочники
фамилия, год издания	круглые	3. Художественная литература
(инициал, фамилия) название, год	круглые	4. Источники текстовых примеров

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНОГО СУБСТРАТА

В этой главе анализируются и критически оцениваются трактовки ряда важнейших категорий, входящих в ядро понятийного аппарата когнитивной лингвистики, и предлагается авторское понимание этих категорий, которое в главных чертах определяет выдвигаемую в работе концепцию. К числу таких категорий относятся “моделирующая / коммуникативная / мыслеформирующая / кумулятивная функции языка”, “картина мира”, “внутренняя форма”, “языковое мышление”, “когнитивный паттерн”, “культурный скрипт”. Обратимся к их анализу в свете поставленных в диссертации задач.

§1. Соотношение коммуникативной, мыслеформирующей и моделирующей функций в функциональном спектре языка

В течение всего советского периода нашей истории, когда учение марксизма-ленинизма выступало в качестве философско-методологической базы всей науки в СССР, отечественная лингвистика равнялась на формулировку «Язык есть важнейшее средство человеческого общения» [Ленин 1969а: 289]. Эта формулировка считалась основополагающим определением языка⁴ и в немалой степени обуславливала главное направление лингвистической мысли в нашей стране. В спектре функций языка безоговорочно ведущая роль отводилась коммуникативной функции. Под влиянием этой методологической установки язык изучался отечественными лингвистами в первую очередь как орудие общения.

---

⁴ На то, что она считалась именно определением, а не просто характеристикой языка, указывали Ю.С. Маслов [2004: 632], А.А. Реформатский [2007: 7], В.И. Кодухов [2016: 21] и ряд других языковедов. Приведем примеры: «Язык, – по **определению** В.И. Ленина, – есть важнейшее средство человеческого общения» [Валгина 1964: 3]. «В отечественном языкознании ... получило распространение ленинское **определение** языка: “Язык есть важнейшее средство человеческого общения”» [Немченко 2019: 19].

В частности, С.Г. Тер-Минасова, процитировав ряд определений языка, ставящих коммуникативную функцию во главу угла, заключила: «Итак, все определения ... сходятся в главном: язык – это средство общения, средство выражения мыслей. Разумеется, у него есть и другие функции, но эти две – самые основные. Язык служит коммуникации, это главный, самый эксплицитный, самый официальный ... из всех видов коммуникативного поведения» [Тер-Минасова 2000: 11].

О единодушии отечественных лингвистов во взглядах на этот вопрос свидетельствует и А.А. Назарова: «... есть немалое число монофункционалистов, считающих, что язык выполняет всего лишь одну функцию ... Такой единственной функцией языка считается коммуникативная ... Другие сторонники монополии коммуникативной функции не отрицают наличия у языка и иных назначений, но считают, что все они так или иначе покрываются именно этой функцией. А если признаётся наличие у языка нескольких функций и возникает необходимость установить иерархию среди них, то первостепенной признана коммуникативная функция. Язык – средство общения в первую очередь» [Назарова 2009: 75].

Эти утверждения лишь на первый взгляд представляются бесспорными; более пристальный взгляд позволяет обнаружить их дискуссионный характер.

Прежде всего, вызывает определенные возражения тезис о том, что служить средством общения и служить средством выражения мыслей – это две отдельных функции языка. Слово *выражать* значит “обнаруживать, показывать каким-нибудь внешним проявлением” [ТСУ], а этимологически – “выталкивать наружу” [ЭСФ]. Таким же значением обладает английский глагол *to express* (“выражать”), определяемый в толковом словаре [CED] как “to convey (a thought or feeling) in words or by gestures and conduct” «передавать (мысль или чувство) словами, жестами или поведением» (здесь и далее перевод наш – Е.С.) и, согласно этимологическому словарю [OED], восходящий к *лат. expressāre* (букв. “выталкивать, выжимать наружу”).

В лингвистической терминологии глаголы *выражать* и *to express* в строгом смысле означают эксплицировать / объективировать созданное в языковом сознании продуцента речи высказывание графическими или фонетическими средствами, чтобы довести его до сведения реципиента. Реципиент воспринимает переданное высказывание по визуальному или аудиальному каналу. Из упомянутых двух этапов складывается акт вербальной коммуникации.

Принимая во внимание это положение дел, мы имеем основания для выдвижения следующего тезиса: общение, с одной стороны, и выражение мыслей, с другой, нельзя рассматривать как две самостоятельные языковые функции; внешняя манифестация мыслей продуцентом речи входит в состав коммуникативной функции как ее неотъемлемая часть вместе с субъективацией (восприятием) транслируемого сообщения адресатом. Это утверждение подкрепляется синонимическим рядом глагола *выражать*, содержащимся в русских толковых словарях ([ТСУ], [СРЯ], [ЭСФ] и др.): представлять устно или письменно, передавать словами, внешне обнаруживать, высказывать, равно как и синонимами глагола *to express*, которые приводятся в английских толковых словарях [CED], [COD], [MWD] и др.: *to communicate* (“сообщать”), *to convey* (“передавать <сведения>”). Перечисленные глаголы обозначают один из аспектов процесса общения.

Следовательно, нужно говорить **не** о двух разных функциях языка (язык как орудие обмена информацией и как орудие выражения мыслей и чувств), а об общей коммуникативной функции, характеризующейся наличием двух сторон: выражение мысли (в терминах теории связи это называется передачей сообщения) и восприятие мысли (в тех же терминах это именуется приемом сообщения)⁵. При этом необходимо принять во внимание: языковеды обращаются не столько к материальному аспекту коммуникации (а именно к происходящей в физическом пространстве модуляции воздушных волн при

---

⁵ На то, что коммуникативный акт состоит из двух сторон – передачи сообщения и приема сообщения – указывал, в частности, Р.О. Якобсон [1975: 198].

непосредственном устном общении или электромагнитных волн при технически опосредованном общении), сколько – прежде всего – к его ментальному аспекту (обмену идеями и эмоциями в общем духовном пространстве коммуникантов). В данном аспекте выражение мысли предстает как передача определенного сообщения (составная часть коммуникативного акта).

Далее, на наш взгляд, нельзя назвать бесспорным утверждение о несомненном приоритете коммуникативной функции среди функций языка и, как следствие, о второстепенности остальных его функций. Мы постараемся продемонстрировать это: функция вербального обеспечения обмена информацией представляет собой только одну из важных функций, выполняемых языком в пространстве культуры.

Вновь обращаясь к ленинской формулировке из статьи «О праве наций на самоопределение», подчеркнем: она, как правило, цитируется лингвистами в изоляции от ее первоначального контекста. Приведем этот контекст: «... для полной победы товарного производства необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке ... Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка ... есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого ... торгового оборота» [Ленин 1969а: 258-259].

Учитывая исходный контекст рассматриваемой нами формулировки, мы имеем основания заключить: В.И. Ленин в вышеупомянутой статье не имел намерения давать определение языка. Он только обратил внимание читателей на то, что наличие общего средства общения составляет необходимое условие для консолидации населения страны в единую нацию и последующего роста товарного производства и торгового оборота. Он указал на ту из многочисленных функций языка, которая была значима при рассмотрении совершенно определенного социально-экономического вопроса. В.И. Ленин **не** задавался целью решать лингвистические задачи в статье по политэкономии. Судя по его трудам, он прекрасно разобрался в логике. Если бы он задумал

создать определение языка, он позаботился бы о том, чтобы его формулировка отвечала требованиям, которые логика предъявляет к определениям, и прежде всего требованию содержать **все** категориальные признаки определяемого объекта⁶. Но формулировка Ленина указывает лишь на **один** категориальный признак языка (язык – средство общения), что соответствует задачам его статьи, но не отвечает требованиям, предъявляемым к определениям.

Обсуждая формулировку В.И. Ленина, В.Б. Касевич сделал вывод: «Из этого следует, ... что центральная функция языка – это функция общения, или коммуникативная» [Касевич 1977: 5]. Такой вывод отодвигает на задний план присущие языку функции формирования и понимания мысли. На наш взгляд, это равносильно утверждению о том, что при производстве, транспортировке и потреблении товарной продукции главное – это транспортировка.

Можно вполне согласиться с тем, что в ряду средств общения словесный язык – важнейшее средство. Это-то и отметил В.И. Ленин. Но из этого факта логически **не** следует ни то, что в ряду функций словесного языка коммуникативная функция – важнейшая, ни то, что она – не важнейшая. Мы имеем дело с двумя отдельными рядами: рядом средств общения (словесный язык, язык жестов, пиктография, флажковая сигнализация и т.д.) и рядом функций словесного языка (моделирующая, кумулятивная, коммуникативная и т.д.). Статус важнейшего средства человеческого общения (в ряду средств общения) может обеспечиваться как важнейшей, так и не важнейшей функцией словесного языка (в ряду его функций).

Мы отнюдь не хотим сказать, что формулировка В.И. Ленина ошибочна. Наоборот, мы полагаем, что она глубоко верна. Однако при этом мы стремимся показать, что из нее **не** вытекает безусловное доминирование коммуникативной функции над всеми остальными языковыми функциями. Далее, мы согласны с тем, что функция обеспечения общения относится к числу основных. Но есть основания считать, что коммуникативная функция является не единственно главной, а **одной из** главных функций языка; она стоит в одном ряду с

---

⁶ О требованиях, которые предъявляются к определениям, см.: [Ивин 2015: 95-121].

функциями формирования и формулирования мысли, моделирования действительности и накопления знаний о мире. Перечисленные функции не менее значимы, чем коммуникативная.

Следует принять во внимание, что мышление носит в той или иной мере диалогический характер (об этом писали М. Бубер, М. Хайдеггер, М.М. Бахтин, В.С. Библер и др.) и в этом ракурсе иногда рассматривается как аутокоммуникация. Но считать мышление разновидностью коммуникации было бы, на наш взгляд, перебором; «замкнутость на себя» всё же не является универсальной чертой всякого мышления и его ключевой характеристикой.

Что же касается определения языка, мы считаем нужным сделать оговорку: нелегко формулировать полные и всеохватные дефиниции объектов, которые характеризуются большой сложностью, так как они обладают огромной совокупностью существенных черт; границы этой совокупности черт размыты. В таком случае «единственной реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция» [Энгельс 1983: 289].

Всё это касается и вербального языка. Функция обеспечения общения, безусловно, относится к числу его важнейших признаков. Однако вербальный язык обладает целым рядом других важных признаков, среди которых коммуникативную функцию трудно назвать безоговорочно главенствующей. Дело в том, что субъект в процессе мышления начинает с моделирования действительности, с формирования и формулирования мыслей, пользуясь вербально-языковыми средствами; затем он передает их в словесной форме реципиенты, а тот осмысливает полученные данные, проводя определенные преобразования в своем когнитивном мире; всё это тоже осуществляется вербальными средствами. Отсюда следует, что трансляция и получение информации (то есть общение) представляет собой не более чем срединный этап речевой деятельности, происходящей в языковом пространстве.

Понятие “языковое пространство” нуждается в комментарии. «Нет ничего более естественного, как представлять себе язык в виде пространства или

объема, в котором люди формируют свои идеи», – указал Ю.С. Степанов [1985: 3]. «Описание ... языковой системы как особого пространства ... отвечает новым представлениям о сути языка и эффективных методах его анализа. Идея языкового пространства поддерживается ... современными функциональными исследованиями», – согласилась с его мнением Е.С. Кубрякова [1997: 13]. Осуществляемое в последнее время активное развитие концепции языкового пространства подтверждает, что с позиций лингвокогнитивистики язык целесообразно рассматривать не только как инструмент, но и как семиотическое пространство, в границах которого достигается понимание и происходит отображение действительности, создание мысли в голове человека, накопление знаний о реальности и ряд других, включая словесное общение ([Бабенко 1999], [Пространство языка и речи 2014], [Попова 1996], [Веремьева 2013], [Панкина 2004] и др.).

«Человек, превращающий свои мысли, свои идеи, свои чувства в язык, ... как бы пронизывается этим способом выражения» [Толстой 1986: 402]. Это и значит, что личность человека пребывает в пространстве языка.

Утверждение, что функция обеспечения общения является безоговорочно главной (а то и единственной), подразумевает, что мысль рождается и оформляется без участия словесного языка. Он якобы задействуется только после того, как мысль уже готова; остается лишь облечь ее в вербальную форму и в этой форме довести ее до сведения партнеров по коммуникации. Это утверждение не согласуется с убедительно обоснованными выводами, полученными в рамках психологии речи ([Зимняя 2001], [Выготский 2014], [Рубинштейн 2015] и т.д.) и теории речевой деятельности ([Жинкин 1982], [Горелов 1987], [Залевская 2007] и др.). В трудах перечисленных ученых доказывается решающая роль словесного языка в возникновении и оформлении мысли.

В структуре **индивидуального** интеллекта в роли элементов фигурируют нейроны. Они объединены в нейронные сети; по ним движутся нервные импульсы, обеспечивая связь между нейронами. Обмен импульсами в

нейронной сети – своеобразная межнейронная коммуникация. Что касается **коллективного** разума, он организован сходным образом: в роли элементов фигурируют обладатели индивидуального разума, объединенные в социум с помощью систем (сетей) коммуникации. И в том, и в другом случае коммуникация (в первую очередь словесная) есть способ интеграции элементов в систему. Однако назначение словесного языка не ограничивается лишь этим. Он – средство обеспечения деятельности интеллекта. «Человеческий разум неотделим от функционирования знаков – а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков», – указал Ч.С. Моррис [2001: 45]. Словесный язык прежде всего обеспечивает зарождение мысли в голове субъекта (это его мыслеформирующая функция) и только потом – трансляцию созданной мысли партнерам (это его коммуникативная функция). Иначе нечего было бы передавать. «Без языка не было бы мышления, то есть понимания человеком действительности и себя в ней», – справедливо указал А.А. Реформатский [2007: 7].

Нельзя не согласиться с тем, что в социально- и культурно-историческом процессе «язык возникает из потребности ... общения с другими людьми» [Маркс 1955а: 29]. Однако следует учесть, что в ходе эволюции языка его значимость многократно увеличивается, и люди оказываются в языковом пространстве, развивая на его базе индивидуальный разум (личность) и коллективный разум (культуру)⁷.

Тот факт, что язык по своей значимости для людей выходит далеко за рамки выполнения коммуникативной функции, подчеркнул и Г.П. Федотов: «Язык не есть простое орудие, средство обмена мыслей [т.е. средство общения – *Е.С.*]. Язык – тончайшая плоть мысли, неотделимая от ее природы. И не мысли только, а целостного духа. Поэтому язык есть имя нации как особого духовно-кровного единства, создающего свою культуру, то есть царство идеальных ценностей» [Федотов 1998: 116]. Здесь подчеркнута роль языка как

---

⁷ О том, что культура, рассматриваемая в когнитивном ракурсе, представляет собой коллективный разум, см.: [Лотман 2000: 557-567].

средства консолидации людей в социокультурное сообщество, как орудия этногенеза и культурогенеза.

«Коммуникативный аспект речи преувеличен, – полагал Э. Сепир. – Изначально язык является звуковой реализацией тенденции рассматривать действительность символически; именно это свойство сделало его удобным средством общения» [Сепир 2001: 226]. Как видим, он считал, что коммуникативная функция языка вторична по отношению к функции отражения мира с помощью символов (знаков).

В рамках учения Тартуско-московской школы семиотики функция моделирования действительности позиционируется как не менее важная, нежели функция обеспечения общения: «Язык – не только коммуникативная, но и моделирующая система; вернее, обе эти функции неразрывно связаны» [Лотман 1998: 21]. Две названных функции состоят друг с другом в отношении логической эквиваленции: всякая моделирующая система представляет собой коммуникативную систему и наоборот. Если бы естественный язык не был средством моделирования окружающего мира, то он не был бы способен выступать в роли средства общения.

В трудах представителей Тартуско-московской школы этноязык именуется первичной моделирующей системой. Слово *первичная* подразумевает, что человеческая ментальность основывается в первую очередь на словесном языке, а остальные семиотические системы являются дополнительными по отношению к нему. Слово *моделирующая* подразумевает, что функция моделирования действительности относится к числу приоритетных наряду с коммуникативной.

Моделирование как способ познания и осмысления действительности используется во многих областях жизни и деятельности – в научных исследованиях, в художественном творчестве, в промышленности, в быту – и во всех сферах оно имеет свои особенности. В рамках нашей темы мы в первую очередь обращаемся к вопросу о моделировании действительности в естественном языке, запечатлевшем в себе многовековой опыт народа –

носителя данного языка. Этот опыт зафиксирован в языке в виде культурно-исторических наслоений разных эпох, которые в наше время сосуществуют в языке одновременно.

В порядке иллюстрации обратимся к английскому лексическому полю «Движение Солнца и Земли». В его состав входят тематические группы:

восход

sunup, sunrise, the Sun's ascension / ascent, Orient (от *лат.* oriens “встающий”)

закат

sundown, sunset, sunfall, the Sun's descension / descent / decline, west (от *индоевр.*

*we- “склоняться”, *avah “ниц”), Occident (от *лат.* occīdens “опускающийся”)

Во внутренней форме этих слов зафиксировано древнее непосредственное визуальное наблюдение: Солнце каждые сутки описывает вертикальный круг, облетая Землю. Ср. нем. Sonnenaufgang / Sonnenuntergang, франц. le lever / declin du soleil (букв. “подъем / спуск Солнца”), рус. *восход* (от *восходить*), *восток* (от *востекать*) / *закат* (от *закатываться*), *запад* (от *западать*), *солнце встает / садится* и т.п.

С упомянутым наблюдением не согласуются появившиеся в последующие эпохи наименования, подразумевающие вращение Земли вокруг Солнца: *земная орбита*, *афелий и перигелий Земли*, *гелиоцентризм* и др. Во внутренней форме этих наименований запечатлено представление, не являющееся результатом непосредственных наблюдений и состоящее в том, что не Солнце вращается вокруг Земли, а наоборот. Такие же наименования существуют и в других языках.

Приведем другую тематическую группу наименований:

the terrestrial circle (<*лат.* circus terrestris), ср. рус. *круг земной*

the Land's End (<*лат.* ultimus/ fines terrae), ср. рус. *край земли*

the Ocean River (<*древнегреч.* Ὠκεανός), ср. рус. *река Океанос*

the Mediterranean (<*лат.* mare Mediterrāneum), ср. рус. *Средиземное море*

rest on three whales (<*лат.* tres balaenae), ср. рус. *покоиться на трех китах*.

У этих названий внутренняя форма содержит архаичное мифическое представление о Земле как о суше в виде **плоского круга**, опирающегося на трех китов, омываемого со всех сторон циклической рекой Океанос и имеющего в центре внутреннее море, именуемое Средиземным (от *лат.* *medi-* “среди-”, *terrāneum* “земное”).

Но в английском языке имеются и более поздние наименования Земли, эквивалентные французскому обороту *globe terrestre*, немецкому *Erdkugel*, русскому *Земной шар* и т.п.:

the Globe (< *лат.* *globus* “шар” < *gleba* “глыба”)

the terrestrial sphere (< *древнегреч.* *σφαῖρα* [*sfēra*] “шар; мяч”)

the Earth Ball (< *германск.* *balluz “шар” < *индоевр.* **bhel-* “вздутие”)

поэт. the Great Blue Orb (< *старофранц.* *orbe* “ком; глыба; шар”)

поэт. a pebble in the sky (< *древнеангл.* *rapol* “галька” < *лат.* *rapula* “пузырь”).

Внутренняя форма этих названий передает идею **шарообразности** Земли.

Мы убеждаемся, что в семантических системах английского и ряда других языков совмещены альтернативные модели строения мира, созданные в разные периоды истории той культуры, которая образует средневропейский стандарт. Но и в культурах Востока есть представления о мире, в большей или меньшей степени сходные с европейскими – в частности, о трех слонах или же о трех черепахах, на которых стоит плоская Земля. Проведем аналогию. Свет звезд, расположенных на разных расстояниях от Земли, доходит до нашей планеты за разное время. Наблюдая небо в телескопы, астрономы одновременно видят разные эры развития Вселенной. Примерно так же лингвисты, вскрывая культурно-исторические слои семантики языка, находят реликты представлений об устройстве мира, имевшие место в разные культурные эпохи, и описывают историческое развитие картины мира.

Возвращаясь к вопросу о моделировании мира, отметим: трактовки сущности моделирования как метода исследования в той или иной мере различаются в разных областях познания. Однако у этих трактовок есть и нечто общее: моделирование позиционируется как разработка квазиобъекта (который

называется моделью), аналогичного исследуемому объекту (оригиналу), с целью выявить закономерности строения, развития и функционирования объекта (оригинала).

Аналогия (*древнегреч.* “пропорция”) – фундаментальное понятие теории моделирования. Это «сходство отношений между двумя предметами, ... которое основывается не на отдельных свойствах или частях этих предметов, а на взаимном отношении между свойствами или частями» (Г. Геффдинг; цит. по: [Штофф 2012: 138]). Существуют два вида аналогии: гомоморфизм и изоморфизм. Изоморфизм (*древнегреч.* “одинаковость форм”) – это тождество структур объекта и его модели, тогда как гомоморфизм (*древнегреч.* “подобие форм”) – это приблизительное их сходство.

Изоморфное соотношение сопоставляемых объектов – предельный случай соотношения гомоморфного. Понятие аналогии важно в первую очередь в тех случаях, когда объект и модель характеризуются неодинаковой природой – к примеру, участок внеязыковой реальности и его образ, созданный языковыми средствами. «Некоторую систему S^1 считают моделью объекта S^2 , если S^2 можно гомоморфно отобразить на S^1 ; ... модель считается тем более адекватной, чем ближе гомоморфное соответствие к изоморфному» (К. Берка, П. Новак; цит. по: [Штофф 2012: 24]).

По Г. Гегелю [1997], идеальная модель есть «субъективное бытие» вещи, а по М. Хайдеггеру [2003] – «виртуальное бытие» вещи. Такое бытие предстает в форме ментального образа, находящегося в другом локусе (а именно в духовном пространстве познающего субъекта) и в другой субстанции (а именно в нейронной субстанции мозга), но приблизительно в такой же форме, что и первоначальная вещь.

Модель **не** всесторонне отражает объект, и это не следствие недоработок ученых, а принципиально важная черта модели как инструмента познания. Исследователи абстрагируются от некоторых граней объекта, которые не значимы в плане решения поставленной задачи; таким способом выдвигаются в фокус внимания другие, действительно значимые грани объекта. Лишние

подробности только затемнили бы сущность оригинала, не позволяя вычленить из объекта предмет анализа. «Когда модель становится слишком “точной”, она теряет свой смысл, перестает быть моделью», – пояснил В.А. Штофф [2012: 26].

Так, например, моделируя тело человека, скульптор не раскрашивает статую; раскраска и остальные черты изображаемого объекта лишь мешают восприятию того единственного свойства, которое передает автор, а именно **форму** объекта, его конфигурацию, и не более того. Если бы скульптура имела расцветку либо, скажем, была одета в ткань, то перед нами предстал бы манекен, муляж, а не арт-объект.

Отвлечение от всего того, что не релевантно с позиций решаемой задачи, именуется термином *минимализм*. Минимализм – один из основополагающих принципов такого способа отражения действительности, как моделирование (и в науке, и в искусстве, и в языке). Моделирование – не «простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт» [Ленин 1969б: 152-153], а путь «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике» [там же: 330]. Отражение фрагментов реальности в ходе моделирования не является конечной целью. Оно отвечает практическим потребностям людей, характеризуется наличием прагматического аспекта. Модель репрезентирует объект с той или иной, значимой для субъекта точки зрения.

В качестве примера рассмотрим английское лексическое поле “Законный брак”, обращая внимание на происхождение слов (по данным этимологических словарей [ODE], [KED], БЭС): wedlock “женитьба” <древнеангл. wed “вступать в брак” + -lāc “обязательство” pledge / plight “обручаться / обручение” <индоевр. *dleg- “обязанность”, wed “вступать в брак” <древнеангл. weddian “гарантировать, клясться” и др. По нашим наблюдениям, все члены этого поля содержат в своих значениях сему “договоренность”, подчеркивающую официальный характер законного брака, отличающий его от свободных отношений между полами.

Отметим также, что в устойчивых словосочетаниях английского языка законный брак позиционируется как **неволя**: to get shackled / roped (ср. рус. *кого-л. заарканили*), to put one's head into the noose (ср. рус. *сунуть голову в петлю*), to get a ring in one's nose (ср. рус. *как бычок на веревочке*), to tie oneself up for life⁸, to be chained / to get a ball and chain⁹, to enlist¹⁰, to be harnessed (ср. рус. *кого-л. захомутали*).

Кроме того, брак изображается с иронией как **ловушка** (аркан, крючок, капкан, приманка) для мужчины: to get hooked / hitched / caught / grabbed / trapped / lassoed, to fall for the bait, to get on the hook (ср. рус. *попасться на крючок / в сети / в тенёты / на удочку / в силки; разг. заарканить мужика и т.п.*).

Идея сочетания браком как решительного, ответственного и даже иногда **рокового шага** в жизни людей закреплена во внутренней форме таких оборотов речи, как to take the plunge / the dive, to take a fatal / big step, to take the jump / a big leap (букв. “большой шаг, прыжок, скачок, нырок”).

Глагол *to marry* “вступить в брак” происходит от лат. *marītus* “муж” (букв. “ожененный, наделенный женщиной” от *индоевр. *mari-* “молодка”). Здесь фигурирует патриархальный образ **обладания** женой как личной собственностью.

Далее, супруги должны **подходить** друг другу по социокультурным, физическим и личностным показателям. Это отражено в единицах английского языка, относящихся к тематической области “Законный брак”: глагол *to match* означает “подбирать / подгонять / подходить под пару” и “сватать; женить / выдавать замуж; сочетаться браком”; имя существительное *match* означает “соответствие, ровня, подобранная пара” и “брак; супружеская чета”; устойчивый оборот *to make a match* означает “образовать пару подходящих друг другу предметов” и “вступить в брак”; устойчивый оборот *to be a good*

⁸ Букв. “связать себя узами (брака) на всю жизнь”.

⁹ Имеется в виду пушечное ядро, которое в старину приковывалось цепью к ноге каторжника с целью предотвратить побег; здесь брак изображается как каторга.

¹⁰ Букв. “попасть в рекруты”; здесь брак уподобляется воинской повинности.

match (for smb.) означает “подходить, годиться (для кого-л.)” и “составить хорошую партию (для кого-л.)”; имя существительное pair означает “пара предметов, составляющих комплект (a pair of shoes)” и “супружеская пара” (wedded / conjugal pair); в этом же значении употребляется и (married) couple.

Так выглядит, согласно представлениям носителей англоязычной лингвокультуры, традиционный, патриархальный социокультурный канон института брака. Это наглядно подтверждает, что естественный язык представляет собой моделирующую систему: ведь модель, во-первых, отражает свой объект, а во-вторых, задает те или иные образцы поведения по отношению к данному объекту.

Суждения о браке, которые миллионы раз повторялись в речи носителей лингвокультуры, «выкристаллизовались» и закрепились в языке. Таким путем мегасинтагма речи с течением времени конденсируется и способствует формированию мегапарадигмы языка. Язык (вернее, лингвокультура) в течение жизни поколений сохраняет внутри себя разработанную коллективными усилиями членов этноса модель действительности. Данный вопрос освещается в нижеследующем разделе.

§2. Проблема кумулятивной функции языка

С функцией моделирования реальности неразрывно связана кумулятивная функция (<лат. simulāre “собирать, копить”). По поводу этой функции ученые до сих пор ведут активную полемику. Наша точка зрения по этому вопросу излагается ниже.

Вышеназванная функция языка получила следующую дефиницию: «фиксация и сохранение в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности» [Верецагин 1980: 7]. Обычно при этом отмечается, что «язык в этой функции выступает связующим звеном между поколениями, хранилищем и средством передачи внеязыкового коллективного опыта» [Чистюхин 2014: 108].

Следует указать на способы, с помощью которых итоги познания окружающего мира сохраняются и транслируются следующим поколениям с помощью этноязыка. Ниже приводится другая дефиниция этой функции языка: «накопление и сохранение информации в словарном составе языка и текстах» [СЛТ]. Но тексты представляют собой произведения речи, а не единицы языка. Кумуляция знаний в текстах – это функция речи, а не системы языка. В нашей работе мы заостряем внимание на накоплении и хранении знаний о мире не в речи, а в **системе** языка.

В лингвистических трудах описание этой функции языка в ряде случаев имеет декларативный характер; не указывается, **как** она выполняется языком. Обратимся к рассмотрению способов выполнения кумулятивной функции средствами языка.

1. Накопление и передача знаний о мире **прямо** осуществляется с помощью **пословиц**¹¹. В них запечатлен житейский опыт нации, транслируемый из одного поколения в другое. Так, английская пословица *There is no use crying over spilt milk* (букв. “Что толку лить слёзы над пролитым молоком”); ср. рус. *Снявши голову, по волосам не плачут*) содержит совет избегать того, что именуется «бесполезными и непродуктивными ментальными процессами» [Минский 1988: 281] – ведь они приводят к ненужной трате душевных сил и нервной энергии. С помощью вышеприведенных пословиц рекомендуется подавлять в себе досаду и сожаление о том, что безвозвратно потеряно. Такие рекомендации составляют часть житейского опыта народа и служат людям своего рода «нитью Ариадны» в сложном лабиринте жизни.

2. Оценка явлений бытия выражается **опосредованно** во **фразеологизмах**. Так, например, выяснив ролевой расклад типовой ситуации, отображенной в значении фразеологизма *to carry coals to Newcastle* (букв. “возить уголь в Ньюкасл”), и предугадав ее исход, реципиент делает

---

¹¹ Пословицы обладают языковой устойчивостью и, в отличие от афоризмов и крылатых слов, считаются единицами системы языка, а не стихии речи, несмотря на наличие текстовых свойств.

умозаключение: нецелесообразно доставлять ценность туда, где она и без того имеется в достаточном количестве. Этот фразеологизм, как и предыдущий, содержит в себе и передает из поколения в поколение житейскую истину, хотя, в отличие от пословиц, рекомендация избегать опрометчивых поступков здесь только подразумевается, а не выражается прямо.

3. Семантические единицы, возникшие в ходе развития культуры народа и называемые лексическими понятиями¹², закреплены в значениях слов и усваиваются каждым новым поколением.

Так, например, англосаксы в онтогенезе речи интериоризуют такие слова, как *jealous* “ревнивый” и *jealousy* “ревность”, в совокупности сигнификативной и эмотивно-оценочной граней их лексических значений, усваивают денотируемый этими словами культурный феномен и впоследствии вырабатывают в себе то отношение к ревности, которое предписывается английской культурой посредством английского языка, в отличие от тех культур, в которых не существует ревности и, соответственно, ее вербального выражения (к примеру, в культуре мосо – этноса, живущего на территории Тибета и Китая [Грачева 2016: 125-148]).

Как указала К. Хорни, в онтогенезе психического и речевого развития человеческая личность, будучи продуктом социальных и культурных процессов, воспринимает и интериоризует то аксиологическое отношение к феноменам бытия, которое навязывается ему коллективом [Хорни 2016: 181-186]. Например, человек переживает чувство ревности только в тех случаях, если в этнокультуре, к которой он принадлежит, существует такое явление, как ревность. Личность человека «запрограммирована» социумом и культурой во всем, включая эмоции; в роли орудия программирования (то есть в роли кода) выступает этноязык.

---

¹² «Под лексическими понятиями ... имеются в виду бытовые, обиходные понятия» [Верещагин 2014: 37], содержащиеся в значениях слов обыденного языка, в отличие от логических понятий, содержащихся в терминах.

4) Понимание сущности денотата может содержаться во **внутренней форме** единиц языка. Внутренние формы названий высвечивают разные грани денотата. В качестве примера рассмотрим языковые средства обозначения застенчивости.

Во внутренней форме английского существительного *self-consciousness* (букв. “осознание себя”) зафиксировано народное представление о причине возникновения этого личностного свойства – представление, согласно которому застенчивость является результатом гипертрофированной ауторефлексии (это житейское наблюдение в наше время получило научное подтверждение в рамках психологии личности [Зимбардо 2005]). Что касается русского слова *застенчивость* (от устар. *застенок* “задняя комната”), его внутренняя форма указывает не на причину, а на одно из проявлений этого свойства – некоммуникабельность.

Далее, во внутренней форме термина *социофобия* (< лат. *socium* “общество”+ древнегреч. φόβος “страх”) отражено другое проявление этого феномена – боязнь коллектива. Англ. *shyness*, франц. *timidité*, нем. *Schüchternheit* восходят к словам, обозначающим робость, пугливость. Внутренние формы русских слов *стеснительность*, *конфузливость*, англ. и франц. *confusion* (от лат. *confusio* “путаница”) указывают еще на одно проявление этого свойства – замешательство, препятствующее общению. В своей совокупности внутренние формы названий дают объемную, многостороннюю характеристику денотата, которая фиксируется в языках в ходе выполнения кумулятивной функции и передается из поколения в поколение.

В ряде случаев внутренняя форма единиц языка реализует кумулятивную функцию не на уровне отдельных слов, а на уровне целых лексико-фразеологических полей. Например, английское лексико-фразеологическое поле “Суточный цикл” выступает как совокупная внутренняя форма тематической области “Цикл жизни”: рассвет – младенчество, утро – детство, полдень – середина жизни, послеполуденное время – зрелые годы, вечер –

пожилой возраст, приближение ночи – старость: «*На заре туманной юности*» (А.В. Кольцов). «*А полуденный возраст – всегда для души маета*» (Л.И. Даничкина). «*Безумец! на закате дней // Он вздумал быть ее супругом*» (А.С. Пушкин). Здесь тоже возрасты уподоблены частям суток.

Кроме того, возрастные периоды уподобляются сезонам года: весна – молодость, лето – середина жизни, осень – пожилой возраст, зима – приближение к концу жизни: «*Где ж вы, мои весенние года*» (М.Л. Анчаров). «*Лето жизни, как солнце в зените*» (Н.А. Исаева). «*Желтый цвет – самый модный в осеннем возрасте*» (Ф.Д. Кривин). «*Зима моей жизни ещё не пришла*» (А.А. Сажин).

Три цикла – суточный, годовой, жизненный – гомоморфны. На гомоморфизме основана метафора. По А.Ф. Лосеву [2001], в метафоре образ и тема симметричны, т.е. они способны служить моделями друг друга. В частности, каждый из вышеперечисленных циклов может моделировать два других. Так, в рамках английской лингвокультуры день и год метафорически уподобляются человеку (или животному) по признакам рождения и смерти:

At the crack of dawn // A new day is born, // Like a little fawn (M. Krishnan. *A New Day Is Born* 2018) – «С рассветом рождается новый день, // Как маленький оленёнок».

The golden day is dying // Beyond the purple hill, // And when the wood is dark, // The nightingale will sing (R. Wood. *The Golden Day* 2006) – «Золотой день умирает за багряным холмом, // И когда в лесу стемнеет, запоёт соловей».

The old year dies, the new is born; // Grant, Lord, in us as well, // The old and sinful self may die, // The new thy praises swell (F. Marvin. *The New Year: a Hymn* 2014) – «*Старый год умирает, рождается новый; // Даруй нам, Господь, // Чтобы наше старое грешное естество умерло, // А новое чтобы возносило Тебе хвалу*».

Времена года уподобляются частям суток:

“*The Morning of the Year*” (букв. “утро года, весна”) – название балета Г. Холста. *Fourth of July, High Noon of the Year* (New York Times, July 3, 2011).

Life’s morning-glory who shall bind? It is the evening of the year (M. Blind).

Ср. рус.: «Улыбкой ясною природа // Сквозь сон встречает утро года» (А.С. Пушкин). «Полдень года, июль! Полдень лета, зенит (Т.А. Ситникова). «Цветная осень – вечер года – // Мне улыбается светло» (С.Я. Маршак).

Кроме того, годовой и суточный циклы могут символизировать целую эпоху: *le printemps de la Renaissance* “весна Ренессанса” (название выставки в Лувре, 2013); *полдень, XXII век* (А.Н. и Б.Н. Стругацкие), *закат Европы* (О. Шпенглер) и т.п. Этот архетип входит в коллективное сознание многих народов.

5) Особенности лексического значения слова можно выявлять, принимая во внимание его семантические связи с другими членами **словообразовательного гнезда**. Например, английское слово *meaning* “значение” является однокоренным с глаголом *to mean* “хотеть сказать; намереваться; иметь в виду”. Данная семантическая связь свойственна именно английскому языку. Высказывалось утверждение [Блинов 2006: 266-267], что Г.П. Грайс и Дж. Р. Серль разработали свою интенциональную семантику, учитывая эту специфику английского существительного *meaning*. Название статьи “*Meaning*” [Grice 1957: 377-388] не вполне верно было бы перевести на русский язык просто как «Значение»¹³. Дело в том, что при этом была бы утеряна «изюминка» данной статьи. В названии “*Meaning*” оказались совмещены все вышеприведенные значения этой лексемы. По существу, в спектре значений английского слова *meaning* заключена целая теория природы значения слова.

б) Взаимосвязь между понятиями обнаруживается в семантических структурах слов. Наблюдаются различия в членении действительности представителями разных народов – различия, зафиксированные в семантике этноязыков, транслируемые следующим поколениям и интериоризируемые в онтогенезе речи. В итоге этносы формируют неодинаковые картины мира.

---

¹³ В интенциональной семантике «смысл высказывания объясняется с точки зрения психического состояния, в которое данное высказывание призвано ввести слушателей» [Schiffer 1982: 124].

Рассмотрим пример такого рода. В спектре значений английского имени существительного *present* имеются такие значения, как “подарок” и “настоящее (время)”. Это позволяет обнаружить связь между ними и провести соответствующую параллель, которая зиждется на наличии общей семы “нечто представленное / явленное / предоставленное (субъекту)”. На этой параллели основан афоризм, приведенный в сборнике *Joan Rivers Quotes* и содержащий житейскую истину: “Today is the gift of God; which is why we call it the present” («Сегодняшний день – дар божий; вот почему мы называем его the present – (1) “подарок”; (2) “настоящее время”). Что касается русского языка, в нем эти понятия не относятся к семантической структуре одного и того же слова; поэтому русские не ассоциируют их друг с другом. Можно убедиться, что ассоциирование понятий в спектрах значений слов представляет собой способ фиксации знаний о мире в этническом языке.

7) Модель денотата зачастую имплицитно содержится в лексической сочетаемости. Сознание людей нередко постигает сущность абстрактного понятия сквозь призму материально-предметного образа, гомоморфного ему. Сколь бы разными ни были по своей природе материальные предметы и абстрактные понятия, они обладают структурным подобием; это используется людьми в процессе когниции.

«Даже устремляясь к абстракции, – отметил С. Лем, – «люди» не способны примириться с утратой наглядности, и изложение, лишённое подпорок крепкой, дородной чувственности, полное формул, говорящих о камне больше, чем скажет вам камень увиденный, испробованный на вкус и на ощупь, – такое изложение ... оставляет чувство неудовлетворенности; занимаясь крайне отвлеченными построениями, «люди» ... ищут опору в чем-то вещественном» [Лем 2010: 142]. Например: «Слово *хлопоты* я представлял себе так: человек бежит из угла в угол, взмахивает руками, кричит и, нагибаясь, тычется носом в стулья, окна и столы» [Аверченко 1991: 5].

Эксплицитная внутренняя форма слова выражена его словообразовательной структурой и морфемным составом, а его имплицитная внутренняя форма устанавливается исходя из спектра его сочетаемости.

8) Семантическая система всякого этноязыка может рассматриваться как «сетка», которая набрасывается на окружающую действительность. Членение действительности, характерное для родного языка, интериоризуется в онтогенезе речи поколениями представителей лингвокультуры. Так, между английскими и русскими названиями частей суток нет взаимно-однозначного соответствия (изоморфизма): англ. *morning* не во всех случаях соответствует русскому утро, а англ. *night* не всегда соответствует русскому ночь. Ангlosаксы практикуют «двухъярусное» членение суток: часовое (*morning – afternoon – evening*) и световое (*day – night*), а русские осуществляют «однойрусное» членение суток (утро – день – вечер – ночь). Эти отрезки суток не совпадают друг с другом.

Межъязыковые различия в категоризации мира подчеркнул В.В. Набоков: «Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, ... переливчатые оттенки природы, всё нежно-человеческое ..., а также всё мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между понятиями, а также всё, относящееся к технике, моде, спорту, естественным наукам ... – становится по-русски топорным, многословным. Эта невязка отражает основную разницу в историческом плане между зеленым русским литературным языком и зрелым ... языком английским» (Набоков 1997: 386).

Задолго до этого отражение менталитета народа в его языке отметил поэт: «Язык есть исповедь народа, // В нем слышится его природа, // Его душа и быт родной» (Вяземский 1999: 337).

Утверждение о том, что ребенок получает сведения о действительности из языка, который он постигает в онтогенезе речи, заставляет задать резонный

вопрос: каким образом, осваивая единицы и формы словесного языка, ребенок приобретает экстралингвистические знания?

На этот вопрос имеется простой ответ. Невзирая на его очевидность, он почему-то редко встречается в научных публикациях. В действительности ребенок обретает знания о действительности не **из** самого языка, а одновременно и параллельно с ним в пространстве лингвокультуры.

В онтогенезе ребенок получает информацию об окружающей действительности по разным каналам и из разных источников. Например, в период внутриутробного развития пренейт наследует генетическим путем когнитивные программы (см.: [Хомский 2018], [Артемьева 2007], [Меркулов 2019]). «Частично врожденными считаются отдельные структуры логико-вербального мышления, элементарные математические структуры, когнитивные механизмы выявления причинно-следственных отношений ... Человек обладает также арсеналом врожденных мыслительных стратегий – эвристик, алгоритмов, способов абстрагирования и выведения следствий, механизмов научения языку» [Меркулов 2019: 2]. В послеродовой период младенец усваивает сведения прямо из окружающего мира через сенсорные каналы (используя первую сигнальную систему). Позже знания о мире внедряются в его формирующееся сознание через слова.

Таким образом, можно сделать вывод, что ребенок получает информацию о реальном мире **не** из вербального языка как такового, а черпает её из культуры: содержание социума и культуры реализуется в единицах и формах языка. Язык **не** «содержит в себе» обретаемые знания; он только оформляет их присущим ему способом.

§ 3. Научная и «наивная» картины мира в языке

Ещё одним вопросом, требующим детального рассмотрения, является проблема точного определения понятия «картина мира». Согласно Г. Герцу, немецкому исследователю, введшему в научный обиход наименование *Weltbild*

(русская калька *картина мира*), оно означает «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения о поведении этих предметов. Внутренние образы, или символы, внешних предметов, создаваемые исследователями, должны быть такими, чтобы логически необходимые следствия этих представлений были образами естественно необходимых следствий отображенных предметов» [Герц 1973: 208]. В представленной интерпретации картины мира содержится идея: изучение образа предмета призвано предоставлять сведения о самом этом предмете. Как отмечалось выше (в §1), это основное свойство модели. Г. Герц под картиной мира подразумевал его модель.

Ныне фундаментом картины мира является совокупность сенсорных образов (элементов первой сигнальной системы), попадающих в сознание по каналам чувственного восприятия. Но необходимо принять во внимание отличие людей от их животных предков – люди могут дополнять свои ощущения рациональными суждениями, могут структурировать полученные данные и формировать целостное представление о мире. Это в свое время отметил А. Эйнштейн: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимается художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину ... человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головокружительном круговороте собственной жизни» [Эйнштейн 2013: 40].

Мы полагаем, что нынешнее понимание термина *картина мира* хорошо выражено в приводимой ниже философской интерпретации: это «сложившаяся на конкретном этапе развития человечества совокупность представлений о структуре окружающей человека действительности, способах ее функционирования и развития. Картина мира формируется, с одной стороны,

как составная часть мировоззрения, а с другой стороны, на основе исходных мировоззренческих принципов, и интегрирующая знания и опыт, накопленные человечеством» [Волков 2015: 64].

«Считается, что всё нормативное поведение группы или общности – это функция этнической картины мира» [Картина мира этническая 2000]. Отсюда можно вывести различие между понятием “мировоззрение” и понятием “картина мира”: картина мира – это собственно когнитивный аспект мировоззрения, но существует и другой аспект – аксиологический: это отношение человека к миру и совокупность идейных установок. Означенными принципами определяется специфика картины мира. С их учетом разграничиваются различные картины мира: обыденная, мифологическая, религиозная, идеологическая, научно-техническая, культурная, эстетическая, языковая и ряд других.

И.Е. Андреева [2006: 7], С.Г. Тер-Минасова [2000: 41], А.Ш. Шарипов [2015: 195], А.Е. Щербинина [2009: 224] и ряд других лингвистов постулируют существование **реальной** картины мира. В частности, С.Г. Тер-Минасова пояснила это понятие так: «Реальная картина мира – это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека. Культурная (понятийная) картина мира – это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное» [Тер-Минасова 2000: 41].

В этом противопоставлении мы усматриваем противоречие. По нашему мнению, сказать, что картина мира представляет собой мир – это всё равно что сказать, что портрет представляет собой человека. Картина *per definitionem* является не объектом, а отражением объекта.

Говоря о понятийной картине мира, следует различать две ее разновидности: состоящую из научных понятий и состоящую из обыденных понятий.

Обращаясь к вопросу о культурной картине мира, следует принять во внимание, что, согласно выводам, полученным в рамках лингвоконцептологии, она создается из лингвокультурных концептов, а не из логических понятий; концепты отличаются от понятий целым рядом существенных свойств. Культурная картина мира не должна отождествляться с понятийной.

В наше время наблюдаются большие достижения в характеристике картин мира, рожденных многочисленными этносами. Неоценимая заслуга на этом поприще принадлежит таким российским и иностранным исследователям, как Е.С. Кубрякова, Ю.Д. Апресян, С.Г. Тер-Минасова, В.И. Постовалова, Р. Ладо, Дж. Лакофф, А. Вежбицкая, К. Годдард и др. Однако разница в методах, подходах и когнитивных установках привела к расхождениям в осмыслении многих терминов, относящихся к картине мира. Укажем некоторые из них.

С.Г. Тер-Минасова, судя по вышеприведенной цитате [Тер-Минасова 2000: 41], отождествляет понятийную и культурную картины мира.

Б.И. Кононенко склонен приравнивать друг к другу культурную и аксиологическую картины мира [Кононенко 2003: 246].

Т.Ф. Кузнецова считает, что культурная картина мира имеет главным образом мифический и художественный характер [Кузнецова 2009: 66].

Те исследователи, которые считают синонимами термины *понятийный* и *концептуальный*, отождествляют понятийную и концептуальную картины мира (так принято поступать в логике)¹⁴, а те ученые, которые разграничивают понятие и концепт, выделяют две неодинаковые картины мира – понятийную и концептуальную (так принято поступать в лингвокультурологии)¹⁵.

Кроме того, пока не выработано общего мнения о том, что целесообразно называть **когнитивной** картиной мира. Дело в том, что **любая** картина мира

¹⁴ В логике «концепт – «это» содержание понятия ... Между языковыми выражениями и ... денотатами ... имеются еще абстрактные объекты – концепты (сигнификаты)» [Горский 1991: 80].

¹⁵ «Одним из существенных признаков концепта, по которому он отличается от понятия, является наличие ассоциативно-образного слоя» [Хайруллина 2017: 160].

включает итоги познания реальности, а следовательно, может именоваться когнитивной.

Больше всего неясностей обнаруживается по поводу того, что́ следует называть **языковой** картиной мира. Ученые не сходятся во мнениях по этому вопросу.

Так, Е.С. Кубрякова квалифицировала языковую картину мира как «ту часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковые формы» [Кубрякова 2003: 3]. Не вполне ясно, что́ имеется в виду под «привязкой» к языку и «преломлением» через языковые формы. Судя по всему, под этим подразумевается передача концептов средствами **внутренней формы** знаков – например, изображение бабочки как «масляной летуны» во внутренней форме существительного *butterfly*¹⁶.

Эту позицию занимал и Г.А. Брутян: «В сложном процессе моделирования объективной действительности в сознании номинатора присутствуют две ее картины – концептуальная (логическая) и словесная (языковая)» [Брутян 1972: 235]. Однако ввиду того, что логическая картина мира содержится в значениях лексических единиц, придется считать, что языковая картина мира содержится не в значениях языковых единиц, а лишь в их внутренней форме.

Но, на наш взгляд, языковая картина мира заключена и в значениях единиц языка, и прежде всего в тех, которые содержат понятия, относящиеся к обыденному (а не научному) мышлению. Этот взгляд разделяет и В.А. Маслова: «Языковая картина мира может быть определена как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» [Маслова 1997: 65]. (Детальнее об этом см. ниже в § 4 Главы I.).

---

¹⁶ “*Fly* originally meant “(any) flying creature”. The origin of *butterfly* is based on the old belief that witches disguised as butterflies consume butter and milk left uncovered, or butterflies are so called because the pale yellow color of many species’ wings suggests the color of butter” [OED] (*fly* изначально обозначало любое летающее существо. Происхождение слова *butterfly* основано на старинном поверье, согласно которому ведьмы в обличье бабочек слетаются на масло, либо на том факте, что у многих видов бабочек бледно-желтый цвет крыльев напоминает сливочное масло).

Многие исследователи придерживаются мнения, которое высказал Н.Ф. Алефиренко: «Действительность в сознании современного человека отражается двойко – концептуально и вербально» [Алефиренко 2011: 11]. Ряд ученых стоит на позиции Г.А. Брутяна, полагавшего, что «концептуальная модель мира является инвариантом для всех людей и не зависит от языка, на котором люди мыслят и общаются. Языковая модель варьирует от языка к языку» [Брутян 1972: 235]. Это надо понимать так, что совокупность концептов едина для всего человечества.

Употребляя термин «концептуальная», в данном случае Г.А. Брутян имел в виду понятийную модель. Мы не склонны согласиться с утверждением о ее универсальности. Вероятно, идея глобального универсализма и общечеловеческой природы понятийной системы проистекает из того факта, что в контексте происходящей в современном мире глобализации получила распространение система понятий, которая входит в среднеевропейский стандарт. Но этот стандарт всё же не является общечеловеческим.

Упомянутая система понятий сформировалась в ходе интеграции культур европейских стран и образования гиперэтнической западной культуры. Однако ею отнюдь не ограничивается гигантское множество понятий, созданных человечеством в ходе эволюции разума. Этот факт наглядно продемонстрирован специалистами в области межкультурной коммуникации, описавшими безэквивалентную лексику многих языков. Они создали длинные перечни слов, выражающих культурно уникальные (эндемические) понятия. Ниже приводится ряд примеров понятий-эндемиков, входящих в различные лингвокультуры (Рязанова 2020; Esquire 2019; Neyo 2011). Такого рода понятия, означиваемые с помощью безэквивалентной лексики, не являются частью среднеевропейского стандарта.

слово	язык	значение
ya'aburnee	арабский	“надежда не дожить до кончины близкого человека”
wabi-sabi	японский	“умение ценить утонченную красоту развалин и

		ветоши”
mwambe	кикамба	“приворотный обряд: девушка похищает у юноши мотыгу”
yutta-heye	чероки	“доблестная и желанная смерть во цвете лет”
oka	ндонга	“негативные физиологические последствия того, что человек объелся головастиками, не дождавшись сезона дождей”

Обыденное сознание и сознание научное осмысливают один и тот же денотат по-разному. Приведем пример: наивное массовое сознание осмысливает звёзды как крохотные мерцающие точки в ночном небе, а сознание научное репрезентирует звёзды как колоссальные массивы вещества, в недрах которых беспрестанно протекает термоядерная реакция трансмутации водорода в гелий. Помимо вышеупомянутых, в английскую лингвокультуру входят **мифопоэтические** представления о том, что такое звёзды, например:

The stars are mansions built by Nature’s hand,	Звёзды – чертоги, созданные рукою Природы,
And, haply, there the spirits of the blest	И, быть может, там обитают души блаженных,
Dwell, clothed in radiance, their immortal vest	Облаченные в сияние – их нетленный покров
(Wordsworth 2004)	(подстрочник)

Наблюдения показывают, что среднестатистический цивилизованный человек в наше время характеризуется наличием когнитивной бифуркации (раздвоения) сознания: в обыденной обстановке он мыслит звёзды приблизительно так же, как и его пращур, а в контексте научной теории он представляет их так, как ему разъяснил школьный учитель на занятиях по физике и астрономии.

Как ни странно, в его сознании эти весьма различающиеся представления уживаются друг с другом достаточно гармонично (к когнитивному диссонансу они обычно не приводят). Познающий субъект в наши дни понимает всю наивность обыденного видения мира, однако в бытовой обстановке ему гораздо

удобнее исходить из традиционного, чем из научно-теоретического взгляда на окружающую действительность. В сознании субъекта обыденная и теоретическая картины мира не рассогласованы, а состоят в отношении взаимной дополнителности, находясь, соответственно, на феноменальном (поверхностном) и ноуменальном (глубинном, сущностном) уровнях познания мира.

Как и в предыдущем примере, два понимания того, что такое звезда – житейско-обыденное и научно-теоретическое понимание – приведены в одной и той же статье словаря [CED] в качестве лексических значений английского слова *star*: (1) “a fixed luminous point in the night sky” (неподвижная светящаяся точка на ночном небе); (2) “a huge outer-space agglomerate of hot gases, mostly hydrogen and helium, radiating thermonuclear energy” (гигантское космическое скопление раскаленных газов, преимущественно водорода и гелия, излучающее термоядерную энергию).

В других толковых словарях они слиты в единое синкретическое обыденно- научное значение: *star* – “a very large ball of burning gas in outer space that is usually seen from the earth as a point of light in the sky at night” [MWD] (колоссальных размеров шар раскаленного газа в космическом пространстве, обычно видимый с Земли ночью как светящаяся точка в небе). В приведенном определении указан характер взаимосвязи ноуменального (сущностного) и феноменального (поверхностного) представлений о денотате; указание содержится в обороте *usually seen* (обычно видимый). Феноменальное представление отображает то, как денотат видится субъекту в непосредственном зрительном восприятии, а ноуменальное представление является отображением того, чем является денотат в реальной действительности.

Например, мы видим в небе и называем солнцем ярко светящийся диск (феноменальное, поверхностное представление); при этом мы осведомлены, что на самом деле это гравитационно-связанная гигантская масса водорода, непрерывно превращающегося в гелий вследствие незатухающей термоядерной

реакции (ноуменальное, глубинное представление). На пути к истине теоретическая наука поэтапно заменяет очевидные сенсорные представления о мироустройстве всё более новыми, более соответствующими действительному положению дел.

Иногда предшествующие и последующие представления удачно координируются друг с другом. Приведем пример. В течение длительного времени англосаксы были осведомлены лишь о внешних симптомах заболевания, названного ими *jaundice* (желтуха) по внешне заметному признаку, а именно пожелтению кожи и наружной оболочки глаз (*jaundice* <франц. *jaune* “желтый”). С течением времени медицинские изыскания дали возможность установить внутреннюю сущность этого явления, состоящую в том, что данный недуг есть не что иное как воспаление печени. Ему было дано наименование *hepatitis* (<лат. *hepatis* “пече-ни”; *-itis* “воспаление”), а словом, *jaundice* с тех пор именуется одно из проявлений данного недуга. Познание прошло путь от явления к его сущности. В приведенном примере обыденное и научное представления согласуются друг с другом.

Но бывают случаи рассогласования этих представлений. Например, ботаническое представление о грибах *grebe fungus* (рус. поганка) противоречит английскому народному поверью, представляющему эти объекты как жабий сыр (*toad-cheese*), жабые сиденье (*toad-stool*), жабые мясо¹⁷.

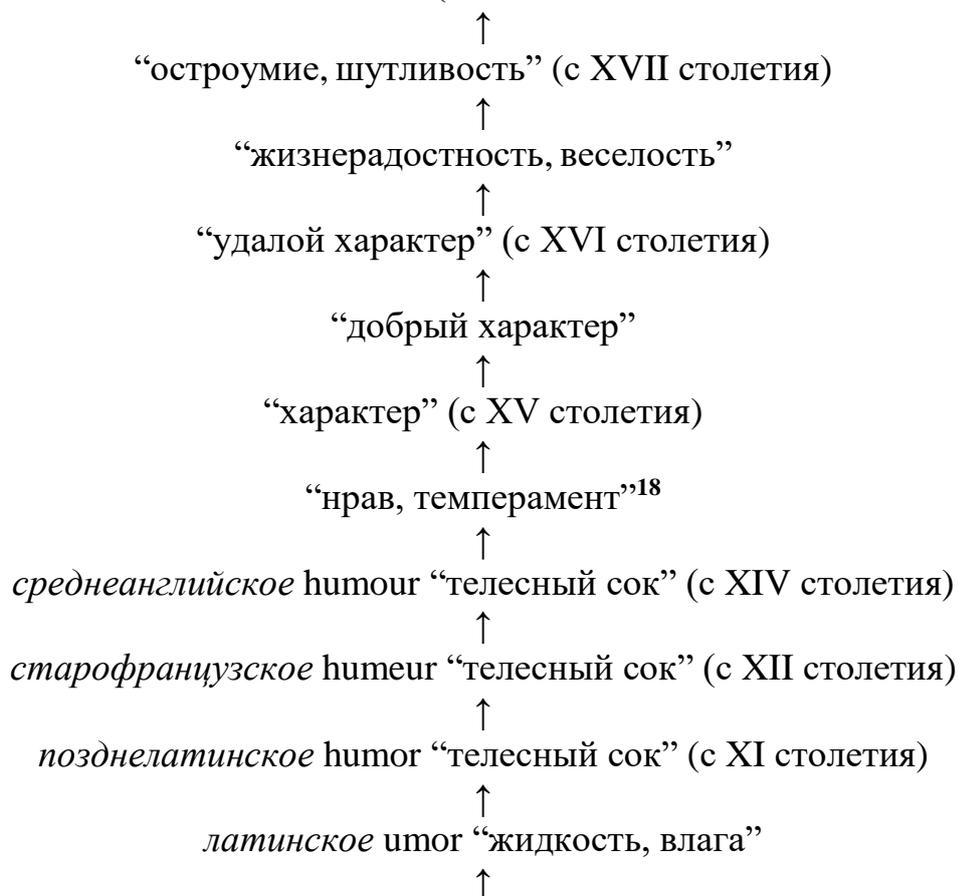
Вышеприведенные примеры демонстрируют несовпадение нынешних представлений о денотатах, содержащихся в значениях слов, и более ранних представлений, зафиксированных во внутренней форме названий. Это несовпадение позволяет проследить развитие взглядов на окружающую действительность. Но такого рода несовпадения, как правило, не являются помехой для верного понимания явлений бытия.

---

¹⁷ “Toads were regarded as poisonous, and these words are restricted to poisonous or inedible fungi” [OED] (жабы считались ядовитыми, и эти слова относятся к ядовитым и несъедобным грибам).

Вопреки декларациям радикальных приверженцев гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа, давние представления о реальности в настоящее время не трактуются буквально; превращаясь во внутреннюю форму единиц языка, они воспринимаются как условность, хотя в прежние времена они, надо полагать, осмысливались буквально. Как отметил М.М. Маковский в своем предисловии к словарю [ССМ], семантика лексемы предстает в диахронии в виде вертикали культурно-исторических смысловых наслоений. В порядке иллюстрации ниже приводится эволюция спектра значений английского слова *humour* (по данным словарей [ODE], [KED], [OED]). Культурно-историческая вертикаль смысловых наслоений имени существительного *humour*, в которой отражена эволюция его семантической структуры, имеет следующий вид (см. ниже рис. 1).

“Юмор” в нынешнем понимании (с конца XVIII столетия по наше время)

¹⁸ Переход от жидкости к темпераменту основан на том, что, по учению Авиценны, преобладание в теле того или иного «сока» определяет тип темперамента: *sanguis* (“кровь”) – сангвинический, *phlegma* (“лимфа”) – флегматический, *chole* (“желчь”) – холерический, *melanchole* (“черная желчь”) – меланхолический [Саидумаров 2014: 139-141].

индоевропейское *wegw- “влажность, сырость”

Рис. 1. Эволюция семантической структуры английского слова *humour*

Эта вертикаль дает возможность убедиться: для любого дальнейшего значения предыдущее значение выполняет роль внутренней формы. Все предшествующие значения в той или иной мере участвовали в формировании дальнейших значений. Субъект когниции доходит до определенной стадии эволюции семантической структуры слова. У разных субъектов это бывает по-разному. В качестве примера рассмотрим семантическую структуру (спектр значений) английского имени существительного *gravity* (<лат. *gravis* “тяжелый” < индоевр. *gwere “тяжелый”).

Те субъекты, которые могут мыслить лишь в пределах обыденного сознания, воспринимают слово *gravity* на исходной стадии развития его семантической структуры – как физическое ощущение тяжести. Те, кто имеет образование в объеме средней школы, понимают под этим словом силу притяжения, объясняемую ньютоновским законом всемирного тяготения. Те, кто имеет представление о релятивистской физике на уровне высшего естественнонаучного образования, осмысливают *gravity* как кривизну пространства-времени, объясняемую теорией относительности.

Мы убеждаемся, что слово может одновременно реализовать в речи разные пласты своей исторической эволюции. То, что для одних носителей языка является лексическим значением, для других носителей языка является внутренней формой дальнейшего значения слова.

Ю.М. Лотман отметил: «Наука и искусство – это как бы два глаза человеческой культуры. Именно их различие (и равноправие) создают объёмность нашего знания» [Лотман 1998: 400]. Они представляют этот мир с двух разных, но скоординированных точек зрения, а именно понятийной (логической, рациональной) и образной (точнее, мифопоэтической), обеспечивая тем самым «стереоскопическое» видение действительности.

На базе терминологических систем создается понятийное видение, а на базе изобразительно-выразительных средств бытового и поэтического языка (тропов) формируется мифопоэтический (образный) взгляд на окружающий мир. Терминологические системы моделируют действительность посредством сетки точных логических понятий, которая накладывается на определенную предметную область. Тропы, входящие во вторичные моделирующие системы (художественные языки), моделируют действительность образными, а не логико-понятийными средствами. При этом языковое мышление как бы «движется по тропинкам» картины мира, которая сформирована образами, кодифицированными в данной этнокультуре. Представления о сущности явлений, основанные на образности, могут интерпретироваться буквально (в рамках мифологического сознания) или же как художественная условность (в рамках цивилизованного сознания), но в любом случае образное отражение мира имеет ярко выраженную специфику по сравнению с понятийным.

Сопоставим научно-логический и культурно-мифологический взгляды на явления бытия. Ниже приводятся три примера; в каждом из них две картины одного и того же феномена тождественны денотативно (по описываемой области действительности), но не тождественны сигнификативно (по презентации этого феномена):

картины мира	
научно-языковая (физическая)	культурно-языковая (мифопоэтическая)
<p>1) Thunder and lightning. The potential difference between rain-clouds and the ground results in high-voltage static electricity discharges that are accompanied by a low-frequency air wave with an impressive acoustic effect. (Гром и молния. Разность потенциалов между тучами и земной поверхностью вызывает высоковольтные разряды статического электричества, сопровождаемые образованием низкочастотной воздушной волны с сильным акустическим эффектом.)</p>	<p>Thor makes strong blows with Mjölnir, his magic hammer, causing thunder and quaking Mother Jord, the Earth. (Тор наносит сильные удары своим волшебным молотом Мьёлльниром, грохоча и сотрясая Матерь Йорд – Землю.)</p>
<p>2) Sunset. Because of the Earth's revolution round its axis, the geolocation area crossed the terminator and now is beyond the solar radiation range. (Закат. Вследствие вращения Земли</p>	<p>The glorious sun has fallen beyond blue mounts to slumber till clear morn. (Славное</p>

вокруг своей оси точка геолокации пересекла терминатор и вышла за пределы зоны солнечного излучения.)	солнце пало за синие горы – сладко поживать до светлого утра.)
3) Wind. The gradient of air pressure in the atmosphere makes air masses move horizontally from areas of high pressure to those of low pressure. (Ветер. Перепад атмосферного давления приводит к горизонтальному перемещению воздушных масс из областей высокого давления в области низкого давления.)	Wotan the supreme god takes a very deep breath and blows with all his might. (Верховный бог Вотан делает глубокий вдох и дует изо всех сил.)

Рис. 2. Сопоставление научно-языковой и культурно-языковой картин мира

Развитие высоких технологий, наблюдаемое в современную эпоху, ведет к подъему наукоёмкости всех областей жизни и повышению уровня образованности людей в массовом масштабе. Росту эрудиции способствуют и СМИ, во многом создающие у населения научную картину мира.

В современную эпоху люди всё в меньшей степени осуществляют мышление в категориях наивного житейского опыта, опирающихся на мифы, и даже в бытовой обстановке всё в большей мере мыслят сциентизированно; в картине мира людей нашего времени растет доля научного мировидения. В наше время даже в бытовом дискурсе можно встретить рассуждения о «поступающих из арктических регионов воздушных массах, создающих мощный антициклон» (новости, услышанные домохозяйками в рубрике «Погода на завтра»), о «коагуляции белка при жарке мяса, сопровождающейся термическим разрушением витаминов и образованием канцерогенных веществ» (сведения из телепередачи о здоровом питании) и т.п. И вся подобного рода информация обсуждается в бытовой обстановке, в русле решения сугубо рутинных задач – таких, как приготовление ужина, сушка белья и т.п. Народная картина мира старается идти в ногу со временем и поспевать за быстрой поступью технического прогресса.

Но, тем не менее, старая наивная картина мира, которая развивалась в течение многих сотен и тысяч лет, до сих пор прочно удерживает свои позиции и существует совместно с современной научной картиной мира, причудливо переплетаясь с ней в коллективном и индивидуальном сознании

представителей лингвокультуры. В бытовых условиях людям пока еще легче и комфортнее думать и отражать действительность в традиционных, а не научно-технических категориях.

В частности, в наше время солнце (со строчной буквы) осмысливается в обыденной обстановке так же, как и прежде, а именно как простая, прямая очевидность – маленький желтый диск на небосклоне, который греет, светит и описывает на небе дугу с востока на запад. Это **не** то же, что Солнце (с заглавной буквы) – звезда спектрального класса G2V, расположенная в Галактике Млечный путь между двумя спиральными рукавами и имеющая планетную систему, в состав которой входит Земля. В денотативном аспекте это одно и то же, а в сигнификативном – нет.

Люди современной эпохи понимают связь между наивно-традиционными и научно-техническими представлениями о Солнце, но они не в состоянии до конца сменить житейские представления на современные теоретические и усвоить способы их выражения терминологическими средствами. Например, обычное высказывание “The sun is rising” (солнце встает) в бытовом дискурсе невозможно сменить на астрономическое высказывание “Our geolocation point is entering the solar radiation area” (наша геолокационная точка вступает в зону солярной радиации). Такая формулировка этой мысли встречается только в текстах по астрономии и космологии. Мы убеждаемся, что выбор картины мира, задействуемой коммуникантами, обусловлен типом дискурса. Как выяснилось, можно менять картину мира, словно маску, ориентируясь на познавательные, прагматические и коммуникативные потребности. Картина мира стала осмысливаться **не** как несомненно достоверная и незыблемая данность, а как сменное орудие миропонимания, мышления и коммуникации.

Разум человека принципиально отличается от искусственного интеллекта тем, что он не отражает действительность лишь математическими и логическими формулами. Биологическая эволюция снабдила человека способностью моделировать действительность с помощью чувственных образов. Они и поныне составляют основу человеческого восприятия

окружающего мира; научная картина мира опирается на них, словно на фундамент. Специфика научной картины мира в некоторой мере определяется особенностями человеческих органов чувств.

Настоящее исследование в значительной степени направлено на выяснение того, в каких именно отношениях между собой состоят названные картины и что такое двойное («бинокулярное») видение окружающего мира – сквозь призму значений и сквозь призму внутренней формы, которые вместе образуют семантическую систему языка. В следующем разделе толкуется наша интерпретация понятия «семантическая система языка» в сравнении с тематически близкими понятиями.

§4. Семантическая система языка и проблема лакун

Наименование *семантическая система языка* настолько значимо в русле настоящего исследования, что оно входит в формулировку темы диссертации. По данной причине следует пояснить, какое содержание мы вкладываем в понятие «семантическая система языка», как оно связано с понятием «когнитивный субстрат языкового мышления» и какую роль в этом играют лакуны.

Необходимо подчеркнуть, что в языковедческих трудах термин *семантическая система языка* не имеет широкого хождения. Гораздо чаще употребляется термин *лексико-семантическая система языка*. Этот термин трактуется неоднозначно.

1) Одни лингвисты под лексико-семантической системой языка подразумевают словарный фонд языка, представленный под углом зрения отношений между лексическими значениями слов, «систему лексики данного языка, множество элементов, находящихся в закономерных смысловых отношениях и образующих целостность» [Лексико-семантическая система 2010: 1]. В данной трактовке в качестве элементов системы предстают слова,

представляющие собой двусторонние единицы языка, которые обладают как планом содержания, так и планом выражения.

2) Другие лингвисты именуют этим термином комплекс лексических значений, которые являются односторонними сущностями, относящимися лишь к его плану содержания. «Лексико-семантическая система языка – это совокупность лексических значений слов, связанных разными отношениями» [Coggle 2005: 2].

3) Еще одна группа языковедов применяет данное наименование не к системе значений, а к системе отношений между ними, то есть к строению лексического фонда. «Лексико-семантическую систему языка следует представлять ... как сложное взаимодействие словесных групп и рядов» [Кузнецова 1989: 84].

Упомянутые расхождения в понимании этого термина нередко ведут к недоразумениям в коммуникации языковедов; это вызывает необходимость каждый раз точно и недвусмысленно указывать, какой смысл вкладывается в этот термин.

Употребляя термин *семантическая система языка*, его порой делают синонимом термина *лексико-семантическая система языка*. Такая трактовка предполагает, что семантика (смысл, содержание) есть лишь у лексических единиц, тогда как грамматические и фонетические единицы представляют собой строевые, сугубо формальные явления языка. Однако данное представление в наше время считается устаревшим. Начиная с середины XX столетия в лингвистике стали развиваться такие отрасли, как фоносемантика и синтаксическая семантика, в русле которых содержание обнаружилось и у языковых звуков, и у грамматических конструкций.

Принимая во внимание, что смысл обнаруживается буквально на всех уровнях языковой системы, мы исходим из нижеследующей дефиниции: «Совокупность всех означаемых данного языка образует его семантическую систему» [Шелякин 2012: 24]. Хотя эта дефиниция сформулирована просто, она всё же требует некоторого пояснения: имеются в виду именно означаемые

(значения единиц, сигнификаты), а не обозначаемые (экстралингвистические объекты, денотаты). В нашей работе под семантической системой языка подразумевается система значений языковых единиц и форм на всех уровнях организации языка.

Из всего сказанного вытекает, что семантическая система языка имеет вид иерархии. Она распадается на подсистемы значений различных языковых уровней. Значения, принадлежащие подсистемам различных уровней иерархии, взаимодействуют при построении речи ради увеличения ее смысловой ёмкости.

Обратимся в порядке иллюстрации к английскому предложению “Our valorous warriors crushed the aggressor” (Наши доблестные воины сокрушили агрессора) и рассмотрим в этом контексте слово *aggressor*. Его значение содержит сему “агенс (деятель)”. В значении этого существительного данная сема является **лексической**. Но одновременно с этим слово *aggressor* в данном предложении выполняет функцию прямого дополнения при глаголе действия, которая передает сему “пациенс (претерпевающий)”. Эта сема является **синтаксической**. Выходит, что один и тот же актант в данной ситуации фигурирует как агенс и как пациенс. Такое положение дел связано с тем, что любая ситуация есть не что иное как сложная каузальная цепочка, складывающаяся из элементарных событий, происходящих во времени последовательно либо параллельно. В рассматриваемом случае агрессор идет в атаку – его атаку отбивают – далее он защищается – и в итоге терпит поражение.

По сути дела, данный актант играл роль агрессора лишь на исходной стадии развертывания ситуации; затем он лишился этой роли, но его по инерции продолжают называть агрессором, дабы было можно идентифицировать его как одного и того же актанта на всех стадиях. В данном случае лексическая номинация немного отстает от развития событий. Вследствие этого появляется возможность представить ситуацию не последовательностью высказываний, а лишь одним высказыванием. Горизонтальный (линейный) кортеж смыслов частично заменяется их

вертикальным (нелинейным) расположением. Таким путем увеличивается смысловая ёмкость речи и лапидарность выражения.

Присовокупим сюда фоносемантику звуковой цепочки [əg'resə(r)] (по сведениям [Седых 2011], ее составляют такие семы, как “сильный”, “громкий”, “страшный”, “плохой” и т.п.), и в итоге перед нашим взором предстанет частично линейная, частично нелинейная семантическая характеристика актанта и всей ситуации целиком. Таким способом осуществляется взаимодействие уровней семантической системы языка в ходе передачи смысла при помощи высказываний.

Говоря об организации семантической системы, следует отметить: начиная еще со времен Ф. де Соссюра в языкознании существует мнение, согласно которому язык не есть номенклатура элементов внеязыковой действительности. Это мнение в свое время подробнее выразил Д. Чандлер: “Language categories are not simply a consequence of some predefined structure of the world ... They are not ‘natural’ concepts which are simply ‘reflected’ in language ... Reality is divided up into arbitrary categories by every language” [Chandler 2017: 27] («Языковые категории не есть простое следствие некоего изначального членения мира ... Они не являются “естественными” понятиями, которые просто “отражаются” в языке ... Каждый язык членит действительность на произвольные категории»).

Существуют семантическая система общеупотребительного языка и семантическая система языков науки.

В языковедческих кругах издавна бытует представление о семантической системе как о своего рода сетке, которая наброшена на внеязыковую действительность; у каждого отдельно взятого языка имеется своя сетка, в результате чего языки в определенной степени по-разному категоризируют и членят окружающий мир. В данной связи Э. Сепир указал: “Languages slice the pie of reality in their own whimsical ways” (языки нарезают пирог действительности своими собственными причудливыми способами; цит. по: [Kaul 2013: 125]). Эта сетка, собственно говоря, и представляет собой

семантическую систему данного языка, представленную с позиций ее отношения к экстралингвистической реальности. Согласно гипотезе лингвистической относительности, носители языка видят окружающий мир таким, каким их язык преподносит этот мир.

Объект, который с точки зрения когнитивистики видится как языковая картина мира, с позиций языкознания предстает как семантическая система языка. В этой системе отражается (1) тотальный объект (объективный мир); (2) массовый субъект (коллективный разум народа).

В связи с рассмотрением вопроса о семантической системе языка встает вопрос о лакунах. Как связаны между собой проблема картины мира, проблема когнитивного субстрата семантической системы языка и проблема лакун?

В вышеупомянутой сетке, наброшенной на мир, наличествуют как общечеловеческий, так и региональный, и этноспецифичный компоненты. Обыденная («наивная») картина мира состоит из ячеек, представляющих собой эйдетические понятия, а научная картина мира – из ячеек, являющихся логическими понятиями. Под научной картиной мира лежит обыденная, в той или иной степени влияющая на формирование научной и называемая в нашей работе когнитивным субстратом (от *лат.* *sub-stratum*, букв. “подслой, подложка” < *sub-sternere* “расстилаться под”). Обе картины мира зафиксированы в вербальном языке; помимо прочих, они выполняют кумулятивную функцию. В лингвистическом аспекте речь идет о современной семантической системе языка и его внутренней форме (реликте прежних, исторически более ранних семантических систем).

Из-за бесконечности процесса познания ни на одном историческом этапе картина мира не является полной; как в «верхней», так и в «нижней» картинах мира, словно на географической карте, имеются «белые пятна», незаполненные ячейки, именуемые лакунами (< *лат.* *lacuna* “пробел”). В ходе разработки вышеуказанной проблематики представляется важным выяснить, как наличие лакун влияет на отражение мира в языке, как соотносятся друг с другом разноуровневые лакуны и носят ли лакуны межъязыковой либо

внутриязыковой характер. Для этого мы считаем необходимым обратиться к вопросу о сущности лакун.

На эту тему высказывается много разнообразных, иногда противоречащих друг другу взглядов, касающихся межъязыковой и внутриязыковой природы лакун.

В лингвистической литературе изложен ряд теорий, согласно которым лакуны носят межъязыковой характер, однако мы имеем веские основания полагать, что лакуна представляет собой внутриязыковой феномен. Приведем доводы в пользу внутриязыковой трактовки лакун, основанной на принципах лингвосистемологии.

Давно выяснен и не вызывает сомнений тот факт, что язык является системой, «в которой отдельные ее элементы находятся в строго установленных отношениях ... В языке как хорошо отработанной системе одно явление может быть обусловлено другим или же само обуславливает другое явление» [Аракин 2010: 14].

Это утверждается и в другой работе: «Лингвистическая системология рассматривает язык как закономерно организованную систему, где каждый компонент существует в противопоставлении другим компонентам и характеризуется только ему свойственной функциональной релевантностью» [Быкова 2003: 5]. Лакуна в системе языка – это отсутствие языковой единицы / формы в ячейке языковой парадигмы. Каждая ячейка имеет заданные очертания. Лексические поля «состоят из взаимно противопоставленных элементов, получающих свое значение в рамках всей этой системы ... В каждом поле сфера опыта делится и классифицируется с помощью шкалы значимостей» [Ульман 1970: 250]. С этой точки зрения неважно, заполнена ли ячейка. Важно только то, что в поле она занимает предназначенное для нее место и имеет конфигурацию, которая обусловлена смежными ячейками и строением когнитивного паттерна, который лежит в основе данного поля.

Вакантная ячейка в структуре лексического или другого поля обладает такой же «ценностью» (*valeur* по де Соссюру), что и заполненная ячейка.

Единицы / формы иных языков не могут повлиять на строение поля и очертания ячеек данного языка на основании лишь того факта, что они имеются в своих собственных языках.

Исходя из принципов лингвосистемологии, мы полагаем: если в языке А нет эквивалента для единицы языка Б, из этого еще нельзя сделать вывод, что в языке А есть вакантная ячейка. Если той или иной единицы / формы в языке А нет, то не обязательно ее не хватает (недостаёт) языку А. Вполне возможно, что язык А обходится без нее, а значит, в нем нет соответствующей лакуны.

Вследствие того, что утверждение о системности языка давно стало общим местом, факт системности языка зачастую упускают из виду. Между тем, когда речь заходит о языковых лакунах, необходимо принимать во внимание ряд постулатов системного подхода, которые перечисляются ниже.

- Каждый элемент в составе системы обладает своей собственной «ценностью», которая определяется его местоположением в парадигме.
- Это место, называемое ячейкой, обладает конфигурацией, очертаниями, которые определяются характером отношений данного элемента с соседними элементами в составе парадигмы и строением фрейма, лежащего в основе парадигмы.
- Отсутствие элемента в системе предполагает наличие предназначенной для него ячейки; очертания пустой ячейки оказывают на структуру парадигмы такое же влияние, как и очертания заполненной ячейки.
- О свойствах отсутствующего элемента можно судить по очертаниям и локализации ячейки; отсутствующий элемент может быть воссоздан по матричным координатам ячейки, т.е. по расположению ячейки в парадигмальной матрице.
- Только элементы данной системы обладают ячейками в ней; для элементов иных систем в ней нет ячеек (а следовательно, и лакун).
- Введение нового элемента в парадигму (в случае заимствования) влечет за собой перекраивание всей структуры парадигмы вследствие появления реальной новой ячейки. **Мысленное** введение иносистемного элемента в

парадигму приводит не к реальному, а к **мысленному** перекраиванию всей парадигмы и возникновению не реальной, а **воображаемой** ячейки. Такая лакуна является фантомной.

Лакуна – это не ничто и не плод фантазии; это реально и объективно существующее в языке явление. Она подразумевает наличие незаполненной ячейки, имеющей определенную конфигурацию, которая определяется «ценностью» отсутствующего элемента и выявляется по координатам парадигмальной матрицы. Только в этом случае можно утверждать, что парадигма обладает структурой; если же мысленно внедрять в языковую систему немереное число иноязычных единиц и на данной основе постулировать лакуны в ее парадигмах, то окажется, что парадигма представляет собой не четко организованный участок «мозаичного панно», а бесформенный, хаотичный «зыбучий песок», в который можно внедрять что угодно в любом количестве. Язык предстанет как бессистемное образование.

Следует признать: на разных уровнях языка жесткость его структуры неоднородна. Она понижается по мере подъема от менее высоких уровней к более высоким. На наш взгляд, справедлив следующий тезис: «Лексико-семантическая система языка является не только наименее жесткой, но и наиболее подвижной и сложной по своей организации и структуре» [Быкова 2003: 6]. Но если мы всё-таки считаем лексический фонд языка системой, то, говоря о лексических лакунах, вышеизложенные тезисы нужно учитывать. В сущности, лакуны легче обнаружить именно тогда, когда объект четко структурирован. Если же он имеет рыхлое строение, то в его составе трудно, а порой и невозможно обнаружить лакуны.

Вакантные ячейки в лексическом фонде языка не созданы элементами других языков, они обычно не соответствуют этим элементам по очертаниям и не предназначены для них. Эти ячейки эндогенны и предназначены для своих единиц и форм.

Приведем синонимы существительного *отсутствие*: *нехватка, недостача, дефицит, неявка, отлучка, пропуск, вакансия, изъян, пробел,*

интервал, лакуна [НОССРЯ] (*англ.* absence, lack, blank, gap, hiatus, interval, omission, vacancy, flaw, dearth, deficiency, miss, need, want, truancy, lacuna [RIT]). Все перечисленные существительные предполагают, что объекта нет на своем месте. Например, в собранном пазле могут быть незаполненные ячейки для его же собственных элементов, однако в нем не бывает ячеек с требуемыми очертаниями для элементов иных пазлов.

Только в тех случаях, когда сопоставляемые языки (так же, как сопоставляемые пазлы) на определенном участке характеризуются изоморфизмом, единица одного языка может оказаться конгруэнтной по отношению к незаполненной ячейке в той или иной парадигме другого языка. Например, русское существительное *сутки* может быть мысленно помещено в незаполненную ячейку английского лексического поля “Счисление времени”, а английское существительное *fortnight* “две недели”, в свою очередь, может быть вставлено в незаполненную ячейку соответствующего русского лексического поля:

<i>секунда</i>	<i>минута</i>	<i>час</i>	<i>сутки</i>	<i>неделя</i>	↑	<i>месяц</i>	<i>год</i>	<i>век</i>
<i>second</i>	<i>minute</i>	<i>hour</i>	↓	<i>week</i>	<i>fortnight</i>	<i>month</i>	<i>year</i>	<i>century</i>

Рис. 3. Сопоставление английского и русского лексических полей счисления времени

Однако, по нашему мнению, отсюда **не** следует, что лакуны в вышеприведенном лексическом поле являются межъязыковыми. Их существование обусловлено **не** тем, что в другом языке есть соответствующее слово, а тем, что единая система счисления времени входит в средневропейский стандарт и наличествует как в английской, так и в русской лингвокультуре. Лакуны, показанные на рис. 3, предстают как межъязыковые лишь только с позиции переводчиков, которым недостаёт слов-эквивалентов в языке перевода. На наш взгляд, это не что иное как прикладной подход, который переводчики возвели в статус чисто теоретического. Но если применить действительно чисто теоретический подход, абстрагируясь от нужд,

возникающих в практике перевода, то мы убедимся, что имеем дело **не** с межъязыковыми, а с собственными лакунами рассматриваемых языков, выявляемыми **не** на фоне других языков, а на фоне средневропейского стандарта.

Сопоставим лексические поля английского и русского языков, отражающие возрастную периодизацию от 0 до 25 лет. На рис. 4 (см. ниже) видно, что границы разноязыковых ячеек, содержащих названия возрастных периодов, не совпадают. Но оба лексических поля целиком охватывают предметную область. Они не содержат вакантных ячеек, а значит, и лакун. В частности, английской ячейке “teen age” соответствует **не** пустая ячейка (лакуна) в лексическом поле русского языка, а стык заполненных русских ячеек “подростковый возраст” и “юность”. Следовательно, на данном участке русского лексического поля не имеется никакого пробела (лакуны).

В ходе дискуссий по этому вопросу О.М. Акай выдвинула возражение: но ведь переводчику всё-таки не хватает языковых единиц для передачи безэквивалентной лексики. Значит, это лакуны? [Акай 2019: 8]. На это мы отвечаем: нехватка существует не объективно (в лексическом поле языка перевода), а субъективно (в когнитивном мире переводчика).

годы жизни	английская возрастная периодизация	русская возрастная периодизация
1	babyhood	младенчество
	infancy	
2	toddlerhood	раннее детство
3		
4	preschool age	
5		дошкольный возраст
6	early school age	младший школьный возраст
7		
8		
9		
10		
11		подростковый возраст (отрочество)
12		
13		
14		
15		

16	teen age	ЮНОСТЬ
17		
18		
19		
20	youth	МОЛОДОСТЬ
21		
22		
23		
24		
25		

Рис. 4. Соотношение структур английского и русского лексических полей возрастной периодизации

Если чего-то где-то нет, не обязательно его там не хватает. В доказательство проведем наглядную аналогию: в механизме стиральной машины нет швейного челнока, но это **не** нехватка, потому что челнок там не нужен, и места для него там нет.

Сходным образом, субъект (переводчик) ощущает нехватку русского переводческого соответствия английскому названию *teen age*, но в самом русском языке (объективно) такой нехватки нет. Как упоминалось, семема “возрастной период с 13 по 19 лет” (возникшая в английском языке вследствие специфики образования числительных на *-teen*), – эта семема разнесена в русском лексическом поле по двум ячейкам, и никакой вакантной ячейки, т.е. лакуны, в русском лексическом поле не существует. Предметная область покрыта полностью.

Российская наука – возрастная физиология и психология – **не** заимствовала английское название *teen age*. В русском языке появилось лишь слово *тинейджер*. По своему значению оно **не** соответствует английскому *teenager*: в русском слове *тинейджер* возрастной период (12 – 15 лет) укорочен и сдвинут по сравнению с английским *teenager* (13 – 19 лет); оно является синонимом русского слова *подросток* – синонимом, относящимся в основном к газетно-публицистическому стилю и не принятым в качестве русского научного термина. В русском языке слово *тинейджер* – факультативное. В русском лексическом поле оно не имеет своей ячейки, занимая ту же ячейку, что и слово

подросток. Лакуны в поле нет. Российская наука не заимствовала также термины *infancy* и *toddlerhood*, успешно обходясь без них.

Переводчику не следует искать точный русский эквивалент названия *teen age* и констатировать наличие лакуны. Следует прибегнуть к контекстуальному переводу. Когда в тексте англоязычного оригинала речь идет о возрасте 13 – 15 лет, нужно перевести *teen age* как *отрочество / подростковый возраст*, а когда речь идет о возрасте 16 – 19 лет, нужно перевести *teen age* как *юность*. При этом нет никакой необходимости оперировать понятием “лакуна”.

На наш взгляд, не случайно межъязыковая лакунология возникла в русле именно теории перевода, а не какой-либо иной отрасли лингвистики. По существу, переводчики применяют созданную ими самими, отвечающую их производственным нуждам матрицу переводческих соответствий, например: *сливки* – *cream*, *сметана* – *sour cream*, *снятое молоко* – *skim milk*, *пахта* – *buttermilk* и т.д. В данном перечне и вправду есть лакуны; так, для русского слова *варенец* не имеется английского переводческого соответствия в матрице. Но эта матрица – орудие труда переводчика, а не часть английской лексической системы как таковой. Переводчики находят лакуны не в языке (объекте их деятельности), а в матрице (инструменте их деятельности).

По существу, данная матрица представляет собой переводной двуязычный словарь, в котором лексический материал организован так, как это удобно в плане потребностей переводчика, а не так, как объективно-реально устроены парадигмы в языке оригинала и языке перевода. Пустоты в переводном словаре допустимо называть термином *лексикографические лакуны*, но их именуют термином *межъязыковые лакуны*, смешивая структуру словаря и структуру языка.

В русско-английском словаре со словом *варенец* коррелирует лексикографическая лакуна (отмечается безэквивалентность этого русского слова по отношению к английскому языку), в то время как в английском лексико-фразеологическом поле “Молокопродукты” нет лакуны, так как англичане не производят варенец и не имеют понятия о нем. Нет понятия – нет

и семемы; нет семемы – нет и лакуны, т.к. лакуна есть не что иное как «семема без лексемы» [Быкова 1998: 136]. Однако если охарактеризовать лакуну фразой «нет семемы и нет лексемы», то окажется, что нет ничего, а значит, нет и лакуны. В таком случае лакуна – ничто. Напрашивается вывод: лакунология есть «наука ни о чем». Такой вывод неприемлем.

Двуязычный словарь, разумеется, отражает структуру как одного языка, так и другого, но не непосредственно; строение словаря не совпадает со строением языков. Переводческий (прикладной) взгляд на вещи не должен затушевывать объективно существующее положение вещей в области лакун в сопоставляемых языках. На материале обширных наблюдений мы имели возможность убедиться в том, что за отстаиваемой некоторыми лингвистами антитезой межъязыковых и внутриязыковых лакун кроется антитеза лексикографических и языковых лакун.

Как справедливо отметил С. Гэмпшир, познающее сознание на основе теоретических и практических предпосылок расчленяет окружающую действительность неограниченным числом способов [Hampshire 1960]. В частности, в различных языках шкала возрастной периодизации может делиться на любые, самые разнообразные отрезки. Опираясь на межъязыковое толкование лакун, мы неизбежно придем к выводу, что в данном лексико-семантическом поле английского языка имеется неограниченное число пустых ячеек, которые без всякой системы взаимопересекаются. В таком случае нет оснований говорить, что данное поле обладает структурой.

Тогда что же такое языковая лакуна? В качестве иллюстрации ниже приводится наглядная параллель. Если на каком-либо этапе шахматной партии на доске нет белого коня, его нужно искать **не** в числе черных фигур – ведь он им чужд – а среди снятых с доски белых фигур, не принимающих участия в игре. Аналогично, если в составе языка отсутствует та или иная единица / форма, ее следует искать **не** в числе единиц и форм какого-либо иного языка – ведь она чужеродна им – а в числе не используемых в речи форм / единиц всё того же самого языка.

Приближаясь к сущности феномена лакуны, необходимо принять во внимание оппозицию “идеальная система: ее воплощение в реальной действительности”. В рамках философии эта оппозиция соответствует противопоставлению “идея вещи: материальная реализация вещи” (по учению Платона), а в рамках лингвистики – “схема языка: норма и узус языка” (по учению Л. Ельмслева).

Вслед за Л. Ельмсловом [1965] мы придерживаемся мнения, что окказиональное употребление языковых единиц и форм не относится ни к норме, ни к узусу; оно принадлежит не языку, а речи (относится к отдельно взятым актам речи). Э. Косериу [1963], в отличие от Л. Ельмслева, относил окказиональное употребление к узусу, однако нам здесь видится противоречие – ведь узуальное использование по определению массово, в то время как окказиональное применение единично.

Опираясь на всё изложенное выше, предложим наше понимание того, что такое языковая лакуна. Языковая лакуна представляет собой отсутствие собственной единицы или формы в норме и узусе языка при ее наличии в схеме языка. Следует еще раз подчеркнуть: единица или форма должна считаться лакунарной относительно нормы и узуса не другого, а своего языка. Воспользовавшись термином, которым широко пользовался А.Ф. Лосев [1994], мы можем утверждать, что лакуна есть **инобытие** единицы или формы языка, то есть ее бытие в другом языковом домене и в другой субстанции, но при этом в той же самой форме.

Используя термин Ч. Пирса, отметим: и реальные, и виртуальные единицы и формы языка существуют в его схеме как **легисайны** (= знаки-типы). «Легисайн – не единичный объект, а общий тип. Каждый легисайн означает посредством частного случая своего употребления», – отметил Ч. Пирс [2000: 185]. Различие реальных и виртуальных (т.е. лакунарных) языковых единиц и форм, по существу, носит статистический характер: реальные элементы встречаются в речи регулярно, а виртуальные (т.е. лакунарные) только окказионально в роли знаков-реплик или, иначе говоря,

знаков-экземпляров = знаков-событий. Можно провести аналогию: в типографиях по некоторым оригинал-макетам регулярно печатаются крупные тиражи книг, а по другим лишь изредка печатаются отдельные экземпляры по требованию.

На наш взгляд, если в языке уже существует семема, занимающая ячейку в семантической системе этого языка, но пока не существует системно-языкового (устойчивого) средства ее выражения – в таких случаях в данном языке имеется лакуна, а окказиональные десигнаторы данной семемы, занимающие эту ячейку, имеют основание называться лакунарными единицами.

Мы согласны со следующей дефиницией лексической лакуны: это «смысловое содержание до его объективации в новом слове, когда отсутствует сцепление идеального с материальным» [Быкова 2003: 45]. Следует лишь уточнить: речь должна идти об отсутствии упомянутого сцепления в реальном языковом домене.

Некоторые лакунарные (виртуальные) единицы и формы, попадая в языковую норму и узус, со временем становятся реальными (порой с изменениями в исходном значении) и занимают ячейку в поле; некоторые иные единицы и формы удерживают за собой лакунарный статус либо уходят из языка вместе с ячейками. Таким способом – путем отбора и фильтрации – пополняется фонд языковых номинаторов. Единицы и формы внедряются в языковую норму и узус, поступая из виртуального домена языка (своего рода запасника языковой системы) в реальный домен.

В соответствии с выдвигаемой нами трактовкой языковой лакуны, для разработки ее определения не имеет значения, какие единицы или формы существуют, а какие не существуют в иных языках. Лакуну, трактуемую как недостача в языке той или иной единицы / формы, следует выявлять исходя из структуры данной системы. Это не вне-, а внутрисистемное явление. Мы разделяем мнение: «Вряд ли можно говорить о межъязыковых лакунах,

противопоставляя их внутриязыковым, т.к. лакуны характерны для определенной языковой системы» [Матханова 2009: 7].

Далее, обращаясь к вопросу о статусе **нулевых знаков**, отметим, что в ряде трудов по лакунологии ([Быкова 1999] и др.) они считаются видом лакун. Но, по логике вещей, они не могут считаться таковыми – ведь лакуна по определению есть отсутствие знака, тогда как нуль-знак не является отсутствием знака; он является знаком, у которого в качестве означающего фигурирует нуль – так же, как в математике нуль есть число, а не его отсутствие (так, нуль градусов Цельсия – это реальная величина температуры, а не отсутствие какой-либо температуры вообще).

Существо дела не меняется по причине того, что в каком-то ином языке определенное значение выражается ненулевым знаком. Например, нулевая флексия множественного числа английского существительного *swine-0* соотносится с ненулевой флексией множественного числа русского существительного *свинь-и*, но и в английском, и в русском языке на данном участке нет никакой лакуны. В обоих приведенных примерах есть знак. По этой причине, как мы полагаем, нельзя сказать, что «лакуна представляет собой нулевой знак» [Байрамова 2011: 22]. Лакунарные знаки иногда используются в речи, однако такое употребление ненормативно (оказионально), в то время как нуль-знаки употребляются в речи нормативно (регулярно) – так же, как и знаки с материально выраженным означающим. В частности, в письменном тексте межсловные пробелы не являются лакунами; это нуль-знаки, применяемые так же регулярно, как и знаки препинания, и буквы, и идеограммы.

Стремление включить лакуны в число нуль-знаков, по-видимому, вызвано тем, что есть два вида пробелов, порой отождествляемых. На наш взгляд, это отождествление является ошибкой. В одних случаях пробел является нуль-знаком, а в других представляет собой отсутствие знака, т.е. лакуну. Например, пробел между словами в письменном тексте, который выполняет функцию разграничения слов, – это нуль-знак (вспомним, что при подсчитывании количества печатных знаков пробелы между словами

учитываются именно как печатные знаки). В то же время пробел, возникший из-за того, что буква стёрлась, есть не что иное как отсутствие знака. Он правомерно именуется текстовой лакуной.

Вызывает сомнения существование лексической единицы какого-либо языка, «занимающей определенное место в системе другого языка в статусе нулевой лексемы» [Быкова 1999: 10]. Если согласиться с мнением, согласно которому такие единицы действительно бывают, то мы вынуждены будем признать, что, скажем, в языках современных первобытных пигмеев центральной Африки, которые не имеют понятия о том, что такое снег, кто такие саамы и на каком языке они говорят – что в их языках саамский язык каким-то непостижимым способом проделал почти двести вакантных ячеек, т.е. лакун характеризующихся определенными конфигурациями¹⁹, влияющими на семантическую систему пигмейских языков и содержащих в себе нуль-названия состояний снега и льда. Такие «нуль-лексемы», по нашему убеждению, носят иллюзорный характер.

Если сравниваемые системы не находятся друг с другом в изоморфном отношении, то единице одной системы не обязан соответствовать эквивалент в рамках другой системы. Такой эквивалент может оказаться непредусмотренным, излишним в другой системе и потому не иметь в ней ячейки.

В частности, термины науки и техники, относящиеся к среднеевропейскому стандарту, не вписываются в те мифологические картины мира, которые присущи современным первобытным этносам. Эти картины цельны и гармоничны в осмыслении мира; в них нет места, куда можно было бы внедрять термины научных и технических дисциплин, входящих в среднеевропейский стандарт. Эти термины не лакунарны, они **внесистемны** по

---

¹⁹ «По данным норвежского лингвиста Оле Хенрика Магга, у саамов, живущих на севере Скандинавии и России, есть минимум 180 слов для обозначения снега и льда» [Зайцева 2014: 1].

отношению к аборигенским языкам, тогда как лакунарные единицы / формы являются виртуально-системными.

В языке А может иметься какая-либо единица или форма, а в языке Б на этом участке может существовать лакуна, но это **не** обязательно имплицитно подразумевает каузальную связь между единицей / формой языка А и лакуной языка Б. Так, например, в русском лексическом фонде отсутствует устойчивое название для внешней поверхности бёдер сидящего человека. Перед нами, без сомнения, лакуна, но она существует не потому, что, к примеру, в английском лексическом фонде имеется название *lap*, а потому, что в понятийной системе русской лингвокультуры имеется это понятие, в семантической системе русского языка имеется это значение (которое выражается неустойчивыми словосочетаниями) и, наконец, в номенклатуре русских анатомических названий наличествует соответствующая ячейка. Данная лакуна представляет собой факт русской языковой системы; английский язык, равно как и иные языки, не имеет к этому отношения.

Можно согласиться с нижеследующим тезисом: «Лексические лакуны – отсутствие слов, которые должны присутствовать в языке, если исходить из лексической системы языка <а не иных языков – Е.С.>» [Гак 1977: 261]. Лакунарный элемент – это не та единица или форма, которая не находится и не должна находиться в языке, а та, которая должна в нем находиться, но отсутствует. В этой связи может возникнуть возражение: нет четких критериев того, какие единицы должны быть в языке, а каких может и не быть. На это следует ответить: четкие критерии не всегда срабатывают, но из этого следует не то, что вышеприведенная дефиниция неверна, а то, что лакунарность (особенно на высших уровнях строения языка) устанавливается с той или иной степенью вероятности. Здесь можно выделить три случая:

1) Языковая единица или форма, без сомнения, должна наличествовать в норме и узусе, но ее нет. Тогда мы можем с уверенностью сказать: лакуна есть. Так, в морфологической парадигме английского глагола *to do* (“делать”) должна быть форма *Perfect Continuous Passive*, т.к. в парадигме для нее есть вакантная

ячейка, позволяющая выяснить, как должна выглядеть эта форма: *have been being done.

2) Языковая единица или форма, несомненно, **не** должна присутствовать в языке, и ее нет. В этом случае мы можем с уверенностью сказать: лакуны нет. Например, в языках нынешних первобытных племен нет названий для котангенса, т.к., за неимением семантического поля “Тригонометрия”, для них нет вакантных ячеек.

3) Нет уверенности в том, должна ли языковая единица наличествовать в языке, а значит, и в том, есть ли в языке лакуна на данном участке или ее нет. Например, трудно сказать, должны ли в английском кулинарном терминофонде существовать устойчивые названия для русских национальных блюд, которые англосаксы не готовят, не едят и вряд ли имеют о них представление. Но, может быть, о некоторых всё-таки имеют? Kvass, okroshka, borshch и еще несколько таких слов включены в Оксфордский русско-английский словарь [ORD], но многие ли носители английского языка знают эти слова? Вопрос открыт.

Лакуна в лексическом поле есть тогда, когда во фрейме, лежащем в основе поля, есть элемент, не снабженный лексическим названием. Так, во фрейме «Прямоугольный треугольник», составляющем часть когнитивного субстрата семантической системы английского языка, имеется такой элемент, как катет, но в соответствующем английском лексическом поле нет слова, обозначающего катет. *Англ.* cathetus обозначает не катет, а перпендикуляр; катеты же именуются переменными словосочетаниями типа *trigon legs forming the 90° angle* (бёдра треугольника, образующие угол 90°), *sides adjacent to the right angle of a triangle* (стороны, примыкающие к прямому углу треугольника) и др. [Bernhardsen 2002: 271]. Это и есть лакуна в данном лексическом поле. В русском языке такой лакуны нет потому, что в нем есть слово *катет*, а в языках диких племен ее нет потому, что в их культурах нет геометрии, а значит, в их языках нет лексического поля «Прямоугольный треугольник». Если нет парадигмы, то нет и пустоты (лакуны) в ячейке парадигмы.

В тех языках, когнитивным субстратом которых выступает средневропейский стандарт, обнаруживаются одни лакуны, а в тех языках, в основе которых лежат другие стандарты, существуют иные лакуны. На наш взгляд, методологически некорректно искать в языке лакуны, глядя на этот язык с позиций чуждого ему когнитивного стандарта. Поэтому тот факт, что в языке неконтактного амазонского племени гуайя нет названий для адронного коллайдера или, к примеру, для пакового льда – этот факт нельзя расценивать как лакуны в языке племени гуайя: ведь в его лингвокультуре нет ни ядерной физики, ни представлений о Заполярье.

Отдельная этническая лингвокультура не может вместить в себя целиком культурный и социальный опыт всего человечества. Всякая лингвокультура на каждой данной стадии ее исторического развития имеет свой горизонт. Мы полагаем, что названия реалий, являющихся чуждыми по отношению к британской лингвокультуре, не лакунарны для английского языка, а **внесистемны** для него. Лакунарны лишь те названия, в которых носители британской лингвокультуры испытывают потребность, или, иначе говоря, те названия, которых им не хватает для именованья чего-либо так или иначе вовлеченного в лингвокультуру Великобритании. Можно выразить эту мысль и по-другому: о лакуне можно говорить в тех случаях, когда наблюдается отсутствие внутрисистемного, своего элемента, а не в тех случаях, когда нет какого-либо внесистемного, чуждого элемента. Лакуна – внутриязыковой феномен.

Так, согласно нашим теоретическим представлениям, выглядит ситуация с лакунами (пробелами, пустотами в ячейках, а не простым несуществованием) в языковой семантической системе.

Обратимся далее к вопросу о социально- и культурно-историческом развитии семантической системы языка. Она реконструируется и обогащается по мере того, как расширяется объем знаний о мире у данного народа. Прежняя семантическая система языка со временем постепенно превращается в его внутреннюю форму. Культурно-языковой коллектив во многом забывает свои

прежние представления о мире, однако этимологические исследования в ряде случаев дают возможность частично реставрировать их и обнаруживать исторические связи между нынешним и предыдущими этапами эволюции семантических систем.

Приведем пример такого рода. Жители Индонезии на протяжении веков были убеждены в том, что в окрестных джунглях обитают их «родственники» – своеобразный лесной народ, который индонезийцы окрестили лесными людьми (*малайск.* orang “человек”, hutan “лес”). Позднее было установлено, что орангутаны – это не люди, а один из родов человекообразных обезьян. Старое значение, а именно “лесные люди”, превратилось во внутреннюю форму слова orangutan, которое в эпоху колонизации перешло из малайского через посредство французского в английский и русский языки и до сих пор является наименованием данного рода животных.

Между нынешней семантической системой языка и предыдущей системой, которая исполняет роль ее внутренней формы (живой либо забытой языковым коллективом, но нередко восстанавливаемой), наблюдаются сложные отношения культурно-исторической и лингвистической преемственности. К их числу относятся:

- указание на объект через тот или иной его бытийный признак (например, слово tree “дерево”, восходящее к *индоевр.* *drew- “прочный, крепкий, неподвижный”);
- метафорическое переосмысление (например, pike “копье, пика” > “щука”);
- метонимическое переосмысление (*аравак* barbacoa “жаровня” > *испанск.* barbacoa > *англ.* barbecue “решетка гриль” > “стейк, приготовленный на решетке” > “увеселительное мероприятие с приготовлением стейка”);
- семантическое сужение (meat “еда, пища вообще” > “мясо”);
- семантическое расширение (bull “бык” > “самец крупного копытного животного”) и иные линии смыслового развития (в Главе II приводятся примеры).

Как в нынешней, так и в предыдущих картинах мира обнаруживаются «белые пятна», обусловленные неполнотой отражения мира в процессе его познания. Соответственно, и в современной, и в предшествующей семантической системе языка, ныне выполняющей функцию его внутренней формы, существуют вакантные ячейки (лакуны). Ради краткости дадим этим лакунам наименования *реликтовые* и *современные*. Между ними можно обнаружить соответствия разных типов:

1) **Сукцессия** (*лат.* *successiō* “преемственность, наследование” < *succedĕre* “следовать за чем-л.; заменять собою что-л.”). Современной лакуне соответствует реликтовая. К примеру, топориче зовется по-английски *axe-handle*, острый край (лезвие) – *axe-blade*, обух – *axe-butt*. Что касается устойчивого (системно-языкового) названия для металлической части топора, его в английском языке не существует. Для ее обозначения используются речевые (переменные) сочетания слов – *the iron / metal / steel part of the axe* (железная / металлическая / стальная часть топора).

Системно-языкового названия для данного предмета не существовало и в предыдущие периоды функционирования английского языка. Перед нами лакуна, унаследованная от прежних времен.

2) **Элиминация** (*лат.* *elimināre* “устранять” < *ex limīne* “за порог”). Со временем реликтовая лакуна способна заполниться языковой единицей и тем самым элиминироваться. Современная лакуна ей не соответствует. Так, в древнеанглийский период не существовало названия для верхней стороны бёдер человека, находящегося в сидячей позе. Это можно было назвать лакуной в анатомической номенклатуре того периода. Однако с XIV столетия (в среднеанглийском языке) в качестве названия упомянутой части человеческого тела начали использовать уже обсуждавшееся нами имя существительное *lap*, которое до этого не обладало вышеназванным значением. Можно констатировать, что данная лакуна подверглась элиминации.

3) **Эмерджентия** (*лат.* *emergĕre* “появляться” < *ex-mergĕre* “выныривать”). Лакуна может появиться там, где ее раньше не существовало.

Реликтовая лакуна ей не соответствует. Так, в древние времена, когда лингвокультура Британии еще не пополнилась Евклидовой геометрией и ее терминосистемой, в ней, как упоминалось, не было и слова для катета. Однако это нельзя считать лакуной, т.к. если нет терминосистемы, то нет и пустоты (лакуны) в ячейке. Лишь с появлением геометрии и ее словесного обеспечения появилась и лакуна. Поныне в геометрической терминосистеме английского языка не существует наименования для катета. Отсутствие этого наименования можно по праву назвать лакуной.

Такова, по нашим представлениям, связь между лакунами и когнитивным субстратом семантической системы языка.

§5. Онтологические категории, важные для выявления сущности лакун

Онтология – отрасль философии, в рамках которой решаются вопросы, связанные с понятием “бытие” (существование). Вопросы о сущности бытия ставились представителями философии Древней Индии, Древней Греции и Рима, западноевропейской схоластики, в доктринах И. Канта и Г. Гегеля, в рамках аналитической философии, экзистенциализма, диалектического материализма.

К числу главных категорий названной отрасли философии относятся такие, как “бытие (существование)”, “бытийный признак”, “небытие (несуществование)”, “инобытие”, “нечто (вещь)”, “ничто”, “отсутствие”, “присутствие / наличие”, “тождество”, “различие”, “становление” и ряд других.

Еще св. Августин (см.: [Блаженный 2007]) писал, что основные категории, самые понятные на уровне интуиции в рамках житейских представлений о мире, с позиций философии предстают как наиболее трудные для толкования. Это касается и базовых онтологических категорий. Если использовать их в обыденном понимании, то это может вызвать противоречия и нестыковки. Необходимость характеристики этих категорий в нашей диссертации обусловлена тем, что мы стремились устранить упомянутые

противоречия. Мы укажем лишь на то, что имеет непосредственное значение для выявления сущности такого явления, как лакуны.

Бытие – основополагающая онтологическая категория. Согласно учению Аристотеля, вещь (то, что существует и обладает качественной определенностью) характеризуется наличием бытийных признаков (таких, как действие, свойство, отношение, состояние, локализация в пространстве-времени, изменение и др.) [Аристотель 1976: V, 7]. Бытийные признаки снабжают вещь упоминавшейся выше качественной определенностью. Однако бытие само по себе **не** является признаком вещи. Бытие изначально, а вещь вычленяется из бытия как его обособленный фрагмент.

Бытие, обретшее комплекс признаков и тем самым – качественную определенность и идентичность, становится вещью (в философском смысле). Употребляя слово *нечто*, философы имеют в виду вещь как единство бытийных признаков.

Приведем пример. «Сирень есть нечто ... Сирень эта расцвела и будет еще цвести две недели. Вот этот куст сирени – простой, а вон то – персидская сирень ... Но чтобы расцвести и отцвести, ... чтобы быть простой или персидской, сирень сначала должна просто **быть** ... Бытие есть самое первое, самое основное ... Без него не существует ничего прочего», – отметил А.Ф. Лосев [Лосев 1994: 400].

Бытию противопоставляется, с одной стороны, ничто (см.: «Бытие и ничто» [Сартр 2000]), а с другой – небытие (см.: «Бытие и небытие» [Лосев 1994]). Ничто и небытие не тождественны.

Философское понятие **“ничто”** не совпадает с житейско-обыденным представлением. То, что философы именуют этим термином, не является пустотой – локусом («связной областью пространства-времени» [Барвайс, Перри 1987: 264]), в котором нет материи и энергии. Ничто – это несуществование **всего** (материи, энергии, духа, информации, структуры, времени, пространства и чего бы то ни было вообще). По Сартру, не следует истолковывать ничто как то, что окружает бытие: ведь *то* значит “нечто” (в то

время как ничто по определению не есть нечто), а глагол *окружает* наводит на мысль, что за границами бытия имеется пространство, якобы вмещающее ничто. Однако, как упоминалось, ничто представляет собой несуществование абсолютно всего, а значит, и пространства. По этой причине нельзя сказать, что ничто находится где-то за границами бытия; места в пространстве для него нет. Это, можно сказать, «схлопнутое» бытие, его нулевая редукция.

Как указал Н. Винер, использование категорий, предполагающих существование абсолюта (таких, как “всемогущество”, “всезнание”, “бесконечность”, “вечность” и т.п.), не является конструктивным для рационалистического мышления и способно привести к логическому и когнитивному тупику [Винер 2003: 244-245]. “Ничто” представляет собой одну из категорий подобного рода. Мы толкуем ее с целью в дальнейшем продемонстрировать, как ее использование для выявления сущности лакун приводит к противоречиям. А сейчас укажем на следующее обстоятельство: если выясняется, что какая-то вещь представляет собой ничто, то из этого логически вытекает: данной вещи не существует. В частности, если оказывается, что лакуной именуют, по сути дела, ничто, это значит: лакуны в данной парадигме нет. Этот вывод важен для дальнейшего изложения.

Что касается **небытия**, эта категория более конструктивна для выяснения сущности лакун. Как ни парадоксально, небытие существует. «Бытие, чтобы быть, должно быть окружено ... небытием. Если есть бытие, то есть и небытие», – отметил А.Ф. Лосев [1994: 406] и там же определил небытие как «животворный хаос бесконечных трансформаций». В терминах теории информации это зовется энтропией – качественной неопределенностью, в которой заложены потенции качественной определенности бытия. «Небытие окружает нас со всех сторон», – указал А.Н. Чанышев [1990: 158]. Этим категория “небытие” отличается от категории “ничто”.

Тезис «Небытие существует» (представление небытия в виде особого рода бытия) нарушает первый закон формальной логики, а именно закон тождества; согласно этому закону, не-*t* есть не-*t*, а значит, не-*t* не есть *t*. В

частности, по закону тождества, небытие есть небытие, а следовательно, небытие не есть бытие.

Однако философы осмыслили соотношение бытия и небытия с точки зрения закона диалектической логики, а именно закона единства противоположностей, описанного Платоном, а впоследствии Гегелем. С этой точки зрения противоположности видятся как «становящиеся, переходящие друг в друга, исчезающие друг в друге» [Кондаков 2012: 145]. Так соотносятся бытие и небытие.

Согласно законам сохранения материи и энергии, вещь *n* появляется не из ничего, а из вещи *m*, и превращается не в ничто, а в вещь *p*. Ничто – это несуществование всего, а небытие – несуществование чего-то определенного; обратной стороной такого несуществования является существование чего-то другого. Не случайно слово *ничто* (англ. naught) не сопровождается дополнением, а слово *небытие* (англ. non-being) требует указания на то, чего именно не существует (небытие чего-то).

«Небытие и бытие совпадают в становлении», – указал А.Ф. Лосев [1994: 421].

Когда *m* становится *n*, небытие *m* и бытие *n* оказываются тождественными. В мире постоянно происходит взаимное превращение вещей. Хайям писал:

В этой тленной Вселенной	А прах развеют ветры пепелищ.
В положенный срок	Он станет глиной; из нее однажды
Обращаются в прах человек и цветок	Построят стены будущих жилищ.
...	

Небытие вещи *m* – не ничто; это, по существу, инобытие вещи *m* в виде вещи *n*, то есть в ином модусе (иной форме / субстанции / локусе). По Омару Хайяму, «эта чаша, которую держит рука, – // Грудь умершей красавицы или щека ...».

При взаимопереходе «бытие ↔ небытие» возможны три случая.

1) Вещь изменяет **форму**, которая придавала этой вещи качественную определенность, но сохраняет субстанцию. Например, в старину был обычай отливать из золотых монет обручальные кольца. Монеты уходили в небытие, иницируя бытие обручальных колец. Форма монет изменялась, а их субстанция – золото – сохранялась. Кольца и монеты не идентичны по форме, но идентичны по субстанции. Формальное небытие монет есть бытие колец.

2) Вещь сменяет **субстанцию**, сохраняя форму. Так, костная ткань динозавров, лёжа в земле сотни миллионов лет, постепенно вытесняется минералами, но форма скелетов остается прежней. Бытие окаменелостей – это субстанциональное небытие (то есть инобытие) скелетов. Оригиналы и их реплики не идентичны по субстанции, но идентичны по форме. Это именуется аналитическим тождеством: мы имеем дело не с теми же, а с такими же вещами. Но если вещью считать лишь форму в некотором интервале абстракции²⁰, то исчезнет противопоставление аналитического и синтетического тождества. Например, структуралисты считали язык чистой формой: «Датский язык, будь то устный, или писанный, или телеграфированный азбукой Морзе, или переданный флажковой сигнализацией, остаётся ... всё тем же датским языком» [Ельмслев 2006: 156]. Субстанциональные различия не релевантны для того, чтобы идентифицировать данную вещь как датский язык.

3) Вещь сменяет **локус**, сохраняя форму и субстанцию. Например, когда письмо, написанное на бумаге, пересылается традиционной почтой, за его небытием в месте отправления следует его бытие в месте назначения. Имеет место синтетическое тождество: в обоих локусах перед нами та же (а не такая же) вещь. Это обусловлено тем, что с места на место передвигаются и форма, и субстанция.

---

²⁰ «Интервал абстракции – пределы ее рациональной обоснованности ... и границы ее применимости» [Лазарев 2004: 164]. Ученый выделяет в многоуровневом строении вещи некоторый диапазон и рассматривает вещь как чистую форму, а всё остальное в составе данной вещи считается субстанцией; ученый отвлекается от нее. Этот диапазон и называется интервалом абстракции.

Однако в тех случаях, когда вещь считается не единство субстанции и формы, а чистая форма в некотором интервале абстракции, вещь оказывается в обоих локусах. Так, электронное письмо после пересылки прибывает в место назначения и притом сохраняется в месте отправления. Нейтрализуется оппозиция «синтетическое: аналитическое тождество»: в подобных случаях мы имеем дело с одним и тем же письмом вне зависимости от того, в каких субстанциях и скольких локусах оно воплощается. Дело в том, что субстанция не передвигается, а первоначальная форма размножается.

Приведенные соображения непосредственно связаны с установлением сущности лакун. Они позволяют установить, состоит ли безэквивалентная единица одного языка в отношении тождества с лакунарной единицей другого языка; если состоит, то в синтетическом или аналитическом тождестве, а если не состоит, то в каком локусе пребывает лакунарная единица.

Особо следует сказать о **виртуальном** (в терминах Гегеля [1997] – субъективном) бытии вещи как ее ментального образа, пребывающего в другом локусе (когнитивном мире) и другой (нейрофизиологической) субстанции, но в той же форме. Если, например, знак рассматривается как чистая форма, то он тождествен себе независимо от того, в какой субстанции он существует. Единица языка, сказанная, написанная либо мыслимая, представляет собой всё ту же единицу.

Так выглядит отношение между небытием и бытием. Далее охарактеризуем отношение между **отсутствием** и **присутствием / наличием**²¹. Строго говоря, глагол *отсутствовать* означает не “не существовать” и не просто “не находиться где-либо”, а “не находиться там, где **полагается находиться** согласно какой-либо норме”; *присутствовать* (*наличествовать*,

---

²¹ Согласно норме русского литературного языка, с одушевленными существительными следует сочетать слово *присутствие*, а с неодушевленными – слово *наличие* (так, словосочетание **при-сутствие доказательств* ненормативно; нужно говорить *наличие доказательств*). Что касается слова *отсутствие*, оно нормативно сочетается с обоими этими разрядами существительных.

быть налицо) в точном смысле значит “находиться там, где полагается”²². Суждения о наличии или отсутствии какой-либо вещи в том или ином локусе обладают пресуппозицией «Данной вещи полагается быть в данном локусе». В противном случае вещь не присутствует / отсутствует, а просто находится / не находится в данном локусе. Например, можно сказать, что первоклассник сегодня отсутствует на уроке (ведь ему полагается там быть), но нельзя сказать, что первоклассник сегодня отсутствует на заседании Думы (ведь ему там быть **не** полагается). На заседании Думы его просто нет.

Аналогичную идею высказал Ч. Филлмор, объяснивший, почему в живой речи вряд ли возникает фраза *There are no elephants in my kitchen* (“На моей кухне нет слонов”) [Филлмор 1988: 64]. Само собой разумеется, что на кухне слонов нет и быть не может, поэтому данная фраза неинформативна.

Вещь, которая наличествует или отсутствует в определенном локусе, для этого локуса является **своей** (*англ. to belong somewhere*, *букв. “принадлежать к какому-либо месту”*²³). Данная мысль прослеживается во внутренней форме слов *присутствовать* (*букв. “быть при <чем-то>”*), *иметься*²⁴, *быть налицо*²⁵. Существо дискуссии о меж- или внутриязыковом статусе лакун кроется в ответе на вопрос о том, где надо искать отсутствующую единицу / форму – в ином языке либо в этом же.

Соотношение перечисленных категорий охарактеризовано нами потому, что они входят в методологическую базу нашего исследования: “лакуна” получает определение через “отсутствие”, которое дефинируется через “небытие”, составляющее антитезу, с одной стороны, с понятием “бытие”, а с другой, с понятием “ничто”.

Вопрос о лакунах как важная часть рассматриваемой нами проблематики детально разработан нами в ряде трудов, но нормативные ограничения на объем диссертации не позволяют привести здесь все результаты наших

²² «Отсутствие – состояние, когда где-л. нет кого- / чего-л., что должно там быть» [СРЯАН].

²³ «Оборот *Something belongs somewhere* означает “там ему и место”» [LDCE].

²⁴ «*Иметься* – иметь место, находиться в качестве принадлежности» [СРЯ].

²⁵ «*Быть налицо* – быть здесь, в действительности, на своем месте» [ТССРЯ].

изысканий в этой области. Поэтому мы отсылаем читателей к работам о лакунах, перечисленным в списке наших трудов по теме. Они составляют часть нашего диссертационного исследования.

§6. Философское и лингвистическое понимание внутренней формы

Обратимся далее к категории “внутренняя форма”. Она является предметом полиаспектного обсуждения и анализа под разными углами зрения в трудах по философии и гуманитарным наукам в течение столетий. В разные эпохи, с разных точек зрения (хотя и не во всех случаях с применением термина *внутренняя форма*) данному явлению уделяли внимание столь выдающиеся философы, языковеды, психологи, семиологи, как Г. Гегель, В. фон Гумбольдт, Ш. Балли, А.А. Потебня, Ф. де Соссюр, В.В. Виноградов, Р.О. Якобсон, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский и др. При этом поныне не создано унифицированное учение о том, что же, в сущности, представляет собой внутренняя форма. Проблема остается до конца не раскрытой и ожидает дальнейшей разработки. Предстоит дать окончательный и развернутый ответ на ряд существенных вопросов, относящихся к данному явлению:

- что (выражение? содержание? язык? знак?) обладает внутренней формой;
- как внутренняя форма соотносена с внешней формой;
- как она соотносена с семантической субстанцией;
- как она соотносена со значением языковой единицы;
- как внутренняя форма содержания (в терминологии Г. Гегеля) соотносена с внутренней формой знака (в терминологии А.А. Потебни);
- в чем заключается *raison d'être* и предназначение внутренней формы.

Исследователи излагают противоречащие одно другому соображения по данному поводу, и это говорит о значительной сложности и многомерности проблемы. Опираясь на результаты изысканий российских и западных лингвистов и философов, не претендуя на полное и окончательное решение этой проблемы, мы поставили перед собой цель разработать формально-логически непротиворечивый взгляд на онтологическую сущность и предназначение внутренней формы. В этих целях в первую очередь необходимо

дать дефиницию форме вообще и языковой форме в частности. Форма – это то, что вызывает вещь из небытия, придает ей уникальность, снабжает качественной определенностью и относительной автономностью.

В предыдущем разделе отмечалось, что вещь (в философском значении этого термина) – это обособленное бытие, нечто характеризующееся наличием упорядоченной совокупности бытийных признаков (свойств, действий, отношений, состояний и др.). Упорядоченный набор регулярных отношений и связей бытийных признаков, присущих вещи, представляет собой **форму** данной вещи.

Категория “форма” соотносима со смежными категориями. В первую очередь она составляет антитезу категории “**субстанция**”. Этим термином называют массу, материал, организуемый формой. Форма превращает субстанцию в вещь. Субстанция может быть физической (материальной) или ментальной (идеальной).

В разные периоды развития науки понятие “субстанция” осмысливалось по-разному. На первых порах субстанция понималась как бесформенная масса. Но позднее ученые признали, что такого рода трактовка субстанции есть лишь теоретическая идеализация²⁶. Абсолютно бесформенной массы не бывает: «“Субстанция” ... относительна ... Электрон так же неисчерпаем, как и атом» [Ленин 1968: 277]. Субстанция формирована до бесконечности. По данной причине разделение формы и субстанции условно; это не более чем исследовательская операция, осуществляемая в контексте категоризации действительности.

Демаркационная линия между формой и субстанцией очерчивается с целью вычленив вещь из окружающей действительности, зафиксировать ее как уникальную сущность. Несмотря на то, что, согласно А.Ф. Лосеву, «не

---

²⁶ В науке «идеализация объекта есть мысленное доведение его свойств до предела, до абсолюта ... Идеализация ... связана с упрощением. Специфика идеализации состоит в возможности определить глубокую ... сущность объекта в “чистом виде” ..., позволяет исключить из рассмотрения несущественные для этой задачи свойства и отношения изучаемого объекта» [Платонова 1992: 3].

материя и не форма вещи есть сама вещь, но – соединение того и другого есть сама вещь» [Лосев 1994: 301], всё-таки качественная определенность вещи устанавливается прежде всего по форме этой вещи: «через форму определяется ... материя» [Лосев 2000: 130].

Мир имеет многоуровневое строение. В этой вертикали уровней можно вычлени́ть некоторый участок и на этой основе идентифицировать ту или иную вещь в ее уникальности и качественной определенности. Как уже упоминалось, идентификация осуществляется по форме (структуре); всё то, что осталось за ее пределами, относится к субстанции вещи. У того, что считается субстанцией этой вещи, структура не отсутствует, однако она иррелевантна в плане идентификации данной вещи.

В качестве примера приведем организм. Он вычленяется из окружающего мира как относительно самостоятельная вещь на участке между уровнем особи (это высший уровень) и уровнем нуклеотидов (это низший уровень) [Волцит 2012]. В этом диапазоне между высшим и низшим уровнями находятся уровень систем организма, затем уровень органов, затем уровень тканей, затем уровень клеток, затем уровень внутриклеточных органоидов, затем уровень нуклеиновых кислот.

Уровни иерархии, находящиеся выше уровня особи (популяция, биологический вид, биоценоз, биосфера) и ниже уровня нуклеотидов (сахара и фосфаты, химические элементы, субатомные частицы), выходят за рамки того участка иерархии уровней, в котором выявляется организм как относительно самостоятельная вещь. В упомянутом диапазоне вещь (в данном случае организм) обретает качественную определенность, уникальность и самождественность. Как упоминалось ранее, упомянутый диапазон носит наименование *интервал абстракции* [Новоселов 2003: 18].

Сказанное относится и к естественному языку. Здесь уместно напомнить приводившееся ранее высказывание Л. Ельмслева о датском языке. Качественная определенность и идентичность датского языка (так же, как и всякого иного) устанавливается не по его субстанции, а по его форме.

Как известно, структуралисты отвлекались от субстанции языка (как в плане выражения, так и в плане содержания), поскольку считали ее иррелевантной в лингвистическом аспекте. Они анализировали лишь форму (то есть, в данном случае, структуру) естественного языка²⁷. Именно поэтому сторонники данного подхода получили название *структуралисты*.

Но те языковеды, которые критиковали постулаты структурализма, указывали на то, что субстанция всё же значима для изучения вербальных языков: ведь языки имеют именно эту, а не иную структуру потому, что в функции субстрата используется не световая, не тактильная, а акустическая субстанция. Иные субстанции (такие, как письменность, транскрипция, азбука Морзе, морская система флажковых сигналов) носят вторичный характер в сравнении с акустической субстанцией. Следовательно, акустическая субстанция предопределяет структуру вербальных языков, на какие бы альтернативные субстанции эта форма ни переносилась.

Фактически это означает, что представители структурной лингвистики позиционировали в качестве лингвистически значимого такой интервал абстракции, который был несколько более заужен, чем это представляется целесообразным. Противники структуралистов доказывали, что этот интервал следует сделать несколько шире. Однако исходный тезис структурализма, согласно которому язык является структурой, выделяемой и идентифицируемой в некотором установленном интервале абстракции, – данный тезис, в сущности, сохранился до сих пор.

Наличие субстанции должно признаваться как факт, но в силу того, что ее собственная (не релевантная в лингвистическом плане) структура не учитывается при анализе, она не составляет объекта лингвистических изысканий. Естественный язык, конечно, не является «чистой» структурой, не имеющей субстанции; он является структурой, манифестированной в субстанции – вернее, единством субстанции и структуры (системой). Однако в

---

²⁷ Структура – это такая форма, которая присуща лишь системе; поскольку язык является системой, его форма является структурой.

целях решения поставленных задач исследователи в ряде случаев абстрагируются от языковой субстанции, условно считая естественный язык «чистой» структурой в определенном интервале абстракции.

При таком (не обязательно структуралистском, но, во всяком случае, структуральном) подходе единицы языка предстают как охарактеризованные выше (в § 4) абстрактные знаки-типы (легисайны) – в противовес знакам-экземплярам (= знакам-событиям), которые реально употребляются в речи и имеют определенный материальный субстрат. Такой подход, на наш взгляд, нельзя квалифицировать как философский идеализм или формализм. Его практиковали не только структуралисты. Он основан на упоминавшемся выше, давно и широко используемом в научном познании приеме идеализации – мысленном отвлечении от тех признаков объекта, которые не релевантны в свете поставленных исследовательских задач.

По существу, так ученые поступают с любым объектом анализа: некоторые свойства объекта, называемые его категориальными признаками, значимы для выявления его качественной определенности, а другие незначимы. В частности, качественная определенность шахматных фигур устанавливается по их темной / светлой (не обязательно черной и белой) окраске и внешнему абрису, тогда как их размер (от огромных садово-парковых до миниатюрных карманных шахмат), а также материал, из которого изготовлены фигуры (слоновая кость, дерево, пластик и др.), и детализация проработки очертаний не релевантны в плане распознавания шахматных фигур. В процессе игры происходит мысленное абстрагирование от размера, материала и мелких деталей формы фигур, однако это не означает, что шахматные фигуры считаются чем-то нематериальным.

Аналогично, организмом называют биологическое тело, когда сосредотачивают внимание на его внутренней структуре. Называя тело организмом, физиологи и медики не отрицают того факта, что рассматриваемая структура воплощена в материи. Этим ученых нельзя упрекнуть в формализме. То же относится к лингвистам, изучающим язык как структуру. Понятие

“структура языка”, как и понятие “организм”, не охватывает объект анализа целиком; это его модельный срез. В структуру языковой единицы входит не только структура означающего, но и структура означаемого (соответственно, есть субстанция означающего и субстанция означаемого). Это значит, что языковое (в терминах А.А. Потебни [2016], ближайшее) значение тоже является структурой – по отношению к субстанции означаемого.

Роль субстанции означаемого выполняет дальнейшее (энциклопедическое) значение языковой единицы. Таким образом, языковой знак-тип представляет собой двуплановую структуру (форму), но только в несколько более широком интервале абстракции, чем полагали структуралисты.

Итак, выше мы рассмотрели соотношение формы и субстанции. Обратимся далее к соотношению формы и содержания.

Еще во времена античности форма противопоставлялась содержанию; содержание метафорически уподоблялось вину, а форма – сосуду, в который налито вино. Когда вино переливают в другие сосуды, оно принимает разные формы, но остается всё тем же вином. Имелось в виду, что одно и то же содержание может выражаться в различных формах. Согласно этому взгляду, форма представляет собой нечто отдельное от содержания; содержание же само по себе аморфно (об этом см.: [Фрейдсберг 1996]; [Аристотель 2000]; [Платон 2006] и др.).

Критикуя этот тезис, Ю.Н. Тынянов писал, что хотя, по традиционным представлениям, «форма/содержание = стакан/вино, ... все пространственные аналогии, применяемые к понятию формы, ... только притворяются аналогиями» [Тынянов 2018: 27]. По его мнению, эта аналогия «хромает».

Тем не менее, в течение веков ученые придерживались вышеуказанных представлений. Но, наконец, в XIX веке Г. Гегель ввел антитезу внутренней и внешней форм содержания. «Содержание не бесформенно, – отметил он, – а форма в одно и то же время и содержится в самом содержании, и представляет собой нечто внешнее ему. Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она как рефлектированная в самое себя есть содержание; во-вторых, она как

нерефлектированная в самое себя есть внешнее, безразличное для содержания существование» [Гегель 1974: 298].

Внешней формой содержания Гегель называл форму его материальной манифестации, а внутренней формой содержания – собственное строение содержания, отдельное от формы его материального субстрата (внешней формы). В итоге был выдвинут тезис: содержание имеет свою форму, а выражение – свою. Содержание оказалось противопоставленным не форме, а **выражению**.

Эту мысль в начале XX века теоретически обосновал Ф. де Соссюр [1996], а позднее – его последователи. На смену прежней оппозиции «содержание :: форма» в структуралистских учениях пришла оппозиция «означаемое :: означающее» (в терминах глоссематики – «план содержания :: план выражения»). Каждое из них обладает своей формой и своей субстанцией. Л. Ельмслев [1999; 2006] детально описал корреляцию форм плана содержания и плана выражения языкового знака.

Установим далее соотношение между **внутренней формой содержания** [Гегель 1974] и **внутренней формой языкового знака** [Потебня 2010а]. Для этого вначале определим понятие “внутренняя форма”. В трактовках этого понятия имеются разногласия, вызванные тем, что ученые в ряде случаев **не различают внутреннюю форму содержания и внутреннюю форму языкового знака**.

Понятие “внутренняя форма” сначала употреблялось не в лингвистических, а в философских трудах и трактовалось независимо от языковедческих изысканий. Внутренней формой Г. Гегель именовал организацию содержания [Гегель 1974: 324]. «По Гегелю, внутренняя форма и есть ... ядро, суть содержания» [Агудов 1977: 66]. Подчеркнем: здесь речь идет о форме самого содержания, а не о форме знака, манифестирующего это содержание. Некоторые лингвисты ([Поляков 1986], [Медведева 1989], [Саная 1990] и др.) отождествляли эти две формы. Они придерживались мнения, что внутренняя форма языковой единицы является структурой ее содержания. В

частности, по С.Н. Саная, «в динамическом аспекте внутренняя форма знака рассматривается как способ организации ... значения» [Саная 1990: 124].

Но мы полагаем, что это утверждение требует существенной корректировки. Употребление термина *организация* заставляет думать, что внутренняя форма языковой единицы – это не что иное как форма (структура) ее значения. Однако имеются веские основания полагать, что внутренняя форма языковой единицы является не структурой значения, а его **субструктурой**, моделирующей структуру значения.

Как известно, система значений существует в некоторой мере автономно от системы средств ее языковой репрезентации. Автономность проявляется в наличии динамической корреляции между означаемыми и означающими, в их асимметричном дуализме, во взаимно-многозначных отношениях между их единицами [Карцевский 2001]. Одно и то же значение может передаваться разными языковыми знаками, а один и тот же языковой знак может передавать разные значения.

Структура означаемого в одних случаях полностью совпадает со структурой означающего (*e.g.* non-stick frying pan “сковорода с антипригарным покрытием”), в других – не полностью (*e.g.* eater “фрукт, который можно есть сырым”, букв. “съедобный”), а в третьих случаях не совпадает совсем (*e.g.* wild cat “разведывательная нефтяная скважина”, букв. “дикий кот”). Чтобы выяснить степень этого совпадения, необходимо сравнить дефиницию буквального значения с дефиницией реального значения (того, в котором языковая единица действительно употребляется в речи).

Ю.М. Лотман верно отметил, что иконический знак «моделирует свое содержание» [Лотман 1998: 21]. Такой знак в плане выражения является моделью собственного значения, отражает в своей структуре всю или часть структуры значения и делает это сжато или развернуто, в большой или малой мере, адекватно или неадекватно. Между структурой выражения и структурой содержания имеется двусторонняя связь, но, как упоминалось, эти структуры не всегда совпадают.

Если подходить к иконическому знаку как к модели своего содержания, то внутренняя форма такого знака есть один из уровней строения этой модели – тот уровень, который носит семантический характер; помимо него, существует фонетический уровень моделирования содержания языкового знака – внешняя форма.

Отсюда следует вывод: нужно различать философское и языковедческое понимание внутренней формы, не отождествляя трактовку Г. Гегеля и трактовку А.А. Потебни. В философии, по Гегелю, говорится о внутренней форме **содержания** (то есть о структуре значения), а в лингвистике, по Потебне, речь идет о внутренней форме **языковой единицы**; эта форма моделирует внутреннюю форму содержания. Внутренняя форма содержания есть форма отражения фрагмента действительности в человеческом сознании, а внутренняя форма языковой единицы есть форма отражения ее плана содержания в ее плане выражения.

Как показано выше, в ряде случаев эти формы совпадают: внутренняя форма языковой единицы налагается на структуру значения, как бы растворяясь в ней. Но в иных случаях внутренняя форма не состоит в изоморфном отношении со структурой значения; тогда имеет место, так сказать, стереоскопическое видение объекта номинации, то есть взгляд на него под двумя углами зрения.

К примеру, внутренняя форма английского существительного *rainbow* “радуга” (*rain* “дождь” + *bow* “арка”) отражает существенные признаки объекта номинации: радуга появляется после дождя и имеет форму арки. Внутренняя форма этого слова конгруэнтно наложена на часть структуры его значения. Приведем дефиницию: “Rainbow – an *arc* that exhibits the colors of the solar spectrum and is formed by the reflection of the sun’s rays in drops of *rain*” [MWD] (радуга – *арка*, демонстрирующая цвета солнечного спектра и образующаяся в результате отражения солнечных лучей в каплях *дождя*). Как видим, в это лексическое значение входят семы “арка” и “дождь”, составляющие

внутреннюю форму существительного *rainbow* (в дефиниции соответствующие слова выделены курсивом).

Приведем пример другого рода. Внутренняя форма слова *pineapple* “ананас” (*pine* “сосна” + *apple* “яблоко”) не отражает существенных признаков объекта номинации. Дефиниция гласит: “a fruit of a tropical monocotyledonous plant of the family Bromeliaceae that has rigid spiny-margined recurved leaves and a short stalk with a dense oblong head of small abortive flower” [MWD] (плод тропического однодольного растения семейства бромелиевых с жесткими загнутыми листьями с колючими краями и коротким стеблем с плотной продолговатой головкой маленького недоразвитого цветка). Как видим, семы “сосна” и “яблоко”, составляющие внутреннюю форму этого слова, не входят в состав его значения.

Понятийный взгляд на объект номинации, отраженный в значении слова, дополняется языковым (образным) взглядом, отраженным во внутренней форме слова. Двойное моделирование денотата в двухъярусной семантике единиц естественного языка повышает моделирующий, выразительный и изобразительный потенциал естественного языка по сравнению с формализованными знаковыми системами.

Если бы внутренняя форма языковых единиц была структурой их значений, то, как верно отметил И.Н. Горелов, правы были бы радикальные приверженцы гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа; они полагают, что внутренняя форма языковых единиц (и всего языка) жестко диктует носителям языка взгляд на мир [Горелов 1987: 125].

Но ведь носители английского языка в своем мышлении не настолько «рабски» подчиняются языковой форме, чтобы считать, что, к примеру,

- слово *hedgehog* “ёж” (*hedge* “изгородь” + *hog* “свинья”) в буквальном смысле обозначает подзаборную свинью;
- название *sea horse* (рус. *морской конек*) обозначает лошадь, обитающую в море;
- слово *lady-bird* (жук семейства *Coccinellidae*) обозначает птицу дворянских кровей;

- слово *bullfrog* (лягушка *Lithobates*) буквально обозначает гибрид быка и лягушки;
- слово *highball* “коктейльный стакан” буквально обозначает высоко поднятый шар;
- оборот *cool cat* “удалец” буквально обозначает кота с пониженной температурой;
- *monitor lizard* “варан” обозначает ящерицу, которая работает наблюдателем (“по поверью, варан предупреждает людей о приближении крокодила” [OED]).

Внутренняя форма языковых единиц всё же не до такой степени детерминирует человеческое мышление, чтобы понимать всё вышеперечисленное буквально. Она моделирует (специфически отображает) структуру значения языковой единицы, а не подменяет ее собой. Подчеркнем еще раз: структура значения языковой единицы и внутренняя форма языковой единицы – не одно и то же.

Следует, впрочем, оговориться, что в ряде случаев внутренняя форма влияет на осмысление значения языковой единицы, в одних случаях помогая адекватному пониманию значения, а в других случаях, напротив, способствуя его искажению.

Так, внутренняя форма английского разговорного оборота *baby kisser* “политик-популист” (букв. “целователь младенцев”) ярко характеризует этот социокультурный типаж по одному из излюбленных приемов публичной самопрезентации и передает насмешливое отношение электората к таким кандидатам во власть. Это весьма удачная внутренняя форма, обогащающая значение упомянутой языковой единицы. Остроумными находками представляются также внутренние формы нижеследующих английских языковых единиц:

- *a Cromwell in petticoats* “властная женщина, бой-баба” (букв. “Кромвель в юбке”)
- *army grapes* *шутл.* “мелкий картофель” (букв. “армейский виноград”)
- *a hand grenade* *шутл.* “большой гамбургер” (букв. “ручная граната”)
- *the head shed* *воен. жарг.* “штаб” (букв. “главный сарайчик”)
- *a chicken barn* *воен. жарг.* “авианосец” (букв. “курятник”)
- *moo and cackle* *разг.* “омлет” (букв. “му-му и ко-ко”)

В подобного рода внутренних формах языковых единиц реализуется креативный потенциал народа-языкотворца. Вышеприведенные примеры подтверждают известную характеристику: «Слово есть искусство» [Потебня 2016: 190].

Но порой внутренняя форма слова или словесного оборота затемняет смысл:

- Английский политический термин *anarchy* (ср. рус. *анархия*) от древнегреческого ἀναρχία “безвластие” обозначает особый вид общественного самоуправления, но его внутренняя форма побуждает неверно осмысливать его как полное отсутствие государственной власти, а то и вовсе как социальный хаос; такое искаженное понимание порой приводит к негативным социально-политическим последствиям.
- Английский термин *freedom of conscience* (ср. рус. *свобода совести*) имеет точное значение “the right of an individual to adhere to his convictions and profess his beliefs” [LD] (право индивида придерживаться своих убеждений и верований), но его внутренняя форма побуждает к его ложному, социально опасному осмыслению: “freedom from moral norms and obligations” (свобода от моральных норм и обязательств).
- Еще один политический термин – *the right of nations for self-determination* (ср. рус. *право наций на самоопределение*) – согласно Уставу ООН обозначает право народов устанавливать свой политический статус и форму государственного правления; но нередко он ложно трактуется как право на захват чужих земель. Такая демагогическая трактовка предназначена для оправдания территориальной экспансии.

На основании вышесказанного мы считаем возможным утверждать, что внутренняя форма единицы языка не является структурой ее значения. Подчеркнем еще раз: она представляет собой **модель** структуры значения – такую модель, которая отражает эту структуру с разной степенью полноты и адекватности.

В ряде случаев внутренняя форма языковой единицы представляет собой ее «бывшее» значение, относящееся к одной из прежних картин мира. Взгляд на денотат сквозь двойную семантическую «призму» обеспечивает объемность его осмысления, иногда обогащенного, а иногда, напротив, подверженного абберациям. Внутренняя форма языка предстает как «мозаика» из прежних представлений, относящихся к разным культурно-историческим эпохам. Ниже приводится ряд примеров.

- Представление о кино как о движущихся картинках, а также его английское название (*moving pictures*, *сокращ.* *movies* – калька с *франц.* *cinématographie* от *древнегреч.* *κίνημα* “движение” + *γράφω* “изображаю”) возникли в 1890-е гг.
- Представление о короткошерстном мастифе как о бычьей собаке, а также его английское название *bulldog* возникли в 1500-е гг., когда была выведена эта порода специально для старинной английской забавы – травли быков.
- Представление о грызуне вида *Cavia porcellus* как о гвинейской свинье, а также его английское название (*guinea pig*) возникли в 1660-е гг., когда этот грызун был впервые привезен в Великобританию из Южной Америки²⁸.
- Представление о подъемном механизме (кране) с длинным рычагом как о журавле и его английское название (*crane*) возникло в конце XIII в. (по словарям [OED], [KED]).

Граница между двумя семантическими ярусами языковой единицы – значением и внутренней формой – зыбка и проницаема. Внутренняя форма не только моделирует значение, она влияет на него, обогащая его, придавая ему экспрессивность, оценочность и этнокультурное своеобразие. Это проиллюстрировал, в частности, М. Робертс, сравнивший русский оборот *белый свет* в значении “окружающий мир” и его английский эквивалент *wide world*. Понятийно они совпадают, но в русском обороте мир представлен как всепроникающий дневной свет, а в английском – как ширь просторов, что обеспечивает их идиоэтнический колорит [Roberts 2020: 291]. Как видим, содержание и выражение в языковых единицах составляют единство.

²⁸ Гвинея находится в Африке, но определение *guinea* (“гвинейский”) в английском языке приобрело широкое значение “экзотический”. Ср. рус. *морская* (первонач. *заморская*) *свинка*.

§7. Внутренняя форма языковой единицы как мотиватор ее значения

Внутреннюю форму языковой единицы нельзя изучать изолированно, в отрыве от реального значения этой единицы. Мы придерживаемся следующего понимания внутренней формы языковой единицы: это воплощенный во внешней (звуковой) форме семантический пласт, относящийся не к плану содержания, а к плану выражения и выполняющий функцию **мотивировки** значения, причем не каждого, а определенного, отдельного значения рассматриваемой языковой единицы.

Семантические варианты одной и той же языковой единицы имеют одно и то же буквальное значение, но при этом иногда они имеют разные внутренние формы. Внутреннюю форму можно выявить лишь тогда, когда буквальное значение налагается на конкретное реальное значение и при этом становится понятно, какие части их структур совпали и как это произошло. Например, плыть по течению можно, активно используя его силу, или пассивно следовать воле волн. Эти два аспекта буквального значения легли в основу двух реальных значений английского фразеологизма *to go with the flow* (букв. “плыть по течению”, *перен.* (1) “использовать благоприятные обстоятельства”; (2) “поддаваться общей тенденции”). Семантические варианты этого фразеологизма имеют одно и то же буквальное значение, но разные внутренние формы, различающиеся семами “активно” и “пассивно”.

То же можно сказать о существительном *moonshine*. Оно имеет одно буквальное значение (“лунное сияние”) и два реальных: (1) “самогон”; (2) “нечто призрачное, трудноуловимое; фантасмагория”. В основу переосмысления буквального значения легли его разные аспекты: (а) во времена сухого закона в США самогон производился тайно, по ночам; (б) при свете луны имеет место плохая видимость и зыбкость очертаний предметов. Эти две грани буквального значения образовали две разных внутренних формы двух лексико-семантических вариантов данного слова.

Единицы разных языков тоже могут иметь одинаковые буквальные значения, но их внутренние формы и их реальные значения могут различаться.

Ср.:

- *англ.* red fish “морской окунь” и *рус.* красная рыба “рыба лососевых пород”
- *англ.* whitefish “донная промысловая рыба (треска, минтай, хек, пикша *etc*)” и *рус.* белорыбица “нельма”
- *англ.* black eye “фингал” и *рус.* черный глаз (= дурной глаз) “порча, сглаз”
- *англ.* to eat dog “стерпеть унижение” и *рус.* собаку съесть “обрести опыт”
- *англ.* to take to one’s bosom “жениться” и *рус.* принять на грудь “выпить”
- *англ.* wind in the head “зазнайство” и *рус.* ветер в голове “легкомыслие”
- *англ.* to cut the cord (букв. “перерезать шнур”) “отказаться от услуг абонентской связи” и *итал.* tagliar la corda “сбежать, улизнуть”
- *англ.* white night “ночь без сна” и *рус.* белая ночь “летняя ночь в приполярной местности”
- *англ.* white mushroom “шампиньон” и *рус.* белый гриб “боровик”
- *англ.* destroyer “эсминец” (корабль) и *рус.* истребитель (самолет).

В подобного рода примерах роль мотиватора производных значений исполняют разные аспекты исходного значения [Савицкая 2022: 2660-2665].

Но когда реальные значения языковой единицы в том или ином отношении аналогичны друг другу, буквальное значение налагается на эту общую часть реальных значений и мотивирует их одним и тем же способом. Например, в прошлом три контингента людей имели общую отличительную черту внешности – синий мундир. На этой основе возник английский фразеологизм *blue coat*. Он имеет три метонимических значения: (1) *разг.* “моряк”; (2) *истор.* “ученик благотворительного учебного заведения”; (3) *истор.* “солдат армии северян времен гражданской войны в США”. Все эти значения мотивированы одной и той же гранью образа синего мундира. У них одинаково не только буквальное значение, но и внутренняя форма.

Фразеологизм *red cap* (букв. “красный колпак”) метонимически обозначает гнома. Что касается топонима Red Cap, присущего краснозёмному холму в Пенсильвании (Red Cap Hill 2023) и образованного путем семантического переноса по форме и цвету, он имеет то же буквальное

значение, что и фразеологизм *red car*, но иную внутреннюю форму, поскольку его буквальное значение по-другому (не метонимически, а метафорически) мотивирует его реальное значение.

У энтомонима – фразеоматизма *red bug* – буквальное значение “красный жук” мотивирует три его реальных значения одним и тем же способом, а именно путем сужения значения: (1) “жук пожарник (*лат. Dysdercus*)”; (2) “жук краснотелка (*лат. Trombicula*)”; (3) “жук солдатик (*лат. Pyrrhocoris*)”. Значит, все три семантических варианта этого энтомонима имеют не только одинаковое буквальное значение, но и одинаковую внутреннюю форму.

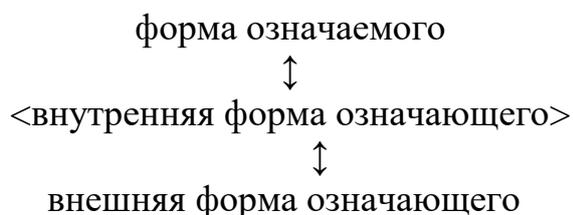
Приведем теперь пример другого рода. Фразеологизм *red bug* “красный жук” (разговорное название одной из марок автомобилей фирмы «Фольксваген») имеет то же буквальное значение, что и фразеоматизм *red bug*, но внутренняя форма у него иная, поскольку буквальное значение мотивирует реальное значение другим способом (не путем сужения значения, а путем метафорического переноса значения).

Роль внутренней формы языковой единицы исполняет не только та часть образа, которая эксплицирована лексическими и грамматическими средствами, но и всё то, что значимо для мотивировки значения данной единицы. Например, роль внутренней формы английского фразеологизма *Damocles' sword* и русского *Дамоклов меч* исполняет не только семема “меч Дамокла” (этого мало для мотивировки значения), но и весь античный миф, объясняющий, почему этот меч символизирует постоянно нависающую опасность. Это подтверждает приводившийся выше тезис: у семантически мотивированной языковой единицы внутренняя форма принадлежит не к плану содержания, а к плану выражения. На это указывали К.А. Долинин [1978: 94] и А.И. Новиков [1989: 95], но данная точка зрения не общепринята.

Наша (приведенная выше) аргументация направлена на подтверждение этой точки зрения. Структура значения – это форма плана содержания языковой единицы, а внутренняя форма языковой единицы – это часть формы ее плана выражения. На наш взгляд, в утверждении, что внутренняя форма есть

способ организации значения [Саная 1990: 124], формулировку *способ организации значения* следует трактовать не в смысле “структура значения”, а в смысле “модель структуры значения” [Савицкая 2022: 2660-2665].

Структуру мотивированной единицы языка, складывающуюся из трех форм, можно отобразить на схеме (см. ниже рис. 5):

Рис. 5. Три формы мотивированной языковой единицы

На этой схеме угловые скобки служат условным обозначением того, что внутренняя форма мотивированной языковой единицы **не** является обязательной частью ее структуры. У ономапопеических слов (таких, как англ. *splash, sizzle, rattle, crack*, рус. *плеск, хrap, хруст, лязг*) внутренняя форма отсутствует; функцию мотивировки значения выполняет их внешняя – фонетическая – форма.

Становясь функциональной заменой внутренней формы языковой единицы, ее звуковая форма, в терминах Г. Гегеля, перестает быть «внешнее безразличной для содержания». Располагаясь между внешней формой и значением языковой единицы, внутренняя форма языковой единицы выступает в качестве мотиватора не только ее значения, но и ее внешней (фонетической) формы, «указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» [Внутренняя форма слова 1990: 85], определяет выбор означающих для элементов означаемого.

Говоря в целом, внутренняя форма выступает как фактор создания структуры языковой единицы на разных уровнях этой структуры. В качестве примера могут послужить английское название *milk powder* (букв. “молочный порошок”) и его русский эквивалент *сухое молоко*: семы, из которых состоит одно и то же значение, неодинаково распределены по десигнаторам

(лексическим компонентам этих словосочетаний) из-за различия во внутренних формах английского и русского названий (см. ниже рис. 6а и рис. 6б):

“не содержащий воды”	
“состоящий из молока”	“состоящий из мелких частиц продукт”
Milk	powder

Рис. 6а. Структура значения английского названия milk powder

“состоящий из мелких частиц”	
“не содержащий воды”	“состоящий из молока продукт”
Сухое	молоко

Рис. 6б. Структура значения русского названия сухое молоко

Так, по нашим эмпирическим наблюдениям и теоретическим представлениям, соотносятся понятия “буквальное значение / реальное значение / внутренняя форма / внешняя форма языковой единицы”.

Прокомментируем далее понятие “**образная основа**”. Мы согласны с тезисом, согласно которому образная основа и внутренняя форма знака – это **не** одно и то же [Мелерович 1983: 82]. Образной основой целесообразно называть разновидность внутренней формы, присущую знакам с образным значением, которое толкуется как «значение, выраженное посредством созданного в языковой форме представления ..., инородного по отношению к денотату языкового знака» [Мелерович 2008: 45].

Процитируем сходное толкование: «Лингвистический образ – это созданное средствами языка двуплановое изображение, основанное на выражении одного предмета через другой» [Коралова 2014: 1]. Указанный автор относит к образным средствам компаратив, метафору и метонимию. Добавим: в этот ряд входят также перифраз и аллегория, поскольку они тоже соответствуют данному толкованию.

В этих толкованиях подчеркнуто, что денотат значения и денотат образной основы языковой единицы не пересекаются по объему. Значение, имеющее образную основу, обычно называют переносным. Именно этим свойством переносное значение отличается от суженного, расширенного и сдвинутого по объему значений, денотаты которых так или иначе пересекаются с денотатами буквальных значений (об этом см.: [Ерохина 1999], [Куликова 2011], [Щукина 2015] и др.).

Значения, которые претерпели то или иное преобразование, противопоставляются буквальным значениям и называются транспонированными (термин Е. Куриловича [2000]), т.е. смещёнными по отношению к объему (денотату) буквального значения языковой единицы.

Проведем разграничение понятий из этой области.

- Буквальное значение языковой единицы – это то значение, которое выводится из значений ее составных частей (морфем или лексем) по стандартному правилу комбинирования значений (описанному, в частности, в работе М.В. Никитина [2009]).
- Транспонированное значение языковой единицы – значение, преобразованное по схеме сужения, расширения, сдвига или переноса буквального значения.
- Реальное значение языковой единицы – значение, в котором данная единица употребляется в речи. Оно бывает как буквальным, так и транспонированным.
- Образная основа – буквальное значение такой языковой единицы, которая имеет переносное реальное значение.
- Внутренняя форма языковой единицы – ее буквальное значение, выполняющее функцию мотивировки ее реального значения.

Обратимся далее к вопросу о том, как соотносятся друг с другом понятия “внутренняя форма языка” и “языковая картина мира”.

Когда в лингвистических трудах речь идет о внутренней форме, обычно имеется в виду внутренняя форма отдельных языковых единиц. Но еще В. фон Гумбольдт писал о внутренней форме языка в целом [Гумбольдт 1984а: 103].

Под нею он подразумевал миропонимание, выработанное народом в культурно-историческом процессе и заключенное в языке.

Понятие “внутренняя форма языка” коррелирует с понятием, которое выражается термином *языковая картина мира* – «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном сознании» [Небольсина 2005: 302]. Понятие “языковая картина мира” возникло вследствие дальнейшей разработки понятия “внутренняя форма языка”; но, наш взгляд, эти понятия не должны отождествляться друг с другом.

О том, что представляет собой внутренняя форма языка, можно судить, в частности, по картине П. Брейгеля Старшего «Фламандские пословицы»: на ней кто-то кроет крышу пирогами, кто-то кусает колонны, кто-то привязывает дьявола к подушке, кто-то бросает жемчуг свиньям, кто-то развеивает перья по ветру и т.п. На картине люди совершают множество абсурдных действий, которые они, будучи в здравом уме, никогда не совершают в реальной действительности (см. ниже рис. 7).

Рис. 7. Внутренняя форма фламандского языка по П. Брейгелю

Нечто подобное наблюдается на Острове пословиц в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» (Рабле 2016): жители этого острова садятся между двух стульев, едят топоры с горчицей, кормят собак овсом и т.п. Аналогичным образом, в сказках об Алисе (Кэрролл 2019) фигурируют умопомрачительные персонажи английской идиоматики и фольклора: Mock Turtle – Фальшивая Черепаха (< mock turtle soup – суп из телятины, имитирующий черепаховый суп), Mad Hatter – Сумасшедший Шляпник (< as mad as a hatter), March Hare – Мартовский Заяц (< as mad as a March hare), Cheshire Cat – Чеширский Кот (< to smile like a Cheshire cat), Humpty Dumpty – Шалтай-Болтай (говорящее яйцо), Jabberwocky (монстр Бармаглот) и др.

Всё перечисленное – это фантасмагория, а вовсе не «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, способ концептуализации действительности», как охарактеризовала картину мира Анна А. Зализняк [2014: 9].

Языковая картина мира «связана с отражением бытового, обыденного восприятия вещей» [Апресян 1995: 38]. Хотя она еще не носит научного характера, за ней «стоит практический опыт десятков поколений» [там же: 39]. Она достаточно адекватна миру, чтобы человек мог выживать в нем, достигать реальных целей и добиваться успеха. Языковая картина мира – вовсе не фантасмагория; в противном случае через призму языка его носители воспринимали бы «мир вверх тормашками» (таково второе название вышеприведенной картины Брейгеля).

Внутренняя форма языка составляет нижний (образный) слой языковой картины мира, субстрат, на котором зиждется верхний (понятийный) слой.

Например, в научной картине мира алмаз представлен следующим образом: “a polymorph of carbon, naturally crystallized in the isometric system, with a hardness on the Mohs scale of 10, a specific gravity of approximately 3.52 and a refractive index of 2.42” [Diamond 2005] (полиморф углерода, естественным путем кристаллизовавшийся в изометрической системе, с твердостью по шкале

Мооса 10, удельным весом около 3,52 и показателем преломления 2,42). Эта характеристика, в которой представлена глубинная сущность объекта, **не** отражена в языковой картине мира. В ней отражены его поверхностные, непосредственно наблюдаемые признаки: “a transparent, extremely hard precious stone used in jewellery and in industry for cutting hard things” [CED] (прозрачный, чрезвычайно твердый драгоценный камень, используемый в ювелирном деле и в промышленности для резки твердых предметов).

Два из этих признаков отражены во внутренней форме английского слова *diamond*, имеющего древнегреческие корни: *αδάμας* “нерушимый” и *διαφανή* (прозрачный)” [KED]. Их недостаточно для того, чтобы представить алмаз в языковой картине мира. Для этого требуется не только внутренняя форма слова *diamond*, но и всё его обыденное значение целиком.

Как упоминалось, значения единиц обыденного языка образуют семантическую сетку, членящую мир определенным способом, отличным от того способа, которым членит мир наука, а внутренняя форма языка служит вспомогательным средством категоризации мира. Вот почему мы считаем, что внутренняя форма языка **не** тождественна языковой картине мира, а составляет лишь ее **часть**. Такого понимания рассмотренных выше понятий мы придерживаемся в дальнейшем.

§8. Понятие “языковое мышление”

Поскольку термин *языковое мышление* вынесен в заглавие настоящей диссертации и, следовательно, является одним из ключевых в нашей работе, представляется необходимым уточнить, на какое из толкований этого термина мы опирались в ходе исследования.

Само понятие “языковое мышление” имплицитно подразумевает существование понятия “неязыковое мышление”. Возможность существования мышления без языка длительное время обсуждалась в рамках полемики между

представителями логического и психологического направлений в языкознании. В настоящее время эта проблема рассматривается в двух аспектах.

Первый аспект проблемы лежит в плоскости семиотики культуры. Создатели постмодернистской семиологии на Западе и представители Тартуско-московской школы в нашей стране показали, что культуру можно представить как систему кодов, а вербальный язык – как один из этих кодов. В культуре существуют **невербальные коды**, которые тоже служат основой мышления:

- работник физического труда целенаправленно и осмысленно совершает сложные серии ручных операций на основе предметно-наглядного мышления (без слов);
- таксист мысленно выстраивает маршрут до места назначения, руководствуясь имеющейся у него в голове визуальной (несловесной) схемой города, причем схема представляет собой не карту, а совокупность зрительных образов;
- боксер на ринге предугадывает действия противника и вырабатывает свою тактику боя, не облакая эти ментальные действия в слова (иначе он ушел бы в нокаут);
- скульптор мыслит пространственными формами, а живописец и архитектор добавляют к ним еще и цвет;
- композитор мыслит нотными структурами в рамках так называемого музыкального семиозиса (см. о нем: [Капичина 2015]);
- так называемый человек-счетчик моментально производит в уме головоломные арифметические действия, не прибегая к их словесному выражению (при такой скорости счета он просто не успевал бы вербализовать их) и т.д.

Приведем еще раз известный тезис – теперь уже в иной связи: «Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков, а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [Моррис 2001: 45]. Добавим: эти знаки – далеко не только словесные. Но

словесный язык – главная знаковая система. Лишь на первый взгляд может показаться, что он «теряется» в богатом спектре знаковых средств культуры, которыми располагает мышление. Более пристальный взгляд позволяет убедиться в его главенстве.

Здесь следует вернуться к понятию “первичная моделирующая система”, которое в семиотике культуры применяется к естественным языкам. Среди знаковых систем естественный язык первичен в том плане, что на его основе в онтогенезе речи формируется менталитет. Личность человека запрограммирована прежде всего родным словесным языком; им же структурирована картина мира, им задано рациональное и эмоциональное отношение субъектов к явлениям окружающего мира, в нем заключен опыт поколений, он навязывает своим носителям паттерны поведения в социокультурной среде.

Остальные знаковые системы, которыми пользуются люди, основаны на вербальном языке и носят вспомогательный характер. Когда, например, зодчий проектирует храм, его пространственное мышление руководствуется религиозной концепцией мироустройства, существующей в словесной форме. Рабочий, совершая трудовые операции за станком, осознаёт социальную цель и смысл своих действий, и это понимание тоже базируется на вербальном мышлении. Отдельные акты неязыкового мышления опираются по большому счету на мышление языковое.

Второй аспект проблемы соотношения языкового и неязыкового мышления лежит в плоскости психолингвистики. Вопрос состоит в том, насколько словесный язык участвует в возникновении, формировании и развитии мысли.

Исходя из теоретических положений о нетождественности мышления и словесной речи, о возможности мыслить на невербальной основе и об обязательности знакового оформления мышления, психологи, логики и лингвисты поставили вопрос о том, в какой знаковой форме протекает мышление.

Эту проблематику в нашей стране разрабатывали Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов, А.А. Залевская, И.А. Зимняя и др., а за рубежом – Н. Хомский, Р. Джекендофф, Дж. Фо-дор, Дж. Катц, Ч. Филлмор, Р. Ван-Валин, У. Фоли, Дж. Миллер и др.

Со своих позиций данным вопросом занимались и представители психоанализа. З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм, О. Ранк и другие психоаналитики утверждали, что образы, являющиеся человеку во сне и измененных состояниях сознания, составляют своего рода язык, и трактовали сновидения как тексты на этом языке.

Руководствуясь аналогичными соображениями, но имея в виду обычное состояние сознания, Н.И. Жинкин [1998] ввел понятие предметно-схемного (предметно-изобразительного) кода, под которым он подразумевал невербальную знаковую систему; ее единицы – сенсорные образы, имеющие тот или иной смысл. На базе этого кода осуществляется мышление «в чистом виде», еще не вербализованное, не развернутое в знаковую цепь, носящее нелинейный, объемный характер, но уже не свободное от определенной знаковой формы.

«То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно», – отметил Л.С. Выготский, имея в виду объемный характер мышления в противовес линейному характеру речи. В этой же работе он сравнил мысль с нависшим облаком, которое проливается дождем слов [Выготский 2016: 46].

Словесную форму мышление обретает по мере перехода от индивидуального предметно-изобразительного кода субъекта к общенародному этническому языку. Такой переход необходим, во-первых, потому, что результаты мышления должны передаваться другим людям, а во-вторых, потому, что словесный язык – самая богатая знаковая система – обслуживает мышление полнее и, как правило, качественнее, чем другие знаковые системы.

Мышление на предметно-изобразительном коде – это лишь начальный этап оформления мысли. Между таким мышлением и внешней (словесной) речью, объективированной произносимыми звуками или графическими знаками, находится внутренняя речь – смесь сенсорных образов и вербальных единиц, свернутая и редуцированная по сравнению с внешней речью. Согласно одному из положений теории речевой деятельности, во внутренней речи осуществляется логическое формирование и вербальное формулирование мысли, и эти этапы тесно переплетены.

«В речи мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы сплошь и рядом ее формируем», – указал С.Л. Рубинштейн [2015: 395]. Поясняя этот тезис, он отметил: «Мысль зарождается ... в виде тенденций, сначала имеющих лишь несколько ... опорных точек, еще не вполне оформившихся. От этой мысли, которая еще больше тенденция и процесс, чем ... оформившееся образование, переход к мысли, оформленной в слове, совершается в результате очень сложной ... работы. В процессе речевого оформления мысли работа над речевой формой и работа над мыслью, которая в ней оформляется, взаимно переходят друг в друга. В самой мысли в момент ее зарождения в сознании индивида часто переживание ее смысла для индивида преобладает над оформленным значением ... Сформулировать свою мысль, т.е. выразить ее через обобщенные безличные значения языка, означает как бы перевести ее в новый план объективного знания и, соотнеся свою личную мысль с фиксированными в языке формами общественной мысли, прийти к осознанию объективированного значения» [Рубинштейн 2015: 396].

В процессе формирования и формулирования мысли в голове человека осуществляется серия кодовых переходов от мысли к внешней речи. Это непростой, порой творческий процесс, получивший название *муки слова*. Обычный человек думает и говорит главным образом по шаблону, а художник слова создает новые формы выражения мысли.

При этом в ряде случаев происходит частичная потеря и искажение информации. Содержание духовного мира человека богато и многогранно, и

попытки передать его с помощью словесной речи не всегда удачны. Об этом в художественной форме писали поэты:

Как беден наш язык: хочу и не могу!
 Не передать того ни другу, ни врагу,
 Что буйствует в груди
 Прозрачную волною!

(Фет 2017)

Как сердцу высказать себя?
 Другому как понять тебя?
 Поймет ли он, чем ты живешь?
 Мысль изреченная есть ложь.

(Тютчев 2015)

Н.И. Жинкин считал, что интеллект «не понимает речи». В процессе отражения реальности он создает логические понятия, суждения и умозаключения. Логическое мышление, по мнению Н.И. Жинкина, не зависит от конкретного этноязыка. «Противопоставленность дискретных кодов языка языкам интеллекта, – писал он, – породила смешанный код – внутреннюю речь, которую нужно рассматривать как универсальный предметный код, ставший посредником не только между языком и интеллектом, но и между национальными языками» [Жинкин 1982: 18].

Н.И. Жинкин указал на то, что внутренняя речь «не обладает набором стандартных грамматических правил и даже алфавитом лексики ... В ней могут появиться пространственные схемы, наглядные представления, отголоски интонации, отдельные слова и т.п.» [там же: 18]. Чисто мыслительный (предметно-схемный) код переходит в смешанный (универсально-предметный) код, совмещающий образы и слова, а затем во внешний (вербальный) код. Н.И. Жинкин трактовал универсально-предметный код как «стык речи и интеллекта». Во внутренней речи на базе применения этого кода совершается перевод индивидуальной мысли на общенародный язык. Н.И. Жинкин утверждал, что универсально-предметный код, в отличие от предметно-схемного, един для всех людей, благодаря чему возможен перевод с одних языков на другие. Это, по существу, логический язык мысли.

Однако у нас имеются основания полагать, что единый для всех людей код мысли существует лишь в сфере универсальных логических законов²⁹, на основе которых практическое мышление адекватно отражает причинно-следственные и другие важные связи между явлениями бытия, обеспечивая успешность предметно-практической деятельности. В остальных сферах – культурной, социальной, индивидуальной – мышление людей существенно различается.

Согласно современным представлениям, переход от мысли к речи осуществляется по следующей схеме: мотив → оформление мысли → опосредование мысли во внутреннем слове → внутренняя речь → опосредование в значениях внешних слов → семантический план → переход от семантического к словесному синтаксису → внешняя речь ([Залевская 2007: 214]; [Леонтьев 2020: 46]).

Приведем ряд свидетельств, касающихся роли языка и речи в рождении мысли. «Мысль не выражается, а совершается в слове» [Выготский 2016: 46]. «Речь включается в процесс формирования мышления» [Рубинштейн 2015: 396]. «Что такое язык? Это способ не только выражать ..., но и творить свои мысли» [Толстой 1986: 402]. Этот тезис важен для наших изысканий.

Ошибкой было бы полагать, что мысль полностью творится средствами дословесного ментального кода и лишь затем с большей или меньшей точностью переводится на общенародный словесный язык. Индивидуальный предметно-схемный код вне связи с общественным достоянием – этноязыком – не располагает достаточным ресурсом для того, чтобы создавать полноценную человеческую мысль, о чем свидетельствует, в частности, опыт детей-«маугли», выросших в стае зверей и оторванных от культурной и языковой среды. Без вербального языка их психическое развитие остается на животном уровне [Палмер 2003: 121-124]. Человек как микрокосм социума и культуры «закодирован» словесным языком до самых глубин своего естества.

---

²⁹ Но даже в этой сфере Л. Леви-Брюль [2012] отмечал наличие коренных различий в логике мышления у цивилизованных народов и у народов-носителей мифологического сознания.

Уже на ранних этапах рождения мысли в голове человека в дело вступает словесный язык. В этой связи уместно еще раз привести слова С.Л. Рубинштейна о том, что, вербально формулируя мысль, мы формируем ее. Как известно, человек – существо общественное (ζῷον πολιτικόν / *zoon politikon* по Аристотелю [1983]), и его мышление, согласно гипотезе Сепира – Уорфа, определяется его языком. Человек мыслит так, как предписывает ему его этнокультура через родной этноязык.

Если рассмотреть этнокультуру в одном из ее аспектов, а именно как совокупность коллективных жизненных установок, обуславливающих этностереотип поведения, то можно убедиться, что эти установки передаются из поколения в поколение главным образом в онтогенезе речи, в ходе усвоения единиц родного языка.

Например, отрицательное отношение коллектива к предательству его интересов усваивается ребенком при семантизации слов, входящих в лексическое поле *treachery, treason, betrayal, sellout, perfidy* (предательство, измена, отступничество); *betrayed, traitor, renegade, collaborator, quisling, Judas, Cain, double-crosser, rat* (изменник, предатель, коллаборационист, отступник, ренегат, иуда, крыса, каин и т.п.). Все они обладают негативным оценочным ореолом, содержащим семы “презренный”, “враждебный”, “коварный” (хотя не все эти слова стилистически снижены). Еще до того, как столкнуться с предательством в своей жизни, ребенок через язык получает культурные предписания: предательством следует возмущаться, предателей – презирать и по возможности карать, а самому ни в коем случае не совершать предательства. Так – через языковое обеспечение культурных сценариев – создаются жизненные установки и формируется личность в лоне этнокультуры.

Если придерживаться точки зрения, согласно которой субъект сначала полностью формирует мысль на своем индивидуальном довербальном ментальном коде и лишь затем перекодирует ее на общенародный вербальный язык с целью ее передачи другим индивидам, то получится, что ментальность индивида по своим возможностям моделирования действительности равна

совокупному разуму всего культурно-языкового коллектива. В таком случае вербальный язык нужен субъекту только как средство сообщения уже готовой мысли, т.е. для выполнения лишь коммуникативной, но не мыслеформирующей функции. Такому взгляду противостоит, во-первых, гипотеза Серира – Уорфа, утверждающая, что язык диктует индивиду взгляд на мир, а во-вторых, лингвокультурология, доказывающая: концепты, выработанные народом в его историческом развитии, являются средствами, с помощью которых индивид воспринимает действительность, мыслит и создает свою модель мира.

В философской формулировке К. Маркса [1955б: 1-6], сущность человека, а в психологической трактовке С.Л. Рубинштейна [1983: 9-25] – личность человека есть совокупность общественных отношений. Как упоминалось, человек представляет собой микрокосм лингвосоциокультуры. По Дж. Донну (Donne 2017), человек – не остров; он – часть материка. По У. Блейку (Blake 2018), человек – то зерно песка, в котором отражается огромный мир.

Экстремальным проявлением названной тенденции является автоматический конформизм, когда «человек перестает быть самим собой, полностью усваивает тот тип личности, который ему предлагают модели культуры, и полностью становится таким, как другие, и каким они его ожидают увидеть» [Фромм 1989: 159]. Такому человеку только кажется, что он рождает собственные мысли; на самом деле он воспроизводит чужие (расхожие) мысли, принимая их за свои.

Речь на каждом языке регламентируется нормой и узусом, которые определяют выбор слов и их сочетаемость при порождении речи. Тем самым язык «зашоривает» мышление своих рядовых носителей, не склонных к креативу, и направляет это мышление в стандартное русло. Лишь маленькие дети, пока еще слабо знакомые с нормой и узусом, в онтогенезе речи проявляют креатив в области словотворчества, а также выбора и сочетаемости слов.

Людям, подверженным автоматическому конформизму, противостоят люди неконформного склада, умеющие видеть предмет мысли сквозь призму

своих, а не чужих мнений. Они способны ломать сложившиеся стереотипы и продвигать познание вперед. При этом они создают новые языковые средства для новых мыслей. Это наблюдается как в науке, где всё время создаются новые термины и терминологические словосочетания, отражающие новые взгляды на мир, так и в поэзии с ее многочисленными случаями катахрезы (отступления от нормы лексической сочетаемости). Но, разумеется, и ученые, и поэты не полностью выходят из рамок языка и культуры – иначе они утратили бы взаимопонимание с другими людьми.

В завершение раздела еще раз сформулируем положения, касающиеся участия вербального языка в мышлении; из них мы исходим в дальнейшем в нашей работе.

- Даже то мышление, которое осуществляется с помощью **невербальных кодов**, в своей глубинной основе опирается на вербальный язык.
- На базе невербального ментального кода акт мышления лишь начинается; в основном же он совершается на базе вербального языка, привносящего в мышление социальный и культурный компонент.
- Индивидуум в значительной мере мыслит теми паттернами, которые заложены в его ментальный мир социумом и культурой через вербальный язык.

Вышеприведенные положения важны для понимания сущности того феномена, который в нашей работе назван когнитивным субстратом языкового мышления. Это понятие рассматривается в следующем разделе.

§9. Когнитивный субстрат языкового мышления

По данным палеопсихологии [Поршнева 2007] и диахронической антропологии [Окороков 2015], человеческое мышление прошло весьма долгий эволюционный путь от эпохи наших предков-гоминид до наших дней. Уже высшим приматам были присущи зачатки элементарного неязыкового мышления, называемого наглядно-действенным / сенсомоторным / ручным. Его «наиболее важные особенности составляют направленность на конкретные,

воспринимаемые в данный момент предметы, и проявление в виде определенных действий с этими предметами ... Характер действия, которыми оно выражается, определяется кругом доступных манипуляциям предметов» [Жмуров 1994: 124]³⁰. В дальнейшем, получив подкрепление в виде словесного языка, мышление стало развиваться по двум направлениям и подразделилось на дискурсивно-логическое и образное.

Главная особенность **дискурсивно-логического** мышления – обобщение опыта, проявляющееся в создании понятий и оперировании ими в форме логических суждений и умозаключений. Что касается **образного** мышления, для него характерно «недостаточное развитие способности усваивать и использовать понятия, отличающиеся высокой степенью обобщения. Вместо отвлеченных понятий такое мышление предпочитает иметь дело с образами ... Отношения между образами строятся не по законам логики. Преобладают ситуационные связи, меняющиеся в зависимости от обстоятельств или эмоционального отношения к происходящему» [Жмуров 1994: 125]. Образы обретают характер символов.

Впрочем, многие термины, выражающие понятия, тоже имеют образную основу. Так, образ паутины (*англ.* web) не только функционирует в европейской мифологии как символ судьбы, а также запутанности, непредсказуемости и зыбкости человеческого существования, но и составляет внутреннюю форму английского многозначного технического термина: web – “переборка”; “перемычка”; “полотно пилы”; “диск колеса”; “шейка рельса”; “компьютерная сеть” и др. [СПС].

Образное и понятийное мышление объединяются в пространстве естественного языка и взаимодействуют, порождая **концептуальное** мышление, оперирующее лингвокультурными концептами. Согласно известному положению лингвокультурологии, такой концепт складывается из понятийной, образной и ценностной составляющих ([Карасик 2002], [Воркачев

---

³⁰ В современную эпоху наглядно-действенное мышление наблюдается у детей до двух лет, а в зрелых формах – у взрослых людей при совершении ручных операций.

2004], [Слышкин 2004] и др.). По нашему мнению, они **не** рядоположены. Образная составляющая – это своего рода фундамент, на котором зиждутся остальные две составляющие. Из конкретно-наглядного образа рождаются эмотивно-оценочный ореол и абстрактное понятие.

Например, представления о сжатии, сдавливании, ударе ассоциируются с представлениями о **физическом** страдании (боли, удушье и т.п.). Из этой ассоциации рождается комплекс негативных коннотаций данного образа, которые синестезически переносятся на представление об **эмоциональном** страдании (тоске, беспокойстве, страхе, огорчении) – представление, возникающее на базе данного образа.

Этот процесс отражен в семантической эволюции ряда английских слов (по данным этимологических словарей [KED], [ODE]):

- *индоевр.* *angh- “сужение, сжатие” → *прагерманск.* *eng “давить, душить” → *древ-неангл.* enge “узкий, давящий, причиняющий боль” → *новоангл.* anguish “тоска” / anxiety “тревога, беспокойство” / anger “гнев”;
- *индоевр.* *per- “ударять” → *лат.* deprimere “ударять сверху вниз; давить” / depressus (страдат. причастие) → *старофранц.* depressé / depression “подавленный / подавленность” → *новоангл.* depression “душевная подавленность, депрессия”;
- *индоевр.* *sehuro- “причинение боли, ущерба” → *прагерманск.* *sairaz “физическая боль, страдание” → *древнеангл.* sar “травма, рана, болезнь, страдание” → *новоангл.* sorrow “(душевное) страдание, скорбь” / sorry “огорченный, печальный”.

Ученые не раз отмечали историческую преемственность и структурный параллелизм предметно-практической и абстрактно-теоретической деятельности. «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют аксиоматический характер ... в силу этого миллиардного повторения», – отметил В.И. Ленин [1969а: 188], исходя из «Науки логики» Г. Гегеля. Новые формы мышления развиваются, сохраняя в своей основе старые формы в виде исторических наслоений языковой семантики. Совокупность старых форм, составляющих

исторический фундамент для более новых форм, и есть то, что в нашей работе названо когнитивным субстратом языкового мышления.

К нему относятся не только выработанные непосредственной практикой, пребывающие в рамках здравого смысла представления о причинно-следственных и иных важных связях между окружающими человека предметами и явлениями, но и древние мифологические представления о мире, и предрассудки, и поверья, и синестезические ассоциации, и генетически наследуемая информация, и т.п. Например, темно-синий цвет «вызывает в воображении угнетающие образы морской бездны, глубокой ямы, беспросветной ночи; пробуждает чувства безысходности, апатии, эмоциональной тяжести, опустошения; ведет к депрессии, вызывает тревогу» [Нелюбова 2018: 4]. Эта синестезическая цвето-эмоциональная ассоциация отражена в английском слове blue (букв. “синий”, *перен.* “печальный, унылый”) и ряде устойчивых сочетаний с ним (по данным толковых словарей [COD], [ODE], [OED]):

blues “сплин, хандра; блюз – джазовый жанр с меланхолическими интонациями”

blue fear букв. “синий страх”, *перен.* “чрезвычайная нервозность, тревожность”

blue funk сленг букв. “синее беспокойство”, *перен.* “подавленное состояние”

blue devils разг. букв. “синие черти”, *перен.* “период депрессии, отчаяния”

to get the blues букв. “получить синеву”, *перен.* “загрустить, опечалиться”

to feel blue букв. “переживать синее чувство”, *перен.* “ощущать тревогу”

blue mood букв. “синее настроение”, *перен.* “пониженное настроение”.

Ментальные состояния зачастую манифестируются через материально-предметные образы. Например:

- **бурные чувства** представляются как физические предметы с высокой температурой: hot worship / adoration, fiery / flaming passion, burning hatred, ardent love < *лат.* ardens “жаркий” (пылкое обожание, огненная страсть, жгучая ненависть и т.п.);

- **умеренные чувства** репрезентируются как теплые / еле теплые / прохладные предметы: warm feelings, lukewarm attitude, cool / chilly reaction (теплые чувства, прохладное отношение / реакция и т.п.);

• **безразличие**, переходящее в негативное отношение к объекту, передается через образы предметов с низкой температурой: cold indifference, frosty look, icy tone (холодное равнодушие, ледящий взгляд, ледяной тон и т.п.).

Далее, судя по сочетаемости английского слова **soul** “душа” (по данным комбинаторных словарей [APC], [СУС], [ВВІ]), в рамках религиозных представлений душа мыслится как предмет, имеющий следующие физические параметры:

величина: great / big / small / petty soul (великая / большая душа, мелкая душонка),

габариты: high / low / broad / deep / shallow soul (высокая / низкая / глубокая душа),

температура: fiery / hot / warm / cold / frozen soul (горячая / теплая / холодная душа),

плотность: iron / stony / ephemeral soul (железная / каменная / эфемерная душа),

яркость: bright / shining / obscure soul (яркая / сияющая / мутная душа),

вес: with a heavy / light soul (с тяжелой / легкой душой),

прозрачность: clear / dark soul (светлая / темная душа),

сила: strong / faint soul (сильная / слабая душа),

цвет: white / black soul (белая / черная душа).

С этой точки зрения с душой можно обращаться, как с физическим предметом:

душу можно потрясти (to shake smb.'s soul),

ее можно обнажить (to bare / to lay bare),

в нее можно проникнуть (to penetrate),

душу можно пронзить (to pierce),

продать (to sell / to barter away),

испустить (to yield / to give up);

вложить (to put into),

изувечить (to cripple),

испачкать (to stain),

очистить (to cleanse),

излить (to pour out),

потерять (a lost soul).

Душа способна локализоваться и совершать различные действия. Она может

переселяться из тела в тело (to transmigrate),

занимать место в пространстве (to dwell),

передвигаться в пространстве (to fly),

трепетать (to thrill),

порхать (to flutter),

дрожать (to tremble).

Наконец, душа обладает фундаментальными физическими свойствами: она вечна (*immortal*) и неуничтожима (*indestructible*), как всякая **материя**.

То, что имеет физические свойства, является материальным предметом. На наш взгляд, трактовка души как физического тела свидетельствует о том, что архаическое сознание еще не полностью миновало этап наглядно-действенного мышления и потому представляло ментальные явления как материальные вещи.

Представления о душе возникли в древности вследствие наблюдения за облачком выдыхаемого водяного пара, который на холоде конденсируется и становится видимым. Так возникли следующие слова и словосочетания:

to yield one's breath / breathe one's last / breathe no more (“издать последний вздох”)

to give up the ghost “испустить дух” (*ghost* от *древнеангл.* *gāst* “дыхание”)

spirit “дух” (от *лат.* *spīritus* “дух” < *лат.* *spīro* “дышу”)

to expire “умереть” (от *лат.* *ex-spīro* “выдыхаю”).

Согласно мифологическим представлениям, «дух – это ... летучее **вещество** жизни, ... самая тонкая **субстанция**, ... **вещество** души» [Урысон 2003: 66]. В итоге получалось, что субстанция духа – это всё то же вещество / материя, только тонкая.

Фактически тело и дух / душа противопоставлялись **не** по признакам “материя :: не материя”, а по признакам “плотная :: тонкая материя”. По существу, идеалистам и материалистам следовало бы поменяться названиями: ведь именно идеалисты считают дух тонким **веществом**, а материалисты говорят, что, хотя дух (психика) имеет материальный субстрат («На духе ... лежит проклятие – быть отягощенной материей» [Маркс 1955: 29]), сама по себе психика **не** материальна, т.к. она представляет собой совокупность информационных процессов, находящихся, по К. Попперу [2008], на ином уровне реальности, нежели материя.

Не умея различать уровни реальности, древний человек с его предметно-наглядным мышлением представлял себе **всё** как материальное. Он уже

научился создавать абстракции, но даже их он мыслил как физические объекты. Это отразилось в языке, который субстантивирует всё сущее: у имен существительных (*лат. nomina substantiva*) в глубинной основе их категориально-грамматического (частеречного) значения лежит представление о субстантивности (в архаическом мышлении – материальности) всего. До нынешних времен именами существительными обозначаются не только физические предметы (*stone, tree, apple / камень, дерево, яблоко* и т.п.), но и отвлеченные понятия (*mind, justice, equality / ум, справедливость, равенство* и т.п.). Это вызывает подспудное ощущение того, что абстракции тоже материальны, и побуждает оперировать их названиями так, как будто абстракции – это физические предметы и существа. Абстрактные существительные вписываются в те же модели лексической сочетаемости, что и конкретные:

time flies (время летит), *grief befalls* (горе обрушивается), *threat looms* (угроза нависает), *passion burns* (страсть обжигает), *rage overwhelms* (ярость захлестывает), *hope fades* (надежда увядает), *darkness crawls* (тьма наползает), *envy devours* (зависть сжирает), *jealousy stings* (ревность наносит уколы) и т.п.; *heavy guilt* (тяжкая вина), *narrow mind* (узкий ум), *tenacious memory* (цепкая память), *low spirits* (пониженное настроение), *sharp wit* (острый ум), *deep sorrow* (глубокая скорбь), *burning fury* (жгучая ярость), *dirty thoughts* (грязные мысли) и т.п.

Для обозначения абстракций в языке не предусмотрена специальная часть речи. Тот факт, что и материальные предметы, и абстракции обозначаются словами одной и той же части речи – именами существительными – свидетельствует, что между предметно-практическим и абстрактно-теоретическим мышлением имеется прямая преемственность.

Язык заставляет людей называть словами, относящимися к одной и той же части речи – именами существительными – листья, вздохи, полет, грусть, мысли, знаки, числа и многое другое. «Загипнотизированные» субстантивной <субстанциональной <материальной первичной семантикой имени

существительного, люди зачастую мыслят абстракции как физические предметы.

Так люди характеризуют и слова. В частности, в глазах носителей английской лингвокультуры слова обладают рядом физических свойств. Слова бывают

крепкими (hard words),
 сильными (strong words),
 грязными (dirty / filthy words),
 острыми / тупыми (sharp / blunt words),
 они обладают той или иной окраской (colouring),

как будто слова – это разноцветные замороженные леденцы из упоминавшегося выше романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». Остроумная выдумка Рабле о словах-леденцах – это следствие того, что писатель тонко ощущал субстанциональную природу семантики имени существительного, даже абстрактного.

Кроме того, слова поддаются физическому воздействию. Их можно

съесть (to eat one's words),
 ломать (to break one's word),
 выдыхать (to breathe a word),
 глотать (to swallow one's words),
 взвешивать (to weigh one's words),
 скручивать (to twist smb. 's words),
 давать (to give one's word <of honour>),
 забирать обратно (to take one's word back),
 вынимать у кого-либо изо рта (to take words out of smb. 's mouth),
 вкладывать кому-либо в рот или в ухо (to put words into smb. 's mouth / ear).

В этих устойчивых оборотах слова предстают как материальные предметы. Но на самом деле вещи, которые посредством вербального языка выделяются людьми из окружающего мира как относительно автономные объекты, существуют в неодинаковом смысле и на разных уровнях бытия. Так, полет существует не в том же смысле, что летящая птица; дерево (абстракция)

существует объективно, но не так же, как отдельно взятые клёны, тополя, дубы и др., а как общий структурный контур, заложенный в единичные предметы; числа существуют не на том же уровне реальности, что подсчитываемые объекты, и т.п.

Назвав ту или иную абстракцию именем существительным, субъект уже самым этим актом номинации помещает ее в когнитивный формат, в рамках которого ей отведена та же роль, что и материальному предмету, и в грамматический формат, в рамках которого ее имя выступает в тех же синтаксических функциях, что и имена материальных предметов.

Как отмечалось, в языке не предусмотрены специальные грамматические средства для обозначения абстракций; абстрактные существительные (выражающие отвлеченные понятия) выполняют те же синтаксические функции, что и конкретные (обозначающие материальные предметы) – функции подлежащего (как в пословице *Curiosity killed the cat*, букв. “любопытство сгубило кошку”) и дополнения (как во фразеологизме *to swallow one's pride*, букв. “проглотить свою гордость”). Это еще одна иллюстрация того, что абстрактное мышление развилось на когнитивном субстрате мышления конкретно-предметного и зиждется на нем по сей день.

На опредмечивании отвлеченных понятий основана и **персонификация**: абстракции мыслятся как существа. В качестве примеров приведем пословицы: *Caution is the parent of safety* (букв. Осторожность – родительница безопасности). *Necessity is the mother of invention* (букв. Необходимость – мать изобретения). *Death is the great / grand leveller* (букв. Смерть – великая уравнительница). *Procrastination is a thief of time* (букв. Промедление – похититель времени). *Time is the best healer / doctor* (букв. Время – лучший целитель / врач). *Misery loves company* (букв. Несчастье любит компанию). *Anger is a bad adviser* (букв. Гнев – плохой советчик). *Love is blind* (букв. Любовь слепа).

В подтверждение гипотезы Сепира – Уорфа, категориально-грамматическая семантика имени существительного, побуждающая носителей языка представлять всё что угодно как материальный предмет или существо,

влияет на языковое мышление на протяжении многих веков и тысячелетий. В частности, персонификация абстракций характерна для человеческого мышления и моделирования мира с древнейших времен до наших дней.

Например, такое атмосферное явление, как утренняя заря – свечение неба перед восходом солнца – в античную эпоху считалось не совокупностью процессов, а богиней (*древнегреч.* Εως / *лат.* Ауугоа), дочерью Гипериона, женой Астрея, матерью Борея, т.е. вполне конкретной персоной женского пола. На наш взгляд, нельзя утверждать, что это была богиня зари, т.е. богиня, некоторым образом «ответственная» за зарю. Это была не богиня зари, а богиня-заря: «Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос» (Гомер. Одиссея. Песнь 9).

Люди античной эпохи не мыслили отдельно зарю и отдельно – богиню, «заведующую» зарей. Богиня-заря была для них единым целым, носившим имя Эос / Аврора. Совокупность процессов отождествлялась с существом. Об этом упомянуто в «Философских тетрадах»: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть отдельное существо» [Ленин 1969б: 329].

В наше время наблюдается аналогичное явление. К примеру, в телевизионных рекламных роликах иммунитет предстает как симпатичная пушистая зверушка, нуждающаяся в бережном уходе. Существенное отличие современной персонификации от древней состоит в ее конвенциональности: древние греки считали зарю богиней в буквальном смысле, а нынешние «пожиратели рекламы» понимают, что презентация иммунитета в виде зверушки носит условный характер. Однако в обоих случаях имеет место олицетворение, в рамках которого процесс мыслится как существо. Процесс и существо (или предмет) находятся на разных уровнях реальности, но мифопоэтическое сознание помещает процесс на уровень материального предмета / существа, понижая степень абстракции.

Это заставляет предположить, что из всех Аристотелевых категорий бытия – таких, как субстанция, действие, качество, состояние, отношение и др. – субстанция исторически первична. Первое, что стало выделяться древнейшим

сознанием из окружающего мира, были, по-видимому, материальные предметы как синкреты (нерасчлененные единства бытийных признаков).

Лишь впоследствии, по мере формирования способности к абстрагированию, люди научились вычленять в предметах отдельные аспекты (бытийные признаки) и выражать их специально предназначенными для этого частями речи (качества предметов – качественными прилагательными, отношения предметов – относительными прилагательными, качества действий и качества качеств – наречиями и т.д.). В процессе исторического развития мышления людям далеко не сразу далось умение мыслить бытийные признаки (действия, качества, состояния, отношения и др.) отдельно от предметов, ими обладающих, и обозначать их отдельными словами – глаголами, прилагательными, наречиями.

Так, английские имена существительные до сих пор обозначают не только материальные предметы (a bed, a pen, a pot / кровать, перо, горшок) и существа (a rat, a goose, a boy / крыса, гусь, мальчик), но также

действия (a blow, a jump, a pull / удар, прыжок, рывок),
 процессы (flow, radiation, digestion / течение, излучение, пищеварение),
 качества (beauty, whiteness, chastity / красота, белизна, благочестие),
 количества (a dicker, a dozen, a score / десяток, дюжина, двадцатка),
 физические состояния (freshness, warmth, humidity / свежесть, теплота, влажность),
 ментальные состояния (trance, depression, ecstasy / транс, подавленность, экстаз),
 отношения (friendship, brotherhood, subordination / дружба, братство, подчиненность),
 пространство (a sector, a segment, a volume / сектор, сегмент, объем),
 время (a moment, an hour, a period / момент, час, период),
 явления (sunrise, thunder, rain / восход, гром, дождь),
 события (a crash, an encounter, a fight / крушение, встреча, драка),
 мероприятия (a feast, a concert, a liturgy / празднество, концерт, богослужение),
 отвлеченные понятия (logarithm, asymptote, sinus / логарифм, асимптота, синус)

и все остальные реалии мира. Следует добавить, что некоторые английские прилагательные – наименования свойств, а также некоторые глаголы – наименования действий производны от существительных, являющихся наименованиями предметов и существ (эталонных носителей этих свойств и исполнителей этих действий):

отсубстантивные прилагательные

spidery handwriting – корявый почерк (< spider “паук”)

stony muscles – твердые мускулы (< stone “камень”)

beastly weather – мерзкая погода (< beast “зверь”)

cocky guy – задиристый парень (< cock “петух”)

rosy colour – розовый цвет (< rose “роза”)

отсубстантивные глаголы

to squirrel – припрятывать (< squirrel “белка”)

to wolf – жадно пожирать (< wolf “волк”)

to spook – пугать (< spook “привидение”)

to mother – нянчиться (< mother “мать”)

to dog – преследовать (< dog “собака”).

В таких случаях в сознании людей бытийный признак еще не совсем отделился от предмета. Так, твердость мыслится не сама по себе, а как признак камня.

Представления о том, что происходит с материальными предметами в физическом пространстве (т.е. о предметно-практических событиях), являют собой исходный пункт эволюции мышления. Абстрактное мышление зиждется на конкретно-наглядных представлениях, и связующим звеном между ними служит в первую очередь грамматическая семантика имени существительного (вещность).

Теоретически возможно и иное положение дел. В принципе, приоритетной может быть не субстанция, а какая-либо другая из базовых категорий бытия (например, процесс) и, соответственно, семантика не существительного, а какой-либо другой знаменательной части речи (например, глагола).

Х.Л. Борхес создал представление о вымышленном, но теоретически возможном языке, в котором нет имен существительных; мир в нем описывается в основном глаголами, а также наречиями в составе безличных предложений. Думая на таком языке, его носители представляют себе мир как совокупность процессов, а не предметов. То, что мы традиционно считаем предметом, носители такого языка мыслят как процесс. Это принципиально иной способ видеть и понимать мир. Так, например, мысль о том, что на небе видна луна, на «процессуальном» языке выражается безличным предложением *Лунеет* (ср. *Светает*, *Смеркается* и т.п.). Луна мыслится не как предмет, а как событие (Борхес 1999).

Если в «субстантивных» языках событие может мыслиться как предмет (например, преломление солнечного света в атмосфере – как «дождевая арка» (англ. rainbow “радуга”), то в «процессуальном» языке, наоборот, предмет мыслится как событие. И это в определенной мере оправдано, поскольку «всё течет, всё изменяется», и в известном смысле всякий предмет существует как процесс: в живом организме непрерывно происходит обмен веществ (основа его существования), река течет, огонь горит, металл «старееет», любое физическое тело характеризуется собственными внутренними колебаниями, и даже в камнях постоянно совершается броуновское движение молекул, приводящее к постепенному изменению свойств камней. В мире действует универсальный закон возрастания энтропии; подчиняясь ему, предметы неизбежно изменяются, а значит, «происходят» во времени.

То, что происходит во времени, именуется событием (см. [Селиверстова 1982], [Ишмуратов 1987]). Это значит, что под определенным углом зрения предметы могут мыслиться как события. Такой «процессуальный» способ осмысления мира в принципе возможен, но всё же на практике народы мира предпочитают «субстантивное» видение мира. Следует, впрочем, оговориться, что к вышеописанному способу моделирования действительности в какой-то мере тяготеют инкорпорирующие языки. Кроме того, в языках Европы порой происходит «переключение» с предметного видения объекта на процессуальное

и наоборот; оно проявляется в метонимическом переносе в рамках семантической структуры слов.

В частности, английское имя существительное *fire* (так же, как и рус. *огонь*) понимается как сгусток раскаленных газов (предметное значение) или как интенсивный процесс окисления, сопровождающийся излучением света и выделением тепловой энергии (процессуальное значение). Другой пример такого рода: английское имя существительное *stream* (как и рус. *поток*) под одним углом зрения предстает как водный массив (предметное значение), а под другим – как движение воды (процессуальное значение). Это различие выявляется из контекстов употребления таких слов и проявляется в их сочетаемости, высвечивающей то предметные, то процессуальные признаки. Приведем примеры.

1) «Скоро нам преградил дорогу *широкий пенистый* поток, *разбухший* от дождя» (Волошин 1990). Курсивом выделены предметные признаки потока.

2) «Смысл заключался для них ... в самом *процессе* созидания ... Работа увлекала их, как *течение* реки. Чиксентмихайи назвал потоком *переживание* полной погруженности в то, что ты делаешь» (Е. Шикова. Жизнь как поток 2009). Курсивом выделены процессуальные признаки потока.

Открывая новое, люди стараются осмыслить его; осмысление проявляется в том, что люди пытаются «втиснуть» новое в привычный когнитивный формат и тем самым поместить его в имеющуюся классификационную рубрику, найти для него место в наличной картине мира и выявить его связи и отношения с другими явлениями бытия в системе мироздания. Если же новооткрытое явление не вписывается ни в один привычный формат, люди на первых порах пребывают в некоторой растерянности, а затем корректируют сам когнитивный формат, модифицируют классификацию явлений на данном участке. Так продвигается познание.

В частности, когда была обнаружена двойственная (корпускулярно-волновая) природа элементарных частиц, это открытие заставило физиков пересмотреть соотношение категорий “материальное тело” и “процесс”

(которые ранее четко разграничивались), т.к. практический опыт людей не содержал примеров их слияния в буквальном (а не метафорическом или метонимическом) смысле. Ныне граница между этими категориями предстала как размытая – по крайней мере, в микромире. В физической картине мира было найдено место для частицы-волны.

Сходным образом в рамках релятивистской физики оказалось размытым разграничение категорий “материя” и “энергия”. Элементарные частицы предстали одновременно как материальные тела и как кванты (порции) энергии.

Система традиционных категорий бытия (предмет, процесс, материя, энергия, пространство, время и т.д.), возникшая на основе данных житейско-практического опыта человечества, пошатнулась и потребовала перестройки. То, что по-прежнему применимо в обыденной жизни, устарело на передовых рубежах познания. Естествоиспытатели всё чаще отказываются от «приматского» видения мира, поскольку новооткрываемые явления не могут быть осмыслены в его когнитивном формате.

Но этому препятствует естественный язык с его традиционными грамматическими и семантическими категориями, возникшими на основе житейского опыта и заставляющими людей формировать и формулировать мысли по-старому.

Например, физики обнаружили у кварков (вида элементарных частиц) свойства, которым они дали названия flavour (рус. *аромат*) и colour (рус. *цвет*). Кроме того, были найдены разновидности кварков, получившие названия strange (рус. *странные*) и charmed (рус. *очарованные*). Это **условные** названия свойств, не воспринимаемых органами чувств (надо же было хоть как-то назвать новооткрытые свойства).

Как видим, эти наименования явлений, не поддающихся прямому наблюдению, тоже базируются на наглядно-чувственных представлениях. Думая и общаясь на вербальном языке, люди не могут полностью отвлечься от сенсорного характера когнитивного субстрата языкового мышления, поскольку

изучаемые объекты невообразимы без аналогии с привычными (видимыми, слышимыми, осязаемыми, обоняемыми) свойствами вещей.

В рамках мысленного членения и категоризации мира люди, позиционируя процессы и качества как предметы («опредмечивая» их), фиксируют их мысленным взором, выделяют из окружающей действительности как относительно автономные сущности. Помимо прочего, это способствует лаконизации речи, повышению ее семантической ёмкости, росту пропускной способности канала связи. В порядке иллюстрации сравним три формулировки закона Геккеля:

<p>Before being born, an animal embryo develops like the whole species evolved formerly, but much faster and not so detailedly. (Прежде чем родиться, эмбрион развивается так же, как в прошлом развивался весь вид, но гораздо быстрее и не столь детально.)</p>	<p>An animal embryo development is a brief replay of the species' evolution. (Развитие эмбриона представляет собой краткое повторение эволюции вида.)</p>	<p>Ontogeny recapitulates phylogeny. (Онтогенез повторяет филогенез.)</p>
---	---	---

Первая из вышеприведенных формулировок лишена отвлеченных существительных, вторая содержит отвлеченные существительные средней степени абстракции, а третья – отвлеченные существительные высокой степени абстракции. Налицо последовательное сокращение объема текста при сохранении его содержания. (Несколько иначе эта фраза толкуется в работе [Доладова 2018: 124-125].)

Как отмечалось выше, языки Европы сформировались по «субстантивному» принципу. В сущности, раннее религиозное сознание существовало не в русле идеализма, а в русле наивного материализма, наделявшего информационные и иные процессы свойствами физических предметов. Это реликтовое представление отражено в охарактеризованной выше сочетаемости английского слова *soul* “душа” (от *тевтонск.* *saiwalō “озерная / морская”). Древние германцы считали священные водоёмы

обиталищами душ до рождения и после смерти; как видим, это представление тоже указывает на материальные свойства души – способность занимать определенный объем в физическом пространстве и передвигаться в нем [KED].

Возвращаясь к английскому языковому мышлению, отметим, что его когнитивный субстрат, сформировавшийся в прежние, в том числе отдаленные эпохи, находится в сложном отношении к современному мышлению. В одних случаях оно конвенционально. По Ш. Балли [2009], лишь дети и иностранцы, с их «свежим взглядом» на язык, склонны обращать внимание на внутреннюю форму его единиц. У взрослых же носителей языка «замылен взгляд»: они обычно игнорируют исторические смысловые пласты и оперируют современными значениями языковых единиц. Так, употребляя технический термин Bluetooth, вряд ли они думают о синем зубе (объединение телекоммуникационных и компьютерных технологий получило название Bluetooth в честь короля Харальда Синезубого, который в X веке н.э. объединил Данию и Норвегию). Дело в том, что данная смысловая связь достаточно случайна и потому не актуальна в использовании этого технического термина.

В других случаях исторические пласты языковой семантики существенно влияют на осмысление реалий нашего времени. Так, представления об устройстве общества наглядно моделируются с помощью пространственных категорий: upper / middle / lower classes; top / bottom of society; to climb / fall from the social ladder; social distance; social space и т.п. – “высшие / средние / низшие классы; подниматься / падать с социальной лестницы; социальная дистанция” (подробнее см. § 1 Главы II).

В таких случаях когнитивный субстрат семантической системы этнического языка тесно сливается с современными значениями языковых единиц, органично переплетается с ними. В частности, трудно, почти невозможно думать о структуре общества, не прибегая к спатальным представлениям. Социальное пространство репрезентируется через пространство физическое.

Эволюционная вертикаль напластований семантики слова, подобная вертикали геологических пластов земной коры, во многих случаях может быть прослежена в ретроспективе очень далеко, вплоть до весьма давних, реликтовых культурно-исторических слоев. В сфере этимологических изысканий дело доходило до того, что едва ли не все значения слов индоевропейских языков гипотетически возводились к двум исходным архаичным значениям “гнуть” и “резать” [Маковский 2007: 145], которые, согласно этой гипотезе, отражали первичные, самые простые трудовые операции, совершавшиеся людьми в древнейшие времена.

“A word never – well, hardly ever – shakes off its etymology and its formation” [Austin 1971: 81] (Слово никогда – или почти никогда – не утрачивает связь со своим происхождением). Во всяком случае, за современной семантической системой языка стоит вся культурная история народа – его носителя. Характер семантической системы каждого языка, ее специфика определяется особенностями эволюции этнокультуры. Это относится, в числе прочих, и к английскому языку.

В формировании современных значений языковых единиц участвовали все культурно-исторические пласты, но всё же для современного мышления и общения в массовом масштабе релевантны только те из них, которые обеспечивают прозрачность семантической мотивировки нынешних значений; остальные, забытые языковым коллективом смысловые слои известны и важны лишь этимологам.

Например, от индоевропейской основы *bhergh- “высокое место” произошло древнеанглийское *beorg* “гора” (ср. славян. *брьгъ* “берег, склон”), древневерхненемецкое *burgh* “курган; крепость”, старофранцузское *bourg* “городок” и его дериват *bourgeois* “горожанин”, который в новофранцузском языке приобрел значение “представитель класса собственников средств производства” (рус. *буржуа*) [KED].

Слово *bourgeois* перешло из французского в английский язык. Современный средний носитель английского языка может отследить эту этимологическую цепочку в прошлое до “горожанина” и, пожалуй, до “городка” (ср. *англ.* *borough* “городок”), но не глубже, т.к. он не располагает дополнительными этимологическими данными. Таким образом, когнитивную основу современного значения “буржуа” образует этот семантический пласт, хотя, как отмечалось, в создании современного значения участвовали и более ранние семантические пласты.

Говоря в целом, в качестве когнитивной основы языкового мышления выступают семантические пласты, принадлежащие разным культурно-историческим эпохам – от древнейших, связанных с первичными, архаическими представлениями о мире (такими, как пространственные или телесные) до недавних, связанных с важнейшими историческими событиями, литературными образами и т.п.

Как мы покажем в последующих главах, когнитивная основа английского языкового мышления тематически неоднородна, но в любых обличьях она выполняет функцию моделирования действительности, выступая по отношению к нему в качестве культурного кода – точнее, совокупности кодов.

В этой связи нужно также отметить художественную образность как совокупность культурных кодов. Как и Ф.И. Тютчев, А.А. Фет назвал ложью попытки вербализовать мысли и чувства:

Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою. (Фет 2017)

Преодолеть – хотя бы частично – происходящую в ходе формулирования мысли потерю информации и искажение содержания сознания пытаются поэты. Для этого они создают особые коды – так называемые вторичные моделирующие системы, то есть художественные языки, представляющие

собой результат преобразования этноязыка, его «редактирования» в эстетических целях.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах. (Фет 2017)

По Н.С. Гумилеву (2000), поэтический язык представляет собой «высокое косноязычье», которое «тебе даруется, поэт». Имеется в виду, что поэтический текст затруднен для понимания по сравнению с обычным текстом вследствие применения нестандартного кода. Но за счет этого поэтический текст обеспечивает двойной (понятийный и образный) взгляд на мир – взгляд, который становится возможен благодаря двухуровневости поэтической семантики, подразделяемой на уровень значений и уровень внутренней формы. Как внешний мир, так и внутренний мир субъекта моделируются полнее и объемнее с помощью семантически двухуровневых знаков, нежели знаков семантически одноуровневых.

Следует отметить, что и сам словесный язык характеризовался А.А. Потебней как феномен из области эстетики: «Символизм языка ... может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова ... Слово есть искусство, именно поэзия» [Потебня 2016: 84]. Действительно, коллективный разум народа, создавшего мифологию, фольклор и язык, по креативному потенциалу намного превосходит разум индивидуального творца, который, по В. Маяковскому (2019), – лишь «звонкий подмастерье» у «народа, у языкотворца». Этот креативный дар коллективного разума подчеркнут и в стихотворении И. Северянина (2017): «Перед тобой клоню колени, // **Народ-поэт!** Народ-орёл!»

Этноязык сходен с поэтическим языком, в частности, в том отношении, что он тоже репрезентирует действительность на двух уровнях – на уровне системы значений и на уровне внутренней формы языка. Сущность денотата иногда больше отражается во внутренней форме, чем в значении языковой

единицы. Например, в английских толковых словарях значению слова conscience “совесть” дается довольно простое определение “moral sense of right or wrong” (моральное чувство правого и неправого), а его внутренняя форма (лат. con-scientia, калька с древнегреч. συν-εἶδ-ησις / syn-eidesis, букв. “совместное знание”) в сжатом виде отражает целую социально-нравственную философию, в рамках которой совесть представлена как совокупность коллективных представлений, общепринятых в определенном социуме и регулирующих отношения людей в коллективе; субъект сопоставляет свои мысли и дела с общественными установлениями. Как видим, внутренняя форма порой способствует углубленному осмыслению понятия, содержащегося в значении слова.

Итак, под когнитивным субстратом языкового мышления мы будем в ходе дальнейших рассуждений понимать совокупность коллективных представлений о действительности, выработанных в процессе культурного развития народа, устоявшихся в общественной практике и закрепленных в исторической семантике этноязыка, а также комплекс познавательных установок, лежащих в основе языковой картины мира, служащих культурными кодами в процессе общения и в той или иной степени обуславливающих поведение людей в общенародном и индивидуальном масштабе.

Некоторые из вышеупомянутых когнитивных установок, возможно, унаследованы человеком от животных предков. Таковы, например, пространственные представления, детально описываемые в нашей работе в §1 Главы II. Другие установки носят культурно-исторический характер; к их числу относятся, например, религиозные представления о мироустройстве. Независимо от времени возникновения они оказывают подспудное влияние на современное мышление и поведение людей.

В когнитивном субстрате английского языкового мышления проявляются как общечеловеческие, так и региональные, и национальные, и локальные черты – в той пропорции, в какой данный народ сходен с другими народами и в какой он отличается от них. В этой связи уместно привести слова

Д.С. Лихачева: «Национальные особенности – достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу ... Всё дело в некоторой совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт» [Лихачев 2014: 64]. Об этой пропорции можно судить, изучая когнитивный субстрат языкового мышления определенного народа.

§10. Когнитивные паттерны

Понятие “когнитивный субстрат” распространяется на весь язык и языковое мышление в целом. Но когнитивный субстрат делится на участки, в которых содержатся коллективные представления о строении отдельных фрагментов мироздания. Для этих участков требуется подобрать подходящее наименование. Рассмотрев ряд близких терминов из области когнитивистики – *прототип, когнитивный элемент, когнитивная установка, семантический архетип, фрейм-сценарий, скрипт, когнитивная структура* и др. – мы остановились на термине *когнитивный паттерн*, который представился нам наиболее удачным для описания отдельных участков когнитивного субстрата семантической системы языка и языкового мышления.

Английское имя существительное *pattern* “образец, шаблон, модель, схема” обрело статус гуманитарно-научного термина в начале XX века [Зайдаль 2017: 65] и проникло в другие языки, включая русский. Этот термин применяется в теории познания, когнитивной психологии, культурологии и культурной антропологии. В каждой из этих дисциплин он трактуется несколько по-своему, но существует и семантический инвариант: под паттерном обычно понимается присущий этносу стереотип мышления, обуславливающий этническую идентичность, препятствующий этнической диффузии и определяющий особенности социального и культурного поведения, свойственного данному народу. Л.Н. Гумилев тоже позиционировал стереотип

как этносообразующий признак: «Каждый этнос имеет свою внутреннюю, неповторимую структуру и стереотип поведения» [Гумилев 2015: 2].

Различают психологические, культурные и когнитивные паттерны. В связи с нашей темой нас прежде всего интересуют последние. Хотя регулятивная и когнитивная функции языка тесно взаимосвязаны, мы рассматриваем не столько механизмы регуляции поведения людей (психологические установки [Ухтомский 2019]), сколько заключенные в паттернах первичные знания и представления о мире.

Когнитивный паттерн трактуется как «совокупность совместных взаимно-сопряженных отношений между различными объектами, явлениями, свойствами и процессами окружающего мира. Иными словами, когнитивные паттерны – это модели познания действительности и, в более широком смысле, модели знания и мышления, определенный набор правил и критериев. Когнитивные паттерны представляют собой базовые интуитивные репрезентации (образы), которые задают специфическое видение действительности, являются точкой отсчета в осмыслении мира» [Безингер 2016: 2]. Такая трактовка хорошо согласуется с развиваемыми в нашей диссертации теоретическими положениями, но всё же мы несколько модифицировали значение термина *когнитивный паттерн* применительно к нашей теме.

Как не раз отмечалось выше, в ходе эволюции человеческое мышление, прежде чем стать абстрактно-теоретическим, прошло наглядно-действенный и конкретно-образный этапы. При этом оно унаследовало паттерны, выработанные на предшествующих этапах; новые представления надстраиваются над старыми, используя их как «фундамент» (субструктуру). Например, в трансформационной грамматике столь абстрактные, ненаблюдаемые и нематериальные объекты, как синтаксические связи, моделируются с помощью так называемых деревьев зависимостей – графов, созданных по аналогии с настоящими деревьями, у которых от ствола отходят сучья, от сучьев – ветви, а от ветвей – побеги [Домнин 2007: 43-69]. Добавим,

что в теории графов существует когнитивный паттерн, в который, помимо графа “дерево”, входит граф “лоза”, а также их элементы: “корень”, “ветви”, “листья” и т.п.

Образ дерева – один из древнейших в культурно-исторической и доисторической памяти человечества, для которого древесная чаща была самой распространенной природной средой обитания. В наше время этот образ используется для презентации **иерархии**, и не только в генеративной грамматике, но и во многих других абстрактных областях науки. Такие образы мы имеем в виду, когда говорим о когнитивных паттернах языкового мышления. Не зря слово *древний* этимологически связано со словом *древо* [ЭСФ]: долговечность деревьев вызывала представление о них как о свидетелях далекого прошлого. В английском языке идея долговечности тоже передается с помощью образа дерева, но не всякого, а райского; этот образ содержится в компаративе *as old as the Eden tree* (стар, как Древо Эдема).

Когнитивные паттерны представляют собой полиаспектный феномен. Они могут рассматриваться под разными углами зрения – с позиций семиотики, теории моделей, теории познания, теории порождения речи. В каждом из этих ракурсов они предстают по-разному. С семиотической точки зрения когнитивные паттерны предстают как лингвокультурные коды (о них см.: [Папшева 2010], [Дукальская 2011], [Молчкова 2011] и др.). В перечисленных трудах под лингвокультурными кодами понимаются устоявшиеся в этнокультуре образные сферы, воплощенные в семантике языковых единиц и выполняющие символическую функцию.

В качестве таких кодов служат разнообразные материальные, чувственно воспринимаемые области бытия: флора, фауна, ландшафт, небесные тела, климат и погода, природные явления, тело, орудия труда, оружие, жилище, предметы хозяйственного обихода и мн. др. С позиций семиотики культуры это коды, а с позиций теории познания – когнитивные паттерны. С точки зрения теории моделей когнитивные паттерны предстают как исходные, первичные модели тех или иных участков реальности – модели, над которыми

впоследствии надстраиваются более новые модели, создаваемые с учетом первичных. Такова, например, прототипическая модель трехмерного физического пространства, известная людям с первобытных времен и лежащая в основе возникших в последующие эпохи математических, семиотических, лингвистических и других многомерных пространств.

Когнитивные паттерны как модели фрагментов реальности требуют презентации в той или иной форме с целью их описания и анализа. В нашей работе их презентация базируется на полевом, фреймовом и комбинаторном подходах.

Охарактеризуем сначала **полевой подход**. Как известно, поля в языке выделяются по разным критериям – семантическому, грамматическому, стилистическому и др. Возникает методологический вопрос: сколь естественным для языка является выделение тех или иных полей? Объективно ли существуют они в языке или постулируются учеными в зависимости от поставленных исследовательских задач?

Ф. де Соссюр утверждал: «Другие науки оперируют заранее данными объектами. Ничего подобного нет в лингвистике. В лингвистике объект не определяет точки зрения; напротив, точка зрения создает самый объект» [Соссюр 1999: 16]. Затем появились два подхода к этому вопросу – онтологический и операциональный.

Сторонники онтологического подхода считают, что «адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен на самом деле» [Кибрик 1987: 34] (см. также: [Кибрик 1992: 19]), а адепты операционального подхода полагают, что всякая научная модель представляет собой всего лишь удобный способ презентации объекта. При онтологическом подходе модель обязана соответствовать объекту не только на входе и выходе, но и на срединных этапах описания, а при операциональном подходе достаточно получить один и тот же результат на выходе оригинала и модели.

Компромиссного взгляда придерживался И.А. Мельчук. С одной стороны, он полагал, что в ходе моделирования должны совпасть

промежуточные результаты (в этом проявился онтологический подход), но, с другой стороны, он отметил, что модель «не позволяет делать надежные выводы о том, как обстоит дело в действительности» [Мельчук 1999: 15] (в этом проявился операциональный подход).

Решение данного вопроса применительно к полю, по нашему мнению, возможно в русле диалектического мышления. Как и в любой другой многогранной системе, характеризующейся большой сложностью, в системе естественного языка элементы соединены многообразными отношениями. Их объединение по какому-нибудь одному виду отношений образует определенную структуру, а объединение по иному виду отношений образует иную структуру. Эти структуры существуют в языке объективно. Они находятся в суперпозиции (взаимном наложении). Ориентируясь на поставленную исследовательскую задачу, ученый выделяет в объекте интересующую его структуру и анализирует ее относительно автономно от остальных структур. Это означает не то, что ученый сам построил объект, а лишь то, что он вычленил в объекте определенный фрагмент и сделал его предметом анализа.

Проведем конкретно-наглядную аналогию. Представим себе человека с фонарем, ищущего нечто в темной комнате. Человек перемещает луч с одних предметов на другие, высвечивая их по очереди. С одной стороны, интерьер существует объективно; с другой стороны, человек по собственной инициативе передвигает световое пятно, избирая детали интерьера для рассмотрения. В этом, на наш взгляд, проявляется диалектика субъективного и объективного в ходе исследования.

В методологии науки различаются естественные и искусственные классы объектов ([Лайонз 2003: 105]; [Любарский 2018: 331]). Чем бóльшим числом общих признаков обладают объединяемые в класс объекты, чем эти признаки существеннее и упорядоченнее, тем выше степень естественности класса.

Естественность и искусственность класса состоят друг с другом в контрарном отношении: чем больше одно, тем меньше другое. Например, в

грамматике существительные собраны в морфосинтаксический класс (часть речи) по целому комплексу категориальных свойств. Это естественный класс. Что касается искусственности класса, ее степень обусловлена мерой «произвола» ученого, делящего предметную область на классы путем выявления общих признаков. Если, например, постулировать класс “Полосатые предметы”, то наличие полос станет их единственным общим свойством; в этот класс придется включить столь гетерогенные предметы, как тигр, матрац, тельняшка, разметка на пешеходном переходе, пограничный столб, оса, триколор, планета Юпитер и мн. др. В этом примере отчетливо чувствуется натяжка в попытке объединить предметы в класс.

Следует пояснить, какое отношение эти рассуждения имеют к теме когнитивных паттернов. Когнитивный паттерн, как правило, характеризуется не единичной, а множественной языковой реализацией. Чаще всего он выявляется не на лексическом, а на гиперлексическом уровне – на уровне целых совокупностей языковых единиц. В этой связи возникают закономерные вопросы. Каждая ли такая совокупность представляет собой лексико-фразеологическое поле? Естественны ли такие классы, или они постулируются по произволу исследователя? Как соотносятся объективный и субъективный факторы при выделении классов? По нашим наблюдениям, на этот вопрос нет единого для всех случаев ответа.

В некоторых случаях языковая реализация того или иного когнитивного паттерна по своему составу и структуре представляет собой лексико-фразеологическое поле. Приведем пример: когнитивный паттерн “Тело человека” с давних пор используется в английской лингвокультуре как модель общества, государства, страны, народа (развернутая метафора “Социальный организм”). Это, несомненно, хорошо структурированное поле, члены которого образуют естественный класс:

части тела	образные выражения (штампы и клише)	значения выражений
мозг сосуды	the brain of society / nation (мозг общества / нации)	интеллектуалы коммуникация

нервы	blood vessels of society (кровеносные сосуды общества)	сельское хозяйство
рука		полиция
глаза, уши	the nerve centre of the nation (нервный центр нации)	разведка
сердце		поэзия
рот	the strong hand of the law (сильная рука закона)	СМИ
хребет	the nation's eyes and ears (глаза и уши нации)	рабочий класс
мускулы	the big heart of the nation (большое сердце нации)	вооруженные силы
клетка	the big mouth of society (большой рот общества)	гражданин / семья
голова	the backbone of society (хребет общества)	Президент /
тело	the national muscles (мускулы нации)	Премьер
целиком	the cell of society (ячейка общества)	госучреждение
	the head of state (глава государства)	
	an official body (официальное тело)	

Но некоторые другие языковые единицы тематически разнородны и объединены лишь тем, что через их внутреннюю форму реализуется тот или иной когнитивный паттерн. Таков, например, спектр английских устойчивых словосочетаний, через внутреннюю форму которых реализуется когнитивный паттерн “Геометрия”:

the segment of economy (сегмент экономики)
the spiral development (спиральное развитие)
the cultural dimension (культурное измерение)
the historic parallel (историческая параллель)
the social pyramid (социальная пирамида)
the love triangle (любовный треугольник)
the radius of influence (радиус влияния)
the sphere of interests (сфера интересов)
the literary circles (литературные круги)
from this angle (под данным углом зрения)
the private sector (частный сектор).

Перечисленные словосочетания относятся к разным сферам внеязыковой действительности и входят в разные лексико-фразеологические поля; их можно объединить только по признаку геометрической образности их внутренней формы. Такой принцип объединения обусловлен поставленной научной задачей; перед нами скорее искусственный, чем естественный класс,

сформированный с определенной долей произвола исследователя. Но у исследователя есть такое право.

Итак, выше мы рассмотрели полевой подход к когнитивным паттернам. Обратимся далее к **фреймовому подходу**. Прежде всего следует пояснить различие между паттерном и фреймом. Паттерн принадлежит к онтологическому уровню реальности, он существует объективно как ее фрагмент. Это структура определенного класса объектов. Такие структуры должны представляться в научных трудах в виде разного рода описаний. В зависимости от поставленной задачи и от сложности объекта, эти описания могут характеризоваться разной степенью формализованности – от текстов на обычном литературном языке до логических формул на искусственном языке. «Подобного рода описания программируемы и могут задаваться ... различными средствами: на языке фреймов, сценариев и т.д.» [Ладенко 1987: 20].

Фреймы – это не сами когнитивные паттерны, входящие в состав лингвокультуры, а их теоретические описания. В отличие от когнитивных паттернов, принадлежащих к объектному уровню анализа, фреймы относятся к его метауровню. Паттерны (patterns) – это культурные модели фрагментов мира, а фреймы – это научные модели (models), с помощью которых описываются паттерны. Будучи моделями моделей (models of patterns), они с полным правом могут называться метамоделями.

В нашей работе в качестве инструментов описания когнитивных паттернов выбраны фреймы (а именно их разновидность – культурные скрипты). В наших целях нет нужды пользоваться строго формализованными фреймовыми описаниями (как, например, в работах А.В. Варгуниной [2001], С.А. Загриценко [2002], Л.Ю. Стойкович [2007]). Для наших целей достаточно полуформальных, а порой и неформальных описаний на естественном языке.

Поясним, какое понимание термина *фрейм* принято в нашей работе. Языковые единицы, входящие в поле, составляют единое целое потому, что они соседствуют друг с другом и влияют друг на друга, вследствие чего предметная область оказывается разделенной этноспецифическим способом между их

значениями. На это указывал еще Э. Сепир, говоря о различиях в способах «разрезании пирога действительности».

Но это не единственный фактор объединения языковых единиц в поле. Члены поля сцементированы единым когнитивным паттерном, который является субстратом лексического или иного поля. Об этом Ч. Филлмор писал: «Слова образуют группы, каждую из которых лучше изучать как единое целое, потому что каждая группа является лексическим представителем некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания ... Такие группы слов удерживает вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин *фрейм*. Имплицитное владение этой специфической организацией нашего физического и социального опыта обеспечивает концептуальный базис для лексического материала. Фрейм являет собой общее основание образа, который может быть представлен любым из отдельных слов» [Филлмор 1988: 53-54].

Ч. Филлмор назвал фреймом то, что в нашей работе названо когнитивным паттерном. По этому вопросу мы разделяем точку зрения М. Минского [2010], считавшего фрейм не данностью объектного мира, а научным инструментом ее описания.

Языковые единицы образуют лексико-фразеологические поля именно потому, что значение каждой из них (слова, словосочетания) имеет свою ячейку в общем когнитивном паттерне. Для примера обратимся к ряду устойчивых оборотов:

the Shepherd of the people of Israel (Пастырь народа Израиля)

the wise men from the East (мудрецы с востока)

the three kings from the East (три царя с востока)

the gifts of the wise men (дары мудрецов)

the gifts of the three kings (царские дары)

the star of Bethlehem (Вифлеемская звезда)

the star in the East (звезда на востоке)

the guiding star (путеводная звезда)

King of the Jews (Царь Иудейский)

the gifts of the magi (дары волхвов)
 the sacred gifts (святые дары)
 gold, frankincense and myrrh (злато, ладан и смирна)
 in the days of Herod, the king (во дни царя Ирода)
 worshipping the young Child (поклонение Младенцу)
 the wonder in Bethlehem (чудо Вифлеемское)
 the Holy / Sacred Child (Святой Младенец)
 adoration of the magi (поклонение волхвов).

Употребляя в речи (буквально или фигурально) вышеперечисленные устойчивые словосочетания, коммуниканты мысленно опираются на лежащий в их основе евангельский рассказ, входящий в их фоновые знания; в противном случае эти словосочетания были бы непонятны, неизвестна была бы стратегия их речевого употребления, и неясно было бы, чем они объединены друг с другом в единое целое. Эти словосочетания образуют поле, т.к. все они локализованы в определенных местах евангельского сюжета, который можно рассматривать как когнитивный паттерн, лежащий в основе данного поля. Репрезентировать его можно, не прибегая к формализации по правилам конструирования фреймов. Достаточно привести прецедентный текст, выделив те словосочетания, которые вошли в язык, и тем самым указать на их места в когнитивном паттерне. В нашей работе используется такая разновидность фреймов, как культурные скрипты (подробнее см. § 8 Главы II).

The Holy Gospel of Matthew (2: 1-11)	Евангелие от Матфея (2: 1-11)
<p>¹ Now after Jesus was born in Bethlehem of Judea in the days of Herod the king, behold, wise men from the East came to Jerusalem, saying,</p> <p>² “Where is He who has been born King of the Jews? For we have seen His star in the East and have come to worship Him.”</p> <p>³ When Herod the king heard this, he was troubled, and all Jerusalem with him.</p> <p>⁴ And when he had gathered all the chief priests and scribes of the people together, he inquired where the Christ was to be born.</p> <p>⁵ So they said to him, “In Bethlehem of Judea, for thus it is written by the prophet:</p>	<p>¹ Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и вопрошали, говоря:</p> <p>² где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.</p> <p>³ Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним.</p> <p>⁴ И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?</p> <p>⁵ Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через</p>

<p>⁶ But you, Bethlehem, in the land of Judah, are not the least among the rulers of Judah; for out of you shall come a Ruler Who will Shepherd My people Israel.”</p> <p>⁷ Then Herod, when he had secretly called the wise men, determined from them what time the star appeared.</p> <p>⁸ And he sent them to Bethlehem and said, “Go and search carefully for the young Child, and when you find Him, bring back word to me, that I may come and worship Him also.”</p> <p>⁹ When they heard the king, they departed; and behold, the star which they had seen in the East went before them, till it came and stood over where the young Child was.</p> <p>¹⁰ When they saw the star, they rejoiced with exceedingly great joy.</p> <p>¹¹ And when they had come into the house, they saw the young Child with Mary His mother, and fell down and worshiped Him. And they ... presented gifts to Him: gold, frankincense and myrrh.</p>	<p>пророка:</p> <p>⁶ «и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вожьд, Который упасет народ Мой, Израиля».</p> <p>⁷ Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время, когда в небе появилась та звезда,</p> <p>⁸ и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, где Он пребывает, известите меня, чтобы и я мог пойти поклониться Ему.</p> <p>⁹ Они, выслушав царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.</p> <p>¹⁰ Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою,</p> <p>¹¹ и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариною, Матерью Его, и, пав пред Ним, поклонились Ему; и ... принесли они Младенцу дары: золото, ладан и смирну.</p>
---	--

В других случаях целесообразнее использовать полужформальные описания. Частичная формализация состоит в унификации, моносемантизации, лаконизации, отказе от синонимов, идиоматичных оборотов, смысловой амбивалентности. В качестве примера приведем описание, в основе которого лежит когнитивный паттерн “**Противоборство**”. (Ключевые слова выделены жирным шрифтом.) Материалом послужило соответствующее английское фразеологическое поле.

В ходе противоборства участники преследуют взаимоисключающие цели, *e.g.* to be at cross-purposes (букв. “чьи-л. цели пересеклись”). Стороны именуется **противниками**, *e.g.* Kilkenny cats (букв. “коты из Килкенни” – из побасенки о насмерть передравшихся котах). Оба противника оказываются в **проблемной ситуации**, *e.g.* to be at the crossroads (букв. “находиться на распутье”), в которой действия каждого служат **препятствием** к тому, чтобы противник достиг цели, *e.g.* a lion in the path (букв. “лев на тропе”).

Промежуточная цель – лишение противника **потенций** к достижению цели. Это может быть **блокировка орудия** противника, *e.g.* to spike smb.'s guns (букв. “заклепать чьи-л. пушки”), to break smb.'s horns (букв. “обломать кому-л. рога”), to knock the sword out of smb.'s hand (букв. “выбить шпагу у кого-л. из руки”); **уничтожение** самого противника, *e.g.* to smash smb.'s brains (букв. “вышибить кому-л. мозги”), to break smb.'s neck (букв. “сломать кому-л. шею”). Конфликт может вестись с применением разных **методов** и **орудий**, *e.g.* to put a spoke into smb.'s wheel (букв. “вставить спицу в чье-л. колесо”); их выбор определяется типом конфликта.

Ведение конфликта может регулироваться **правилами** (в спортивном поединке, в дуэли и т.д.). Правила предусматривают **права** и **обязанности** сторон. В подобных случаях паттерн конфликта содержит элементы паттерна **соглашения**. Как права, так и обязанности могут не соблюдаться; это тоже относится к **методам** (тактике, стратегии) ведения конфликта. Противник, преуспевший в достижении цели, именуется **победителем**, а второй противник – **побежденным**. С помощью этой системы названий возможно описание стандартных элементов конфликта, каждому из которых отведено свое особое место в когнитивном паттерне:

- вызов (to throw down the gauntlet, *букв.* “бросить перчатку”),
- наступление (to fall hard on smb., *букв.* “обрушиться на кого-л.”),
- сопротивление (to fight to one's last gun, *букв.* “драться до последней пушки”),
- ожесточенная борьба (to fight like a Trojan, *букв.* “сражаться, как троянец”),
- отступление (to beat a retreat, *букв.* “бить в барабан к отступлению”),
- защита (to stand to one's ground, *букв.* “отстаивать свою землю”),
- контр наступление (to bite back, *букв.* “огрызаться”),
- баланс сил (to be at loggerheads, *букв.* “скрестить булавы”),
- победа (to carry the garland, *букв.* “нести гирлянду”),
- поражение (to meet one's Waterloo, *букв.* “встретить свое Ватерлоо”),
- ничья (dead heat, *букв.* “заезд, в котором победитель не определен”),
- прекращение конфликта (to bury the hatchet, *букв.* “зарыть топор”),
- признание поражения (to throw in the towel, *букв.* “вбросить <на ринг> полотенце”)

- отказ сдаться (to nail one's colours to the mast, букв. “прибить флаг к мачте”) и др.

В конкретных ситуациях упоминание ключевых слов, реализующих этот когнитивный паттерн, является аллюзией к нему, встраиванием ситуации в него. Это обусловлено тем, что каждое ключевое слово активирует в сознании весь паттерн. Кроме того, ключевые слова связывают его с другими паттернами – например, паттерн “Противоборство” с паттерном “Проблемная ситуация”. (С несколько иных позиций он рассмотрен в работе [Варгунина 2001] под названием “Конфликт” и в работе [Крячко 2007] как основа концептосферы “Война”.)

Когда требуется совмещение фреймовых описаний когнитивных паттернов с языками компьютерного программирования (например, в работах по созданию диалоговых систем «человек – компьютер» на базе естественного языка), возможна высокоформализованная презентация когнитивных паттернов на искусственных языках. Она **не** потребовалась в ходе решения поставленных нами задач.

Выше мы рассмотрели полевый и фреймовый подходы, применяемые нами в анализе когнитивных паттернов. Обратимся далее к **комбинаторному** подходу.

Когнитивные паттерны не всегда выявляются из эксплицитной внутренней формы языковых единиц, т.е. такой формы, которая выражена явными средствами – морфемными, словообразовательными, лексическими и морфосинтаксическими.

В ряде случаев внутренняя форма языковой единицы носит имплицитный характер. Об имплицитной (скрытой) внутренней форме слова писали З.И. Резанова [2008], А.О. Сеницына [2017] и ряд других лингвистов, но в их трудах она трактуется как утраченная в ходе эволюции языка и в ряде случаев восстанавливаемая с помощью этимологического анализа. В нашей работе имплицитная внутренняя форма трактуется иначе. Она не очевидна, но она

может быть выявлена из спектра сочетаемости данной языковой единицы. В порядке иллюстрации сравним два примера.

Английский жаргонизм *kickback* означает “возврат части денег, полученных незаконным путем” [CED] (ср. рус. *откат*). В качестве его внутренней формы выступает семема “ответный пас”, взятая из футбольной терминологии. Она выражена через морфемный состав слова (*kick*- “пинать”, -*back* “обратно”). Такую внутреннюю форму можно назвать эксплицитной.

Рассмотрим далее английское имя существительное *breath*, к которому трудно подобрать русский эквивалент (русское слово *дыхание* эквивалентно английскому *breathing* с процессуальным значением, но у слова *breath* значение **не** процессуальное). К этому примеру, весьма показательному, в разное время обращались авторы работ [Плеханов 1999; 2002], [Землякова 2012], [Зимовец 2013] и др., уделяя внимание разным аспектам семантики слова *breath*. Наш интерес направлен на модель его лексико-семантической сочетаемости, позволяющую выявить скрытую внутреннюю форму. Само по себе (не в словосочетаниях) это слово мотивационно не прозрачно; оно восходит к индоевропейской лексической основе **gwhre-* (“дых- /дох-”), что не дает никаких сведений о его семантической эволюции.

У слова *breath* нет эксплицитной внутренней формы, явно выраженной морфемным составом и словообразовательной структурой. Но это не значит, что у него вообще нет никакой внутренней формы. Оно обладает **имплицитной** внутренней формой, которую можно выявить из спектра устойчивых сочетаний с этим словом (сочетаемость проверена по комбинаторным словарям [APC], [КСАЯ], [ВВІ]).

То, что обозначено существительным *breath*, можно

ловить (to catch one's breath)	тратить (to spend one's breath)
находить (to find one's breath)	транжирить (to waste one's breath)
забирать (to take breath away)	ощущать нехватку (to run short of breath)
вбирать (to draw one's breath)	терять (to lose one's breath)
держать (to hold one's breath)	достигать конца (to reach the end of one's

хранить (to keep one's breath)	breath)
затаить (to bate one's breath)	лишаться (to be out of breath)
экономить (to save one's breath)	получать назад (to get one's breath back)
	вновь обретать (to get second breath).

В эту же модель лексико-семантической сочетаемости вписываются слова:

property “имущество” (to keep one's property, to be out of property, to get one's property back)
ammunition “боеприпасы” (to spend the ammunition, to run short of ammunition)
food “еда” (to be / run short of food, to keep / save one's food, to be out of food)
supplies “запасы” (to reach the end of one's supplies, to be out of supplies)
fuel “горючее” (to spend the fuel, to keep the fuel, to save the fuel)
time “время” (to spend / waste / lose time, to be short of time)
salt “соль” (to keep / save / run short of / be out of salt) *etc.*

Эти слова обозначают предметы ценные, а потому приобретаемые, запасаемые и расходуемые. Можно утверждать, что денотат слова *breath* понимается англосаксами не как процесс, а как **запас**. Это и есть имплицитная внутренняя форма.

Некоторые слова, передающие сложное и многогранное понятие или лингвокультурный концепт, имеют не одну, а две и более имплицитных внутренних форм, что становится видно из анализа их лексико-семантической сочетаемости. Например, **время** в английской лингвокультуре выражается устойчивыми сочетаниями с существительным *time* следующим образом (подробнее см. § 3 Главы II):

- 1) нечто движущееся (*time flies / goes by / runs out / drags / moves fast or slow etc*)
- 2) физический предмет (*high / thin / deep / heavy / rough / hard / dark / blue time etc*)
- 3) запас (*to save time, to be short of time, to take / lose time, to spend / waste time etc*)
- 4) собственность / товар (*to have time, to buy / sell time, to live on borrowed time etc*)
- 5) существо (*time waits for no man, time will tell, time is the best doctor, kill time etc*)

- б) соратник / противник (time works for / against us, time is / is not on our side *etc*)
 7) соперник в гонках (to keep pace with time, run ahead of time, fall behind time *etc*)
 8) враг (to beat / hit time, to beat the clock, to kill time, to fight / battle against time *etc*).

В других европейских языках существуют аналогичные словосочетания (рус. *убивать время*, франц. *tuer le temps*, нем. *die Zeit totschiagen* и т.п.), хотя нередки и расхождения в плане выражения, например: *англ.* high time (*букв.* “высокое время”) – *франц.* grand temps (*букв.* “большое время”) в значении “давно пора”; *англ.* to save time (*букв.* “спасать время”) – *франц.* gagner du temps (*букв.* “выгадывать время”) в значении “экономить время”; *англ.* to buy time (*букв.* “купить время”) – рус. *выиграть время* и т.п.

В каждом из этих случаев время помещается в отдельный когнитивный формат и образно репрезентируется как тот или иной предмет или существо. Как видим, у существительного time в английской лингвокультуре насчитывается как минимум восемь имплицитных внутренних форм. Комплекс внутренних форм дает более объемное представление о денотате, чем одна внутренняя форма. Анализируя сочетаемость английских слов и устанавливая их имплицитную внутреннюю форму, можно выявлять когнитивные паттерны лингвокультуры.

Модель отражения денотата и модель сочетаемости слова или его лексико-семантического варианта (ЛСВ) соединены причинно-следственной связью: когнитивный паттерн, в который помещен концепт, определяет спектр сочетаемости того ЛСВ, который служит десигнатором данного концепта. Например, если время мысленно помещается в когнитивный паттерн “Состязание в беге” и образно репрезентируется как бегун, то люди, мыслящие в рамках этого паттерна, стараются:

- не отставать от времени (to keep pace with time, to race against time, to be up to date)
- и даже обогнать его (to be ahead of time, to be before / in advance of one’s time),
- но порой всё же отстают от времени (to fall / to be behind time, to be out of date).

Таковы, в общих чертах, применяемые в нашей работе способы выявления когнитивного субстрата семантической системы языка и языкового мышления.

Выводы по главе I

В главе I изложена общетеоретическая основа исследования.

В §1 «Соотношение коммуникативной, мыслеформирующей и моделирующей функций в функциональном спектре языка» отмечено, что функция моделирования действительности не менее важна, чем коммуникативная функция языка. Показано, что субъект в своих мыслях сначала моделирует действительность, формируя и формулируя эти мысли посредством вербального языка, затем передает их другому субъекту в языковой форме, а тот воспринимает и осмысливает полученную информацию, производя изменения в своем когнитивном мире, и всё это тоже посредством языка. Таким образом, передача мыслей (общение) – это лишь срединная стадия речевой деятельности, протекающей в координатах пространства языка.

В §2 «Проблема кумулятивной функции языка» рассмотрен вопрос о том, как кумулятивная функция реализуется в системе языка. 1) Она прямо реализуется в пословицах, которых зафиксирован жизненный опыт народа. 2) Отношение к жизненным явлениям опосредованно выражено во фразеологизмах, хотя и не прямо. 3) Семантические единицы, выработанные языковым коллективом в ходе развития этнокультуры, закреплены в значениях слов и усваиваются новыми поколениями в онтогенезе речи. 4) Сущность объекта номинации может отражаться во внутренней форме языковых единиц. 5) Взаимосвязь понятий прослеживается в семантических структурах слов. 6) Ментальная модель объекта номинации в ряде случаев имплицитно содержится в спектре его сочетаемости. 7) В каждом этноязыке заложена специфичная для каждого данного языка «сетка», набрасываемая на мир семантической системой языка; это членение мира усваивается в онтогенезе речи.

В §3 «Научная и “наивная” картины мира в языке» критически рассмотрены и охарактеризованы некоторые концепции различных картин мира. Показано, что языковая картина мира обычно вычленяется как отдельная категория в ее противопоставлении когнитивной (понятийной, концептуальной, научной) картине мира. Против этой антитезы нами выдвинуты возражения: 1) Всякая картина мира может носить название когнитивной, т.к. все картины мира являются результатом познания. 2) Любая картина мира может носить название языковой, но научная картина мира заключена в терминосистемах, а наивная – в общеупотребительной лексике. Научную картину мира нужно противопоставлять не языковой, а наивной картине мира.

В §4 «Семантическая система языка и проблема лакун» дано определение понятия “семантическая система языка” и его детальная характеристика, описаны «пробелы» (лакуны) в этой системе, установлены виды корреляции между семантической системой языка и его внутренней формой, прослежены виды связи между лакунами на уровне семантической системы и на уровне когнитивного субстрата.

В §5 «Онтологические категории, важные для выявления сущности лакун» рассмотрены категории бытие, нечто (вещь), небытие, ничто, становление, тождество и показана необходимость их точного осмысления для уяснения сущности лакун.

В §6 «Философское и лингвистическое понимание внутренней формы» рассмотрены вопросы: что имеет внутреннюю форму; как внутренняя форма соотносится с внешней формой, с субстанцией, со значением языковой единицы; как внутренняя форма содержания (структура значения) соотносится с внутренней формой языковой единицы; в чем состоит назначение внутренней формы.

В §7 «Внутренняя форма языковой единицы как мотиватор ее значения» внутренняя форма языковой единицы определена как воплощенный во внешней (звуковой) форме семантический пласт, относящийся к плану выражения и выполняющий функцию мотивировки отдельно взятого значения.

В §8 «Понятие “языковое мышление”» отмечено, что это понятие имплицитно подразумевает понятие “неязыковое мышление”. Показано, что ныне возможность мыслить без словесного языка рассматривается в двух аспектах. Первый ее аспект лежит в плоскости семиотики культуры. Культура с точки зрения теории знаков предстает как система кодов, а вербальный язык – как один из них. Существуют невербальные культурные коды, тоже служащие основой мышления. Второй аспект этой проблемы лежит в плоскости психолингвистики. Словесную форму мышления обретает по мере перехода от предметно-схемного кода индивида к общенародному языку.

В §9 «Когнитивный субстрат языкового мышления» кратко прослежено историческое становление языкового мышления. Образное и понятийное мышление взаимодействуют, порождая концептуальное мышление. Из конкретно-наглядного образа рождаются эмотивно-оценочный ореол и абстрактное понятие. Уже на ранних этапах рождения мысли в голове человека в дело вступает словесный язык. Показано, что мысль не просто выражается в слове; она в нем творится. Когнитивный субстрат языкового мышления определен как совокупность выработанных в ходе культурного развития народа, устоявшихся в общественной практике, закрепленных в исторической семантике этноязыка коллективных представлений носителей языка о действительности, а также познавательных установок, лежащих в основе языковой картины мира, служащих культурными кодами в процессе коммуникации и в той или иной степени обуславливающих человеческое поведение.

В §10 «Когнитивные паттерны» отмечено, что когнитивный субстрат языка и языкового мышления подразделяется на участки, в рамках которых содержатся коллективные представления носителей лингвокультуры о строении отдельных фрагментов мироздания. Для обозначения этих участков в нашей работе используется термин *когнитивные паттерны*. Пояснено, что паттерн принадлежит к онтологическому уровню реальности, а фрейм – это его научное описание.

В завершение мы считаем важным еще раз подчеркнуть один из результатов наших наблюдений. Давно стали общепризнанными утверждения, что язык есть дух народа (В. фон Гумбольдт), что язык членит и категоризирует мир (Ф. де Соссюр), что язык определяет характер мышления и поведения людей (Э. Сепир, Б.Л. Уорф) и т.п. Лингвисты часто цитируют эти утверждения, но затем некоторые из них ссылаются и на и другое утверждение – что безусловно главенствующей является коммуникативная функция языка – и в дальнейшем исходят из него. Пристальный взгляд позволяет убедиться, что это последнее утверждение, в сущности, противоречит предыдущим – ведь оно имеет пресуппозицию, согласно которой человеческое мышление, категоризация мира и дух народа существуют сами по себе, а словесный язык служит в основном лишь для того, чтобы люди могли передавать всё это друг другу. Тем самым отодвигаются на задний план функции моделирования действительности и формирования мысли.

Коммуникативная функция языка была исторически первичной (язык возник на основе потребности древнейших людей в координации совместной деятельности), но позднее моделирующая и мыслеформирующая функции вырвались вперед; с помощью языка отражается мир и формируется мысль, и лишь затем с помощью того же языка результаты этой духовной деятельности объективируются в звуковой / графической форме и транслируются другим людям. На это теоретическое положение мы опираемся в последующих главах диссертации.

Сформулируем еще один важный вывод из всего сказанного в этой главе, особенно из раздела о кумулятивной функции языка. В рамках структуралистского и генеративистского подходов естественный язык встает в один ряд с формализованными знаковыми системами и выглядит как мертвая схема. Это конструктивный подход. Он нужен для решения ряда лингвистических задач; это своего рода «рентгеновский снимок», на котором виден скелет, но не плоть. Это лишь тонкий срез многомерного языкового

пространства. «Кибернетическая модель языка» (термин Ю.Д. Апресяна [1980]) не может претендовать на его всеобъемлющее описание.

В противном случае неясно, как мертвая схема может, по И.С. Тургеневу, «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» служить поддержкой и опорой человеческому духу. Язык народа – явление прежде всего духовное. Значение каждой его единицы – это не абстракция, исчерпанная процедурой компонентного анализа и втиснутая в словарную дефиницию. Нет, это росток живой ткани духа, взращиваемый годами в онтогенезе речи, подпитываемый почвой эмоциональных контекстов, на которую он высаживается. Язык кумулирует в себе не только результаты рационального познания мира, но и духовный опыт народа. Из поколения в поколение передается не только логическая схема, но и трепетный дух. В этом, а не только в хранении объективных знаний о мире, состоит кумулятивная функция языка.

На базе теоретических положений, выдвинутых в главе I, в главе II рассматривается ряд семантических пластов когнитивного субстрата языкового мышления.

ГЛАВА II. СЕНСОРНАЯ ОСНОВА АБСТРАКТНОГО ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

В главе II показывается, какими способами во внутренней форме языковых единиц отражается взаимосвязь чувственных ощущений и абстрактных понятий через посредство единиц восприятия – когнитивных паттернов. Тем самым раскрывается характер видения мира и моделирования действительности носителями лингвокультуры. Путем анализа исторических наслоений языковой семантики прослеживается переход от сенсорного образа к представлению и от него к понятию. Характеризуется ряд основных когнитивных паттернов, с помощью которых моделируется мир и осуществляется абстрактное языковое мышление.

§1. Когнитивный паттерн “Пространство”

Еще И. Кант предположил, что представления людей о пространстве носят врожденный характер, и назвал их априорными идеями [Кант 2016: 47-51]. В наше время эта гипотеза нашла подтверждение в исследованиях по когнитивистике ([Артемьева 2007], [Lynch 2010], [Афанасьева 2013] и др.). Эволюция заложила в человека изначальную способность ориентироваться в пространстве и, оперируя предметами внутри него, на этой основе осуществлять сенсомоторное мышление. Пространство внедрено в человеческую ментальность, составляя фундамент для всех наглядных представлений о мире: ведь всё, что случается вокруг человека и с ним самим, происходит в трехмерном физическом пространстве.

С. Лем указал на культурно-исторические истоки абстрактно-теоретического мышления и преемственность между ним и наглядно-практическим мышлением: человеческое «родство с мартышками и лемурами еще так тесно», что люди «не способны примириться с утратой наглядности ...

Космогонисты не могут не рисовать себе хоть какой-нибудь наглядный образ Метагалактики, отлично зная, что о наглядности тут говорить не приходится; физики втайне пособляют себе картинками; и хотя математикам кажется, что уж они-то упраздняют на время собственную телесность, – они ошибаются тоже» [Лем 2010: 142].

Биологическая природа человека, обуславливающая специфику способов отражения действительности, неустранима из процесса познания. В частности, человек воспринимает окружающее пространство с помощью такого зрительного анализатора, который характерен для приматов. Особенности такого восприятия во многом определяют человеческую картину мира.

Пространство и всё, что в нем расположено, видится людям именно таким, а не иным потому, что люди обладают приматским зрением и ростом (с учетом прямохождения). Окружающая обстановка видится людям в том визуальном ракурсе, который обусловлен их ростом (жирафы, с их длинной шеей, видят мир в своем ракурсе, а, к примеру, суслики, с их малым ростом, – в своем). Люди воспринимают мир лишь в трех пространственных измерениях (хотя, по данным современной космологии, их больше); гигантские небесные тела – звёзды – видятся людям крошечными; в глазах людей «рельсы-то, как водится, у горизонта сходятся», хотя они параллельны; «сквозь волнистые туманы пробирается луна» (из-за параллакса чудится, будто отдаленные предметы движутся вместе с наблюдателем); кажется, что высоко в небе самолет еле движется, хотя на самом деле он стремительно мчится; ровная поверхность Земли видится как плоскость, хотя Земля – шар; человеческому взору Солнце представляется движущимся вокруг Земли (и т.д.).

Визуальная картина неба в рамках обыденного сознания, с ее небосводом, горизонтом, зенитом, созвездиями – это в значительной мере феномен человеческого восприятия. На самом деле звёзды находятся не на «чаше» небосвода, а на разных расстояниях от Земли, притом они не объединены в

созвездия, которые являются лишь проекцией света звёзд на сетчатку глаза³¹. Мир видится людям таким, каким его позволяют видеть их органы чувств. Но люди тысячелетиями принимали всё это за объективное положение дел, всерьёз полагая, что «звёзды смотрят вниз».

Между тем, в отличие от людей и других приматов, насекомые, с их фасеточным зрением, воспринимают мир по-своему, а существа, которые вместо зрения применяют эхолокацию, – по-своему. Во всех случаях информация о мире достоверна в той мере, в какой она достаточна для выживания в природной среде (практика – критерий истины), но картины мира выглядят по-разному. Таким образом, восприятие человеком пространства опосредовано спецификой его зрительного анализатора. То, как человек видит мир, является **не** непосредственной объективной данностью, а итогом преломления сигналов сквозь призму сенсорной системы человека.

Сам термин *картина мира* имеет спатиальную (лат. *spatium* “пространство”) образную основу. Созерцая картину мира, человек мысленно размещает в ее «просторах» всё им видимое; он моделирует мир в пространственных категориях.

«Пространственные категории, – отметил в этой связи С.М. Шалютин, – становятся как бы всеобщим языком» [Шалютин 1985: 124]. В терминах семиотики культуры этот язык может быть назван универсальным культурным кодом. С его помощью моделируются такие области бытия, как устройство общества, родство, духовный мир, межличностные отношения, система жизненных ценностей, степени качества и другие градации, математические закономерности и мн. др. Очень многое, включая нематериальные явления, можно представить как пространство.

---

³¹ «Звёзды, видимые на небесной сфере на небольших угловых расстояниях друг от друга, в трехмерном пространстве могут быть расположены далеко друг от друга. В одном созвездии могут быть и близкие, и далекие от Земли звёзды, между собой не связанные» [Кононович 2004: 14].

В научной литературе понятие “пространство” используется широко, но нередко – интуитивно, без его четкого истолкования. Существует потребность в создании такого истолкования.

Зрительное воображение позволяет ученым моделировать структуру ненаблюдаемых явлений в форме зримых схем и словесно выраженных предметно-наглядных аналогий, а кроме того, в образной основе тех терминов и близких к ним названий, которые имеют метафорический или метонимический характер.

Например, в психоанализе личность уподобляется закрытому сэндвичу, у которого нижний слой обозначает сферу бессознательного (“Оно”), верхний – сферу моральных заповедей и запретов (“Сверх-Я”), а срединный – сознательное “Я”, на которое оказывается давление как снизу, так и сверху [Фрейд 2007].

Следует принять во внимание, что перед нами **не** модель строения мозга (материального предмета, занимающего объем в физическом пространстве), а модель строения психики – нематериального объекта, не имеющего физических, в том числе материально-пространственных, характеристик. Так называемая топическая (*древнегреч. τόπος* “место”) модель личности в психоанализе подразумевает не физический, а психический топос (пространство). По прошествии длительного времени такие аналогии столь глубоко внедряются в научное сознание, что их образность стирается; это облегчает мышлению выход за пределы существующей модели и открывает возможности разработки дальнейших моделей изучаемого объекта.

Чувственные представления, применяемые научной мыслью в качестве орудий моделирования реальности, делятся на классы; один из них – это класс спатальных представлений, образующих внутреннюю форму имен абстрактных понятий [Логачева 2016].

Спатальные по своей природе понятия – важная составная часть категориального аппарата многих наук, включая языкознание. В наше время нелегко вообразить сколько-нибудь объемную лингвистическую работу, не

содержащую терминов со спатальной образной основой. В частности, наряду с англ. *space* и рус. *пространство* используются следующие термины, спатальные в своей образной основе:

adjacence/ proximity/ remoteness – смежность/ близость/ дальность	sphere – сфера / область
deep / surface structure – глубинная / поверхностная структура	area / field – зона / поле
discreteness / continuity – дискретность / непрерывность	distance – расстояние
dimension(ality) – измерение / мерность (пространства)	level – уровень / ярус
co-ordinates – координаты / вехи (пространства)	borderline – граница
centre / periphery – центр / периферия (поля)	vector – вектор
volume – объем / степень	scale – шкала
expanse – протяженность	row – ряд

В языковедческих трудах спатальные представления о структуре языка репрезентируются не только словесными, но и пикториальными средствами – в форме диаграмм, графиков, геометрических фигур и т.п. Упомянутые представления пронизывают теорию языка сверху донизу, выполняя функцию ее реляционного каркаса или, образно говоря, сети тропинок, по которым движется мысль [Логачева 2016].

Применение таких языковых средств для обозначения нематериальных объектов принято называть *концептуальной метафорой*³² (таков, к примеру, термин *mental space* “ментальное пространство”, у которого прототипом является физическое пространство). Но, на наш взгляд, такие термины можно (с оговоркой) назвать метафорическими лишь по их происхождению, тогда как на современном этапе термин *space* обладает не метафорическим, а **расширенным** значением:

space
пространство

³² На наш взгляд, этот термин не вполне удачен. Во-первых, его создатели [Lakoff, Johnson 2008] имели в виду подобие понятий, а потому английскому *conceptual* здесь эквивалентно русское *понятийная*. Во-вторых, Лакофф и Джонсон писали о высокой степени аналогии (существенном подобии), а в подлинной метафоре «мера подобия несущественна» [Никитин 1979: 98]. Поэтому мы полагаем, что речь здесь должна идти не о концептуальной метафоре, а о понятийной аналогии.

physical	mathematical	psychic	linguistic	cultural
физическое	математическое	психическое	лингвистическое	культурное.

В этом ряду дистинктивная сема “физическое” первична исторически (в диахронии), но ныне (в синхронии) она **не** имеет приоритета перед другими. Физическое пространство может занимать не первое, а любое другое место в вышеприведенном ряду. В наше время его нельзя назвать «главным» среди пространств.

Англ. space через *лат.* spatium восходит к индоевропейскому *spe- “растягиваться” [KED] и имеет синонимы expanse, extent, stretch, spread, range (рус. *простор, раздолье, ширь, даль, дол*), передающие идею протяженности. В широком смысле **пространство – это протяженность (последовательность) числовых значений какого-либо параметра³³ объекта.** Эти значения можно расположить на шкале.

Воспринимая окружающий мир, ставя перед собой задачу познать его, человек задействует в первую очередь свой главный орган чувств – зрение; он стремится **увидеть** объект когниции. Если же объект не поддается визуальному наблюдению, субъект старается увидеть его **мысленным взором**, имитируя обычное зрительное восприятие и с этой целью выстраивая визуальный образ объекта – в своем воображении или на каком-либо внешнем носителе (на бумаге и т.п.). С точки зрения психологии восприятия это очень удобное подспорье в деле познания мира. Физическое пространство при этом заменяется каким-либо другим пространством.

В широком смысле пространство – это феномен не только физический, а его измерения (параметры) – не только длина, ширина и высота. Измерения пространства объекта – это градуальные свойства данного объекта. Пространства бывают одномерными, двумерными, трехмерными, ... многомерными.

---

³³ Параметр – характеристика системы, поддающаяся измерению и принимающая различные числовые значения. Значения параметров являются показателями состояния системы на момент измерения (так называемого параметрического состояния системы) [НТС].

Любое измерение можно представить в виде шкалы с делениями. Пространство, понимаемое в этом смысле, есть моно- или полиметрическая система – множество связанных друг с другом измерений, составляющих единство. В практике измерений одну шкалу – одномерную (монометрическую) систему – пространством обычно не именуют; поэтому фактически пространство представляет собой пересечение двух и более шкал, отражающих существенные свойства объекта. Например, физиологическая система организма характеризуется 12-ю главными показателями [Храмова 2011]. Состояние здоровья индивидуума на момент тестирования можно представить как додекаметрическое (12-мерное) пространство: уровень артериального давления, число дыхательных движений, частота сердечных сокращений и др.

Этим способом можно репрезентировать и многие другие системы – объекты, относящиеся к экономике, психике, социуму, культуре, языку и т.д.

Вновь обращаясь к лингвистике, укажем, что применение спатальных категорий в ее понятийно-терминологическом аппарате является плодотворным методом репрезентации самых разных явлений языка. Например, устоявшаяся в языковедческих трудах система уровней языка выглядит как плоскостное (диметрическое) пространство, в рамках которой одноуровневые единицы разворачиваются в горизонтальный ряд, а разноуровневые выстраиваются в вертикаль.

Но эта модель неполна; по верному замечанию А.В. Кунина, синтаксису в ней нет места [Кунин 1967: 90]. Это обусловлено тем, что по своему составу синтаксис не рядоположен фонологическому, морфемному, лексическому уровням – ведь на них располагаются **единицы** языка, тогда как синтаксис содержит языковые **конструкции**. Синтаксис относится к третьему измерению языкового пространства, которое вмещает иные модели (модели фонотактики, словообразования, семантической сочетаемости и пр.). Из них выстроена другая иерархия.

Далее, супра-сегментные средства образуют четвертое измерение языкового пространства. Можно выделить и пятое, и шестое, и другие

измерения. Мы полагаем, что следующим шагом в создании модели уровней языковой системы должна стать не плоская вертикаль, а многомерное пространство.

Спациальный характер носит и лингвистическое понятие “поле”. Поле может быть определено как часть пространства языка, которая вмещает систематизированное множество единиц, связанных друг с другом разнообразными парадигматическими отношениями – как содержательными, так и формальными. Всякая парадигма языка может быть репрезентирована в виде поля, в рамках которого дистанции между входящими в него единицами обусловлены тем, насколько эти единицы сходны / различны по одному или нескольким параметрам.

Например, в системе английского вокализма дистанция между гласными [e] и [æ] мала (они занимают соседние ячейки матрицы), т.к. они различаются только по одной паре дистинктивных признаков (средний / низкий подъем), тогда как дистанция между гласными [e] и [a:] длиннее, т.к. они различаются по нескольким парам дистинктивных фонологических признаков. Аналогично, в английском семантическом поле “Домашние животные” значения слов *stallion* “жеребец” и *gelding* “мерин” расположены ближе друг к другу (обладают меньшим числом дистинктивных семантических признаков), чем значения слов *stallion* “жеребец” и *ewe* “овца”.

Презентация подсистем языка в виде пространств и полей дает возможность на практике использовать одно из главных достоинств моделирования как исследовательского метода – компактность и наглядность отображения объекта.

По существу, всякую полиметрическую систему, входящую в состав естественного языка, можно репрезентировать как пространство либо его фрагмент (поле). Одно пространство создается с помощью перекрестья шкал “диахрония – синхрония”; второе – “план выражения – план содержания”; третье – “синтагматика – парадигматика” и др. С этих позиций язык видится не

как одно пространство, а как несколько пространств, вставленных одно в другое.

Здесь следует учитывать, что “пространство” – категория не объектного, а эпистемологического уровня, модель операционального типа, состоящая в непрямой связи с объективной действительностью языка. Лингвисты устанавливают в языке разного рода пространства, при этом исходя как из объективно существующей языковой структуры, так и из задач, которые они поставили перед собой. Качество, количество и пределы языковых пространств обуславливаются не только объективным фактором, но и – в некоторой степени – фактором прагматическим. Исследуя язык, лингвисты не обнаруживают (как объективный факт), а постулируют (как модель) то или иное языковое пространство. Они оперируют не самим объектом, а его моделью, созданной ими самими в целях удобства анализа объекта; это обычная практика применения метода моделирования.

§2. Участки когнитивного паттерна “Пространство”

Когнитивный паттерн “Пространство” естественным образом распадается на ряд участков, каждый из которых несет свою семантическую нагрузку.

А) Верх – низ

В этом ряду в первую очередь следует упомянуть пространственную вертикаль – отношение верха и низа. Оно было витальным уже для животных предков человека. В борьбе за существование в большинстве случаев преимуществом является локализация сверху, будь то расположение на дереве, куда не может добраться хищник, или господствующая высота, с которой удобно разить наступающего снизу врага, или превосходство в росте над противником, и т.п.

По данным лингвокогнитивистики [Лакофф 1981] и когнитивной психологии [Артемьева 2007], преимущество расположения сверху содержится

в наследственной памяти человека. У животных поза доминирования – это поза на выпрямленных ногах, с высоко поднятой головой, а поза подчинения – полуприсед с опущенной головой. В бою эта поза невыгодна, поэтому, принимая ее, животное сигнализирует об отказе от боя и готовности подчиниться [Удалова 2018: 25-49].

По-видимому, в человеческой культуре такие этикетные жесты, как поклон и коленопреклонение, восходят к этой позе, входящей в животную систему коммуникации. В эту систему входят не поклон и коленопреклонение, а поза полуприседа с опущенной головой, что подтверждается наблюдениями специалистов по поведению животных. Более низкое положение в пространстве сигнализирует о более низкой ступени в этологической иерархии группы (стаи, племени и более развитых сообществ). Это соотношение отражено в английских устойчивых оборотах:

to hold one's head high “держаться гордо и уверенно” – to bend one's head / to bow before smb. “проявлять покорность, демонстрировать подчиненность кому-либо” to look down at smb. “относиться к кому-л. высокомерно” – to look up at smb. “относиться к кому-либо с почтением”

to condescend to smb. (*лат.* *condescendĕre* “сходить, спускаться”) “снисходить до кого.-л.” – to ascend (от *лат.* *ascendĕre* “взбираться, подниматься”) to smb.'s level “возвыситься до чьего-либо уровня”

top dog “победитель / руководитель” – underdog “побежденный / подчиненный”
34

Ср. рус. *с высоко поднятой головой, склонить голову перед кем-л., смотреть свысока* и т.п.; франц. *la tête haute* (“с гордо поднятой головой”), *condescendance* (“снисходительность”), *hauteur* (букв. “высота”, *перен.* “надменность”) и т.п.; нем. *den Kopf vor jemandem beugen* (“склонить голову перед кем-либо”) и т.п.³⁵ Отношение верха и низа глубоко внедрено в семантическую систему языка. Оно столь естественно для языкового

³⁴ Аллюзия к образу собачьей драки, в которой самый сильный пёс оказывается сверху [БАРФС].

³⁵ Такого рода обороты имеются и в других языках, входящих в средневропейский стандарт. В дальнейшем, во избежание дублирования примеров, это обстоятельство будет подразумеваться по умолчанию, за исключением случаев англоязычной специфики примеров.

мышления, что часто бывает трудно, а порой практически невозможно выразить мысль, не прибегая к пространственным представлениям:

superior “превосходящий, превосходный, вышестоящий” – inferior “нижестоящий, подчиненный, уступающий по какому-либо качеству”

high / low quality, reputation, spirits, society, opinion – “высокое / низкое качество, репутация, настроение, мнение”

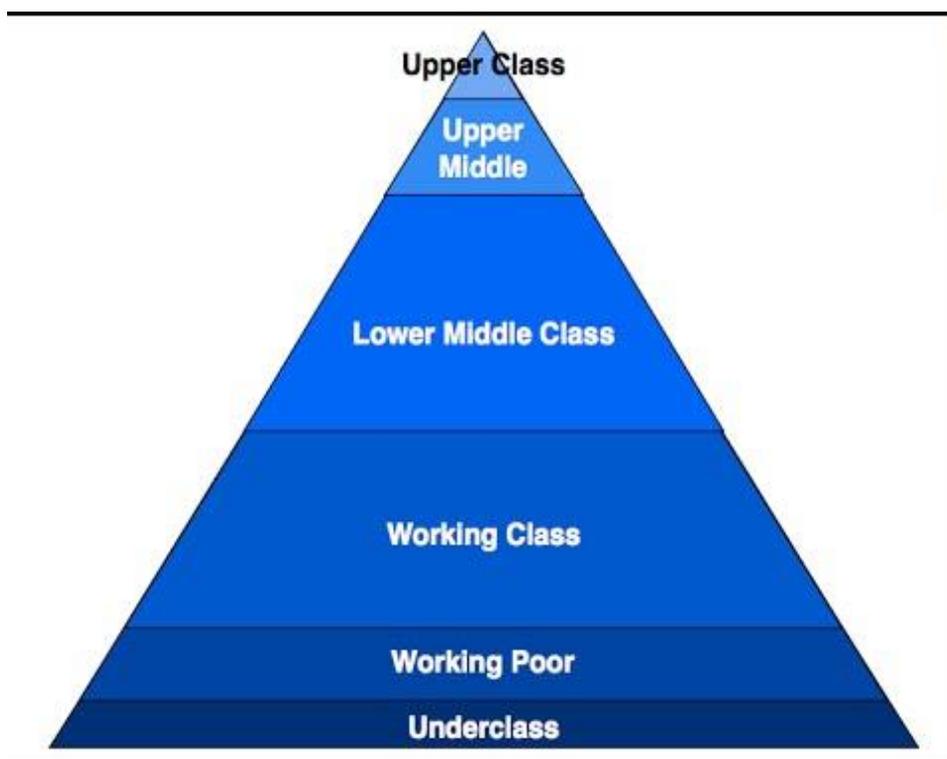
on the top of happiness “на верху блаженства” – at the bottom of despair “в бездне отчаяния”

prices rise / go up “цены повышаются” – prices fall / go down “цены понижаются”

upper / middle / lower social class – “высший / средний / низший класс” (и мн. др.)

С помощью понятий, связанных с вертикалью, моделируются разнообразные сферы бытия. Прежде всего следует упомянуть **устройство общества**. Социум мыслится как пространство, в котором каждый субъект занимает свое место (*англ.* social position); слово position восходит к *лат.* positio “расположение в пространстве” (от ponere “помещать”). То же можно сказать об *англ.* (social) status: *лат.* status (от stare “стоять”) буквально обозначает позу, положение в пространстве.

Субъекты располагаются в социальном пространстве на высоком – среднем – нижнем уровне (high – medium – low levels / positions / statuses). На самой вершине (social top), по традиционным представлениям, находится один субъект, а далее по мере спуска растет численность общественных классов вплоть до самого нижнего уровня (social bottom – дно общества). Отсюда презентация общественного устройства как **пирамиды** (social pyramid). Хотя пирамида – это трехмерная геометрическая фигура, в данном случае она изображается на плоскости как ориентированный вверх треугольник (одна из граней пирамиды). В качестве иллюстрации приведем один из множества вариантов социальной пирамиды (см. ниже рис. 8).

Рис. 8. Социальная пирамида

Альтернативное средство презентации иерархического строения общества – социальная **лестница** (social ladder). Этот визуальный образ отличается от образа пирамиды, во-первых, тем, что он отражает общественную динамику, предполагает подъем и спуск по уровням, а во-вторых, тем, что он **не** отражает количественного соотношения общественных классов; но это соотношение может быть выражено вербально, в качестве пояснения к визуальному образу (см. ниже рис. 9).

Рис. 9. Социальная лестница

Для пространственной презентации общественной иерархии визуальная опора не обязательна. Все вышеупомянутые спатальные представления о социальном устройстве широко распространены в лингвокультурах средневропейского стандарта благодаря тому, что в них активно функционируют перечисленные вербальные наименования, имеющие спатальную образную основу, а рисунки просто наглядно иллюстрируют эти представления.

Движение вверх и вниз по уровням социальной иерархии:

to climb / fall from the social ladder (взбираться / падать с социальной лестницы)
 administrative upgrade / downgrade (административное повышение / понижение)
 The higher the rise, the harder the fall (чем выше взберешься, тем больнее падать)
 A haughty (< франц. haut “высокий”) spirit goeth before a fall (высокомерие предшествует падению – Притчи 16: 18)
 social lift < германск. *lüften “взмыть в небо” (социальный лифт).

Помимо общественного устройства, пространственное отношение “Верх – низ” лежит в основе ряда других тематических областей. В частности, оно передает разного рода **градации**. Англ. scale “шкала” восходит к лат. scala “лестница”; англ. grade “деление шкалы” – к лат. gradus “ступень”; англ.

gradation / degradation “градация / деградация” – к *лат.* gradatiō / degradatiō “подъем / спуск по ступеням”. В основе этого семантического поля лежит когнитивный паттерн “Вертикаль”.

Пользуясь термином из категориального аппарата теории «Смысл ↔ текст» [Мельчук 2020], можно утверждать, что верх в общем случае передает лексическую функцию MAGN, т.е. выражает интенсивное проявление того или иного бытийного признака объекта. Соответственно, низ выражает слабое проявление признака. Ср.: high / low temperature / pressure / speed / profit / quality / degree / figure / reputation / value / price / morals / spirits / rate / qualification / intellect / percentage (высокая / низкая температура / давление / скорость / прибыль / качество / степень / цифра / репутация / ценность / цена / мораль / дух / квалификация / интеллект / процент).

При этом наблюдается тенденция: слово high “высокий” сочетается в основном с названиями объектов, оцениваемых **положительно** или, по крайней мере, нейтрально. Так, high fashion (*франц.* haute couture) – это лучшая мода, high position – завидная должность, in high feather – в хорошем настроении, to think high of smb. – думать о ком-либо хорошо и т.д. Интенсификатор high в норме **не** сочетается с названиями отрицательно оцениваемых явлений. Приведем ряд примеров (по данным комбинаторного словаря [СУС]):

ненормативно

*high fear (высокий страх)

*high frost (высокий мороз)

*high infamy (высокий позор)

*high beastliness (высокое свинство)

нормативно

strong fear (сильный страх)

hard frost (крепкий мороз)

great infamy (большой позор)

awful beastliness (ужасное свинство) и т.п.

В качестве исключения можно назвать нормативное словосочетание high grief (*букв.* “высокое горе”, *перен.* “скорбь по поводу безвременной кончины”), но даже это клише может быть истолковано в позитивном ключе как “возвышенная скорбь”. Что касается словосочетания high treason “государственная измена”, в нем определение high **не** является

интенсификатором значения слова *treason*. Оно означает, что измена произошла на высшем уровне социальной структуры. Таким образом, в данном случае прилагательное *high* тоже **не** выступает как усилитель негатива.

Напротив, прилагательное *low* “низкий” во многих случаях ассоциируется с чем-то негативным: *low estimation / spirits / schoolmark / morals etc* (низкая оценка / настроение / школьная отметка / мораль и т.п.). В качестве синонимов этого слова толковые словари английского языка приводят прилагательные с пейоративными коннотациями: *mean, nefarious, vile, ignoble, abject, snide, scurvy* и т.п. В случаях типа *low prices* (низкие цены) оценка носит амбивалентный характер: хороши ли, плохи ли низкие цены – это зависит от субъекта оценки и от рыночной конъюнктуры.

Эти языковые факты говорят о том, что в языковом сознании шкала “высокий – низкий” состоит если не в прямой, то, во всяком случае, в положительной корреляции не только со шкалой “сильно – слабо выраженный”, но и со шкалой “хороший – плохой”. На наш взгляд, это объясняется архетипической антитезой – позитивной оценкой верха и негативной оценкой низа.

Это закреплено и в религиозных космогонических представлениях. Рай находится наверху: *heavens* от *германск. *hibin-* “небеса” (местонахождение Бога); *the seventh heaven* – седьмое небо, самое верхнее, на котором, по системе Птолемея, располагается рай небесный (отсюда оборот *to be on the seventh heaven* – букв. “быть на седьмом небе”, *перен.* “ощущать великую радость, счастье”).

Это естественным образом обусловлено тем, что Бог мыслится как Господин (*англ. Lord, лат. Dominus* “хозяин”, *древнегреч. Κόρυος* “правитель”, *рус. Господь* от *лат. hospes / hospitis* “хозяин” < *potis* “могущественный”), а значит, Бог занимает самую высокую позицию – господствующую высоту (ср. *англ. the Most High* “Всевышний”, в отличие от обычного *highest* “самый высокий”).

Что касается *англ.* Elysium, оно через *лат.* Elysium восходит к *древнегреч.* Ἠλύσιον πεδῖον “Елисейские поля” – обиталище блаженных душ, которое находится не на небесах, а на западе Земли, на берегу реки Океанос. Аналогично, в Ветхом Завете Eden (< *иврит* עֵדֶן [edn], ср. рус. Эдем) – рай земной, первоначальная обитель Адама и Евы, расположенная на Востоке (Бытие 2: 8). Таким образом, названия Elysium и Eden не заключают в себе представления о вертикальном строении мира.

Ад, противопоставленный раю, закономерно расположен внизу, что зафиксировано в его названиях:

the Underworld (букв. “подмир”, ср. рус. преисподняя)

the Abyss (букв. “пропасть”, ср. рус. адская бездна)

the Pit (букв. “яма”, ср. рус. адская пучина)

the Lower / Nether World (букв. “нижний мир”)

chthonic < *древнегреч.* χθών “подземелье”

Tartar < *древнегреч.* Τάρταρος “бездна”

inferno < *лат.* infernus / inferno “нижний”

hell < *германск.* *haljo “нижний мир”.

Бог и Его земной наместник – царь – восседают на возвышении (на троне), а их подданные склоняются перед ними у подножия трона.

Германо-скандинавская мифология тоже представляет мир в виде вертикали, стержнем которой служит мировое древо Иггдрасиль; на его ветвях располагается северный рай – Валгалла, а под корнями – три подземных царства.

Таким образом, вертикаль – это сильный универсальный пространственный архетип, лежащий в основе очень многих представлений о мире.

Пространство мифа символизирует пространство духовного мира. О духовных категориях люди говорят, используя спатиальные образы.

Всё благородное, позитивно оцениваемое определяют эпитетами high “высокий”, high-minded “высокодуховный”, elevated “возвышенный” (< *лат.* elevāre “возвышать”), heavenly “небесный”, superb / superlative / superior

“превосходный / превосходящий” (< *лат.* superior “высший”). Героический пафос символики верха особенно ярко выражен в стихотворении Г. Лонгфелло “Excelsior” (*лат.* “Всё выше”).

Всё, что оценивается негативно по духовно-нравственной шкале, определяют эпитетами low, low-down (“низкий”), base, base-minded, base-spirited (< *старофранц.* bas “глубина”), inferior (< *лат.* inferior “низший”).

Совершение подвига представляется как подъем на горные высоты (elevation), а нарушение нравственных норм – как падение с высот (fall of man / moral fall “моральное падение”, lapse from virtue “грехопадение”, a fallen woman “падшая женщина”). В качестве прецедентного текста здесь выступает отрывок из Ветхого Завета, насквозь пропитанный символикой верха и низа (Исаия 14: 12 – 15):

<p>How you have fallen from heaven, Lucifer, son of the dawn! You have been cast down to the earth, you who once laid low the nations! You said in your heart, “I will ascend to the heavens; I will raise my throne above the stars of God; I will sit enthroned on the mount of assembly, on the utmost heights of Mount Zaphon. I will ascend above the tops of the clouds; I will make myself like the Most High.” But you are brought down to the realm of the dead, to depths of the pit.</p>	<p>Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней.</p>
---	---

Если попытаться проникнуть в логику мифологического мышления, то мотивировка этого образа становится ясна: Люцифер (*лат.* Lucifer “светоносец”) – Денница, утренняя звезда (Венера), которая на заре последней уходит с неба за горизонт.

Пребывание на небе и лучезарность – это два атрибута небожителя; но у светоносца есть и третий атрибут – падение на землю (так древнее сознание воспринимало закат утренней звезды). Отсюда в иудаизме возникла персонификация этой планеты в виде падшего ангела (Люцифера), низринутого с небес на землю.

В древности это вовсе не было тропом, фигурой речи, приемом художественной выразительности; так мифологическое сознание буквально понимало мир и происходящие в нем события. «С точки зрения самого мифологического сознания миф – не выдумка, а необходимая категория мысли и жизни», – указал А.Ф. Лосев [2001: 35]. То, что в наши дни предстает как когнитивный субстрат мышления, в те отдаленные эпохи было непосредственным содержанием мышления.

Возвращаясь к вопросу о закреплении вертикальных пространственных представлений в духовно-нравственной сфере, отметим: ему способствовали также особенности анатомии человека, проистекающие из его прямохождения. Мозг и сердце, связываемые с мыслью и чувствами, расположены в верхней части тела, а гениталии и органы выделения, ассоциируемые с плотью, – в нижней. Иудео-христианская половая мораль, в основе которой лежит миф о первородном грехе, квалифицирует половую жизнь как порок, а половое воздержание как непорочность. Отсюда антитеза духовной (нравственной) и телесной (греховной) сторон человеческой жизни. Духовное расположено в верхней части тела, а плотское – в нижней. Таким образом, наряду с представлениями о небесном и подземном царствах представления об анатомическом верхе и низе составляют когнитивный субстрат системы морали в рамках средневропейского стандарта.

Интеллектуальный мир тоже традиционно видится как пространство; трудно говорить о нем, не используя названия со спатальной образной основой. У интеллектуального пространства постулируются измерения (по данным словаря [СУС]):

- **длина:** far-reaching mind (букв. “длинный ум”) – short mind (букв. “короткий ум”)
- **высота:** high / low intellect / intelligence (высокий интеллект / низкий интеллект)
- **ширина:** wide / broad / vast (широкий, обширный) – narrow (узкий) mind / erudition / interests / views (ум / эрудиция / интересы / взгляды)

• **глубина:** deep (глубокий) – shallow (мелкий) intellect / interests/ feelings (интеллект/ интересы / чувства); profound – superficial thinking (глубинное – поверхностное мышление).

Если считать поверхность земли нулевой отметкой, то вектор, направленный от нее вверх (в высоту), и вектор, направленный вниз (в глубину), в интеллектуально-духовной сфере сходны по своей символике: чем выше и чем глубже, тем лучше умственные и нравственные показатели: high intellect, towering mind, lofty principle (высокий интеллект / ум / принципы) – deep thought, profound idea, unfathomable genius (глубокая мысль, бездонный ум). И наоборот, чем ближе к поверхности земли, тем хуже умственные и нравственные показатели: low intellect, down-to-earth personality, shallow mind (низкий интеллект, приземленная личность, мелкий ум).

Помимо этого, антитеза “высокий – низкий” лежит в основе представлений

о сытности: high nutrition (усиленное питание) – low diet (низкокалорийная диета)

о силе эмоций: high jinks (бурное веселье) – low mood (пониженное настроение)

о напряжении: high – low tension / strain / voltage (напряжение / нажим / вольтаж)

о радостях и горестях: high days “дни торжеств” – low days “дни тягот и бедствий”

о моде: high fashion “эсклюзивные фасоны” – low fashion “массовый пошив”

о пике, разгаре: high (высокий) time / summer / noon (время / лето / полдень)

о спаде: to be in the pit (букв. “сидеть в яме”, перен. “прийти в упадок”)

о скорости: high – low speed / rate (высокая / низкая скорость / темп)

о качестве: high – low quality (высокое – низкое качество)

о частоте колебаний: high (высокий) – low (низкий) voice / tone / note / sound / pitch (голос / тон / нота / звук / регистр).

Во всех таких случаях в семантике прилагательного high инвариантной является сема интенсивности проявления признака (в терминах И.А. Мельчука [2020], лексическая функция MAGN). Что касается позитивной / негативной коннотации, она **не** закреплена за самим прилагательным high, а определяется ситуацией. Например, высококалорийное питание (high nutrition) выступает как

позитивный фактор при дистрофии, анорексии и т.п., но как негативный фактор – при ожирении.

Б) Близость – дальность

Еще один важный участок когнитивного паттерна “Пространство” – дистанция между объектами. Идея **близкого** расстояния лежит в основе представления о большом сходстве явлений; **далекое** расстояние ассоциируется с малым сходством. Чем больше у объектов общих (интегральных) признаков, тем они представляются ближе друг к другу в пространстве; и наоборот, чем меньше общих признаков, тем дальше они кажутся друг от друга. Ассоциирование близости / дальности со сходством / различием лежит в основе концепции семантических расстояний [Караулов 1981] и учения о семантическом пространстве [Osgood 1979].

Прежде всего сказанное касается степеней родства. В английском языке существует пара наименований *close / distant relatives* (близкая / дальняя родня), в которых спатальная образная основа столь глубоко укоренена, что выразить названные понятия каким-то другим способом, с помощью языковых средств с **непространственной** образной основой, весьма затруднительно. В английских переводах Нового Завета люди в их отношении друг к другу именуется словом *neighbors* “ближние” от *древнеангл. neah-gebur* (< *neah* “близко”, *gebur* “проживающий”).

Если в Ветхом Завете ближними именуются в основном родственники, единомышленники и единоверцы, то в Новом Завете ближними считаются **все** люди. Тем самым христианская мораль, лежащая в основе средневропейского культурного стандарта, призывает относиться ко всем людям как к родным, жить в тесном духовном родстве и согласии. Пространственная основа этих представлений подкрепляется еще и тем обстоятельством, что родня зачастую проживает вместе или, по крайней мере, неподалеку друг от друга.

Приведем еще ряд примеров, в которых образы короткого / длинного расстояния лежат в основе представлений о большом / малом сходстве.

- Большое сходство называют близким (close / near resemblance), а малое – отдаленным (far / distant resemblance).
- Большая разница обозначается идиомами a far cry (from smth.) “совсем иначе” и nowhere near (ср. рус. *даже близко не похоже*).
- оборот far from smth. (букв. “далеко от чего-л.”) означает “совсем не похоже”.
- Паремия The apple never falls far from the tree (яблоко от яблони недалеко падает) образно указывает на сходство отца и сына в тех или иных чертах.
- Существительные proximity, affinity, closeness (букв. “нахождение вблизи”) имеют значения “родство” и “сходство”.
- Образная основа словосочетаний close intimacy / relations / friendship (близость, близкие отношения / дружба) указывает на то, что у людей, состоящих в таких отношениях, много общего.
- Термин semantic distance (семантическое расстояние) обозначает степень сходства / различия значений в составе семантического поля, а термины social / cultural / psychological distance – степень взаимосвязанности / отчужденности индивидов.
- Слово intimate (интимный) тоже имеет спатальную образную основу: оно восходит к *лат. intĭmus* “расположенный в самом центре, в сердцевине”.

Как видим, идея сходства / различия регулярно передается через представление о расстоянии. Этот фрагмент когнитивного паттерна “Пространство” – тоже сильный когнитивный архетип, укоренившийся в английском языковом сознании.

К числу горизонтальных спатальных отношений относится и отношение **переднего / заднего планов**. То, что находится на переднем плане, воспринимается как парадное, официальное, лицевое, представительное, прогрессивное и т.п.:

obverse (< *лат. obvertĕre* “повернуться передом”) “парадный, представительный”

frontal (< *лат.* frons “перёд”) “фронтальный, представленный лицевой стороной”

on the forestage (*букв.* “на авансцене”) “на виду у всех, в фокусе общего внимания”

on the foreground (of discussion etc) “на переднем плане (дискуссии и т.п.)”

vanguard “передовой” (< *старофранц.* avant-garde “передовой отряд”)

at the frontline (of science etc) “на передовых рубежах (науки и т.п.)”

facial (< *лат.* facies “лицо”) “лицевой, парадный”.

Соответственно, то, что расположено позади, на обороте, на заднем плане, видится как нечто неприглядное, отсталое, некачественное:

backside / reverse (реверс) “оборотная сторона, изнанка явления”

backstreet / backyard (задворочный) “неприглядный, неказистый”

the hindmost (плетущиеся позади) “не преуспевшие в жизни”

on the background of events “за кулисами событий”

backward / rear (задний) “отсталый, отстающий”.

Такая символика связана с естественным стремлением людей «показать товар лицом», выставить на авансцену то, что выглядит эффектно, импозантно, и скрыть то, что смотрится невыигрышно, непрезентабельно.

В) Правая – левая сторона

По экспериментальным данным, подавляющее большинство (свыше 90%) людей характеризуется праворукостью, тогда как у приматов право- и леворукость представлены примерно одинаково [Хрянин 2007]. Это предположительно объясняется тем, что первобытным людям, в отличие от их животных предков, понадобилось осуществлять тонкие и сложные мышечные движения при изготовлении различных изделий и при говорении (с его сложной артикуляцией), вследствие чего у них получил высокое развитие центр мелкой моторики, расположенный в левом полушарии мозга, которое управляет правой половиной тела [Палмер 2003: 301].

Правая рука стала более ловкой в манипуляциях и потому ведущей; в результате правая сторона окружающего пространства начала представляться

людям более освоенной, более комфортной, более безопасной, чем левая. Эта оценочная асимметрия отражена в английской семантической системе:

- Прилагательное *right* “правый” восходит в конечном счете к праиндоевропейской основе **reg-* “вести прямо”, откуда производное значение “справедливо править”.
- К этой же лексической основе восходят *лат. rectus* “прямой”, *regula* “правило”, *rex* “правитель”, *англ. straight / erect / direct* “прямой”, *rector, regular* и др.

На этой лексической основе у английского прилагательного *right* развились значения “расположенный справа”, “правый (в моральном и истинностном смысле)”, “правильный”, “подходящий”, “именно тот, который нужен”, “прямой, непосредственный”, “справедливый”, “здоровый”, “исправный”, “уместный”. Перечисленные значения имеют семантический инвариант “соответствующий норме / канону / стандарту”. Существительное *right* означает не только “правая сторона”, но и “право” (в юридическом и моральном смысле), “привилегия”, “справедливость”, “порядок”, а наречие *right*, кроме прочего, еще и “точно”, “как раз”, “что надо”, “как следует”. Этот спектр значений естественным образом проистекает из представления о том, что правая рука и правая сторона – это нечто удобное, подходящее, надлежащее.

Прилагательное *left* “левый” восходит к древнеанглийскому *lyft* “слабый”; от представления о более слабой руке произошло значение “расположенный слева”. Дальнейшие значения прилагательного *left* не столь многочисленны, как у слова *right*: это значения “ненадлежащий”, “неправильный”, “незаконный” (ср. рус. *левые доходы, ходить налево* и т.п.). Все они характеризуются негативной оценочностью.

Легко убедиться, что **не** все лексико-семантические варианты слова *right* имеют антонимы в виде лексико-семантических вариантов слова *left*. Например, антонимом прилагательного *right* в значении “правильный” является

не left, а wrong. Говоря в целом, у слова left семантическая структура менее развита, чем у слова right.

Во фразеологизме to get up on the wrong side of the bed “быть не в духе” (букв. “встать не с той стороны кровати”) под «не той» стороной подразумевается именно левая сторона³⁶. Она в целом связана с предрассудками и поверьями. Различные действия, совершаемые через левое плечо, имеют обрядовое происхождение:

to spit over the left shoulder (плюнуть через левое плечо) – обряд, служащий в качестве оберега от неудачи

to throw a horseshoe over the left shoulder (бросить подкову через левое плечо) – обряд, совершаемый «на счастье»

to pay over the left shoulder (платить через левое плечо) – отрицать или отказывать в ироничной форме

to do smth. over the left shoulder (делать что-л. через левое плечо) – делать что-л. понарошку, не всерьез

to throw salt over the left shoulder (бросать соль через левое плечо) – обряд для защиты от нечистой силы³⁷

Значение “неловкий” реализовано в устойчивых оборотах left-handed compliment “неловкий комплимент” (букв. “леворукий”) и to have two left feet “быть неуклюжим” (букв. “у кого-л. обе ноги левые”).

Значение “сомнительный, фальшивый” реализовано в обороте to come from the left field “не заслуживать доверия” (букв. “прийти с левой стороны”).

Таким образом, левая сторона ассоциируется с негативными, а правая – с позитивными аспектами человеческой жизни. Это тоже сильный архетип, отраженный в семантической системе английского языка и других языков Европы.

³⁶ “The saying to get up on the wrong side of the bed came about as the result of an old superstition that it was unlucky to get out of bed with your **left** leg first” (Wonderopolis 2016) (это речение восходит к старинному поверью, согласно которому встать с левой ноги – к неудаче).

³⁷ “Throwing salt over the left shoulder blinds the devil, who ... hangs around there” (Ronca 2018: 2) (бросание соли через левое плечо ослепляет дьявола, который подкрадывается с левой стороны).

Следует, впрочем, оговориться, что в англоязычном политическом дискурсе прилагательное *right* означает “консервативный”, а прилагательное *left* – “радикальный”. Это связано с исторической традицией: во времена Великой Французской революции на заседаниях Конвента жирондисты занимали правую, а якобинцы – левую сторону зала. Данное обстоятельство носит достаточно случайный характер и не связано с политическими оценками. Поэтому в упомянутых лексико-семантических вариантах слов *right* и *left* нет однозначной политической оценки; она определяется мировоззрением говорящего [Савицкая 2021: 432-438].

§3. Презентация времени с помощью пространственных категорий

В спатальных терминах описывается и время. Люди ощущают его ход по косвенным приметам – изменениям, происходящим в окружающем мире, а само по себе время бестелесно и ненаблюдаемо. Но у него есть общие характеристики с пространством; не случайно в релятивистской физике время рассматривается как четвертое измерение пространственно-временного континуума. В частности, общими характеристиками времени и пространства являются равномерность и протяженность. Поэтому время удобно репрезентировать в спатальных категориях.

В порядке дискретизации континуума в практических целях время делится на отрезки. Это зафиксировано в стёршейся образной основе ряда названий времени: *англ. time, нем. Zeit, франц. temps* разными путями этимологически восходят к *индоевр. *dimon* “деление” от **da-* “делить”. Деление на отрезки предполагает наличие некоей протяженности. Как видим, в культурно-исторической ретроспективе представления о времени и представления о пространстве имеют общую основу.

Употребление английских слов *long* (длинный) и *short* (короткий), описывающих пространство (*long / short distance*), распространилось на время (*long / short time*). Это же можно сказать о словах *near, nigh, close, far, forth,*

back, distant, remote, advanced, retarded, stretch, extent, interval *etc* (близко, далеко, вперед, назад, отдаленный, промежуток, интервал и т.п.). Как видим, время мыслится в спатальных категориях.

В культурно-историческом процессе в рамках средневропейского стандарта были выработаны три модели времени:

- А) циклическая (колесо времени);
- Б) прямолинейная (ось / стрела времени);
- В) комбинированная (спираль времени).

Рассмотрим их по отдельности.

А) Циклическая модель («колесо») времени

Эта модель – самая ранняя. Она возникла в те давние эпохи, когда прогресс был очень медленным и почти не заметным на протяжении жизни человека, а то и жизни нескольких поколений. Но хорошо заметны были циклические процессы – суточный (смена дня и ночи), недельный (смена четвертей лунной фазы), месячный (смена фаз луны), годовой (смена времен года), приливо-отливный, жизненный, а также циклы движения небесных тел. Поэтому в массовом сознании не было представления о прогрессе; было представление о вечном возвращении того, что уже случилось бесчисленное множество раз.

В частности, в германо-скандинавской мифологии великая битва, носившая название Рагнарёк (Ragnarøk от *древнесканд.* ragna “богов” + røk “рок, судьба”) и приведшая к гибели богов и концу света, описывается как уже произошедшая и в то же время как еще предстоящая. Согласно мифу, изложенному в «Старшей Эдде» [Сэмунд 2014], воины, погибшие в этой битве, пребывают в загробном чертоге – Валгалле – готовясь к этой же битве, которой суждено состояться. В мифах события ахроничны; их можно представить не как повторяющиеся, а как существующие в том остановившемся мгновении, которое зовется вечностью.

С позиций рационалистического сознания трудно осмыслить то, что в мифе события не многократны, а **вечны**: вечно догоняет Малая Медведица Большую среди звёзд; вечно проливает молоко богиня Гера, оставляя на небе Млечный путь; вечно оглядывается на гибель Содома жена Лота, превратившаяся в соляной столб.

Представление о замкнутом временном цикле содержится и в Ветхом Завете:

<p>One generation passeth away, and another generation cometh: but the earth abideth for ever. The sun also ariseth, and the sun goeth down, and hasteth to his place where he arose. The wind goeth toward the south, and turneth about unto the north; it whirleth about continually, and the wind returneth again according to his circuits ... Unto the place from whence the rivers come, thither they return again. The thing that hath been, it is that which shall be; and that which is done is that which shall be done: and there is no new thing under the sun. Is there any thing whereof it may be said, See, this is new? It hath been already of old time, which was before us (Ecclesiastes 1: 4 – 10).</p>	<p>Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, ухо слушанием. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас.</p>
--	--

В этой связи уместно еще раз упомянуть Люцифера, который ежеутренне падает с небес на землю. Сходным образом, в Новом Завете умершие уже предстали перед лицом Бога и пребывают на небесах или в пекле, но в то же время они лежат в могилах, и лишь когда, согласно Апокалипсису (Revelation 15 – 22), настанет Судный день (Doomsday), они восстанут из могил, и их распределят в рай и ад.

Такое же заикливание времени, вечное возвращение к пройденному можно встретить в рамках идеологии перманентной революции, господствовавшей, например, в нашей стране в советский период. Приведем пример:

И **вновь** продолжается бой! И Ленин такой **молодой**,
И сердцу тревожно в груди, И **юный** Октябрь **вперед**. (Добронравов
2005)

Круговорот времени отражен в этимологии ряда английских наименований:

- Слово period по-древнегречески означает “вращение” (<περί “круговой”, όδος “путь”).
- Слово week “неделя” восходит к *индоевр.* *weik- “изгиб, поворот”.
- Названия отрезков времени minute “минута”, second “секунда” и third “терция” производны от наименований дуг окружности: minute – 1/60 окружности, second – 1/60 минуты, third – 1/60 секунды (по древневавилонской системе счисления).
- Слово ocean восходит к *древнегреч.* Ωκεανός – названию мифической мировой реки, которая огибает плоскую Землю по периметру. Река символизирует течение времени, а закольцованная река Океанос – циклическое течение времени.

В практических целях ход времени удобно делить на повторяющиеся циклы, поэтому циклическая модель до сих пор применяется в повседневной жизни. Но современный цивилизованный человек с научно-ориентированным западным образованием, основанным на идее прогресса, привык к представлению о прямолинейном и анизотропном (необратимом) движении времени вперед. Циклической модели противостоит модель, представляющая время как прямой вектор.

Б) Прямолинейная модель («ось / стрела») времени

Эта модель стала укореняться в сознании европейцев начиная с эпохи Возрождения, когда технический и социальный прогресс обрел нарастающие темпы и появилась возможность в течение жизни одного поколения наблюдать существенные необратимые изменения в окружающем мире.

Прошлое и будущее постепенно утратили симметричность. В когнитивном мире европейски ориентированных народов кольцо времени стало разворачиваться (*англ.* development восходит к *старофранц.* desveloper

“разворачивать”; ср. рус. *развитие* от глагола *вить*), и, хотя частные временные циклы сохранили свою актуальность, общий ход времени перестал представляться в виде Уробороса (*древнегреч.* οὐροβόρος < οὐρά “хвост” + βόρα “пища” – змей, кусающий свой хвост, древнейший символ мирового круговорота и цикличности времени [Кондаков 2007: 621]).

В XIX веке, с открытием законов термодинамики, ось времени получила научное подтверждение, а в XX веке, в рамках теории относительности, она стала считаться одной из координат пространственно-временного континуума. В наше время эта модель составляет фундамент картины мира цивилизованного человека, в которой важное место отведено прогрессу, и входит в среднеевропейский стандарт как составная часть. Хотя под влиянием идей С. Хокинга модель временной оси ныне подвергается пересмотру в рамках пострелятивистской физики и космологии, в массовом сознании европейски ориентированных народов она сохраняет свои позиции.

Прямолинейный ход времени зафиксирован в семантике языковых единиц, тематически связанных с понятием прогресса. Улучшение представлено как движение вперед, а ухудшение – как движение назад или замедление движения вперед:

progress < *лат.* pro- “вперед”, gradi “идти” (ср. рус. *грядущий*)
 regress < *лат.* regressus “возврат” < re- “назад”, gradi “идти”
 degradation < *лат.* disgradi < dis- “обратно”, gradi “идти”
 retardation < *лат.* retardāre “задерживать, препятствовать”
 promotion < *лат.* pro- “вперед”, motio “движение”
 advance < *позднелат.* abante “вперед”.

Образы горизонтального движения в ряде случаев синонимичны образам вертикального движения. Латинское слово *gradus* (< gradi “ступать”) означает “ступень (вверх / вниз)” и “шаг (вперед / назад)”; поэтому прогресс и регресс (< gradi) могут представляться как подъем / спуск либо как движение вперед / назад.

Аналогично, *англ.* career “карьера” этимологически восходит к *старофранц.* *carriere* “бег наперегонки; скачки” [OED]. Как видим, во внутренней форме этого слова карьера представлена как быстрое соревновательное движение вперед. Но во внутренней форме английского фразеологизма *to climb the career ladder* “взбираться по карьерной лестнице” карьера представлена как движение вверх. Таким образом, при выражении идеи улучшения, совершенствования, развития образ движения вперед и образ движения вверх эквивалентны. В этом плане эквивалентны также образы движения вниз (прежде всего падения) и движения назад (или отставания). Движение назад и отставание совпадают в том отношении, что в обоих случаях увеличивается дистанция между тем, кто движется впереди, и тем, кто движется позади. Эти образы совмещены в английском фразовом глаголе *to fall behind* “отставать”: *to fall* (букв. “падать”) предполагает движение вниз, *behind* – назад.

Идея времени неотделима от идеи **движения**. В нем соединены пространство и время; происходит преодоление того и другого. Это единство ведет к тому, что ход времени подается как движение в пространстве: время течет (*flows*), проходит (*goes by*), бежит (*runs*), летит (*flies*), тянется (*drags*) и т.п. (скорость движения времени, отраженная в языке, определяется его субъективным восприятием).

Кроме того, время представлено как движение в следующих оборотах речи:

to keep pace with time (поспевать за / идти в ногу со временем)

to make one's way to the future (продвигаться в будущее)

to move / rush through time (двигаться / мчаться сквозь время)

to return to the past, to go back in time (вернуться к прошлому)

как будто время – это путь, по которому некто движется вперед и (в воображении) назад. Сами понятия прошлого, настоящего и будущего плохо согласуются с циклической моделью времени, в которой будущее и прошлое

тождественны, а с понятиями “вперед” и “назад” они согласуются хорошо. Эти понятия составляют основу прямолинейной модели времени.

Несколько сложнее обстоит дело с представлениями о **вечности** (*англ.* eternity). Это понятие характеризуется внутренней противоречивостью. Наблюдая за тем, как «река времён в своем стремлении уносит все дела людей» (Державин 2006), люди начиная с древнейших эпох интуитивно ощущают непрерывное действие второго начала термодинамики, проявляющееся в неотвратимом изменении всего и вся. Это ощущение выражено, в частности, в пословицах и афоризмах:

Times change, and we change with them	Времена меняются, и мы меняемся с ними.
You cannot enter the same river twice.	Невозможно войти в одну реку дважды.
Nothing is eternal under the sun / moon.	Ничто не вечно под солнцем / луной.
Nothing endures but change.	Ничто не вечно, кроме перемен.
All flows, all changes.	Всё течет, всё изменяется.
Nothing lasts forever.	Ничто не длится вечно.
Everything has an end.	Всё имеет конец.
Man is mortal.	Человек смертен.

Понимая, что их жизнь, как и всё в мире, рано или поздно придет к концу, люди в порядке психологической защиты создали идею вечности, за которой стоит жажда бессмертия. Религии оперируют этой высочайшей экзистенциальной ценностью, внушая людям мысль о неуничтожимости души и незыблемом царстве, где душа пребудет вовеки: “Whoever hears My word and believes Him Who sent Me has eternal life” (John 5: 24) – «Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную» (Иоанн 5: 24).

Но поскольку идея вечности в самой своей основе противоречит постоянно и повсеместно наблюдаемому, непрекращающемуся изменению мира и конечности всего сущего, в представлениях людей понятие вечности носит вариативный, неопределенный и противоречивый характер. Согласно

некоторым представлениям, вечность есть неограниченно длящееся время. Эти представления закреплены в английском языке: eternity “вечность” через *лат. aeviternus* “долговечный” восходит к *индоевр. *aiw-* “долголетие”. Вечность, понимаемая таким образом, моделируется с помощью бесконечных линий в пространстве: как окружность, так и прямая – это геометрические фигуры, не имеющие начала и конца. У этих фигур имеются фундаментальные общие черты: так называемая окружность большого круга³⁸ называется сферической прямой, а Евклидову прямую, в свою очередь, можно представить как окружность с бесконечным радиусом ($2\pi R$ при $R = \infty$).

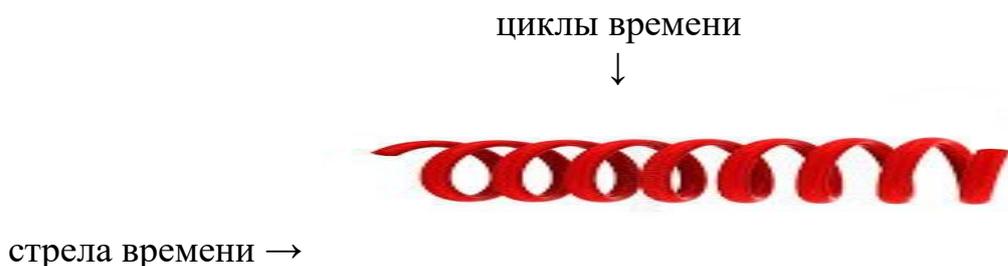
В циклической модели времени вечность представлена как бесконечность числа повторяющихся витков, как своего рода *groundhog day* – “день сурка” (повторяющиеся витки качественно тождественны одному витку), а в прямолинейной модели время репрезентируется как отсутствие концов у временной оси, как нескончаемая череда событий (если события повторяются, то прямолинейная модель тождественна кольцевой). В обоих этих случаях вечность трактуется как разновидность времени: “eternity – time that never ends or that has no limits” [CALD] (вечность – время, которое никогда не кончается или не имеет пределов).

В) Комбинированная модель («спираль») времени

Циклическая и поступательная модели совмещены в **спирали** времени. Циклы событий повторяются, но в целом время движется вперед. Примером служит идея спирали общественного развития по Дж. Вико, Г. Гегелю, К. Марксу (рис. 10):

---

³⁸ Большой круг в сферической геометрии – это круг, проходящий через центр шара. Окружность большого круга называется сферической прямой потому, что она отвечает общему определению прямой линии: расстояние между любыми двумя точками на ней является кратчайшим на данной поверхности, как и в случае с Евклидовой прямой [Мордовцев 2016: 7].

Рис. 10. Спираль времени

Наряду с представлениями о вечности как о бесконечно длящемся времени, существует и такое, согласно которому вечность **не** есть разновидность времени; время и вечность противопоставлены по паре признаков “динамика: статика”. Время подразумевает движение и изменение, а вечность – неподвижность и неизменность. Не случайно эталоном вечности в английской лингвокультуре считаются неизменяющиеся, неподвластные времени предметы. Это отражено в компаративах *eternal as the hills / the pyramids / the moon* (вечен, как холмы / пирамиды / луна).

В этой трактовке вечность ахронична: “eternity – a state of existence outside time” [CED] (вечность – бытие вне времени). Это остановившееся мгновение. «Если под вечностью понимают не бесконечную временную длительность, а безвременность, то вечно живет тот, кто живет в настоящем» [Витгенштейн 2017: 6.4311]. Отсутствие времени подразумевает неподвижность. Время идет, а вечность стоит. Это обстоятельство используют художники: они изображают вечность путем создания статичных пейзажей (см. ниже рис. 11 и рис. 12).

Рис. 11. Н.К. Рерих. Вечное ожидание

Рис. 12. М.К. Чюрлёнис. Покой

Вечность представлена как неподвижность, в частности, на следующих живописных полотнах: И.И. Левитан «Над вечным покоем»; В. ван Гог «На пороге вечности»; С.Н. Рерих «Молчание (Тишина)»; Н.К. Рерих «Вечное ожидание»; С. Дали «Постоянство памяти»; М.В. Нестеров «Молчание»; У. Тернер «Вечный покой»; Р. Кент «Вечный покой»; М.К. Чюрленис «Покой».

Покой – субъективное переживание вечности. Он подразумевает внешнюю неподвижность и внутреннюю невозмутимость, безмятежность. Отсутствие движения и изменений – показатель отсутствия течения времени. Идея неподвижности заключена во внутренней форме английских существительных, образующих синонимический ряд с общим значением «Покой»:

tranquility < лат. trans- (в усилительном значении), quil- <*kweie- «неподвижный»

serenity < лат. serenus «безмятежный» < «безоблачный, безветренный» (день)

repose < лат. re- (в усилительном значении) + pausa «остановка»

quiet, quiescence < индоевр. *kweie- «неподвижный»

calm < лат. cauma «полуденный отдых, сиеста»

rest < германск. *rast- «привал».

Окончание земной жизни знаменует собой конец времени и наступление вечности: «Всё жившее умрет // И сквозь природу в вечность перейдет» (Гамлет, акт II, сцена 2). Далее наступает иная, потусторонняя жизнь: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную» (Иоанн 3: 36). Но если вечность есть отсутствие времени, то словосочетание *вечная жизнь* (англ. eternal life) содержит противоречие в терминах. Дело в том, что понимание вечности как покоя – отсутствия движения и изменений – плохо согласуется с привычным представлением о жизни как процессе. Отсюда неясность в вопросе о том, что такое вечная жизнь и как она протекает – если вообще **протекает**, а не застыла в неподвижности, как на вышеприведенных живописных полотнах. Без перемен жизни нет; не зря вечным покоем называют не жизнь, но смерть, а покойником именуют мертвеца.

В оборотах, эфемистически обозначающих смерть – eternal rest (вечный покой), rest in peace (да упокоится в мире), peace at last (наконец-то покой), God rest his soul (Господь да упокоит его душу), come to rest (обрести покой), blissful slumber (букв. “блаженная дрема”, перен. “смерть”) и т.п. – чувствуется попытка найти и подчеркнуть положительные стороны ухода из жизни. Страдания, сопровождавшие жизнь, издавна побуждали людей искать покоя, ощущавшегося как блаженство. Ощущение покоя как блаженства подтверждается и положительными оценочными коннотациями членов вышеприведенного синонимического ряда “Покой”.

Смерть-жизнь: таков парадокс вечности, представленный в лингвокультурах средневропейского стандарта.

Мысль о грядущем освобождении от бремени жизненных тягот смягчала горькое осознание неизбежности смерти. Предлагалось встречать ее благостно:

From too much love of living,	Устав от вечных упований,
From hope and fear set free,	Устав от радостных пиров,
We thank with brief thanksgiving	Не зная страхов и желаний,
Whatever gods may be	Благословляем мы богов
That no life lives for ever;	За то, что сердце в человеке
That dead men rise up never;	Не вечно будут трепетать,
That even the weariest river	За то, что все вольются реки
Winds somewhere safe to sea	Когда-нибудь в морскую гладь.
(Swinburne 2012)	А. Суинберн. Сад Прозерпины

На этой почве случались суициды:

“He looked again at the open port. Swinburne had furnished the key. Life ... had become an unbearable thing. ‘That dead men rise up never’! That line stirred him with a profound feeling of gratitude ... When life became an aching weariness, death was ready to soothe away to everlasting sleep”.	«Он снова поглядел на иллюминатор. Суинберн указал ему выход. Жизнь ... стала томительно невыносима. “За то, что сердце в человеке не вечно будет трепетать!” Да, за это стоит поблагодарить богов ... Когда жизнь стала мучительной, как просто избавиться от нее, забывшись в вечном сне!»
(London 2018)	Дж. Лондон. Мартин Иден

Этот же мотив прослеживается в стихотворении «Последняя просьба старого лирика» (Коротич 1986): площадь, что «битвами, слезами, смехом дышит», символизирует жизнь, а поле, «где тишина закладывает ухо ..., где пчёлы в гречневом покое», символизирует смерть, желанную для измученного жизнью человека.

И всё же люди обычно **не** хотели абсолютного небытия. Они желали компромисса – трансцендентного бытия, отдохновения и вечного, но не смертного покоя. Это противоречивое желание смерти-жизни точно отражено в известных строках Лермонтова (1988), перекликающихся со строками Шекспира (“Умереть – уснуть”):

Я ищу свободы и покоя,	Я б желал навеки так заснуть,
Я б хотел забыться и заснуть.	Чтоб в груди дремали жизни силы,
Но не тем холодным сном могилы ...	Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь.

Эту тему развил М.А. Булгаков: в его романе Мастер и Маргарита за гробом обрели покой, который был не смертью в обыденном понимании этого слова, то есть не небытием, а особого рода бытием, благодатным и вечным.

Длившееся веками отношению к смерти как к обретению покоя, продиктованному тяжкими условиями жизни («юдоли страданий»), противостоит пассионарно-романтическое отношение к жизни, проявлявшееся в революционные эпохи и отвергавшее покой: «Вечный покой сердце вряд ли обрадует» (Дербенев 2011).

В рамках романтического мировоззренческого формата настоящая, яркая, насыщенная жизнь представляла как **отсутствие** покоя, как беспокойство, тревога, осмысливаемая позитивно и потому желанная – как у Джорджа Байрона (Byron 2010):

Away, ye gay landscapes, ye gardens of roses!	Прочь, мирные парки, где, преданы
In you let the minions of luxury rove;	негам,
Restore me the rocks where the snow-flake	Меж роз отдыхают поклонники моды!
reposes,	Мне дайте утесы, покрытые снегом,
Though still they are sacred to freedom and love:	Священны они для любви и свободы!

Yet, Caledonia, beloved are thy mountains,	Люблю Каледонии хмурые скалы,
Round their white summits though elements war;	Где молний бушует стихийный пожар,
Though cataracts foam 'stead of flowing	Где, пенясь, ревет водопад одичалый:
fountains,	Суровый и мрачный люблю Лок-на-Гар!
I sigh for the valley of dark Loch na Garr.	

Как ни парадоксально, для романтиков тревога – не отрицательная, а положительная эмоция, придающая жизни яркость и полноту. Это выражено и в произведении Пушкина (2008), который был сторонником байронизма:

Всё, всё, что гибелью грозит ,	Бессмертья, может быть, залог!
Для сердца смертного таит	И счастлив тот, кто средь волненья
Неизъяснимы наслажденья –	Их обретаť и ведаť мог.

Мятеж предпочитается безмятежности и в стихотворении Лермонтова (2019), которое он написал в восемнадцатилетнем возрасте, в период увлечения творчеством Байрона: «А он, **мятежный**, просит бури, // Как будто в бурях есть **покой**». Как видим, в начале и в конце творческого пути поэт занимал разные позиции по этому вопросу: желание бури и мятежа сменилось желанием покоя и сна.

Отвержение покоя и прославление тревоги было характерно и для пассионарной советской идеологии, унаследовавшей многое от европейского романтизма:

На сердце **тревога**, мы **счастливы** оба, // Из света дорога у нас впереди (Дор 2017)

Красная гвоздика, спутница **тревог** ... // Ты весть мечты, ты знак свободы (Ошанин 2012)

Только с правдою нам по пути. // И сердцу **тревожно** в груди (Добронравов 2005)

В звоне каждого дня // Как я **счастлив**, что нет мне **покоя** (Ваншенкин 2013)

Счастлив, кому знакомо // **Щемящее** чувство дороги (Сидоров 2016)

Меня мое сердце // В **тревожную** даль зовет (Ошанин 2006)

И нет нам **покоя**! Гори, но **живи** (Рождественский 2014)

Таким образом, вечность ассоциируется со смертью и через нее – с покоем, а время ассоциируется с жизнью и через нее – с беспокойством.

Ценностное отношение как к покою, так и к беспокойству амбивалентно. Такая трактовка имплицитно подразумевает неизбежную конечность жизни, повышающую ее ценность: «Одна жизнь. Маленький проблеск Времени между двумя Вечностями» (Т. Карлейль; цит. по: [Тейлер 2014]). «Жизнь – щель слабого света между двумя черными вечностями» (В.В. Набоков; цит. по: [Тейлер 2014]). «Есть только миг между прошлым и будущим; именно он называется жизнь» (Дербенев 2011). Сопряжение жизни с тревогой, а смерти с покоем – один из распространенных когнитивных паттернов мировой поэзии.

Как видим, соотношение перечисленных понятий характеризуется неоднозначностью и противоречивостью, которые проистекают из стремления совместить несовместимое (жизнь и неизменность, жизнь и вечность, жизнь и покой).

Обратимся далее к понятию “**мгновение**”. По-английски оно выражается словами-синонимами, этимологически восходящими к словам-антонимам: *instant* < *лат. in* “в” + *stare* “стоять; оставаться; пребывать в неподвижности”; *moment* < *лат. momentum* < *movēre* “двигаться, сдвигаться; изменяться”.

Этимология названий высвечивает два аспекта этого понятия. С одной стороны, момент (миг, мгновение) – точка на временной шкале, не имеющая протяженности, а следовательно, не связанная с ходом времени, неподвижная, неизменная. С другой стороны, из точек (моментов) состоит временная шкала, и каждый следующий момент есть сдвиг на шкале; череда моментов есть ход времени.

Трактовка момента зависит от ракурса рассмотрения («изнутри» или «снаружи»). Крылатая фраза «Остановись, мгновенье!» из «Фауста» Гёте актуализирует оба аспекта этого явления – динамический и статический. Мгновения уходят (динамика), но если одно из них остановится (статика), то «встанет стрелка часовая, // И время минет для меня» [Гёте 2016: 38], то есть наступит вечность. Остановившееся мгновение тождественно вечности. Налицо единство противоположностей, диалектика понятия “мгновение”. Краткость человеческой жизни гиперболически подчеркивается тем, что жизнь

приравняется к мгновению: «А для звезды, что сорвалась и падает, // Есть только миг, ослепительный миг» (Дербенев 2011).

Итак, подчеркнем еще раз: с помощью спатальных категорий создаются **модели** времени, которые становятся общепринятыми и обретают статус когнитивных паттернов языкового мышления. По верному замечанию А. Стюарт, модель – это шаг на пути к концепции, а концепция – шаг на пути к общественной практике [Stewart 1976: 24]. Модель времени, лежащая в основе социально апробированной концепции мироустройства, в большой мере определяет характер развития общества, исповедующего эту концепцию и проводящего ее в жизнь.

Циклическая модель времени, служившая когнитивным субстратом религиозной концепции мироустройства («Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» – Екклесиаст 1: 9) обусловила зацикленность и тысячелетнюю стагнацию христианского мира в эпоху Средневековья.

Развертывание кольца времени в стрелу времени, начавшееся в эпоху Возрождения и восторжествовавшее в период Великой Французской революции, привело к тому, что в коллективном сознании европейских народов возникла идея общественного развития и в дальнейшем произошел великий прорыв – переход от многовекового застоя ко всё ускоряющемуся научно-техническому, социальному и культурному прогрессу.

Примечательно, что советская идеология, в основе которой первоначально лежала идея прогресса и прямолинейного движения вперед к светлому будущему, из-за низкой эффективности экономической модели социализма со временем обрела консервативные черты и зациклилась на сохранении status quo, поскольку двигаться дальше вперед уже не удавалось. Стрела времени вновь свернулась в кольцо. Революция, которая на шкале истории является мигмом, стала перманентной и растянулась на весь советский период: «есть у революции начало, нет у революции конца» (начало стало постоянным состоянием), и «вновь продолжается бой», и Ленин опять молодой,

и снова «Октябрь впереди». Попытка остановить время, свести его к прекрасному мигу революции («Остановись, мгновенье») закономерно привело к стагнации («застою»). Миг имитировал вечность. Такова роль когнитивной основы языкового мышления в судьбах культур и цивилизаций.

Когнитивный паттерн “Пространство” пронизывает семантическую систему английского языка и английского языкового мышления и во многих случаях служит основным или даже безальтернативным средством манифестации тех или иных абстрактных понятий и идей. Совокупность основных предметных областей, которые охватываются этим паттерном, сведена воедино и приведена в таблице:

социальная структура	сходство и родство	значимость и оценки
градации	ПРОСТРАНСТВО	полиметрические системы
ментальность	культура	время и вечность

§4. Когнитивный паттерн “Физические параметры предметов”

В ходе познания человек *осмысливает* мир. Понятие “осмысление” имеет несколько разное содержательное наполнение в естественных и точных науках, с одной стороны, и в философии и гуманитарных науках, с другой. Представители естественных и точных наук ориентированы на максимально объективное отражение реальности в отвлечении от человеческого фактора. Для них осмысление мира означает поиск существенных причинно-следственных и иных связей между фрагментами мира, обнаружение его объективных законов, существующих независимо от человеческого восприятия. Но философы и исследователи-гуманитарии трактуют осмысление мира несколько иначе. Для них *осмысливать* мир значит не только выявлять его объективные законы, но и устанавливать его человеческий *смысл*.

По Протагору, «человек есть мера всех вещей» (цит. по [Лебедев 2018:2]). Человек «примеряет» мир на себя, оценивает окружающую действительность

относительно себя. Так, размер и возраст нашей галактики предстают как огромные не сами по себе, а по сравнению с габаритами человека и сроками его жизни.

«Лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении холодное, в мнении цвет, в действительности же существуют только атомы и пустота», – указал Демокрит (цит. по: [Ждан 1990: 21]). По-видимому, он имел в виду, что сладкое, горькое, теплое и т.д. – это не объективная реальность, а человеческие оценки, хотя они и зиждутся на объективных свойствах вещей.

В процессе культурно-исторического развития народа, в ходе расширения кругозора людей и эволюции коллективного интеллекта оценка витальной значимости материальных предметов и физических явлений переносилась на социальные, культурные и психологические феномены. Этот перенос происходил на основе аналогии. Он отражен в семантике английских языковых единиц.

В частности, многие абстракции созданы на базе аналогии с конкретно-наглядными сенсорными представлениями. Люди наблюдают вокруг себя материальные предметы, обладающие различными количественно измеримыми свойствами (параметрами): объемом, весом, конфигурацией, плотностью и др. Представления о них используются людьми для конструирования отвлеченных понятий.

Свойства материальных предметов характеризуются наличием двух аспектов: с одной стороны, они объективно присущи предметам, а с другой, воспринимаются органами чувств и оцениваются людьми. Например, тяжесть (*gravity*) – объективное свойство материального предмета (вес); в то же время тяжесть – это ощущение человека, который поднимает и переносит предмет с места на место.

Английское слово *heavy* в буквальном смысле означает: 1) “имеющий вес, который превышает стандарт” (объективная характеристика); 2) “вызывающий ощущение мышечного напряжения и нагрузки на опорно-двигательный аппарат

при подъеме предметов” (субъективная характеристика). То, что тяжело / велико кому-то, не тяжело / не велико кому-то другому, хотя вес / размер предмета тот же.

Чтобы повысить объективность оценки, люди, определяя значение параметра, ориентируются на когнитивную норму – принятый в данной лингвокультуре статистический стандарт. Например: «На основе всестороннего исследования, проведенного Международным журналом мод, ... был установлен стандарт одежды для среднестатистической женщины, которая носит размеры от 16-го до 18-го» (Brolley 2016: 2; перевод наш – *Е.В.*). Остальные размеры женской одежды в лингвокультурах англосферы считаются, соответственно, большими и малыми (plus / minus size).

Рассмотрим далее компоненты английского когнитивного паттерна “Физические параметры предметов”.

А) Тяжесть – легкость

Оба упоминавшихся выше аспекта тяжести – объективный и субъективный – используются при моделировании целого ряда явлений окружающей действительности и внутреннего мира человека языковыми средствами. По данным этимологических словарей [KED] и [ODE], *англ.* heavy “тяжелый” и light “легкий” в конечном счете восходят к индоевропейским основам *kar- “носить / поднимать тяжести” и *legwh- “легкий”; это говорит о первичности, исходности названных значений (по А. Вежбицкой [1993], их следует считать семантическими примитивами), об их вхождении в когнитивный субстрат семантической системы английского языка.

Представление об **объективном** свойстве материального предмета – его весе – лежит в основе таких понятий, как значимость, значительность, важность, влияние в контексте социальных, культурных, межличностных отношений (это значение присуще английскому обороту social weight “общественный вес”).

По нашему предположению, эта ассоциация обусловлена тем, что материальные предметы, имеющие большой вес, обычно оказывают большее влияние на окружающую обстановку, чем легкие, и с ними приходится считаться больше, чем с легкими. Они **весомы** (weighty) в обоих смыслах слова. Да и слово gravity имеет не только значение “тяжесть”, но и значение “важность” [OED] (ср. рус. *важность* от устар. *вага* “вес, тяжесть”).

Это представление экстраполируется на нематериальные объекты. Оно закреплено в ряде английских наименований:

weighty responsibility “большая ответственность”
 weighty considerations “весомые соображения”
 weighty cause / reason “веская причина”
 weighty evidence “весомое свидетельство”
 weighty problem “серьезная проблема”
 weighty argument “весомый аргумент”
 weighty decision “важное решение”
 weighty opinion “весомое мнение”
 weighty figure “значимая фигура”
 weighty issue “важный вопрос”.

Словосочетание heavy hitter буквально обозначает мощного, напористого бейсболиста, а фигурально – влиятельного человека. О таких людях говорят: He throws his weight around (он давит своим авторитетом на окружающих). Ср. также существительное heavyweight (букв. “тяжелоатлет”, перен. “влиятельное лицо”).

Имя прилагательное heavy используется для обозначения большой социальной или культурной значимости чего-либо:

heavy damage / losses / casualties “тяжелый ущерб / большие потери / жертвы”
 heavy accusation / charge / sentence “тяжкое обвинение / суровый приговор”
 heavy consequences / calamities “тяжкие последствия / бедствия”
 heavy impact / pressure “сильное влияние / давление (на кого-л.)”
 heavy constraint / testing “суровые ограничения / испытания”
 heavy oppression / yoke “суровое угнетение / тяжелое иго”
 heavy fault / guilt / sin “тяжкая вина / грех”

heavy defeat “сокрушительное поражение”
 heavy handicap “тяжкое увечье”
 heavy debt “крупный долг”.

В усилительном значении прилагательное heavy обычно несет **негативную** коннотацию, а позитивную / нейтральную коннотацию несут иные прилагательные:

негативная коннотация		позитивная / нейтральная коннотация	
heavy smoker	“злостный курильщик”	avid stamp-collector	“увлеченный филателист”
heavy villain	“отъявленный злодей”	ardent bibliophile	“страстный книголюб”
heavy drinker	“горький пьяница”	zealous fan	“рьяный болельщик”
heavy eater	“обжора”	hot player	“заядлый игрок”

Примечательно, что оборот to weigh heavily “быть весомым аргументом” сочетается с предлогом against (против), но не in favour of (за). Вероятно, во всех этих случаях негативный характер коннотации связан с тем, что большой физический вес предмета в житейском обиходе выступает чаще как негативный, чем позитивный фактор. Негативная оценка экстраполируется на нематериальные сущности.

Следует, впрочем, оговориться: в ряде случаев прилагательное heavy всё же образует и оценочно нейтральные словосочетания. Ниже приводится ряд примеров:

to rely heavily on smb. / smth. “крепко полагаться на кого-либо / что-либо”
 heavy demand / emphasis “настоятельное требование / сильный упор”
 heavy-duty vehicle “транспортное средство повышенной мощности”
 to be heavy on smth. *разг.* “серьезно увлекаться чем-либо”
 heavy date “серьезная, решающая встреча / свидание”.

Глагол to weigh (up) “взвешивать” тоже используется для обозначения оценки значимости событий, явлений и т.п.: to weigh (up) facts, smb.’s words, smb.’s motives, consequences, pros and contras, advantages and disadvantages *etc* (взвешивать факты, чьи-л. слова, чьи-л. побуждения, последствия, все за и против и т.п.).

Что касается **субъективного** аспекта тяжести – представления о ней как о неприятном физическом ощущении – с его помощью моделируются различные внутренние состояния человека. В основе этой ассоциации лежит синестезическая аналогия между физическими ощущениями, с одной стороны, и эмоциональными переживаниями, с другой. В частности, отрицательные эмоции в английских устойчивых оборотах уподобляются физическому ощущению тяжести³⁹:

to weigh on smb.'s mind	“лежать грузом на душе”	heavy silence	“напряженное молчание”
with a heavy heart /	“кому-л. тяжело на сердце”	heavy lamentation	“горькое сетование”
heavy disappointment	“тяжкое разочарование”	heavy hate	“жгучая ненависть”
heavy discontent	“большое недовольство”	heavy sorrow	“тяжкая скорбь”
heavy atmosphere	“гнетущая атмосфера”	heavy grief	“тяжкое горе”

Кроме того, с помощью образа физической тяжести передается мысль о загруженности делами, ответственности, обязательствах:

heavy responsibility/ obligations	“большая ответственность/ серьезные обязательства”
grave	“важный, значимый” < лат. gravis “весомый” < индоевр. *gwere- “тяжелый”
to fall on smb. like a ton of bricks	“свалиться тяжким грузом (об обязанностях)”
heavy load / burden / task	“большая нагрузка / тяжелое бремя / трудная задача”
weighed down with troubles / problems / cares	“обремененный заботами и т.п.”
heavy going	“нечто дающееся кому-либо с трудом”.

Англ. gravity (букв. “тяжесть”) означает также “мрачность; серьезность”. Здесь физическое ощущение тяжести ассоциируется с ментальными состояниями.

Обратимся далее к имени прилагательному light в значениях, производных от буквального значения “имеющий малый вес”. Некоторые

³⁹ Рус. *тяжесть* – однокоренное с *тягать*, (нечто) *тяготит*, *тяготы* (жизни). В этом корне заключено представление: массивный предмет тянет вниз человека, держащего / несущего его.

сочетания с прилагательным *heavy* имеют корреляты с прилагательным *light*. Тяжелыми или легкими могут быть:

burden, punishment, penalty, sentence, atmosphere “бремя, наказание, приговор, атмосфера”
damage, handicap, odor, heart, soul, mood “ущерб, увечье, запах, душа, настроение”

heavyweight / lightweight argument “весомый / легковесный аргумент, довод”

heavy / light rock music “музыка в жанрах тяжелого / легкого рока”

heavy- / light-duty machinery “мощная / маломощная техника”

with a heavy / light heart “с тяжелой / легкой душой”.

Но количество такого рода словосочетаний с прилагательным *light* гораздо меньше числа их коррелятов с прилагательным *heavy*. Мы объясняем это так: в ряде случаев семантика определяемых слов (имен существительных) такова, что, в терминах И.А. Мельчука, она сама по себе содержит лексическую функцию *MAGN* (семе высокой степени выраженности признака). Поэтому такого рода существительные не сочетаются с прилагательными, обозначающими низкую степень выраженности признака; иначе возникло бы противоречие. Например, можно сказать *light wind* “легкий ветер”, но нельзя сказать *light hurricane “легкий ураган”. Неприемлемы также сочетания *light disaster “легкая катастрофа”, *light grief “легкое горе”, *light hate “легкая ненависть”, *light despair “легкое отчаяние” и т.п.

Что касается сочетаний таких существительных с прилагательным *heavy*, они семантически избыточны (сема *MAGN* в них повторяется дважды), но они допускаются нормой языка, т.к. удвоение этой семы вызывает эмфатический эффект, превращая слово *heavy* в интенсификатор смысла (*heavy disaster* “тяжелое бедствие”).

В других случаях прилагательному *heavy* в составе словосочетаний вместо прилагательного *light* антонимически противопоставлены иные прилагательные:

heavy – slight disappointment / discontent “тяжелое – мелкое разочарование / недовольство”

heavy – limited liability “большая (букв. “тяжкая”) – ограниченная ответственность”

heavy – little traffic “интенсивное (букв. “тяжелое”) – малое дорожное движение”

heavy debt – small debt “крупный (букв. “тяжелый”) долг – небольшой долг”

heavy task – easy task “трудная (букв. “тяжелая”) задача – простая задача”

heavy sky – clear sky “пасмурное (букв. “тяжелое”) небо – ясное небо”.

Мы полагаем, что это обусловлено избирательностью порождающей модели таких словосочетаний. Эта модель не является строгим алгоритмом.

Не все возможные продукты работы английской порождающей модели атрибутивных словосочетаний “heavy / light + <существительное>” закреплены в речи нормой и узусом. Избирательность определяется предпочтениями языкового коллектива, образующими норму лексической сочетаемости. В частности, возможному варианту *light reproach “легкий упрек” предпочтен вариант mild reproach “мягкий упрек” (вероятно, его сочли более адекватным объекту номинации). Не во всех случаях можно рационально объяснить подобного рода предпочтения (неясно, например, почему ненормативно *light debt “легкий долг”), но ясно одно – за ними стоит веками накапливавшаяся мудрость коллективного интеллекта народа.

Далее, бывают случаи, когда антонимический оборот с именем прилагательным light не имеет смысла или, по крайней мере, имеет неопределенный смысл. Например, ясно, что такое heavy silence (“гнетущее молчание”), но неясно, что может значить *light silence. Приведем еще один пример такого рода: понятно, что значит heavy defeat (“тяжелое поражение”), но что такое *light defeat? По-видимому, именно вследствие смысловой неопределенности такие обороты не закрепились в системе и норме английского языка.

Наконец, следует учитывать, что слово heavy – мощный интенсификатор значений существительных из разных предметных областей, а слово light не является интенсификатором. Этими факторами, на наш взгляд, объясняется то,

что корпус атрибутивных сочетаний со словом heavy намного обширнее, чем у слова light.

В завершение представим на схеме комплекс предметных областей, на которые распространяется и которые моделируются коллективным представлением о тяжести – легкости:

социальная значимость	ТЯЖЕСТЬ – ЛЕГКОСТЬ	душевные состояния
нагрузка, ответственность		бедствия и невзгоды

Б) Плотность – рыхлость

Как известно, плотность окружающих материальных предметов имеет витальное значение для человека. Оценка этого свойства амбивалентна.

С одной стороны, **твердые** предметы могут служить эффективными орудиями в тех или иных ручных операциях и защитой от внешних воздействий; прочные изделия надежны и долговечны в эксплуатации. С другой стороны, твердые предметы могут преграждать доступ к нужным вещам, а кроме того, они могут быть опасны.

Неоднозначна и оценка **нетвердых** предметов. Они могут служить целям амортизации и хорошо поддаются обработке (положительные качества), но в то же время хрупкий лед, болотная трясина и т.п. могут выполнять предательскую роль, а непрочные изделия легко выходят из строя (отрицательные качества).

Эта оценка переносится на неосязаемые явления. Представления о плотности моделируют целый ряд тематических областей.

Во-первых, это разного рода **личностные свойства**. Их высокая устойчивость, сила и резистентность по отношению к противодействующим обстоятельствам передается с помощью образов большой плотности, твердости, прочности:

stony indifference “каменное равнодушие”

stony calmness “неколебимое спокойствие”

inflexible pride “непреклонная гордость”
 dense stupidity “непрошибаемая тупость”
 dense ignorance “дремучее невежество”
 hard callousness “жестокое бессердечие”
 hard domination “суровая властность”
 hash brutality “беспардонная грубость”
 rigid honesty “непогрешимая честность”.

Во-вторых, это так называемые **эпистемические состояния** – вид когнитивных состояний, связанный с оценкой достоверности информации (вера, убежденность, уверенность, полагание, мнение и т.п.).

Высокая степень твердости служит показателем того, что субъект считает высокодостоверными те или иные сведения / или глубоко предан каким-либо идеалам и принципам. Кроме того, эти эпитеты относятся к тому, что подтверждает достоверность информации:

firm belief / faith / conviction / assurance “твердая вера / убеждение / уверенность”
 rigid trust / confidence / obedience “безоговорочное / полное доверие / подчинение”
 firm / solid evidence / proof / testimony “надежное свидетельство / доказательство”
 hard / steadfast adherence / bigotry “твердая приверженность / слепой фанатизм”
 inflexible fidelity / loyalty / devotion “непоколебимая верность / преданность”
 solid argument / considerations “солидный аргумент, резонные соображения” .

В-третьих, это **волевые качества и интенциональные состояния**. Высокая степень их проявления символизируется представлениями о большой прочности:

inflexible insistency/ obstinacy “непоколебимая настойчивость, ослиное упрямство”
 firm resoluteness / determination / decision “твердая решимость / решение”
 to fall hard on smb. “обрушиться на кого-л. (с обвинениями и т.п.)”
 to drive smb. hard – “наседать на кого-л., упорно настаивать”
 tough character “твердый / крутой характер”
 solid decision “твердое решение”

firm / iron will “железная воля”.

В-четвертых, это разного рода **социальные нормы**:

rigid principles / conformity “строгие принципы / соответствие”

firm / tight control / discipline “строгий контроль / дисциплина”

rigorous justice / law “суровая справедливость, строгий закон”

tough / harsh restrictions “строгие ограничения”

inflexible rule “нерушимое правило”.

В-пятых, это разного рода **интеракции**, подразумевающие высокую резистентность и стабильность:

tough embargo / sanctions / restrictions “строгое эмбарго / санкции / ограничения”

stiff examination / opposition “тщательный осмотр, сильное противодействие”

solid backing / firm support “твердая поддержка”

tough competition “ожесточенная конкуренция”

tough resistance “упорное сопротивление”

rigid denial “категорическое отрицание”

harsh punishment “суровое наказание”

hard resentment “бурное негодование”

firm / hard defence “стойкая защита”

harsh penalty “строгое взыскание”

harsh insult “грубое оскорбление”

solid union “прочное единство”

rigid test “строгая проверка”.

Английские слова, буквально обозначающие неплотность, непрочность, тоже употребляются с названиями явлений, входящих в вышперечисленные тематические области. В фигуральном смысле они обозначают низкую степень проявления соответствующих признаков:

loose morals “свободные нравы, моральная распущенность”

fragile relations “непрочные (букв. “хрупкие”) отношения”

malleable person “податливый (букв. “ковкий”) человек”

infirmary “слабохарактерность” (букв. “нетвердость”)

flaccid character “слабый (букв. “дряблый”) характер”

slack discipline “слабая, расхлябанная дисциплина”

flabby guy (рус. *тряпка, а не мужик*)

soft character “мягкий характер”
 mild reproach “мягкий упрек”.

В этой связи следует также упомянуть качества художественных и иных речевых произведений, метафорически характеризующиеся как плотность или рыхлость:

sturdy architectonics “строгая архитектоника”
 rigid composition “жесткая композиция”
 loose composition “рыхлая композиция”
 tight plot “крепко скроенный сюжет”
 flabby plot “вялый сюжет”.

В завершение сведем воедино предметные области, на которые распространяется рассмотренный сенсорный образ:

личностные свойства		волевые качества	
убеждения	ПЛОТНОСТЬ – РЫХЛОСТЬ		социальные нормы
интеракции		свойства текстов	

В) Сила – слабость

Сила (в физическом смысле этого слова) определяется как «векторная величина, являющаяся мерой механического воздействия, которое вызывает изменение скорости движения тела или его деформацию» [ТСФ].

Понятие силы тесно связано с теми понятиями, которые рассмотрены выше; так, вес в механике рассматривается как *сила* тяжести; прочность – как *сила* сопротивления разрушению или *сила* упругости; твердость – как *сила* противодействия вдавливанию. Взаимосвязь этих понятий отражена в семантических структурах соответствующих слов:

- strong значит не только “сильный”, но и “крепкий” (strong build “крепкое телосложение”), “прочный” (strongbox “сейф”), “твердый” (stronghold “твердыня”)

- heavy означает не только “тяжелый”, но и “сильный” (heavy blow/ storm “сильный удар / шторм”), “густой / плотный” (heavy fog “густой / плотный туман”)
- hard означает не только “крепкий”, но и “сильный” (hard blow “сильный удар”), “тяжелый” (hard burden “тяжелая ноша, тяжкое бремя”)

Совпадение некоторых значений у вышеперечисленных слов приводит к тому, что эти слова оказываются взаимозаменяемыми в устойчивых сочетаниях:

strong = heavy blame / guilt / responsibility (сильная = тяжкая вина / ответственность)

strong = firm will / resoluteness / determination (сильная = твердая воля / решимость)

strong = heavy pressure / blow pressure / blow (сильное = тяжелое давление / удар)

strong = firm confidence / hope / faith / belief (сильная = твердая вера / надежда)

strong = weighty argument / reason (сильный = весомый аргумент / довод)

strong = heavy grief / sorrow / distress (сильное = тяжкое горе / скорбь).

Тяжесть, прочность и сила связаны между собой, взаимообусловлены и образуют комплекс физических параметров предмета. Как показано выше, эта взаимосвязь отражена в семантической системе английского языка. Аналогичное явление наблюдается и в русском языке.

Представления о физической силе переносятся носителями английской лингвокультуры на абстрактные области. В этих случаях физическая сила символизирует высокую интенсивность проявления того или иного свойства нематериального объекта. Эпитетами со значением “сильный” снабжаются следующие названия.

Во-первых, названия эмоциональных состояний:

strong affection, attachment, aversion, detestation, dislike, emotion, excitement, feeling, grief, hate, love, passion, pleasure, repugnance, sensation, sentiment, sorrow, enjoyment, yearning *etc* (привязанность, отвращение, неприязнь, волнение, скорбь, любовь, удовольствие, чувство, наслаждение, желание и т.д.)

mighty indignation, resentment, impression, interest (возмущение, впечатление, интерес)

overpowering grief, sorrow, rage, passion (горе, кручина, ярость, страсть)

powerful emotion, joy, hatred (эмоция, радость, ненависть).

Во-вторых, названия эпистемических состояний:

strong belief, confidence, conviction, doubt, faith, hope, knowledge, trust, interest, reliance, assurance etc (вера, уверенность, сомнение, доверие, надежда, знание, интерес, убежденность)

В-третьих, названия интенциональных состояний:

strong concern, interest, will, inclination, motivation, temptation, urge, resolution, determination, desire (озабоченность, воля, склонность, соблазн, побуждение, желание)

mighty determination (решимость)

powerful motivation (мотивация).

В-четвертых, названия ментальных качеств и способностей:

strong intellect, thinking, character, personality, earnestness (интеллект, мышление, характер, личность, здравомыслие)

powerful imagination, intelligence, memory (воображение, сметливость, память)

mighty mind, wit, inspiration (ум, остроумие, вдохновение)

puissant intellect (мощный интеллект)

potent mind (могучий ум).

В-пятых, названия действий, совершаемых в рамках социальных интеракций:

strong argument, challenge, competition, criticism, demand, denial, opposition, pressure, support, tempting (аргумент, вызов, состязание, критика, требование, отрицание, давление, поддержка)

powerful argument, effect, influence, support (довод, воздействие, влияние)

herculean effort, feat, undertaking, labours (усилие, подвиг, затея, труды)

forceful argument, statement, preaching (аргумент, заявление, проповедь)

mighty effort (усилие).

В-шестых, названия различных социокультурных явлений:

powerful conception, reason, tendency, unity (могучая концепция, тенденция, единство)

forceful attack, assault, offensive (мощная атака, нападение, наступление)

strong advantage, cause, reason, difference, evidence, blame, guilt

(сильное преимущество, причина, разница, показание, вина)

mighty change, innovations (крутые перемены, новшества)

herculean task, labours (геркулесовы подвиги, труды).

Обратимся далее к понятию “слабый”. В английском языке оно передается лексическим полем, в состав которого входят прилагательные *weak*, *feeble*, *faint*, *lax*, *loose*, *slack*, *frail*, *fragile*, *puny*, *effete*, *anemic*, *flimsy*, *limp*, *impotent*, *flaccid*, *reckling*, *pithless*, *dickey*, *languid*, *sluggish* и нек. др. Эти прилагательные восходят к лексическим основам со значениями “гнутый”, “скрученный”, “ненатянутый”, “бессильный”, “податливый”, “шаткий”, “отвислый”, “сломанный”, “мягкий” и т.п. В своей совокупности эти значения передают комплекс физических параметров слабости.

В английской лингвокультуре представление о слабости (в физическом смысле этого слова) экстраполируется в основном на те же социальные, культурные, ментальные явления, что и представление о силе: *weak memory*, *pithless character*, *faint heart*, *weak excuse*, *slack discipline*, *impotent mind*, *loose morals*, *sluggish market*, *fragile economy*, *feeble campaign*, *flimsy evidence etc* (слабая память, характер, оправдание, дисциплина, сердце, ум, моральные устои, экономика, доказательство и т.п.). Такие представления выражены также в английских идиомах и крылатых выражениях (по данным словарей [KED], [ODE], [OED]):

to be weak in smth. (букв. “быть слабым в чем-л.”, перен. “плохо разбираться в чем-л.”)

weak tea (букв. “слабый чай”, перен. “нечто невыразительное, не впечатляющее”)

weak spot in smb.'s armour (букв. “слабое место в броне”, перен. “уязвимый пункт”)

paper tiger (букв. “бумажный тигр”, перен. “нечто опасное с виду, но не на деле”)

to have a weak hand (букв. “иметь плохие карты на руках”, перен. “иметь мало шансов”)

weak reed (букв. “непрочная трость”, перен. “ненадежная опора” (Исаия 36: 6)

to serve as a doormat for smb. (ср. рус. *о кого-либо ноги вытирают*)

Colossus on the feet of clay (ср. рус. *коLOSS на глиняных ногах*)

weak link “слабое звено (в аргументации и т.п.)”

to bring it weak “проявить слабость, нестойкость”.

Семантическим инвариантом перечисленных эпитетов является “низкая интенсивность выраженности признака / малая способность к выполнению функции”. Как правило, эти эпитеты несут отрицательную оценку: слабая память – это плохая память, слабое доказательство – неубедительное доказательство, слабое звено – ненадежное звено и т.п. Исключением служит оборот to have a weakness for smb. (букв. “иметь слабость к кому-л.”), т.е. “чувствовать влечение, благорасположение к кому-либо”. Здесь под слабостью подразумевается неспособность устоять перед чьей-либо привлекательностью, не расцениваемая как нечто отрицательное.

Сравнение позволяет убедиться, что предметные области, на которые распространяются образы силы – слабости, тяжести – легкости и прочности – рыхлости, частично пересекаются. В ряде случаев эти образы функционально эквивалентны:

strong (сильное) = heavy (тяжкое) = stony (букв. “каменное”) grief (горе)

strong (сильное) = hard (весомое) = firm (твердое) conviction / belief (убеждение / вера)

faint (слабый) = slight (легкий) = mild (мягкий) reproach (упрек).

Такая взаимозаменяемость объясняется тем, что названные бытийные признаки причинно связаны друг с другом: большая / малая плотность предмета обуславливает большой / малый вес, а вес, в свою очередь, обуславливает большую / малую потенциальную энергию (силу), заключенную в предмете.

Завершая этот пункт, сведем воедино совокупность предметных областей, описываемых с помощью данного сенсорного образа:

эмоциональные состояния		социокультурные явления	
действия	СИЛА – СЛАБОСТЬ		убеждения
ментальные качества		интенциональные состояния	

Г) Чистота – грязь

В лингвокультурах средневропейского стандарта представления о чистоте – грязи ассоциируются в основном с двумя тематическими областями. Прежде всего они связаны со сферой морали, особенно религиозной. Физическая чистота ассоциируется с непорочностью, нравственной непогрешимостью, что выражается, например, английскими образными оборотами, содержащими слово *clean* “чистый”:

to come clean / to clean up one’s act (букв. “выйти чистым”, *перен.* “исправиться”)
to clean up about smth. (букв. “очиститься от чего-л.”, *перен.* “сознаться в проступке”)

to have one’s hands clean (букв. “иметь чистые руки”, *перен.* “быть порядочным”)

moral / godly cleanliness (“моральная чистоплотность, религиозное благочестие”)

squeaky clean (букв. “чистый до скрипа”, *перен.* “совершенно невинный”)

to keep one’s slate clean “поддерживать хорошую репутацию”

to make a clean breast of smth. “исповедаться в грехах”

clean conscience “чистая совесть”.

Непорочность выражается и другими членами тематической группы “Чистота”:

unblemished (< *старофранц.* *blesmir* “пятнать”) *reputation* (незапятнанная репутация)

immaculate (< *лат.* *immaculatus* “незапятнанный”) *conception* (непорочное зачатие)

unsullied (< *старофранц.* *soillier* “загрязнять”) *by sin* (не оскверненный грехом)

pure within (букв. “чистый внутри”, *перен.* “добропорядочный”)

pure soul / heart etc (чистая душа / сердце и т.п.).

Соответственно, грязь символизирует порочность, греховность, отступление от норм морали и благочестия:

dirty swine “грязная свинья” (негативная нравственная оценка кого-л.)
 foul language “сквернословие” (< древнеангл. ful “гнилой, нечистый”)
 squalid (< лат. squalidus “испачканный”) desires (скабрезные желания)
 filthy lucre “презренный металл, деньги” (< древнеангл. fylð “грязь”)
 dirty soul / impure heart (ср. рус. *грязная душонка*)
 with dirty hands (ср. рус. *быть нечистым на руку*)
 dirty designs / intentions “нечистые замыслы”
 spirit of impurity “нечистый дух, демон”
 unclean thoughts “грязные мысли”
 dirty words “бранные слова” *etc.*

В культуре каждого народа (или группы народов) имеются свои аксиологические доминанты, именуемые святынями – ключевые жизненные ценности, лежащие в основе данной культуры (об этом см.: [Жельвис 2000], [Дмитриенко 2007]). Эти доминанты определяют тематику вербальных инвектив. Чем выше в аксиологической иерархии данного народа располагается та или иная ценность, тем большей негативной экспрессией обладает вербальная инвектива, направленная на бласфемизацию (кощунственное поругание) данной святыни; по английской пословице, *the higher the rise, the harder the fall* (букв. “чем выше подъем, тем сокрушительнее падение”). В частности, в англосаксонских лингвокультурах превыше всего ценится высокая нравственность, символизируемая физической чистотой; существует сентенция *Cleanliness is next to godliness* (“Чистоплотность сродни благочестию”). На этом основании тематика инвектив у англосаксов сосредоточена в основном на образах грязи, нечистот, физиологических отправления и их источников: *shit, vomit, filth, rot, arse* и т.п. Что касается русских (и ряда других славян), у них издревле ценностной доминантой является культ предков и прежде всего почитание матери; поэтому «центральный» вульгаризм, вокруг которого концентрируется обценная лексика, оскорбляет мать, а сама вульгарная лексика и фразеология называется матерной.

В европейских лингвокультурах моральные ассоциации с чистотой и грязью особенно широко распространены в сфере отношений полов.

По логике вещей, можно было бы ожидать, что под чистыми отношениями полов будут подразумеваться возвышенные, благородные, утонченные отношения, исполненные восхищения, любви и уважения друг к другу, а под грязными – грубые, примитивные, плебейские отношения, сопровождающиеся насилием и оскорблением человеческого достоинства. Но нет; как показывают наблюдения, в рамках христианской половой морали, закрепленной в семантике европейских языков, под чистыми (непорочными, целомудренными) отношениями полов понимается попросту половое воздержание, а под грязными – попросту половая жизнь, в особенности не санкционированная Церковью в форме обряда венчания.

Такая этическая позиция проистекает из входящих в средневропейский стандарт христианских догматов о первородном грехе и непорочном зачатии – догматов, в рамках которых плотские отношения считаются изначально греховными по своей сущности. Отсюда связь религиозных наименований полового воздержания с понятием чистоты:

immaculatedness “непорочность” < *лат. immaculatus* “незапятнанный”
virginity “девственность” < лат. *virga* “свежая, незамазанная”
chastity “целомудрие” < лат. *castus* “чистый, незамутненный”.

В этом ряду особую роль играет образ снега, в котором совмещены признаки “белый” и “холодный”. Белизна свидетельствует о чистоте, а холодность символизирует отсутствие эротизма, осуждаемого как «похоть» в рамках репрессивной религиозной половой морали. Отсюда образы Белоснежки и Снегурочки, Снежной Девы из стихотворения А. Блока, снежной жены Франциска Ассизского и т.п. Эту же образную основу имеет английский образный оборот *pure as the driven snow* (*букв.* “чиста как свежавыпавший снег”, *перен.* “совершенно невинна”).

С этой позиции не освященная церковным обрядом (и, по большому счету, всякая) половая жизнь квалифицируется как нечто грязное:

dirty / sullied love “внебрачные связи” (< *старофранц.* soillier “загрязнять”)
 dirty romance (букв. “грязные сочинения”, *перен.* “скабрезная литература”)
 filthy relationship / affair “любовная (букв. “грязная”) интрижка”
 dirty pleasures “порочные (букв. “грязные”) наслаждения”
 dirty dancing “фривольные (букв. “грязные”) танцы” и т.п.

Так в самой системе европейских языков исподволь заложено продиктованное репрессивной религиозной половой моралью негативное отношение к половой жизни, особенно той, которая вышла из-под церковного и государственного контроля⁴⁰.

Как известно, ныне в западном мире широко практикуются свободные нравы и новые формы отношений полов, но они выглядят не естественно, а как бунт против патриархальных устоев, как стремление преодолеть их; столь велика инерция заложенных в языке многовековых традиций, которые властно влияют на мышление и поведение людей. Этим западная мораль отличается, к примеру, от буддийской тантрической морали, в рамках которой плотские отношения просто не могут считаться «грязными», поскольку они изначально носят сакральный характер [Smith 1996]. Различия в когнитивных субстратах языкового мышления Запада и Востока ведут к различиям в оценках отношений полов и проистекающего из них поведения.

Такое отношение к делу характерно не только для библейской морали и касается не только эроса. Идеология, ставящая во главу угла примат государственных / общинных интересов перед личными, воспевающая принесение индивидуальных ценностей в жертву общему светлому будущему – такая идеология проповедует аскетизм и объявляет порочным любое

---

⁴⁰ Диаметрально противоположность трактовок «чистоты» и «грязи» в сфере отношений полов продемонстрировал Г. Уэллс в романе «Люди как боги»: по его сюжету, христианский священник, наблюдая прекрасные, высокодуховные и свободные нравы утопийцев, с отвращением квалифицировал их как «свальный грех», а они, в свою очередь, с не меньшим отвращением констатировали, что у их идейного противника «очень грязный ум» (Уэллс 1995).

удовольствие, кроме идейного экстаза. Такова, например, мораль тоталитарных политических режимов и таких же религиозных сект, экстремистских организаций и т.п. Это ярко продемонстрировано, в частности, в антиутопии Дж. Оруэлла «1984», изображающей тоталитарный строй (Ingsoc) с его «Молодежным антиполовым союзом» (The Junior Anti-Sex League) и ежедневными «двухминутками ненависти» (Two Minutes Hate), сублимирующими энергию либидо в ярость политической борьбы (Orwell 2008).

В рамках таких идеологий лексика, в основе которой лежит когнитивный паттерн «Чистота – грязь», экстраполируется с отношений полов на всю общественную жизнь: с этой точки зрения аскетизм чист, а гедонизм грязен в своей основе.

Антитеза чистоты и грязи в авторитарных и тоталитарных социумах отчетливо обозначена, в отличие от буржуазно-либеральных социумов, где эта антитеза размыва: в их контексте гедонистические устремления не только не считаются порочными, но, напротив, являются ценностной доминантой. Оценка жизненных реалий в категориях «чистые» и «грязные» в условиях западного либерализма постепенно теряет актуальность и – в конечном счете – смысл. В таких условиях с аскетизма снимается печать добродетели, а с гедонизма – клеймо порока.

В либерально-демократическом социуме сменяются ценностные ориентиры: в аксиологическом пространстве культуры позицию идейных лозунгов «Раньше думай о Родине, а потом о себе», «Ты – ничто, твой народ – всё» занимает рекламный логотип «Еда – это наслаждение! Наслаждение вкусом». Он тоже стал своего рода идейным лозунгом. По Л.Н. Гумилеву [2016], такие процессы свидетельствуют о переходе от пассионарной (восходящей) фазы этногенеза – через фазу акме́ (пика и прекращения развития) – к фазе обскурации (постепенного угасания).

Но прошлые этапы развития цивилизации и культуры прочно укоренены в этноязыке, а значит – и в ментальности народа, и требуется весьма

продолжительное время, чтобы прежние представления и соответствующие им языковые средства полностью заменились новыми. Когнитивный субстрат языкового мышления характеризуется большой инерцией. Он лежит в основе «свода основных допущений и предположений, обычно не осознаваемых и не обсуждаемых, направляющих и структурирующих поведение представителей общности почти так же, как грамматические правила, не осознаваемые большинством людей, структурируют и направляют их лингвистическое поведение» [Картина мира этническая 2000: 1].

Под определенным углом зрения этнокультуру можно рассматривать как совокупность коллективных установок (*англ. attitudes*), определяющих ценностное отношение народа к тем или иным явлениям бытия (подобно тому, как характер человека, по Д.Н. Узнадзе [2001], складывается из личностных установок, определяющих взаимодействие индивида с социокультурной средой).

Коллективные установки носят облигаторный характер в рамках господствующей идеологии. Однако с течением времени идеологии меняются; вместе с ними меняются и коллективные установки. В частности, в Средневековье, в эпоху господства христианской Церкви в европейских странах любые отклонения от религиозного канона в сфере отношений полов сурово осуждались и жестоко карались. Ныне же на Западе они считаются нормой и, более того, приветствуются; осуждаются и караются не они, а наоборот, попытки критиковать их.

Но вербальный язык в значительной мере консервативен. Это обусловлено тем, что он сам представляет собой грандиозную общенародную конвенцию; слишком частые радикальные перемены в языке неизбежно привели бы к падению уровня взаимопонимания, к коммуникативным сбоям и в целом к снижению эффективности вербального общения. Поэтому темпы развития языка несколько отстают от темпов развития цивилизации. Вследствие этого в языке некоторое время сохраняются прежние коллективные

установки, зафиксированные в значениях и внутренней форме языковых единиц, в их коннотациях и сочетаемости.

Например, в английском языке столетиями накапливались пейоративные наименования людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией: *invert*, *pervert*, *queer* (as a square egg), *deviant*, *sissy*, *faggot* / *fag*, *sodomite*, *pederast* и целый ряд других, не говоря уже о многочисленных обценных словах и фразеологизмах, и избавиться от этого исторического наследия нелегко. В порядке борьбы с ним идеологи политкорректности наспех изобретают и фактически насильственно внедряют в английский язык неуклюжие эвфемизмы типа *LGBTist*, *same-genderer*, *rainbow person* и т.п. Но такие наименования выглядят не естественно, а как проявления протеста против традиции – ведь традиционные представления прочно укоренены в языке, а значит, и в менталитете народа. В настоящее время на Западе под влиянием идей неолиберализма происходит активная ломка вышеупомянутых основных допущений (когнитивных стереотипов); это процесс длительный и болезненный, сопровождающийся сшибкой старых и новых когнитивно-ценностных ориентаций.

Возвращаясь к вопросу о чистоте, отметим, что представления носителей английской лингвокультуры о чистоте ассоциируются не только со сферой отношений полов и морали в целом. Помимо нее, они связаны с такой тематической областью, как возобновление, возвращение к началу, отказ от прошлого опыта, опустошение, избавление от прежнего содержимого:

to wipe the slate clean (букв. “вытереть доску начисто”, *перен.* “начать всё сначала”)

to clean the slate (букв. “очистить грифельную доску”, *перен.* “забыть всё старое”)

to clean the house (букв. “сделать уборку в доме”, *перен.* “уволить нерадивых слуг”)

clean sheet (букв. “чистый лист”, *перен.* “возможность начать новую жизнь”)

to start over with a clean slate (ср. рус. *начать с чистого листа / доски*)

to make a clean break with the past “начисто порвать с прошлым”.

Это значение слова *clean* (чистый) близко к значениям слов *vacant*, *blank*, *unoccupied* (пустой, незаполненный, вакантный) и противопоставлено не значениям слов *dirty*, *filthy*, *impure*, *foul* (грязный, скверный), а значениям слов *full*, *replenished*, *engaged*, *occupied*, *filled* (полный, заполненный, занятый). В большинстве подобных случаев когнитивной основой является представление о чистом (пустом) и исписанном (заполненном) листе бумаги или грифельной доске. Таким образом, в данном случае наблюдается, так сказать, «семиотический» взгляд на жизнь: жизнь уподобляется тексту, а деятельность – написанию текста (книги жизни). Эта метафора, носящая постмодернистский характер, остроумно обыграна в фантастическом рассказе С. Кинга (King 2018), в котором описан компьютерный текстовый редактор, оказавшийся всемогущим «редактором судеб»: он воплощал в жизнь содержание вводимых в него текстов.

Д) Конфигурация предметов

Слово *конфигурация* имеет несколько значений; здесь мы употребляем его в значении “внешние очертания предмета” [СРЯ]. В этом значении оно эквивалентно английскому слову *shape*. К представлениям о конфигурации предметов люди прибегают в качестве зрительной опоры для того, чтобы смоделировать некоторые явления, не воспринимаемые визуально. В основе дальнейшего развития семантической структуры соответствующих слов во многих случаях лежит явление синестезии. Обратимся к рассмотрению отдельных участков этого когнитивного паттерна.

Острота – тупость. Значение “острый” в современном английском языке передается главным образом тремя именами прилагательными, которые исторически восходят к словам, обозначающим такие ручные операции, как разрезание и протыкание (по данным этимологических словарей [OED], [KED]):

keen <среднеангл. *keene* “резкий, пронизывающий”

sharp <индоевр. *sker- “резать”
acute <индоевр. *ak- “пронзать”.

В референциальном аспекте они равноценны (т.е. обозначают одно и то же свойство предмета), что подтверждается их взаимозаменяемостью в ряде словосочетаний: sharp / acute / keen pain, pleasure, suffering, sense, attention, wit, awareness, sorrow, criticism *etc* [СУС] (острая боль, удовольствие, страдание, ощущение, внимание, ум, осознание, критика и т.п.). Они взаимозаменяемы **не** во всех случаях:

keen / sharp, но не *acute hunger / appetite (голод / аппетит)
sharp / acute, но не *keen distress / misery (бедствие, нужда)
acute / keen, но не *sharp agony / anxiety (страдание / тревога).

Эти расхождения обусловлены, по-видимому, традицией словоупотребления. Но рассматриваемые синонимичные прилагательные сочетаются с синонимичными существительными, например:

acute depression (депрессия) $\approx$ keen despair (отчаяние) $\approx$ sharp distress (горе)
acute discussion (дискуссия) $\approx$ keen polemic (полемика) $\approx$ sharp debate (дебаты)
acute cold (холод) $\approx$ keen frost (мороз) $\approx$ sharp chill (стужа).

Эти примеры свидетельствуют о фактической равнозначности рассматриваемых прилагательных. Судя по всему, различия в их лексико-семантической сочетаемости определяются не столько расхождениями в их значениях, сколько традицией их употребления, зафиксированной в английской языковой норме и речевом узусе.

По нашим наблюдениям, практически единственное семантическое различие между тремя рассматриваемыми прилагательными состоит в том, что прилагательное keen в большей степени, чем два других, связано с характеристикой **интенций**: keen desire, keen interest, keen zest, keen hunger, keen yearning, to be keen on smth *etc* (острое желание, стремление, намерение, заинтересованность и т.п.).

Буквальное значение “острый” – “having a thin edge or fine point, adapted to cutting or piercing” [MWD] (имеющий тонкую кромку или узкий кончик, приспособленный для разрезания или протыкания) распространяется на широкий спектр предметных областей по принципу синестезии. При этом оказываются значимыми не столько объективные свойства острого предмета (сужение на конце или тонкий край), сколько знакомые каждому человеку субъективные ощущения от укола / пореза. Их сходство с другими ощущениями привело к тому, что они образовали когнитивный паттерн для описания разнообразных явлений бытия.

Эти явления трудно характеризовать, не прибегая к представлению об остроте материального предмета. Так, sharp scream (резкий крик) – это **не** то же, что loud scream (громкий крик): подчеркивается не столько интенсивность звучания, сколько специфическое ощущение, сходное с ощущением от укола в ухо. Здесь слово sharp “острый” можно заменить словами piercing / ear-cutting “пронзительный / резкий”, но при этом тоже используется представление о протыкании / резании (ср. рус. *резать слух*). То же относится к следующим случаям словоупотребления:

rangs of conscience / ambition / envy (*уколы* совести / самолюбия / зависти)
 penetrating mind / speech (*проницательный* ум / проникновенная речь)
 scathing accusation (*ранящее* обвинение <индоевр. *sket- “ранить”)
 poignant anxiety (*острое* беспокойство <индоевр. *reuk- “колоть”)
 cutting stomachache (*резкая* боль / *режущая* боль / *режь* в желудке)
 stubbing insult (*глубокое* оскорбление <шотл. stob “пронизывать”)
 pungent grief (*пронзительное* горе <индоевр. *reuk- “колоть”)
 edgy style (<острый стиль <edge “острый край, кромка”)
 incisive words (*резкие* слова <лат. incidere “врезаться”)
 stinging offence (*жалящая* обида < to sting “жалить”)
 thorny way (*тернистый* путь < thorn “колючка”)
 piercing laments (“пронзительные жалобы / стоны”)
 to grate smb.’s ear (режет ухо / режет слух) *etc.*

Ассоциация между душевной болью, физической болью и острым предметом обнаруживается и в неустойчивых (переменных, речевых) словосочетаниях:

the *pangs* of despised love “боль (букв. “уколы”) прѣзренной любви” (Шекспир)
 the arrows of outrageous fortune “стрелы яростной судьбы” (Шекспир)

Your words hurt me like *a dagger* through my heart “Ваши слова ранят меня,
 как кинжал в сердце” (Reverso Context 2018)

Strammfest: A dagger has been struck through his heart – Его сердце пронзили
 heart – кинжалом...

Schneidekind: Good God! – О боже!

Strammfest: – and through mine, through mine. – ... и мое, и мое.

Schneidekind: Oh, a metaphorical dagger! I thought – А, метафорическим
 thought кинжалом! Я

you meant a real one. (Shaw 2010) думал, настоящим. *Б. Шоу*

Когнитивный паттерн “Острота” лежит в основе представлений о целом ряде внешне **не** наблюдаемых явлений:

физические ощущения: acute / keen / sharp pain, agony, suffering, pang, feeling, pleasure, discomfort, chill *etc* (острая боль / страдание / чувство / удовольствие / неудобство / озноб и т.п.);

чувственное восприятие: acute / keen / sharp eyesight, hearing, sense of smell, sense of touch, perception *etc* (острое зрение/ слух / обоняние / осязание / чутье и т.п.);

интенциональные состояния: acute / keen / sharp appetite, hunger, thirst, want, desire, need, ambition, motivation *etc* (острый аппетит / голод/ жажда / желание / нужда / стремление / мотивация и т.п.);

эмоциональные состояния: acute / keen / sharp annoyance, irritation, envy, jealousy, interest, zest, joy, happiness, satisfaction, conceit, self-conceit, contempt, sorrow, misery, regret, grief, affliction, depression, anguish, resentment, fear, fright, anxiety, alertness, worry, care (в значении “озабоченность”), disgust, aversion *etc* (острое раздражение / досада / зависть / радость / удовлетворение / самодовольство / презрение / горе / возмущение / страх / тревога / отвращение и т.п.);

умственные состояния и качества: acute / keen / sharp attention, awareness, embarrassment, intellect, intelligence, mind, suspicion, wit, observation, understanding, interest, zest, curiosity, imagination, impression *etc* (острое

внимание / осознание / замешательство / интеллект / подозрение / понимание / интерес / воображение и т.п.);

воздействие и взаимодействие: acute / keen / sharp dejection, criticism, discussion, polemic, debate, argument, premonition, reproach, rebuke, response, denunciation, condemnation, reproof, dejection, sarcasm, satire, contest, competition, struggle, clash, battle, quarrel, problem, crisis, restrictions *etc* (острое неприятие / критика/ дискуссия / аргумент / реакция / осуждение / упрек / сатира/ состязание/ борьба / ссора / кризис);

объективные обстоятельства: acute / keen / sharp danger, luck, difference, distinction, illness, shortage, increase, decrease, shift, frost *etc* (острая опасность / удача / разница / болезнь / нехватка / увеличение / снижение / смещение / мороз).

Что касается буквального значения “**тупой**”, в английском языке оно выражается главным образом двумя прилагательными: blunt <древнеангл. blon (прич. II от blinnan “заканчивать, подводить к концу”) и obtuse < *лат.* obtusus (прич. прош. врем. от obtundere “затуплять”) [OED].

Оба они дефинируются в толковых словарях через отрицание остроты: “not sharp” [CED] (неострый), “not pointed or acute” [MWD] (не имеющий острого кончика), “not having a sharp edge” [COD] (не имеющий острой кромки) и т.п. – в то время как значение “острый” в этих словарях **не** дефинируется через значение “тупой”. Это говорит о том, что отношение рассматриваемых значений **не** симметрично; значение “тупой” вторично и семантически производно от значения “острый”.

Можно сделать предположение: такое положение дел обусловлено тем, что свойство “быть острым” прагматически более значимо, чем свойство “быть неострым”. Острота, с одной стороны, опасна для людей, поскольку она грозит травмами, а с другой стороны, она полезна, когда она присуща колющим и режущим инструментам. Что же касается тупости, она, во-первых, не опасна и не полезна, а во-вторых, распространена гораздо шире, чем острота. Таким образом, острота оказывается маркированным членом соответствующей

оппозиции, а тупость – ее немаркированным членом. Из этого, по нашему мнению, проистекает тот факт, что представления о тупости предметов служат когнитивной основой гораздо меньшей предметной области, чем представления об остроте.

Упомянутые прилагательные, кроме буквального, имеют следующие значения:

“категорический, прямой, откровенный” (blunt / obtuse refusal, rejection, distrust, rebuke – категорический отказ, отвержение, недоверие, осуждение)

“невразумительный, малопонятный” (blunt / obtuse text, content, narrative – невразумительный текст, содержание, повествование)

“непонятливый, туго соображающий” (blunt / obtuse pupil, disciple, apprentice – непонятливый школьник, ученик, подмастерье)

“грубый, неотесанный” (blunt / obtuse guy, conduct, manners – неотесанный мужик, грубое поведение, вульгарные манеры).

Угловатость – округлость. Этот когнитивный паттерн в ряде отношений сходен с предыдущим. Сенсорные представления об **угловатости** предметов обычно подразумевают неловкость, неудобство, несуразность, нескладность, неуклюжесть, неотесанность, невоспитанность. По-видимому, это связано с тем, что люди постоянно натываются на углы, испытывая боль и порой получая травмы. Отсюда проистекает умеренно-негативный оценочный ореол у такого рода образов:

angular conduct / behavior “несуразное поведение”

angular movements “угловатые движения”

angular manners “неуклюжие манеры”

angular character “колючий характер”

angular dancing “дёрганый танец”

angular face “резкие черты лица”.

Что касается свойства **округлости**, оно обычно ассоциируется с ощущениями гладкости, комфорта, удобства, завершенности, всесторонности, совершенства. Отсюда у отпричастного прилагательного rounded

“закругленный” возникло значение “well developed in all aspects; complete, balanced” [OED] (высокоразвитый во всех отношениях; завершённый, уравновешенный) и сформировался позитивный оценочный ореол:

rounded performance “совершенное, безупречное исполнение”

rounded character “объёмный персонаж (образ героя)”

well-rounded conclusion “всеобъемлющее заключение”

rounded education “всестороннее образование”

rounded personality “цельная личность”

rounded meal “сбалансированная диета”.

Прямота – кривизна. Представления о **прямой линии** в большинстве случаев ассоциируются с простотой, непосредственностью, правдивостью, честностью, искренностью, отказом от околичностей в выражении мыслей:

forthright action, expression, manner, opinion, discussion, character, declaration
(прямое действие, выражение, манера, мнение, дискуссия, характер, заявление)

direct explanation, threat, evidence, approach, connection, contact, accusation, speech
(прямое объяснение, угроза, свидетельство, подход, связь, обвинение, речь)

straightforward answer, advice, contact, person, description
(прямолинейный ответ, совет, контакт, человек, описание)

straight thinking, behavior, character, answer, response, words
(мышление, поведение, характер, отклик, реакция, слова)

forthcoming tone, apologies, inquisition, behavior, reaction
(прямой тон, извинения, расследование, поведение, реакция).

Представления о **кривизне** обычно ассоциируются с усложненностью, неискренностью, изворотливостью, лицемерием, лживостью, мошенничеством, неправильностью, отступлением от нормы (стандарта), отклонением от простого и ясного изложения мыслей:

crooked way (manner / fashion), decision, prophecy, lawyer, trader, character
(извилистый путь / способ, замысловатый фасон, юрист-крюкотвор, хитрован)

wry (sense of) humour, wit, amusement, comedy, conversation, tone, argumentation
(извращенный юмор, ум, забава, комедия, разговор, тон, изворотливые доводы)

twisted (sense of) humour, doings, way / manner / fashion, person, remark, evidence
(изощренный юмор, запутанные дела, непростой человек, косвенная улика)

skewed / skewy decision, outlook, data, facts, reality, results, interpretation, standard
(заковыристое решение, замысловатые данные, сложное толкование / мнение)

roundabout way (manner / fashion), hint, writing, tactics, explanation, means
(окольный путь, непрямой способ, косвенный намек, опосредованное толкование)

indirect mode, type, indication, result, evidence, way (manner / fashion), effect
(непрямой способ, указание, результат, свидетельство, путь, манера, воздействие)

lopsided compromise, system, distribution, view, structure, benefit, treaty, lookout
(неустойчивый компромисс, несуразное распределение, нелепые воззрения).

Все языковые примеры, приведенные в этом разделе, свидетельствуют о важном обстоятельстве из области когнитивистики: человек **не** считает, что он глубоко постиг строение и сущность того или иного чувственно не воспринимаемого объекта, пока не представит мысленным взором его пространственные очертания:

- правда прямолинейна, ложь извилиста, ум остёр, глупость тупа, характер округл или угловат и т.п.;
- структура объекта предстает в виде различных пространственных фигур: социум – пирамида, развитие общества – спираль, генеалогия – древо, супружеская измена – треугольник, группировки людей – круги (например, *political circles*) и т.д.

По-другому можно мыслить только математически, но даже в математику проникли сенсорные представления. Приведем ряд примеров.

- В Декартовых координатах располагаются разнообразные кривые (синусоиды, гиперболы, параболы и др.), служащие зрительной опорой для мышления.

- Излюбленными средствами математического мышления являются различные визуальные средства – графы, схемы, диаграммы и т.п.
- Десятичная система счисления обязана своим появлением тому факту, что у человека десять пальцев на руках. Со счета на пальцах началась математика⁴¹.
- Доказано, что закономерности геометрии можно выражать алгебраически [Харрис 2005], не прибегая к рисункам, но математики упорно предпочитают зрительную опору и терминологию пространственных фигур (*triangle, cone, cylinder etc*).
- В математической терминологии имеется целый ряд терминов, имеющих предметно-наглядную образную основу:

projection “проекция” (< лат. *proiectio* “бросок вперед”)

root “корень” (< германск. *wrot- “корень дерева”)

radical “радикал” (< лат. *radix* “корень дерева”)

interval (< лат. *inter vallum* “между валами”⁴²)

cotangens (< лат. *cotangere* “соприкасаться”)

to square / to cube “возводить в квадрат / куб”

fraction “дробь” (< лат. *fractio* “осколок”)

axis “ось” (< лат. *axis* “ось колесницы”)

tangens (< лат. *tangere* “прикасаться”)

sinus (< лат. *sinus* “впадина”) etc.

«Нет ничего в сознании, чего не было ранее в ощущениях», – утверждал Дж. Локк [1985: 120], возражая Р. Декарту [2019] с его идеей врожденного знания. В современных терминах это означает: Локк считал, что вся информация о внешнем мире поступает в сознание по сенсорным каналам. Сознание перерабатывает поступающую информацию, создавая абстрактные

⁴¹ На то, что в основе счисления лежит именно десяток, указывает этимология английских имен числительных, восходящих к понятию “десять”: *eleven* < древнеангл. *ainlift (one left), *twelve* < древнеангл. twalift (two left), *thirteen* < древнеангл. þreo + tene (three + ten), *twenty* < древнеангл. twentig < готск. twy tigjus (two tens), *hundred* < индоевр. *dekm-tom “big ten”, *thousand* < индоевр. *teue-dekm (swollen ten) (по данным этимологических словарей [KED], [ODE], [OED]).

⁴² В древнеримской фортификации – пространство между оборонительными сооружениями.

понятия путем обобщения наглядно-чувственных образов, но, как видно из примеров, никогда не теряет связи с этими образами⁴³.

Человек – разумный примат; его картина мира, образно говоря, представляет собой здание человеческого разума, зиждущееся на фундаменте обезьяньих ощущений. Но это **не** мешает человеку получать подлинные знания и добиваться адекватного понимания мира, которое становится возможным благодаря интеллектуальной обработке информации, поступающей через сенсорные каналы.

Для полноты списка физических свойств предметов упомянем также оппозицию «тепло : холод», которая рассматривалась выше (в § 7 Главы I).

§5. Перцепция как когнитивная основа ментальной деятельности

В английской лингвокультуре преемственность чувств и разума проявляется в том, что умственные действия представляются как чувственное восприятие (перцепция); в ряде случаев то и другое обозначается одними и теми же словами.

Например, в семантическую структуру глагола to see входит не только значение “видеть” (акт перцепции), но и значения “понимать”, “постигать”, “воображать” (акты умственной деятельности). В частности, мысленный образ предмета, являющийся результатом интеллектуальной переработки сенсорной информации, репрезентируется как непосредственное **в́идение** предмета глазами:

I see (букв. “я вижу”, *перен.* “мне ясно, понятно”) / let’s see “рассмотрим”
to see how the land lies / how things stand (ср. рус. *видеть положение вещей*)
to see through a milestone (“видеть сквозь верстовой столб”, рус. ~ *насквозь*)
clairvoyance “яснов́идение” (< *франц.* claire “ясное”, voyance “в́идение”)

---

⁴³ Как показали исследования XX – XXI веков, Декарт в данном вопросе отчасти тоже был прав: некоторые представления о мире всё же попадают в сознание не путем чувственного восприятия, а путем генетического наследования (об этом см.: [Артемьева 2007], [Хомский 2018]).

inward / mind's eye “внутренний взор / мысленный взор, представление”
 evidence “очевидность” (< лат. ex- “совсем, полностью”, videns “видное”)
 insight “проницательность; ясное понимание внутренней сущности”
 to turn a blind eye to smth. “обратить слепой глаз”, проигнорировать
 to see smth. in a new light (ср. рус. *увидеть что-либо в новом свете*)
 to see the reason / sense / point in smth. (видеть причину/ смысл/ суть)
 foresight “предвидение, видение наперед, предусмотрительность”
 mental vision / mental view “духовное видение, воображение”
 point of view “точка зрения” / outlook “мировоззрение”
 to look into smth. “вдуматься (букв. “вглядеться”) во что-л.”.

Кроме того, умственная деятельность в ряде случаев представляется как **слышание**. В этих случаях под слышанием (актом чувственного восприятия) подразумевается понимание / постижение (акт ментальной деятельности):

Do you hear me? / I heard you (*Ты слышишь меня? / Я тебя услышал*, т.е. “понял”)
 to have heard about smth. “располагать сведениями” (ср. рус. *Я слышал об этом*)
 to turn a deaf ear (букв. “обратить глухое ухо к чему-л.”, перен. “проигнорировать”)
 to keep ear to the ground (букв. “приникнуть ухом к земле”, перен. “отслеживать”)
 to hear smth. loud and clear (букв. “четко слышать”, перен. “ясно понять что-л.”)
 to hear through (букв. “слышать сквозь «стену»”, перен. “быть в курсе всех тайн”).

Что касается **обоняния**, оно ассоциируется у носителей английской лингвокультуры с предвидением, предвосхищением, интуитивным знанием:

to smell the barn (букв. “чуять хлев”, перен. “предвкушать скорое завершение дела”⁴⁴)
 to follow one's nose (букв. “следовать своему носу”, перен. “полагаться на интуицию”)
 the sweet smell of victory “предвкушение (букв. “сладкий запах”) победы”
 the bitter smell of defeat “предчувствие (букв. “горький запах”) поражения”
 to smell fishy (букв. “вонять рыбой”, перен. “казаться подозрительным”)

⁴⁴ Метафора: при возвращении с пастбища домашний скот оживляется, чуя приближение к хлеву.

to smell a rat (букв. “чуять крысу”, перен. “предвидеть опасность”)
 to sniff around (букв. “разнюхивать”, перен. “разузнавать что-л.”)
 to smell smth. a mile off (ср. рус. *за версту чуять что-л.*).

Названия запахов – приятных (scent, aroma, flavour, fragrance) и неприятных (stink, stench, rot, reek) – сочетаются со словами, имеющими позитивный и соответственно негативный оценочный ореол⁴⁵:

the scent of adventure / love / peace / emotion / desire / solitude / the East
 (аромат приключения / любви / чувства / желания / уединения / Востока)
 the flavor of youth / pleasure / comedy / elegance / love / victory / success
 (благоухание юности / наслаждения / изящества / любви / победы / успеха)
 the fragrance of happiness / love / sweet slumbers reminiscences / fairy tale
 (сладкий дух счастья / любви / грёзы / мечты / воспоминаний / сказки)
 the stench of scandal / treason / treachery / decay / lies / evil / sin / disgrace
 (зловоние сплетен / измены / упадка / лжи / порока / греха / позора).

Осязание, будучи контактным физическим ощущением, ассоциируется в основном с общением, ментальным контактом, духовной связью людей. Это значение передается английским глаголом to touch “трогать, касаться” и производными от него словами:

to touch the sore spot “затронуть болезную тему (букв. “болезненное место”) в разговоре”
 to be in touch / out of touch with smb. “быть / не быть в контакте с кем-либо”
 to touch on the raw “затронуть чувствительную тему в разговоре”
 to touch the nerve (букв. “задеть нерв”, перен. “заинтриговать”)
 touching “трогательный” / soul-touching “берущий за душу”
 to touch upon (a topic) “коснуться (какой-либо темы)”
 touchy “душевно ранимый”.

Значение глагола to grope “щупать” лежит в основе представлений о действиях, совершаемых наугад в условиях дефицита информации о текущем положении дел:

to grope in the dark “теряться в догадках” (ср. рус. *искать что-л. вслепую*)
 to grope for ideas / words / decisions “нащупывать идеи / слова / решения”

⁴⁵ Сочетаемость проверена по комбинаторным словарям [APC], [BBI], [SYD].

to grope one's way through smth. “пытаться сориентироваться в незнакомой обстановке” (ср. рус. *пробираться наощупь*).

Представления о **вкусе** как о физическом ощущении во рту переносятся на представления о стиле, предпочтениях и эстетических качествах обозначаемого объекта, а также о признаках, показателях тех или иных явлений:

a bad taste in one's mouth (букв. “плохое послевкусие”, *перен.* “остаточное неприятное эмоциональное ощущение от общения, от получения каких-л. сведений и т.п.”)

to taste blood (букв. “ощутить вкус крови”, *перен.* “ощутить прилив агрессивности”)

to taste bittersweet “производить двойственное (букв. “горько-сладкое”) впечатление”

to have a taste for <smth.> “иметь предрасположенность (букв. “вкус”) к чему-либо”

the taste of <smth.> “оттенок, привкус” (*e.g.* привкус лицемерия в чьих-либо словах)

Everyone to his taste “Всяк на свой вкус” (не только физический, но и любой другой).

Поскольку одна и та же информация может поступать в сознание человека по разным сенсорным каналам, в английских фразеологизмах образы разных физических ощущений в ряде случаев оказываются функционально эквивалентными:

to turn a blind eye to smth. = to turn a deaf ear to smth. (обратить слепой глаз / глухое ухо)

to keep one's eyes open = to keep one's ears open (держат глаза / уши открытыми)

the sweet smell of victory = the sweet taste of victory (сладкий запах / вкус победы)

the bitter smell of defeat = the bitter taste of defeat (горький запах / вкус поражения)

to be blind to smth. = to be deaf to smth. (быть слепым / глухим к чему-либо)

to smell blood = to taste blood (почувствовать запах крови / ощутить вкус крови).

Образы **приятных физических ощущений** символизируют **позитивные** душевные состояния / эмоциональные переживания:

to stroke smb.'s feathers “успокаивать, утешать кого-л.” (ср.рус. *гладить по шёрстке*)

to kiss smb.'s ass *простореч.* (букв. “целовать зад”, *перен.* “грубо льстить кому-либо”)

to caress smb.'s pride “льстить чьему-либо самолюбию” (букв. “гладить”)

to fondle smb.'s vanity “ласкать чье-либо тщеславие” (букв. “поглаживать”)

to pat smb. on the back (букв. “похлопывать по спине”, *перен.* “поощрять”)

to give smb a healing kiss/ kiss smb. better “утешать, успокаивать кого-либо” (букв. “наносить целительный поцелуй”; в буквальном смысле эти обороты относятся к матери, целующей царапину или ссадину у своего ребенка)

to cherish hope (“лелеять надежду”).

Образы **неприятных физических ощущений** (прежде всего боли) передают **негативные** эмоции по принципу синестезии:

to stroke smb.'s feathers the wrong way “злить кого-л.” (рус. *гладить против шерсти*)

to rub it in (букв. “втирать”, *перен.* “усугублять страдание”, рус. *сыпать соль на рану*)

to have a headache due to smb. “иметь заботы (букв. “головную боль”) из-за кого-л.”

to rub smb. the wrong way (букв. “массировать неправильно”, *перен.* “раздражать”)

to ache for smb. / smth. “тосковать по кому-л. / чему-л.” (букв. “испытывать боль”)

to give smb. a pain in the neck (букв. “вызывать боль в шее”, *перен.* “досаждать”)

to share smb.'s pain “разделять чье-либо горе (букв. “боль”), сострадать кому-либо”

to ruffle smb.'s feathers (букв. “взъерошивать кому-л. перья”, *перен.* “злить кого-л.”).

Кроме того, боль ассоциируется с предпринимаемыми **усилиями**. Это обусловлено синестезической связью двух упомянутых ощущений:

to get smth/nothing for one's pains “(не) получить награду за труды” (букв. “за боли”)

smb.'s pains were rewarded “чьи-л. усилия / труды (букв. “боли”) были вознаграждены”

to take (great) pains (букв. “терпеть (сильные) боли”, перен. “прилагать (большие) усилия”)

no pain, no gain (букв. “нет боли – нет достижения”, ср. рус. *без труда нет плода*)

to be at pains (букв. “терпеть боли”, перен. “прилагать усилия”)

to spare no pains “не жалеть сил / усилий” (букв. “болеи”).

Итак, в этом разделе были рассмотрены образы **актов сенсорного восприятия** (видения, слышания, обоняния, осязания, вкуса и боли) как когнитивная основа для осмысления чувственно не воспринимаемых **ментальных актов** (умственных операций и эмотивных событий). Для полноты картины добавим, что в английской лингвокультуре ментальные акты моделируются также образами **физических процессов** и **предметно-практических действий**, что отражено в этимологии соответствующих названий (по данным этимологических словарей [KED], [OED]):

to understand (понять) < *древнеангл.* understandan “стоять посреди”⁴⁶

to conceive “понять, постичь, осмыслить” < *лат.* concipere “схватить”

concept “концепт / концепция” < conceptus “схваченный” < concipere

to grasp / to get it / to catch / to seize разг. “ухватить смысл, понять”

to take in head букв. “взять в голову”, перен. “понять, уразуметь”

to think “думать” < *древнеангл.* þencan “схватить; явиться кому-либо”

to imagine “воображать” < *старофранц.* imaginer “лепить, вырезать”

to reflect “размышлять” < *лат.* reflectere “отражать (удар, свет и др.)”

emotion (эмоция) < *старофранц.* emouvoir < *лат.* emovere < exmovere

“всколыхнуть” (ср. рус. *волнение* < волноваться < волны)

to comprehend (осмыслить) < *лат.* comprehendere “схватить” (ср. рус.

понять < древнерус. *пояти* “взять, схватить”).

Приведенные примеры навевают мысленное представление: человек древнейшей эпохи, движимый, по И.П. Павлову, исследовательским рефлексом

⁴⁶ «Здесь префикс under- не означает “под”. Он восходит к *древнеангл.* under < *индоевр.* *nter- “среди”; ср. *лат.* inter “среди”, *древнегреч.* ἔντερο “внутри» [OED]. Ср. также *лат.* substantia “сущность” (букв. “стояние под”), *древнегреч.* ὑπο-στάσις “гипостазис, установление” (букв. “стояние под”), рус. *ипостась* “воплощение; сущность; основа”.

«что такое?»), берет незнакомый предмет, вертит его в руках, подносит к глазам и к уху, ощупывает, обнюхивает и пытается «взять в голову» (*англ.* to take in head, *перен.* “уразуметь”), то есть узнать свойства предмета, выяснить его возможности и постичь его человеческий смысл (его ценностные качества). Сенсорно воспринимая предмет, человек **осваивает** его, то есть делает **своим** (в познавательном смысле), включает его в свой когнитивный мир и в свое личное пространство.

Такова причинно-следственная связь и преемственность сенсорного восприятия и ментального моделирования действительности, лежащая в основе охарактеризованных выше семантических параллелей.

Когда человек **не** имеет возможности видеть и осязать реалию, но стоит перед необходимостью понять ее сущность, он придумывает себе ее видимый и осязаемый образ и в качестве сенсорной опоры рисует себе ее «картинку» (графическую или вербальную). По-другому человеку трудно понять бесплотные реалии. Так разумная обезьяна (*Homo*⁴⁷ *sapiens*) поднимается на божественные высоты культуры, оставаясь обезьяной биологически.

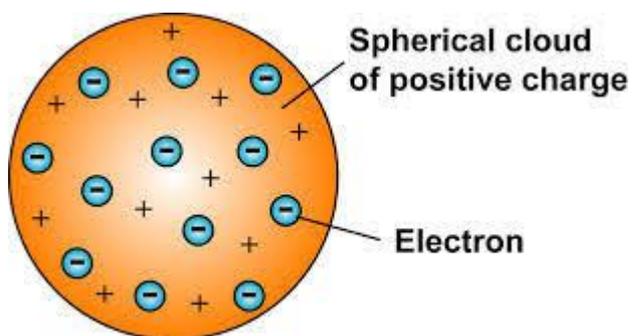
Не исключена возможность, что в далеком будущем в ходе автоэволюции человек, укрепляя свои позиции в мире, сознательно расстанется со своим исходным биологическим естеством, но пока что он смотрит на мир сквозь те «очки», которыми одарила его мать-природа. Благодаря этим «очкам» (сенсорному аппарату) она дала своему сыну шанс выжить в окружающей среде, но и не более того; природой не было предусмотрено то, как человек, став разумным, по своей инициативе воспользовался полученным сенсорным аппаратом.

§6. Проблема понимания в свете концепции когнитивного субстрата

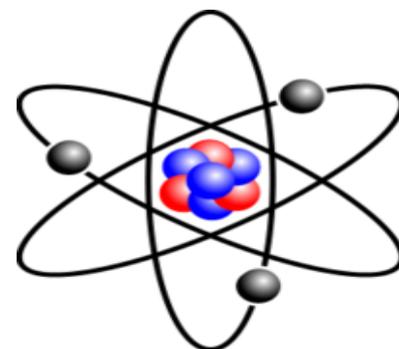
---

⁴⁷ «Гомо – **обезьяны** семейства гоминид отряда приматов; лишь один из видов гомо стал разумным, хотя зачатки разума были и у других (ныне вымерших) видов гомо» [Харари 2016: 35].

Атавизмы предметно-наглядного мышления в познавательной деятельности человека до сих пор столь сильны, что для ясного понимания структуры визуально не воспринимаемого объекта человеку, как отмечалось, требуется «картинка», встающая перед мысленным взором. Таковы, например, модели атома (см. рис. 13).

**13а. Модель “сливовый пудинг”
модель**

**13б. Планетарная
модель**

Рис. 13. Альтернативные визуальные модели строения атома

В модели Дж. Томсона, которую физики назвали сливовым пудингом (*англ.* plum pudding model), атом представлен как сгусток положительного электрического заряда – «пудинг», в который вкраплены отрицательно заряженные электроны – «сливы». В модели Э. Резерфорда, именуемой планетарной моделью (planetary model), атом состоит из «звезды» (протонно-нейтронного ядра), вокруг которой по орбитам вращаются «планеты» (электроны) [Высоцкий 2017; Horner 2018].

Но в действительности никакая «картинка», нарисованная физиками, не соответствует «внешнему виду» атома. У атома нет того, что можно было бы назвать внешним видом. И дело не в том, что атомы по своим размерам находятся за порогом разрешающей способности человеческого глаза, а в том, что вид – это то, что видно, а наш зрительный аппарат не приспособлен для того, чтобы буквально видеть строение атомов. Такова их физическая природа. Наши глаза устроены так, как это нужно было нашим животным предкам для

выживания в природной среде, а видеть атомы для этого не требовалось. Поэтому наши глаза не способны их видеть.

Визуальные модели Томсона и Резерфорда лишь **условно** отображают характер соотношения и взаимодействия электрических зарядов в атоме. Они иллюстрируют разные концепции строения атома, обладают объяснительной силой, имеют научную ценность и адекватны объективной реальности в ряде аспектов; но только не в аспекте визуального облика атомов, которого, как упоминалось, не существует.

То же касается **вербального** выражения визуальных моделей. Электроны – на самом деле не «шарики» (balls), они не «катятся» (roll) и т.д. Согласно одной гипотезе, они «размазаны» (spread) по всей длине своих орбит, а согласно другой, они суть оболочки (shells) атомного ядра. Но и эти описания – лишь конвенциональные изображения, попытки представить мысленным взором то, что нельзя увидеть.

В квантовой механике [Шрёдингер 2001] элементарные частицы представлены как волны и в то же время кванты энергии – сущности, принципиально не наблюдаемые зрительно. «Электрон – «это» вероятностная оболочка сложной формы, замкнутая волна потенциальных возможностей бытия. Электрон одновременно существует везде, но с определенной вероятностью» [Кукушкин 2015: 1]. Это – высказывание на научном языке, выражающем то, что непостижимо для обыденного сознания и невыразимо на общеупотребительном языке, отражающем это сознание.

Однако в целях понимания процессов, происходящих в атомах, люди всё-таки нуждаются в их обозначении привычными языковыми средствами – названиями знакомых, видимых объектов. Аналогию можно проводить между объектами самой разной онтологической природы – при условии, что они гомоморфны. Наблюдаемые объекты становятся моделями **ненаблюдаемых** объектов. Это необходимо учитывать, осмысливая приводимые ниже термины, которые заключают в своей внутренней форме предметно-наглядные образы:

- The Big Bang (рус. *Большой взрыв*) – на самом деле не взрыв в привычном, земном понимании этого слова; визуально он невообразим. Наивны попытки представить мысленным взором зарождение Вселенной как нечто вроде взрыва бомбы.
- Wormholes (рус. *червоточины*) – в действительности гипотетические локусы, в которых обнуляется дистанция между двумя участками пространства-времени.
Безнадежно пытаться создать адекватное зрительное представление о них.
- Cosmological singularity (рус. *космологическая сингулярность*) – состояние Вселенной, в котором ее плотность и кривизна стремятся к бесконечности. Порой ее представляют в виде крошечной, еле видимой точки, но это – чистая условность.
- Space strings (рус. *космические струны*) – не струны, а дефекты структуры пространственно-временного континуума, представимые лишь математически.
- Quantum foam (рус. *квантовая пена*) – это не пена, а дискретная фактура пространства-времени на самом нижнем уровне его строения. Ни о каком прямом эмпирическом наблюдении этого феномена не может быть и речи. Возможно лишь его описание с помощью математических формул.

Но людям нужны наглядно-чувственные аналогии – взрывы, дыры, струны, норы, пена и т.п. Без старого, привычного и понятного, людям трудно постичь новое, невообразимое, у которого нет «вида», поскольку, как упоминалось, «вид» – это то, что видит человек, а человек не может видеть вышеперечисленное.

Воображать невообразимое людей заставляет сам язык – его единицы и конструкции, содержащие в себе сенсорный опыт многих поколений предков. Без них люди почти не способны мыслить и отражать мир. Например, люди хорошо представляли себе, как разлетаются в разные стороны металлические осколки из эпицентра взрыва гранаты. Так они стали представлять себе и зарождение Вселенной, назвав его Большим взрывом (bang), а последующие процессы – расширением (swelling) Вселенной и разлетанием (scattering) галактик. Но это может происходить только в заранее данном пространстве и в заранее существующем времени. Что касается Вселенной, до нее не было ни пространства, ни времени. Они создавались по ходу эволюции Вселенной. Зрительно представить это невозможно. Употребление вышеперечисленных

слов, обозначающих обиходные вещи, в этой связи весьма условно, но люди пользовались ими, чтобы создать хоть какую-то зрительную опору, без которой им было неудобно и даже почти невозможно думать об этом, когда они думали на основе естественного языка, а не языка математических формул.

Далее, впоследствии выяснилось, что галактики в трехмерном пространстве **не** удаляются от единого эпицентра; эпицентра в нем нет вообще. Это обусловлено тем, что Вселенная как минимум четырехмерна. Тем не менее, приборы показывали, что расстояние между галактиками растет. Как это возможно при отсутствии эпицентра? Люди сначала не могли вообразить это зрительно, но позднее придумали очередную визуальную аналогию: они представили трехмерное пространство Вселенной как поверхность четырехмерного детского воздушного шарика в крапинку. Шарик (Вселенная) раздувается, дистанции между крапинками (галактиками) растут, а эпицентра на поверхности шарика нет. Так появился термин *раздувание* (inflation) Вселенной. Но он столь же условен, сколь и предыдущие.

Пока люди мыслят вербальным языком, он будет навязывать им такое видение мира, которое основано на зафиксированном в нем сенсорном опыте сотен предшествующих поколений. Корреляция между миром и таким его видением существует, но она носит сложный и опосредованный характер [Савицкая 2020: 285-291].

Ниже на рис. 14а продемонстрировано, как в наше время художник представил себе Большой взрыв и зарождение нашей Вселенной, случившиеся 14 млрд. лет назад. Рис. 14а создан в наши дни на атеистической когнитивной основе, однако он мало чем отличается от традиционных религиозных изображений сотворения мира – разве что тем, что на религиозных рисунках изображен божественный Создатель (см. рис. 14б).

Научное знание об этом феномене шагнуло далеко вперед, а сенсорно-обыденное представление о нем недалеко ушло от древних фантазий. Это подтверждает,

Рис. 14а. Большой взрыв

Рис. 14б. Сотворение мира

что обыденное сознание людей до сих пор находится «в плену», во-первых, у прямого сенсорного восприятия и канонов житейского здравого смысла, а во-вторых, у языка, в котором эти каноны зафиксированы и влияют на восприятие мира. В сущности, на обоих рисунках представлен **миф** о начале мира, соответствующий человеческим возможностям отражения реальности с помощью органов чувств.

«Природа скупа» (*англ.* “Nature is a miser”)⁴⁸. Эволюция наделила биологические виды, в том числе *Homo sapiens*, лишь теми органами чувств, которые необходимы для выживания в определенной природной среде, и не более того. Соответственно, психика человека приспособлена в первую очередь для восприятия тех явлений окружающего мира, которые доступны его органам чувств. Человек не видит предметы, меньшие, чем позволяет видеть разрешающая способность его глаза; не слышит ультра- и инфразвук; не ощущает радиоволны и магнитное поле Земли; не воспринимает четвертое измерение пространства; не чует множество запахов, доступных животным, и т.д. За пределами диапазона его сенсорного восприятия остается огромный мир, который для него невидим, неслышим, неосязаем, необоняем.

Но, как известно, человек постигает не воспринимаемый чувствами мир с помощью разума. При этом он пропускает мир сквозь призму знакомой ему

⁴⁸ Это крылатое выражение, популярное в среде эволюционистов, является сокращенной цитатой из работы Ч. Дарвина, который, в свою очередь, сослался на А. Мильн-Эдвардса: «Природа богата разнообразием, но скупа на нововведения» [Дарвин 2014: 287].

совокупности чувственных представлений, приспособлявая воспринимаемые эмпирические данные к имеющимся у него сенсорным образам мира, уподобляя новое старому и тем самым перерабатывая поступающую информацию, включая ее в свой когнитивный мир в адаптированном виде.

Понимание достигается путем сведения незнакомого к знакомому. Осмысливая мир, человек старается вписать новооткрытые явления в известные ему когнитивные форматы. Этому в значительной мере способствует вербальный язык, в котором содержатся результаты прошлого познавательного опыта людей. Язык, в категориях которого люди мыслят и отражают окружающий мир, заставляет их именовать новые объекты имеющимися вербальными средствами и встраивать их в имеющиеся грамматические конструкции, тем самым уподобляя новое старому.

Например, когда было открыто электричество, его распространение по проводнику получило английское название *electric current* (букв. “электрическое течение”; ср. рус. *ток* от глагола *течь*, франц. *courant*, нем. *Strom*) по аналогии с течением жидкости (ср. *англ.* *lymph current* “лимфоток”, *bile current* “желчеток” и т.п.). Электроток представлялся как движение (поток) электронов по проводам.

Позднее возникла квантово-волновая теория электричества (см.: [Баранов 2014], [Григорьев 2016]), согласно которой электроток **не** есть движение электронов по проводнику (их переход с одного атома на другой, третий и т.д.). По этой теории, электроток есть распространение волн электромагнитного поля, тогда как электроны, сменяя орбиту, остаются в своих атомах. Эти волны подобны водяным волнам от брошенного в пруд камня: распространяются волны (колебания), а не вода. Данная теория имеет под собой серьезные основания и, вероятно, вскоре окончательно заменит классическую теорию «течения» (тока) электронов.

Однако сохранившееся название *current* (“течение”) по-прежнему побуждает людей мысленно представлять себе данное физическое явление как движение электронов по проводам. Это подтверждается, в частности, тем, что в

современной речи широко применяются обороты: *англ.* electrons pass, flow, traverse, go through the wire, move, run [СЕС], *рус.* электроны идут, текут, перемещаются, движутся по проводам, бегут [НТС]. Хотя фактически такое толкование носит условный характер, в практической электротехнике оно удобно. Перед мысленным взором встает визуальный образ мелких шариков, которые гуськом быстро катятся по проводам. Сложные электрические процессы, происходящие в микромире и зрительно непредставимые, мысленно репрезентируются как более простые механические процессы, происходящие в макромире и поддающиеся визуальному наблюдению.

Как видим, даже на объекты научного исследования люди смотрят в значительной степени сквозь призму быденного языка, который навязывает их мышлению такие названия, которые относятся к наивной картине мира.

Ученые стремятся избавиться от влияния общеупотребительного языка и соответствующего ему быденного мышления на познающее сознание. Особенно активные попытки такого рода предпринимались в рамках аналитической философии Л. Витгенштейна, Б. Рассела, Дж. Мура и др. Представители этой школы пытались избавить научный язык от метафорических и идиоматических способов выражения мысли, которые, по их мнению, «затуманивают» видение мира сквозь призму языка. «Всё то, что вообще может быть мыслимо, должно быть ясно мыслимо. Всё то, что может быть сказано, должно быть ясно сказано» [Витгенштейн 2017: 4.116].

С этой целью создаются научные термины, призванные отражать мир ясно и точно. Но быденное мышление «контрабандой» проникает в научную терминологию через внутреннюю форму терминов. Например:

- в биологии и телекоммуникации – cell “клетка / ячейка” (от лат. cella “келья”)
- в математике и лингвистике – root “корень” (от *герм.* *wrot- “корень дерева”)
- в ряде наук – net “сеть” (от *древнеангл.* net “силки птицелова; рыбацкая сеть”)
- в философии и культурологии – culture (от лат. colere “возделывать почву”)
- в медицине и информатике – virus (от лат. virus “ядовитый сок растения”)
- во всех науках – synthesis (от *древнегреч.* συν- “вместе”, τίθημι “ставить”)
- во всех науках – analysis (от *праиндоевр.* *leu- “разрезать на части”)

- в геометрии – plane “плоскость” (от *лат.* planum “равнина, долина”).

Это обстоятельство в той или иной мере влияет на научное мышление. Когнитивный субстрат «не отпускает» от себя абстрактное мышление, не дает ему полностью и окончательно оторваться от своих истоков – предметно-наглядного мышления. Это определяет специфику моделирования мира языковыми средствами.

Как неоднократно отмечалось выше, в основе моделирования лежит аналогия. Проведение аналогии – первичный этап познания нового. Это предположение имеет под собой реальное основание. Такого рода аналогии уже проводились в прошлом и проводятся ныне – пока в скромном масштабе. Например, когда астрономы, наблюдая в телескопы Марс, обнаружили на его поверхности сеть пересекающихся линий, они назвали это явление марсианскими каналами (*the Martian canals*). Это наименование было дано по сходству внешнего вида объекта с земными каналами, а не по его сущностным характеристикам, которые астрономам были неизвестны.

Однако развертывание этой аналогии привело к появлению гипотезы, согласно которой, во-первых, Марс когда-то изобиловал водой (это важнейшее условие зарождения жизни на планете), а во-вторых, об искусственном происхождении этого объекта – косвенном свидетельстве того, что когда-то на Марсе жили разумные существа (на эту мысль наводит название canal “канал”, обозначающее артефакт, т.е. рукотворный объект, в отличие от слова channel “пролив”, обозначающего природный объект). Высказывались предположения о том, для каких целей древние жители Марса предназначали свои «каналы», какими способами их использовали и т.д.

В когнитивном мире ученых, затем журналистов, а вслед за ними и остальных людей замаячил образ марсиан – образ, который они сами же и создали.

В русле наших рассуждений нам важно **не** то, насколько достоверны эти предположения, а то, как аналогия нового со старым, заложенным в языке,

задает вектор когниции, т.е. познавательного процесса. Называя наблюдаемый объект словом *canals*, люди руководствовались несущественными (внешними) признаками сходства, но затем это наименование, которое люди сами же дали объекту, заставило их предположить наличие у объекта и других (на этот раз существенных) признаков, а именно искусственности и функциональности. Мышление при этом осуществлялось по правилу умозаключения по аналогии, которое гласит: если у объектов А и В имеются общие признаки f_1, f_2, f_3 и при этом у объекта А имеется также признак f_4 , то вероятно, что у объекта В тоже имеется признак f_4 [Ивин 2007: Глава 11, § 7].

В данном случае, поскольку марсианские объекты по ряду внешних признаков были похожи на земные каналы (искусственные объекты), возникло предположение, что марсианские объекты тоже искусственные. Так был задан вектор когниции. Но умозаключения по аналогии носят лишь вероятностный, а не детерминированный характер. В данном случае гипотеза оказалась неверна.

Приведем еще один пример применения аналогии при описании новооткрытых объектов. В 2011 году астрофизики с помощью оптико-электронной аппаратуры обнаружили на Венере гипотетические небелковые живые существа, имеющие определенные конфигурации и передвигающиеся по поверхности планеты. По отдаленной аналогии с конфигурацией земных существ они получили названия «ящериц» (*lizards*), «каракатиц» (*cuttlefish*), «сычей» (*owls*), «змей» (*snakes*), «медвежат» (*teddy bears*) и т.д. [Ksanfomality 2018]. Их существование находится под вопросом.

Осваивая космос, люди столкнутся с такими феноменами, которым нет прямых земных аналогов. Чтобы понять сущность чужих реалий, люди, по свойственной им инерции мышления, сначала попытаются найти хотя бы отдаленные, поверхностные параллели с привычными земными реалиями и станут называть новооткрываемые явления именами, содержащими эти

параллели в своей внутренней форме⁴⁹. Понадобится долгое время, чтобы ученые, выявив системное строение инопланетного мира, выявили существенные взаимосвязи его фрагментов и подобрали для них названия, определяемые самим этим новым миром, а не устройством земного мира, от которого чужой мир не зависит. Но до этого люди будут воспринимать чужую действительность в определенной мере через призму земных реалий.

Таков, по нашим представлениям, один из механизмов воздействия когнитивного субстрата языкового мышления на процесс познания окружающей действительности. В этой связи встает проблема достижения истины в ходе открытия законов мироздания. Если у разных субъектов познания (носителей разных лингвокультур, представителей разных народов и цивилизаций) картины мира различаются, то каким образом люди в итоге получают единую истину – адекватное представление об объективной реальности?

Наивные картины мира, основанные на непосредственной очевидности данных сенсорного опыта, действительно неодинаковы в разных культурах, поскольку, во-первых, различаются природные условия проживания народов и исторические пути их развития, а во-вторых, разнятся мифологические интерпретации наблюдаемых явлений окружающего мира. Но любая наивная картина мира может быть скорректирована методами научного познания, базирующимися на сборе и систематизации фактов, логике, эксперименте и верификации полученных данных на практике. Это те средства, с помощью которых к истине можно прийти, стартовав с любой исходной позиции – той или иной наивной картины мира.

Коперник, Галилей и их последователи видоизменили систему иудео-христианских и античных геоцентрических догматов и мифических

---

⁴⁹ В качестве примера можно привести попытку осмыслить инопланетные реалии через земные мифы в повести Стругацких «Пикник на обочине»: *ведьмин студень, ведьмины круги, весёлый призрак, комариная плешь, чёртова капуста* и др.

представлений о плоской Земле, семи небесах и трех китах; они достигли этого путем научной реинтерпретации эмпирических данных.

Но ведь таким же способом в принципе можно переработать и индуистскую, и ведийскую, и всякую иную картину мироздания, а затем, путем конвергенции разных концептуальных систем, в каждой из которых есть доля правды, получить единую объективную истину. «На вершине вы соединитесь со всеми теми, кто, с разных сторон, совершил такое же восхождение. Ибо всё, что поднимается ввысь, должно сходиться» [Teilhard de Chardin 2010: 268] (перевод наш – *Е.С.*).

Как отмечалось выше, прежние представления о действительности сохраняются во внутренней форме словесных названий, фиксируя исторические этапы познания мира и тем самым сохраняя преемственность древнего и современного языкового мышления. Так, в античной философии было интуитивное, чисто умозрительное представление о мельчайших, далее не делимых частицах, из которых состоит материальный мир: *древнегреч.* ἄτομος “неделимый”, *букв.* “не разрезаемый на части”; *лат.* corpuscula, *букв.* “частица” (об этом см.: [Солопова 2011]).

В догматах джайнизма и ряда других религиозно-философских учений Древней Индии использовался термин *параману* (*санскр.* “самый малый, мельчайший”) со сходным значением, но и с существенными отличиями: во-первых, атомы одинаковы, тогда как параману качественно различаются, они бывают разных видов; во-вторых, атомы – косная материя, тогда как параману – живые тельца. *Парам-ану-самгхата* – сцепка нескольких параману (ср. с понятием “молекула”) [Лысенко 2016: 151-152]. Четыре первоэлемента стихии (вода, воздух, огонь, земля), в джайнизме именовавшиеся *махабхута*, а в античных учениях – *элементами*⁵⁰, недискретны, они представляют собой сплошную массу.

---

⁵⁰ *Лат.* elementum восходит к началу 2-го ряда древнеримского алфавита l-m-n [elemen], подчеркивающему первичность стихий (начало 1-го ряда abc было занято под обозначение букваря).

В древнекитайском учении о строении мира атомизм не признавался; бытовало представление о *ци* – континуальной, непрерывной первооснове материи [Кобзев 2011: 367-368] – в ряде аспектов сходное с представлением о стихиях.

В Новое время представители позитивной науки, переработав перечисленные учения, создали подлинно научные понятия о соответствующих явлениях.

Современное понятие “атом” восходит к Демокритову учению о неделимых частицах материи и к джайнистскому учению о парам-ану. При этом старинное представление о неделимости зафиксировано во внутренней форме современного английского термина *atom*. Как известно, атом оказался делимым, но внутренняя форма его названия сохранилась с тех времен, когда его считали неделимым.

Современное понятие химического элемента восходит к представлению о первостихии (*лат. elementum*) и о махабхуте. Историческая преемственность зафиксирована в современном английском термине *chemical element*. Химические элементы оказались дискретными, членимыми на атомы, но представление о них как о сплошной массе осталось во внутренней форме термина (“стихия”).

Современное понятие элементарной частицы (*англ. elementary particle*) проистекает из средневекового представления об исходных корпускулах, из которых состоит материя. Они оказались дискретными и делимыми, но внутренняя форма их названия (“элементарные”) сохраняет старое представление об их первичности и неделимости. Делим и протон, хотя это слово по-древнегречески значит “первичный”.

Нынешнее понятие химического соединения (*англ. chemical compound*) – вещества, молекула которого состоит из двух и более атомов – перекликается с древним представлением о парам-ану-самгхате – агломерате мельчайших частиц материи.

Современное учение о корпускулярно-волновой природе элементарных частиц проистекает из комбинации древних представлений о дискретной (прерывистой) и недискретной (континуальной) природе материи. Их историческая связь зафиксирована во внутренней форме термина *corpuscular-wave theory*.

Современное понятие биологической клетки (*англ. cell*), из которых состоит всё живое, близко к джайнистскому представлению о частицах параману, которые, по мысли древних, являются живыми тельцами.

Когнитивные расхождения между значениями и внутренними формами вышеперечисленных терминов сохраняются, но не мешают эффективному функционированию терминов. Это обусловлено, во-первых, частичной конвенциональностью терминов (допустимостью условного именованья), а во-вторых, инерцией коммуникативного процесса: слишком частая смена названий привела бы к снижению взаимопонимания и коммуникативным сбоям. Такова историческая преемственность языкового мышления и моделирования действительности средствами языка.

Человек **не** может достичь абсолютно полного и адекватного отражения безграничного и бесконечно разнообразного окружающего мира в силу того, что дарованные эволюцией возможности человеческого сенсорного аппарата и психики ограничены, даже если они усилены техническими устройствами. Человек может лишь создавать **модели**, которые по определению неполны и из которых неустраним человеческий фактор. Человеческие модели мира – не объективная реальность, а форма соотношения мира и человеческого сознания, специфически человеческий способ восприятия и понимания мира. Осмысливая сенсорные образы, человек моделирует то, что не поддается чувственному восприятию.

Как известно, в методологии науки одним из самых надежных критериев истины считается практика. «В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь своего мышления» [Маркс 1955б: 1]. При этом под практикой понимается «прежде всего общественно-производственная

деятельность людей» [Александров 2011: 2]. Это означает, что данный критерий носит опосредованный характер: он показывает, насколько человек овладел силами природы себе на пользу, и только через это (косвенно) – насколько соответствует действительности созданная людьми модель того или иного фрагмента мира. Например, успешное использование электроэнергии во всех сферах жизни людей опосредованно свидетельствует об истинности открытий в области электричества, которые сделали Гальвани, Фарадей, Максвелл, Вольт, Ампер, Ом и другие физики. Через смысл, понимаемый как аксиологическая значимость мира для человека, исследователи приходят к смыслу, понимаемому как система объективных закономерностей мира.

Модель есть технологическое орудие деятельности, а не непосредственная действительность, которая **не** дана в прямом восприятии. Отношение между миром и его моделью сложно; адекватность модели миру относительна и изменчива.

Это положение дел отражено в вербальном языке. Пока человек не изобрел для себя какой-то принципиально новый язык, он обречен мыслить на имеющемся вербальном языке, доставшемся ему в наследство от предков, и потому, по Сепиру и Уорфу, моделировать мир так, как предписывает язык, сквозь призму своего сенсорного восприятия, через первичную непосредственную очевидность – к более глубокому пониманию мира. Приведем ряд примеров.

Когда говорят “Hard work underlies success” (в основе успеха лежит упорный труд), при этом задействуется когнитивный паттерн: успех – это здание, которое зиждется на фундаменте (основе), и этот фундамент есть упорный труд.

Когда говорят “He fell in love” (он влюбился, букв. впал в любовь), задействуется другой когнитивный паттерн: любовь – это яма, в которую человек упал, и это случилось внезапно и помимо его воли, иначе он бы туда не упал, а спрыгнул или медленно спустился. В английской лингвокультуре в виде

ямы представляются и другие аффекты: to fall into a rage / fury / temper / melancholy (ср. рус. *он впал в ярость / неистовство / уныние / меланхолию*).

Клишированный оборот “He fell out of favour” (букв. выпал из милости, ср. рус. *впал в немилость*) активизирует еще один когнитивный паттерн: благосклонность – это подвешенный мешок или иное вместилище, в котором находится человек; но со временем мешок прорывается снизу, и человек выпадает из него. Ср. также: to fall out of love / intimacy / respect / trust, где в качестве такого «вместилища» фигурируют любовь, близость, уважение, доверие (ср. рус. *выйти из доверия*).

Когда говорят “An idea came to my mind / occurred to me” (мне пришла в голову идея), при этом задействуется очередной когнитивный паттерн: идея предстает как легкий предмет – нечто вроде пушинки, которая витает в воздухе (*англ.* the idea is in the air), а затем приходит (comes) человеку в голову или прибегает туда (occur от латинского глагола obcurrere “прибегать”).

Когда говорят “I am inspired by the idea” (я вдохновлен идеей < *лат.* inspirāre “вдунуть”), активизируется еще один когнитивный паттерн: кто-то (возможно, Бог) вдохнул в рот человека легкий порхающий предмет – идею; ср. the divinely inspired book “боговдохновенная книга” (Библия).

Весьма значительная часть абстрактного мышления людей базируется на предметно-наглядном когнитивном субстрате, который хорошо охарактеризован в следующем тезисе: «Жизненный мир является пространственно-временным миром вещей, воспринимаемым до и вне всякой науки. Он кажется несомненным и вызывает доверие. Он не требует никаких дополнительных обоснований, по отношению к нему только и оправдана естественная установка. Естественная установка остается нерелефлексивной и подтверждает саму себя путем постоянного повторения одного и того же. Под **повседневным жизненным миром** понимается та область реальности, которая свойственна в качестве **простой данности** бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем всё, что переживаем как несомненное» [Марков 2008: 97].

С тех пор как 6 – 7 миллионов лет назад предки человека стали прямоходящими, гомо обрел ту простую данность, которая доступна ему и поныне. Видя окружающий мир с высоты своего роста и в соответствующем ракурсе, люди долгое время считали открывающуюся им визуальную картину объективным строением мира: земля плоская, имеет форму круга, существует край земного круга, солнце восходит и заходит, небо представляет собой твердый купол, на него можно взобраться по Вавилонской башне или по лестнице Иакова, на горизонте небосклон смыкается с землей и т.д.

Люди веками не осознавали, что эта картина не объективна, что она определяется особенностями человеческого зрения, а также углом зрения, под которым человек смотрит на мир с высоты своего роста и в своем ракурсе. Этот угол зрения на мир закрепился в языке (*англ.* the vault of Heaven “небосклон”, the Firmament “небесная твердь”, horizon от *древнегреч.* horizein “отделять, служить границей <неба и земли>”, the Land’s End “край земли” и мн. др.). Лишь в эпоху научно-технической революции представления о строении мироздания стали радикально меняться, но древний когнитивный субстрат по-прежнему прочно укреплен в языке; он до сих пор влияет на языковое мышление, даже просвещенное и цивилизованное.

Выражая свои мысли, люди обычно не задумываются над изначальной простой данностью, но она объективно присутствует в языковом мышлении, и человеческая мысль следует ей. Думать, не опираясь на предметно-наглядные когнитивные паттерны, было бы весьма трудно и неудобно. Удобно говорить “The sun rises / sets” (солнце встаёт / садится), пользуясь древним когнитивным паттерном, хотя ныне все цивилизованные люди знают, что на самом деле Солнце не «встаёт» над Землей и не «закатывается» за ее край.

На самом деле геолокационная точка, в которой находится наблюдатель, в процессе вращения вокруг земной оси пересекает линию терминатора и попадает в зону солнечного излучения, а впоследствии покидает ее. Но совершенно немислимо, чтобы в бытовой обстановке кто-нибудь сказал: «Вставай, красавица, проснись! Точка геолокации уже пересекла линию

терминатора ...» В быту люди видят и моделируют мир не с позиций астрономии и прочих естественных и точных наук, а на основе простой очевидности, и мыслят главным образом в рамках обыденного, а не научно-ориентированного сознания.

«Простая очевидность» лежит в основе не только житейско-обыденного, но и мифопоэтического языкового мышления, что подтверждается множеством примеров. Приведем один из них:

Я заплакал, и месяц-заморыш

Усмехнулся в ночи смоляной (Анищенко 2008).

Визуальный образ, созданный поэтом, предполагает, что месяц расположен не где-то в космической дали почти в полумиллионе километров от Земли, а в пределах описываемой ситуации, невысоко над тем местом, где плачет лирический герой стихотворения. Более того, месяц лицезреет героя и реагирует на его плач, являясь, таким образом, участником этих событий. Аналогичным образом, в «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя месяц, словно фонарь, висит прямо над хутором, но чёрт, подпрыгнув, крадёт месяц, и хутор погружается во тьму. В таких случаях термин *картина мира* следует понимать почти буквально: субъект видит мир как картину.

Таким образом, участок пространства, находящийся в пределах видимости наблюдателя и предстающий под его углом зрения, становится моделью мира, которую наивное сознание принимает за объективную реальность. Этот пространственный формат является одним из основных архетипических когнитивных паттернов человеческого сознания. Он зафиксирован в языках мира.

В частности, наша галактика на разных языках именуется Млечным путем, Чумацким шляхом, а также (в переводе на русский язык) Лыжной колеёй, Зимником (санной дорогой), Серебряной рекой, Рекой света и другими подобными образными средствами. Во всех перечисленных случаях в семантике названий наличествуют семы “светлый” и “путь”. Это объяснимо: в рамках «простой очевидности» галактика видится невооруженным глазом

именно как светящаяся дорога, а не как спираль, каковой она является в действительности.

«Вытравить» древние сенсорно-наглядные когнитивные паттерны из абстрактного языкового мышления практически невозможно, да в этом и нет нужды – ведь эти паттерны представляют собой фундаментальные средства, с помощью которых человек моделирует мир. Они удобны в повседневной коммуникации и потому целесообразны в рамках обыденного мышления.

Как было показано выше, иногда их использование оказывается конструктивным и в рамках научного мышления: сущностные связи и отношения в визуально не воспринимаемых объектах анализа моделируются с помощью визуальных образов и схем. Это возможно благодаря тому, что аналогия может проводиться между объектами любой онтологической природы.

Важно выявить характер соотношения между древними и современными представлениями о действительности, установить корреляцию между прежней и нынешней картинами мира. Современный цивилизованный человек воспринимает и осмысливает одни и те же явления мира двояко – в рамках житейско-бытовых представлений и в рамках сциентистских представлений.

§7. Культурные скрипты как часть когнитивного субстрата

Среди когнитивных паттернов следует особо выделить культурные скрипты. Помимо названия *скрипт* (Р. Шенк, Р. Абельсон и др.), они носят и иные названия:

схема представления повседневного опыта (И. Гофман и др.),
культурно обусловленный сценарий (А. Вежбицкая и др.),
конфигурация организации памяти (У.Л. Чейф и др.),
лингвистический геитальт (Дж. Лакофф и др.),
динамический фрейм (М. Минский и др.),
культурный сценарий (М. Коул и др.),
жизненный сценарий (Э. Берн и др.).

Некоторые скрипты – “Противоборство”, “Торговля”, “Война” – кратко охарактеризованы нами в предыдущих разделах. В этом разделе обобщаются представления о культурных скриптах в свете поставленных в нашей диссертации задач.

Под разными названиями культурные скрипты описывались в трудах Дж. Лакоффа [1981], У.Л. Чейфа [1983], Ч. Филлмора [1983; 1988], А. Вежбицкой [2005], В.И. Карасика [2002; 2007], М. Минского [2010], Н.Н. Болдырева [2016] и ряда других ученых. В этих трудах приведены определения данного понятия, сформулированные в зависимости от точки зрения на объект.

Мы рассматриваем культурные скрипты с точки зрения их участия в языковом мышлении вообще и мышлении носителей английской лингвокультуры в частности. Культурный скрипт определяется нами как вид когнитивного паттерна, который отражает ролевую структуру ситуации или совокупности взаимосвязанных ситуаций (сферы деятельности), типичной для данной этнокультуры.

Некоторые культурные скрипты носят прецедентный характер, выступая в качестве моделей и одновременно символов ролевой структуры целых классов ситуаций. Например, в английской лингвокультуре (как и в ряде других) культурный скрипт “Шахматная игра” моделирует и символизирует обширный класс ситуаций, относящихся к тематическим областям конфликта, противостояния, состязания, стратегии и тактики ведения борьбы.

С помощью этого скрипта моделируются фазы противоборства, его участники, их ролевое соотношение, применяемые способы и приемы борьбы. Такие элементы данного скрипта, как пешка (pawn), ладья (rook, castle), тяжелая / легкая фигура (heavy / light piece), ход конем (knighting), вилка (forking), рокировка (castling), гамбит (gambit), цейтнот (zeitnot), цугцванг (zugzwang), шах (check), мат (mate), пат (stalemate), эндшпиль (endgame) и др., символизируют соответствующие элементы обозначаемой ситуации. Ниже приводится ряд примеров (источник: Sentence Examples 2011) из разных тематических областей. Продемонстрируем, в каких тематических областях

используется образ пешки (pawn), символизирующий подчиненность, манипулируемость, незначительность исполняемой роли.

Классовая борьба:

The labourer is, in fact, merely an instrument in the hands of the capitalist, **a pawn** in the game he plays (Трудящийся является, по существу, орудием в руках капиталиста, пешкой в его игре).

Дипломатия:

... the brothers escaped to England, where Elizabeth used them as **pawns** in the large-scale diplomatic game (... братья бежали в Англию, где Елизавета использовала их как пешки в крупномасштабной дипломатической игре).

Война:

The Commander used his soldiers as disposable **pawns** in the battle, which led to heavy casualties (Командир использовал солдат как расходуемые пешки в сражении, что привело к тяжелым потерям).

Конкуренция в сфере бизнеса:

I must say your firm was a mere **pawn** in the big business game (Должен сказать, ваша фирма – это просто пешка в играх большого бизнеса).

Распределение ролей в иерархической структуре учреждения:

A clerk in the office is only a **pawn** in the Company's activities (Канторский клерк – всего лишь пешка в деятельности компании).

Противоборство добра и зла в сфере морали:

Throughout time, man has been an unwilling **pawn** in the battle between heaven and hell (На протяжении всей истории человек был безвольной пешкой в битве рая и ада).

Противостояние в сфере межличностных отношений:

A) He had loved her for so long, until he realized even he was **a pawn** in her games. (Он долго был влюблен в нее, пока не осознал, что даже он был пешкой в ее играх).

B) Don't ever use your children as **pawns** in family quarrels (Никогда не используйте своих детей как пешки в семейных ссорах).

C) Vicki becomes another **pawn** in the game between the brothers while Elena struggles (Вики становится очередной пешкой в игре братьев, а Елена ведет борьбу).

Другие элементы скрипта “Шахматная игра” тоже применяются для символической репрезентации различных тематических областей, объединенных тем, что в них имеется противоборство. Приведем примеры (источник: Your Dictionary 2014).

Политическое и военное противостояние на мировой арене:

A) Kennedy and Khrushchov came to a nuclear **stalemate** in the Caribbean crisis (Кеннеди и Хрущев пришли к атомному пату в Карибском кризисе).

B) June 19th. Kim Jong Un’s nuclear **gambit** – a missile sent too far? (19 июня. Ядерный гамбит Ким Чен Ына – ракета, запущенная слишком далеко?)

C) China has become one of the **heaviest pieces** on the world chessboard (Китай стал одной из самых тяжелых фигур на мировой шахматной доске).

Борьба политических группировок: In the papal states a society called the Sanfedisti was formed **to checkmate** the Carbonari. (В католических странах было создано общество поборников Святой веры, призванное поставить шах и мат карбонариям).

Кадровая политика: The President-Premier **castling** has become a talk of the boroughs in the world community (Рокировка президента и премьера стала притчей во языцех в мировом сообществе).

Война: Yet these devices held the key to new battlefield tactics, which could have broken the **stalemate** of trench warfare (И всё же эти вооружения легли в основу новой боевой тактики, которая могла преодолеть пат окопной войны).

Поскольку каждый элемент скрипта занимает строго определенное место в его общей структуре, он активизирует в сознании весь скрипт. Таким образом, борьба общественных классов, дипломатия, война, конкуренция, противостояние добра и зла, политические / бытовые интриги и вообще всякая конфронтация мыслятся как шахматная игра со всеми ее участниками и перипетиями. Структура прецедентного скрипта становится когнитивным

субстратом обозначаемой ситуации, способствуя ее осмыслению. Культурные скрипты функционируют как инструмент языкового мышления и моделирования мира. В частности, говоря о разного рода стратегиях, люди мыслят категориями шахматной игры. В каждой этнокультуре имеется набор субстратных скриптов, с помощью которых носители культуры моделируют реальность, экстраполируя их ролевую структуру на множество предметных областей. Люди осмысливают мир в терминах этих скриптов. Что же входит в их круг?

Исследования в области глоттохронологии ([Сводеш 1999] и др.) и сопоставительной этимологии ([Маковский 2007] и др.) показали, что древнейшие слова языков мира обозначали следующее (см. список Сводеша в работе [Kassian 2010]): осадки, части тела, ночь и день, родственников, некоторые растения, некоторых животных, примитивные орудия труда, стихии, простейшие трудовые операции (типа “гнуть” и “резать”), то есть то, что составляло ближайшее окружение древнейшего человека и с чем он непосредственно имел дело. В последующие времена, по мере эволюции разума, в течение веков и тысячелетий человек расширял свой кругозор и включал в свое поле зрения всё более дальние области бытия. Его когнитивный горизонт расширялся. Но первичные, самые ранние представления оставались ядром его картины мира, служа образцом (прототипом) для моделирования периферии.

Ближе всего к субъекту находится его материальная оболочка – тело. Взяв тело за образец, человек моделировал многое в окружающем мире. Приведем примеры.

- В индуизме Вселенная представлена как тело огромного первочеловека по имени Пу́руша <санскр. (1) “человек, мужчина”; (2) “весь мир”.

- В Ригведе и ряде других индийских религиозных доктрин сотворение мира мыслится как соитие верховного бога с верховной богиней, а женское лоно – как источник всего сущего. Соответственно, рожденный мир мыслится как человек.

- Греческий Уран (небо) и Гея (земля), вступив в брачный союз, родили мир.

- В славянской мифологии бог Ярило (Солнце) – это отец, а богиня Сыра Земля – мать всего сущего.

- В древнекитайских верованиях в основе мира лежит половой диморфизм – женское начало инь и мужское начало ян, взаимодействие которых обуславливает рождение и развитие мира.

- Во многих языческих культурах гора (фаллический символ) представляет мужское начало, а пещера – женское.

- В египетской мифологии Солнце – это глаз бога Ра, а в кельтской мифологии звезды – это очи небожителей, смотрящих с неба на землю.

Явления природы персонифицировались; в целом природа осмысливалась по образцу устройства человеческого тела и человеческого сообщества. Так, молнии мыслились как огненные стрелы бога, гром – как удары молота бога по земле, снег – как перья гусей, которых ощипывает небесная Мать, ветер – как дуновение, исходящее из уст бога, и т.д. Богам приписывались человеческие черты характера – такие, как алчность, ревность, жажда лести и мстительность: чтобы получить от богов блага и избежать их кары, нужно было приносить им жертвы и восхвалять их.

Коротко говоря, взгляд человека на мир изначально был антропоморфным. Человек мысленно расширил самого себя, свой племенной коллектив и свое хозяйство до известных ему границ мира. Люди не могли вообразить никакие иные разумные существа, кроме человекоподобных, а также тотемических, которым приписывались человеческие свойства. (То же относится к современным представлениям об инопланетянах как о «зеленых человечках».) По архетипическому канону, боги – это «слепок» с людей, а мир – «слепок» с человекоподобных богов.

В.В. Вересаев писал: «До чего убога человеческая фантазия! Везде религии изображают бога или богов в виде людей, или животных, или в их комбинации. Почему не сумели создать чего-то прекрасного, великого,

одухотворенного, живого – и ничем не напоминающего живущие существа? Гениальнейший художник мог бы на этой задаче сойти с ума» [Вересаев 2012: Глава VIII].

Мы не разделяем этого мнения. Мировая мифология не убога; напротив, она демонстрирует буйство красок воображения. Антропоморфность богов вызвана не бедностью вымысла, а тем обстоятельством, что с богами нужен душевный контакт; в противном случае их невозможно было бы любить, восхищаться ими, поклоняться им и охотно следовать их заветам.

Душевный контакт возможен лишь с себе подобными. Боги – внешняя проекция духовного мира людей; поэтому-то богов и представляли в виде людей. Даже когда богом считалось, например, Солнце, его воображали и изображали не как светящийся диск, а как красивого, благородного вида мужчину – Гелиоса / Феба, сына Гипериона и Тейи, ежедневно совершающего свой путь по небу на квадриге.

Некоторые боги (древнеегипетский Анубис и др.) были гибридами человека и животного: ведь биологически человек – часть природы и близкая родня высших животных. Но существа, онтологически очень далекие от людей, не могут претендовать на роль человеческих богов.

С. Лем в своих философских романах, посвященных контакту людей с глубоко чуждым вземным разумом («Солярис», «Фиаско», «Эдем», «Непобедимый»), показал колоссальную трудность, почти невозможность взаимопонимания. Не случайно мыслящий океан, стремясь к контакту с людьми, не придумал ничего лучшего, чем предъявлять им нейтринные копии их же собственных родственников, друзей и знакомых. «Человеку нужен – человек», – сказал персонаж романа «Солярис».

Другие писатели-фантасты, а также уфологи, описывая контакт людей с инопланетянами, делают пришельцев человекоподобными, ограничиваясь лишь их минимальными отличиями от человека – зеленым цветом кожи, малым ростом, большой головой и т.п. При этом обязательно наличие лица и глаз –

зеркала души; только лицом к лицу можно ощутить, что ты находишься в душевном контакте.

Поскольку человек есть мера всех вещей, «прекрасным, великим, одухотворенным» в глазах людей принципиально **не** может быть какой-нибудь инопланетный слизень, который, по В.В. Вересаеву, «ничем не напоминает живущие «на Земле» существа». Критерии одухотворенности антропоморфны. Поэтому в романе С. Лема «Эдем» люди и жители далекой планеты воспринимали друг друга как уродливых монстров, а сами себя – как вполне симпатичных субъектов. У них были совершенно разные эстетические стандарты. Каждая из сторон контакта исходила из своего стандарта, в который вписывались они сами, но не вписывались чужаки.

Повторим: древний человек создавал модель мира по образу и подобию себя и своего ближайшего окружения. Это и были первые когнитивные паттерны.

Какие когнитивные паттерны составляют фундамент картины мира в настоящее время? По Л.Н. Гумилеву [2015; 2016], менталитет этноса формируется под влиянием специфики природной среды его обитания (особенно первоначального), основных способов хозяйствования, исторической судьбы, контактов с соседними этносами. Всё это ложится в основу его картины мира, в состав которой входят базовые культурные скрипты.

Что касается английского народа, его менталитет формировался под воздействием британского климата, ландшафта, почв, определяющих тип растительности и выбор сельхозкультур, а также под влиянием островного положения Британии, обусловившего развитие рыболовецкого промысла, морского флота и навигации, что в свое время привело к географическим открытиям, расширению международной морской торговли и колонизации земель на всех континентах. На этой основе у англичан сформировался национальный характер, в котором заметную роль играет дух преодоления, достижения; в концептосфере английского народа ключевыми стали концепты “enterprise”, “endeavour”, “superiority” (дерзание, целеустремленность,

превосходство). Это привело к тому, что в лингвокультурах, входящих в англосферу, приоритетными стали скрипты “Навигация”, “Коммерция”, “Завоевание”, “Состязание”, “Игра (спортивная, азартная, театральная)”. Они обрели статус прецедентных, и ныне многие сферы политической, общественной, культурной жизни и быта англичан осмысливаются в категориях вышеперечисленных скриптов.

Другой источник пополнения арсенала базовых скриптов – культурные контакты. Вследствие того, что античная и иудео-христианская культуры легли в основу более поздней европейской культуры, в комплекс скриптов английской лингвокультуры в свое время влились сюжеты греко-римских и библейских мифов. Англосаксы по сей день широко используют эти сюжеты в качестве когнитивного субстрата своего языкового мышления. Кроме того, в этом качестве выступают памятные исторические события, сюжеты местного фольклора и классической литературы – одним словом, всё то, что составляет корни национального менталитета.

Рассмотрим один из самых обширных и разветвленных скриптов английской лингвокультуры – “Навигация”. Он представлен большим фразеологическим полем, насчитывающим свыше сотни единиц.

Поскольку навигация, а вместе с нею и соответствующее фразеологическое поле формировались в основном в прежние века, в состав этого поля входят главным образом такие единицы, у которых образная основа отражает реалии **парусной** навигации (исключение: *to put on / let off steam*, букв. “пустить / выпустить пар”, *перен.* “повысить / снизить интенсивность деятельности”). Образные основы отдельных фразеологизмов в совокупности образуют общую образную основу поля, отражающую все основные сцены, составляющие культурный скрипт “Навигация”.

Навигация является **деятельностью**; ей присущи все элементы деятельности – деятель, орудие, объект воздействия, адресат, хронотоп, мотив, цель, задачи, планы, способы осуществления деятельности, возникающие по ходу дела препятствия и конфликты, доминирование, подчинение,

сопротивление, смена планов, ошибки, достижение цели, успех, провалы, конкурентная борьба и др. Это позволяет данному скрипту служить образцом (моделью) и в то же время символом разнообразных видов деятельности, с которыми он состоит в гомоморфном отношении. Навигация символизирует продвижение в каком-либо деле, развитие, прогресс, открытие нового.

То, что в английской лингвокультуре навигация символизирует разного рода деятельность, ее фазы и перипетии, подтверждается составом соответствующего фразеологического поля:

фразеологизмы	их образные основы	их значения
to hoist sail	поднять парус	взяться за дело, приступить к деятельности
to make full sail	идти на всех парусах	осуществлять деятельность в полную силу
to sail right through	проплыть насквозь	справиться с делом без помех, гладко
to gain the wind plain sailing ⁵¹	поймать ветер	захватить инициативу в деятельности
to take the wind out of smb.'s sails	простое плавание	несложная, легко выполняемая деятельность
to sail with the wind	перехватить ветер из чьих-либо парусов	перехватить у кого-либо инициативу в деятельности
to sail against the wind	плыть по ветру	действовать сообразно общей тенденции
to hang in the wind	плыть против ветра	действовать наперекор общей тенденции
to put on steam	удерживать ветер	осуществлять деятельность правильно
to let off steam	поддать пару	повысить интенсивность деятельности
to crack on knots ⁵²	выпустить пар	снизить интенсивность деятельности
to reef the sails in	добавить узлов	ускорить деятельность
to be (riding) on the crest of the wave	зарифить паруса	свернуть или сократить деятельность
to sail close to the wind ⁵³	быть / плыть на гребне волны	достичь наивысшего успеха в своей деятельности
to run a tight ship / a loose ship ⁵⁴	идти в крутой бейдевинд	осуществлять деятельность на грани дозволенного
to be at the helm	туго / свободно	
under false colours	натягивать канаты	

⁵¹ Plain – ошибочно употребляемый омофон слова plane “плоскость”. Термином plane sailing обозначалось пролагание маршрута по локсодромии, т.е. исходя из представления о плоской Земле; это было гораздо проще, чем пролагать маршрут исходя из представления о шарообразной Земле.

⁵² Knot (узел) – единица измерения скорости движения корабля.

⁵³ То есть плыть насколько возможно против ветра.

⁵⁴ Tight / loose ship букв. “судно с туго / слабо натянутой оснасткой”.

to rock the boat to be in smooth waters to be in low waters to be between the devil and the deep blue sea ⁵⁵ to go by the board to abandon ship down in the doldrums to haul down colours to nail one's colours to the mast ⁵⁶ a shot across the bow to know the ropes all hands on deck to cast the anchor to weigh anchor	стоять за штурвалом под чужим флагом раскачивать лодку плыть в тихих водах сесть на мель быть между чёртом и морской пучиной упасть за борт покинуть корабль попасть в штиль спустить флаг прибить флаг к мачте корабля выстрел перед носом знать такелаж свистать всех наверх бросить якорь поднять якорь	осуществлять авторитарное / либеральное руководство деятельностью организации осуществлять общее руководство делами скрывать истинные цели деятельности нарушать нормальный ритм деятельности пребывать в благоприятных обстоятельствах оказаться в трудном положении находиться меж двух опасностей (ср. рус. <i>меж двух огней, между Сциллой и Харибдой</i>) потерпеть полный крах, фиаско дезертировать (ср. рус. <i>как крыса с корабля</i>) вынужденно бездействовать сдаться, прекратить борьбу упорно продолжать деятельность / борьбу, не сдаваться предостережение, угроза разбираться в деле призыв к мобилизации всех сил оставить активную деятельность возобновить активную деятельность
--	--	---

Как видим, культурный скрипт «Навигация» отражает самые разнообразные условия, фазы и перипетии деятельности. В словарных толкованиях этих фразеологизмов приводятся их абстрактные значения – вернее, не столько значения, сколько «правила содержательного варьирования» [Никитин 1979: 100]. Это варьирование происходит в конкретных контекстах, демонстрирующих, какие именно виды деятельности моделируются и символизируются с помощью английских «навигационных» фразеологизмов (*англ. nautical idioms*). Приведем ряд примеров.

Сфера бизнеса:

⁵⁵ Devil (*мор. жарг.*) – первоначально самый длинный шов в днище, наиболее подверженный протеканию. Но позднее в составе этого фразеологизма лексема devil подверглась буквализации.

⁵⁶ Английские военные моряки прибавляли флаг к мачте в знак отказа от капитуляции.

A) He's *sailing near the wind*, with those large contracts that he makes (J. Galsworthy. *Caravan. The Silence*) – Он лавирует против ветра с этими крупными контрактами.

B) I don't mean that he is exactly a crook, but he *sails pretty near the wind* (A. Christie. *Hercule Poirot's Christmas. Part III. Chapter XV*)– Не стану утверждать, что он прямо- таки жулик, но он опасно лавирует против ветра.

C) Bridger: What is it like working at "Maritime Adventures"? – Ну и как оно – работать в «Мэритайм Эдвенчерз»? – Christina: They *run a tight ship*, so no cell phones on the job, and you'll need to clock out if you take a coffee break. But it's good pay – У них в фирме флотский порядок: никаких мобильных телефонов на работе, и они вычитают кофе-брейки из рабочего времени. Но платят хорошо (Nautical Idioms 2011).

D) Fred: Have you heard what people have been saying about Watson & Crick? Apparently, they're getting ready to declare bankruptcy? – Ты не слышал, что говорят люди о компании «Уотсон и Крик»? Будет она объявлять банкротство? – Matt: I've heard the same rumors. I wouldn't be surprised if we start seeing people *abandoning ship* – Ходят такие слухи. Не удивлюсь, если все побегут, как крысы с корабля (Nautical Idioms 2011).

Финансово-банковская сфера:

A) The problem at your company is that you *don't have anyone at the helm*. The CEO is on maternity leave, and the VPs are all vying for influence. No one is really in charge of day-to-day banking operations – Проблема вашей компании в том, что у вас никто не стоит у руля. Директриса – в отпуске по уходу за ребенком, а заместители все передрались за влияние. Никто по-настоящему не отвечает за текущие банковские операции (Nautical Idioms 2011).

B) He realized that ... he *was sailing rather close to the wind* financially (Th. Dreiser. *The Financier. Chapter LXXI*) – Он осознал, что ... он опасно лавирует против ветра.

C) Those banks that do not resume speedily *will go by the board* (Gettysburg Republican Compiler 1987) – Те банки, которые не возобновят работу как можно скорее, окажутся за бортом.

D) Minor banks *are now between the devil of raider takovers and the deep blue sea* of the global crisis (US News and World Report 1966) – Мелкие банки ныне находятся между Сциллой рейдерских захватов и Харибдой глобального кризиса.

Сфера политики:

A) In the Thatcher years, the young MP *nailed his colours to Mrs T's mast* more firmly than most (Guardian 2018) – В годы правления Тэтчер этот молодой член парламента прибил свой флаг к мачте ее корабля более решительно, чем другие.

B) *She's sailing under false colors* – she claims to be a Republican, but endorses Democratic legislation (New York Times 2019) – Она плавает под чужим флагом – объявляет себя сторонницей республиканцев, а на деле поддерживает законы демократов.

C) Zelda: The Queen will arrive in three hours! – Королева прибудет через три часа!

Rufus: *All hands on deck, everyone! We've got a lot to do!* – Свистать всех наверх! У нас полно дел! (Nautical Idioms 2011).

D) When the situation in Central Europe becomes threatening in the eyes of the public, when press and official telegrams point to an immediate danger, the US government *will fire the third warning shot across the bows* – Когда ситуация в Центральной Европе станет угрожающей в глазах общественности, когда пресса и официальные коммюнике станут указывать на непосредственную опасность, тогда Правительство США сделает предупредительный выстрел (The Fresno Bee Republican 1983).

Сфера юриспруденции:

A) Entitled, "*Nailing Our Colours to the Mast*" the article began with this sentence: I know that I *am sailing against the wind* to try get this unpopular law passed (The

Phrase Finder 2019) – Статья, озаглавленная «Прибьем наш флаг к мачте», начиналась словами: «Я знаю, что плыву против ветра, пытаюсь провести в жизнь этот непопулярный закон».

B) The attorney *took the wind out of the prosecutor's sails* (Nautical Idioms 2011) – букв. Защитник украл ветер из парусов обвинителя.

C) *Don't haul down your colours!* You still have a chance to be acquitted, so cheer up and fight (Nautical Idioms 2011) – Не спускайте флаг! Вы всё еще имеете шансы на оправдание, так что мужайтесь и продолжайте борьбу.

D) The defendant seems *to be on the rocks* after the new evidence against him has been produced at court (Phrase and Idioms 2019) – Обвиняемый, похоже, сел на мель после того, как в суде против него были выдвинуты новые свидетельства.

Сфера образования:

A) Willetts is making clear <...> that he *is nailing his colours to the widening participation mast* (Nautical Slang in Common Usage 2019) – букв. Уиллетс ясно дает понять, <...> что он прибивает свой флаг к мачте расширения участия.

B) It'll take you about a month *to learn the ropes* around here, so don't be afraid to ask questions (The Phrase Finder 2019) – Вам потребуется около месяца, чтобы освоиться с обстановкой (букв. “изучить такелаж”), так что не стесняйтесь задавать вопросы.

C) The lecture course was challenging, but to our surprise the final test turned out *to be plain sailing* (Nautical Idioms 2011) – Лекционный курс был трудным, но, к нашему удивлению, выпускной тест оказался простым (букв. “легким плаванием”).

D) I am feeling a bit *down in the doldrums* on University vacation, having nothing to keep myself busy (Nautical Idioms 2011) – На каникулах я ощущаю, что попал в штиль – заняться нечем.

Сфера связей с общественностью и межличностных отношений:

A) The band *are riding on the crest of a wave* with the success of their new single (Collins Cobuild English Dictionary) – Оркестр сейчас находится на гребне волны успеха своего нового сингла.

B) Marianne: Have you thought about seeing a marriage counselor? – А не обратиться ли тебе к юристу по бракоразводным делам? Camilla: Honestly, I'd love to, but I don't want *to rock the boat* ... I don't want to cause any problems (Nautical Idioms 2011) – Честно говоря, надо бы, но я не хочу раскачивать лодку и создавать проблемы.

C) He needs to be very careful about the people he mixes with, he is in danger of *getting himself into deep water* with that gang of lads (Nautical Idioms 2011) – Ему следует быть осторожнее с теми парнями, с которыми он связался, а то попадет в какую-ни-будь передрагу (букв. “пойдет на дно”).

D) It's astonishing how few words are needed *to take the wind out of a bully's sails* (Sun- day Times 2009) – Удивительно, как мало нужно, чтобы осадить хама (букв. “забрать ветер из парусов”).

Помимо перечисленных, с помощью культурного скрипта “Навигация” моделируются и другие сферы деятельности в рамках английской культуры.

Более того, с помощью этого культурного скрипта моделируется не только деятельность, но и душевные **состояния**. Например, фразеологизм *to be / feel down in the doldrums* (букв. “попасть в штиль”), приводившийся выше в значении “вынужденно бездействовать”, имеет также значение “пребывать в состоянии уныния”:

My girlfriend has been in the doldrums these past couple of days and nothing I do seems to cheer her up (Phrases and Idioms 2019) – Моя подружка в последние дни хандрит, и мне никак не удается ее развеселить.

Кроме того, когда речь идет о бизнесе, этот оборот означает “пребывать в упадке, в состоянии стагнации”:

By the end of the XX Century, commodity prices *were in the doldrums*, mainly because of sluggish demand growth in relation to supply (Reverso Context 2019) – К концу XX века цены на товары оказались замороженными (букв. “попали в штиль”) – в основном из-за вялого роста спроса по сравнению с предложением.

Фразеологизмы *to be a sheet / two sheets / three sheets in the wind* означают, соответственно, “быть слегка навеселе” (небольшая степень опьянения), “быть

выпивши” (средняя степень), “быть в стельку пьяным” (высокая степень опьянения)⁵⁷.

Приведем примеры речевого употребления этих фразеологизмов:

We were all *a sheet in the wind* coming out of the bar, so I knew it wasn't a good idea for anyone to drive – Выходя из бара, мы все были навеселе, так что никому из нас не следовало садиться за руль.

Jeff's friends took him to every bar in town until he *was two sheets in the wind*. – Дружки Джеффа водили его по всем барам в городе, пока он не набрался основательно.

Margo *was three sheets in the wind* by the time we made it to Doug's party (Urban Dictionary Top Definition 2008) – К тому моменту, когда мы отправились на вечеринку к Дагу, Марго была уже пьяна в стельку.

Фразеологизм *to be dead in the water* буквально обозначает плачевное состояние затонувшего корабля, а в переносном смысле – состояние полного краха:

A proposed shopping centre for Port Angeles appears *to be dead in the water* at present, due to the inability to purchase needed property to renovate the business (Port Angeles Evening News 1966) – Проект торгового центра с треском провалился (букв. “затонул”) из-за невозможности закупить оборудование, нужное для обновления бизнеса.

Фразеологизм *to be packed to the gunwales* в буквальном смысле обозначает полную загрузку корабля до самого фальшборта, а в фигуральном смысле – всякую наполненность до отказа:

A popular East Side bar *was packed to the gunwales* with arch young bankers and panicky pathetic girls (New York Magazine 1969) – Популярный бар в Ист-Сайде был битком набит развязными молодыми банкирами и суматошными, жалкого вида девицами.

---

⁵⁷ Sheet (мор.) – канат, крепящий угол паруса к мачте. Если он отвязался, то угол паруса полощется на ветру, и корабль начинает «рыскать», отклоняясь от прямого курса. Если отвязываются сразу два, а тем более три каната, корабль «рыскает» еще сильнее. Это напоминает походку пьяного человека.

The Fleet's In ... *is loaded to the gunwales* with the funniest, friskiest entertainment (New York Magazine 1969) – «Ночной клуб» «На флоте» ... до краев полон забавными, игривыми развлечениями.

His site *is packed to the gunwales* with useful articles and information that's bound to in- spire you (Writer's Resources 2016) – Его сайт до отказа до отказа наполнен полезными статьями и сведениями, которые вас вдохновят.

Число такого рода примеров можно множить, но и приведенных достаточно, чтобы показать, в сколь большой мере языковое мышление носителей английской лингвокультуры «движется по маршрутам» скрипта «Навигация». Англосаксы, при рожденные мореходы, в немалой степени видят мир сквозь призму этого скрипта. В символическом смысле сама жизнь для них – морское путешествие. Им душевно близки крылатые слова Гнея Помпея: “*Navigāre necesse est; vivĕre non est necesse*” (Плывать по морю обязательно; жить необязательно) и Германа Мелвилла: “*Life is a voyage that's homeward bound*” (Жизнь – это плавание курсом на родной дом).

В завершение этого раздела мы считаем необходимым упомянуть культурные скрипты, заимствованные британцами из других лингвокультур. С «родными» культурными скриптами, возникшими на почве британской природы и культуры, дело обстоит ясно: привычность обусловила очевидность и тривиальность таких скриптов, воспринимающихся как нечто натуральное и неизбежное. Они символизируются в сознании английского народа совершенно естественным путем.

Сложнее обстоит дело с **заимствованными** культурными скриптами, прежде всего библейскими. Тексты Священного Писания Ветхого и Нового Завета насыщены символикой, основанной на реалиях восточного Средиземноморья – таких, как виноградники, каменистая пустыня, фи́га (инжир), смоковница, ливанский кедр, терпентин, мандрагора, акриды (саранча), бегемот, барс (леопард), верблюд, аспид (египетская кобра) и многое другое. Для жителей Леванта это естественная среда обитания, что и обусловило ее выбор в качестве когнитивного субстрата их мышления (по Р.

Барту, национально-культурная символика обычно основывается на образах, «настолько расхожих, что мы принимаем их за природные данности» [Барт 1989: 455]). Но для европейцев это экзотика. По логике вещей, она должна быть эмоционально чужда им и лишена эмотивно-аксиологических коннотаций.

Но фактически дело обстоит не так. С течением тысячелетий господства христианской веры народы Европы приняли душой библейскую систему символических образов, и в настоящее время культурные скрипты Священного Писания Ветхого и Нового Завета составляют неотъемлемую часть когнитивного субстрата европейского языкового мышления несмотря на то, что при этом порой нарушается логика здравого смысла. Приведем пример такого нарушения.

В эпоху язычества германо-скандинавские народы воображали рай (*древненорвежск.* Valhöll от valr “павших” + höll “замок”) в виде **теплого** чертога, согреваемого кострами из ветвей священного ясеня Иггдрасиля. Представление о блаженстве как о тепле было естественным для тех, кто на себе испытывал зимние морозы. Но христианство принесло с собой представление о рае земном как о **прохладном** саде (оазисе) посреди жаркой пустыни: *шведск., норвежск., нем., англ.* Eden от *ивр.* edn (1) “сад”; (2) “благодать” (ср. рус. *Эдем*).

Мысль о блаженстве как о прохладе характерна для жителей знойного юга; тем не менее, северяне, приняв христианство, стали представлять себе рай таким, каким он виделся южанам. Это свидетельствует о некоторой условности средств символического моделирования и изображения действительности.

Демонстрируя субстратный характер библейских сюжетов, обратимся к заглавиям англоязычных художественных произведений – заглавиям, которые представляют собой цитаты из книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета.

Как известно, заглавие занимает сильную позицию в художественном тексте; оно содержит квинтэссенцию его идейного смысла и моделирует его содержание. Чтобы эта функция заглавия успешно выполнялась, от читателей

требуется знание прецедентного текста, а кроме того, умение соотнести структуру прецедентного и озаглавленного текстов, приходящее с «опытом предшествующего чтения и созданными навыками проникновения в текст» (формулировка И.В. Арнольд [2002: 25]).

Например, чтобы понять смысл заглавия рассказа О. Генри «Дары волхвов» (*англ.* “The Gifts of the Magi”), реципиент должен быть знаком с евангельским рассказом о том, как волхвы явились в Вифлеем, совершили ритуальное поклонение Младенцу Христу и преподнесли Ему святыне дары. Лишь тогда реципиент сможет установить соотнесенность этого заглавия с текстом рассказа, выявить отношение автора к героям и событиям и в целом понять идею произведения. По-видимому, писатель рассчитывал на то, что читательская аудитория знакома с прецедентным скриптом (Матфей 2: 1 – 11) и что, говоря современным языком, этот скрипт входит в когнитивный субстрат языкового мышления читателей из христианских стран. Вышеприведенный тезис подтверждается и другими заглавиями, которые являются цитатами из Священного Писания и аллюзиями к его текстам:

авторы	заглавия-цитаты	переводы	источники
A. Dean	Lucifer Son of the	Люцифер, Сын зари	Исаия 14: 12
J. Graham	Morning	Гнев Божий	Иеремия 50: 12
J. Steinbeck	The Wrath of God	Гроздь гнева	Откровение 14:
J. Steinbeck	The Grapes of Wrath	К востоку от рая	18
E. Hemingway	East of Eden	И восходит солнце	Бытие 4: 16
Hemingway	The Sun Also Rises	Авессалом,	Екклесиаст 1: 5
W. Faulkner	Absalom, Absalom!	Авессалом!	2 Царств 13: 29
W. Faulkner	Go Down, Moses	Ступай, Моисей	Исход 8: 1
C. Simak	All Flesh Is Grass	Всякая плоть – трава	Исаия 40: 6
A. Christie	Pale Horse	Конь блед	Откровение 6: 2
E.L. Voynich	Put Off Thy Shoes	Сними обувь свою	Исход 3: 5
I. Shaw	Bread upon the Waters	Хлеб по водам	Екклесиаст 11: 1
J.A. Adams	Cast the First Stone	Брось первый камень	Иоанн 8: 7
E. Wiesel	All Rivers Run to the Sea	Все реки текут в море	Екклесиаст 1: 7
R. Heinlein	I Fear No Evil	Не страшусь зла	Псалом 23: 4
A.J. Cronin	Keys of the Kingdom	Ключи от царства	Матфей 16: 17

Ориентируясь на аллюзивное заглавие, реципиенты сопоставляют читаемый текст с субстратным текстом и переносят структуру субстратного текста на читаемый. В результате им становится яснее художественное содержание и идейный замысел читаемого текста. Например, заглавие пьесы Б. Шоу “*Pygmalion*” отсылает к сюжету древнегреческого мифа о скульпторе Пигмалионе, создавшем статую Галатеи и оживившем ее своей любовью. Ролевой расклад мифа служит моделью ролевого расклада пьесы. Отсюда становится ясна одна из главных идей произведения Шоу: любовь – великое созидательное начало и основа жизни.

Образом греческого скульптора воспользовался не только Шоу. Имя *Pygmalion* в английской лингвокультуре стало нарицательным и ныне обозначает человека, влюбившегося в свое творение. Это имя активирует в сознании скрипт целиком. Существуют психологические термины *Pygmalion effect* (реализация желаемого благодаря страстной вере в него) и *Pygmalion complex / syndrome* (стремление переделать личность другого человека). В переносном смысле это имя широко применяется в речи:

In a reverse of the *Pygmalion* template, Nicole tries to reshape her boho neighbor into a perfect date – Вывернув наизнанку сюжет «Пигмалиона», Николь пытается переделать своего богемного соседа в благовоспитанного поклонника.

The *Pygmalion* effect works by luring us into the conviction that we are capable of achieving the goals that we set – Эффект Пигмалиона основан на том, чтобы убедить нас в нашей способности достигать поставленных целей.

A type of *Pygmalion* effect, or self-fulfilling prophecy, then will follow – За этим последует эффект Пигмалиона – самосбывающееся пророчество.

She felt unhappy for both, ... adding that Hitchcock had a *Pygmalion* complex about Tippi – Она переживала за обоих, ... добавляя, что Хичкок одержим комплексом Пигмалиона в отношении Типпи.

Her hands waft over the skyscape like those of Galatea awakened by Venus in the *Pygmalion* sequence – Ее руки были расprostерты над небесным пейзажем, как у

Галатеи, которую воскресила Венера в легенде о Пигмалионе (Pygmalion Sentence Examples 2019).

Вышеприведенные примеры наглядно показывают, как «работают» скрипты в речевом общении.

Рассмотрим также культурный скрипт “Путь”, который образует когнитивную основу для представлений о **жизни** человека от рождения до смерти. Эта развернутая метафора очень хорошо моделирует перипетии индивидуальной жизни, а иногда и жизни целых человеческих сообществ. При этом **не** имеется в виду передвижение в пространстве в буквальном смысле. Одни люди в течение жизни много путешествуют и переселяются, а другие проводят всю жизнь на одном месте, но в любом случае их жизнь репрезентируется как путь. Движение в пространстве символизирует движение во времени от рождения до смерти, а вехи на пути символизируют события человеческой жизни.

Многие народы в древности верили в миф о трех мирах; согласно ему, души людей до рождения обитают в первом (изначальном) мире, после рождения – во втором (промежуточном) мире, а после смерти – в третьем (финальном) мире [Марков 2019]. Аллюзия к мифу об изначальном мире имеется в пьесе «Синяя птица» М. Метерлинка (2014) – в ней изображено Царство еще не родившихся детей (действие 5, сцена 10). Жизнь во втором, переходном мире (на этом свете) представлялась как путь из первого в третий мир (на тот свет). Это представление отражено в известных строках: «Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник – // Пройдет, зайдет и вновь покинет дом» (Есенин 2020).

Отголоски этого мифа сохранились в устойчивых образных оборотах. В частности, **рождение** человека метафорически представляется как приход в этот мир из предыдущего:

one is on the way (букв. “он уже в пути”) “он скоро родится”
 the new arrival (букв. “вновь прибывший”) “новорожденный”
 to come (in)to this world (букв. “прийти в сей мир”) “родиться”

to turn up at this place (букв. “очутиться в этом мире”) “родиться”
 to come into being / existence (букв. “прийти в бытие”) “родиться”
 to make a surprise arrival (букв. “прибыть сюрпризом”) “родиться
 преждевременно”.

Значения всех вышеприведенных оборотов характеризуется наличием пресуппозиции, состоящей в том, что человек ранее находился в предыдущем (первом) мире, а ныне прибыл в этот (второй) мир.

Жизнь во втором мире (на этом свете) представлена как путь:

life voyage / voyage of life “жизненное плавание”
 life path / path of life “жизненный путь”
 life journey “странствие по жизни”
 life travel “путешествие по жизни”
 course of life “жизненный курс”
 life track “жизненная колея”
 to sail / navigate through life “плыть по жизни / пролагать жизненный маршрут”
 way of life “образ жизни” (метафорически представленный как путь)
 to run through life “бежать по жизни, торопиться жить”
 to go / get / walk through life “идти / шагать по жизни”
 to travel through life “путешествовать по жизни”.

Смерть в рамках этого скрипта представляется как уход в следующий мир. Так, слово Elysium, согласно приоритетной этимологической версии, восходит к *древнегреч.* ερχομαι “приходить, прибывать”. Таким образом, по этой версии, Elysian fields буквально означает “долина прибытия, место назначения”. Ср. также:

to join the silent majority (букв. “присоединиться к безмолвному большинству”)
 to go to the Promised Land (букв. “отправиться в землю обетованную”)
 to go to one’s last home (букв. “обрести последнее пристанище”)
 to go the way of all flesh (букв. “пойти путем всей плоти”)
 to go to kingdom-come (букв. “уйти в царствие небесное”)
 to go to one’s fathers (букв. “отправиться к праотцам”)
 to take the last train (букв. “сесть в последний поезд”)

to go to a better world (букв. “уйти в лучший мир”)
 to pass beyond the veil (букв. “уйти за занавес”)
 to go west (букв. “отправиться на запад”)
 to go to glory (букв. “уйти в славу”)
 to pass away (букв. “уйти прочь”).

По одной этимологической версии, выражение *to go west* (букв. “отправиться на запад”, *перен.* “умереть”) восходит к античному мифу, согласно которому Элизиум находится на западе, а по другой версии – к индейскому поверью, состоящему в том, что души умерших устремляются к заходящему солнцу. В обоих случаях смерть ассоциируется с закатом.

Поскольку жизнь нередко изображается в мифах как течение реки, смерть репрезентируется как уплывание вниз по реке (*going down the river*) и впадение реки в море (англ. *All rivers flow to the sea*, рус. *Все реки текут в море* – Екклесиаст 1: 7).

Кроме того, река символизирует границу миров, поэтому смерть представляется как переправа через реку Стикс на плоту Харона в потусторонний мир: *to cross the river, to traverse the Styx, to take the ferry* (переплыть реку, переправиться через Стикс, сесть на паром). Ср. также символическое заглавие романа Э. Хемингуэя “*Across the River and into the Trees*”, букв. «Через реку и в гущу деревьев» (в заглавии опубликованного перевода «За рекой, в тени деревьев» утрачена сема движения); в романе повествуется о последних днях жизни героя и его уходе из жизни.

Современные цивилизованные англосаксы, получившие естественнонаучное образование, сознают мифологичность и условность всех этих моделей жизни и смерти, и всё же они регулярно используют в своей речи вышеперечисленные обороты. На наш взгляд, это происходит не только потому, что приведенные обороты «вошли в язык» и являются стандартными средствами выражения соответствующих понятий, но и потому, что людям удобно мыслить все эти абстракции в осязаемых, наглядно-чувственных

образах. В рамках обыденного мышления и общения трудно, а порой практически невозможно думать и говорить об этих вещах как-то иначе.

Можно предположить и еще одну причину «живучести» этого культурного скрипта. Дело в том, что уход не есть прекращение бытия. Это всего лишь переход в другое место. «Смерти нет», – говорит миф; данное утверждение составляет огромную экзистенциальную ценность и дает большое душевное облегчение адептам этого мифа на фоне страха смерти, обусловленного инстинктом самосохранения. Утешение и примирение людей с тяготами этого мира – одна из функций религии. «Набожность ... есть опиум для души; она бодрит, оживляет и поддерживает», – отметил в этой связи Ж.Ж. Руссо [1968: 658] (в его времена опиум применялся как болеутоляющее и успокоительное средство).

Что касается атеистического взгляда на жизнь, в его рамках беспощадно провозглашается конечность жизни индивида и неизбежность смерти. «Быть атеистом значит обладать силой смотреть в лицо тягостным фактам», – писал Дж. Оруэлл (цит. по: [Тейлер 2014: 2]). Однако не каждый человек – даже атеист – имеет такую силу. Вот почему, на наш взгляд, презентация смерти как ухода в лучший мир до сих пор популярна среди широких масс, включая атеистов. Это **нетравматический** (эвфемистический) способ упоминания смерти. По нашим подсчетам, в английское фразеологическое поле “Смерть” входит свыше 50 фразеологизмов, и лишь один из них (to be no more) прямо репрезентирует смерть как небытие. Остальные фразеологизмы своей внутренней формой изображают смерть как особого рода «бытие».

В завершение этого раздела сведем в единый перечень обнаруженные нами и описанные выше в этой главе самые распространенные линии образного моделирования действительности в английской лингвокультуре:

модели

предметно-практические действия
физические ощущения

объекты моделирования

ментальные операции
эмоциональные и волевые состояния

акты чувственного восприятия	акты умственной деятельности
природные явления	события внутреннего мира субъекта
семья	различные социальные институты
тело человека	общество и государство
боевые действия	интеллектуальное противоборство
движение по пути, путешествие	жизнь и деятельность
физические свойства предметов	душевные качества людей
пространственные категории	широкий спектр объектных областей

§8. Ментальный мир в наглядно-чувственном представлении

В древнейшие времена люди постепенно научились различать внешний (материальный) мир и внутренний (ментальный) мир. Внешний мир они воспринимали с помощью своего сенсорного аппарата и потому имели о нем наглядное представление. Что касается внутреннего мира, то он, как известно, не может непосредственно восприниматься органами чувств; выводы о его существовании делались исходя из поведения людей и, таким образом, носили опосредованный характер. Возникли представления об интеллектуальных, эмоциональных и интенциональных состояниях, действиях и событиях, которые требовалось осмыслить и назвать.

Не располагая арсеналом средств научного исследования, древние люди воспользовались единственным доступным им способом отображения этих явлений, а именно проведением аналогии: они стали осмысливать события внутреннего мира сквозь призму хорошо известных им событий внешнего мира. Именно на этом принципе – презентации неизвестного с помощью известного – основан такой метод познания, как моделирование. Вписывание новооткрытых феноменов в имеющиеся когнитивные форматы – это начальный этап познания. Так сформировалась наблюдаемая ныне историческая преемственность и структурный параллелизм материально-практической и ментальной деятельности.

В рамках религиозных верований ментальный мир человека был назван душой. Выше (в § 8 Главы I) было показано, что душа понималась фактически как предмет, состоящий из материи, но не грубой, а тонкой – нечто вроде выдыхаемого пара. Пар почти неосязаем и почти невидим, но только почти: он всё-таки чуть-чуть осязаем и чуть-чуть видим. Такое представление о психике было наивной попыткой компромиссного решения гносеологического противоречия между реальностью психики и ее нематериальностью. Представить себе нечто реальное, но не материальное было не по силам древнему неискушенному сознанию. Отсюда возникли английские наименования, увязывающие ментальность с дыханием:

spirit “дух” от <i>лат.</i> spirītus “дух” от <i>лат.</i> spiro “дышу”	Breath of God “Дух Святой”
ghost “дух” от <i>гаст</i> “дыхание”	
divine breath “душа, которую Бог вдохнул в Адама”	

В представлениях людей древних эпох дух / душу можно было видеть:

spectre / specter “привидение” от <i>лат.</i> spicĕre “зреть”
vision “видѣние” от <i>лат.</i> visio / visionem “вѣдение; зрение”
wraith “привидение” от <i>гэльск.</i> arrach “прозрачное облачко пара”
apparition “призрак” от <i>лат.</i> apparĕre “являться, появляться на виду”
phantom / phantasm “видѣние” от <i>греч.</i> phainein “быть / становиться видимым”
shadow / shade в значении “дух, призрак умершего”, производном от значения “тень”.

В приведенных примерах тоже видна попытка совместить материальное с нематериальным: из всех физических свойств у *привидения* есть одна лишь способность быть *видимым*, что отражено во внутренней форме перечисленных слов, но у него почти нет веса (оно парѣт над землей), почти нет плотности и осязаемости (оно проходит сквозь предметы), почти нет других свойств материального тела.

Здесь важна оговорка «почти». В русле наивных представлений дух, душа не могут быть полностью нематериальными – ведь тогда их было бы

невозможно моделировать, а значит, и осмысливать. В рамках обыденного сознания ментальный мир немислим без сенсорных (прежде всего визуальных) представлений о нем. В этих рамках нельзя осмыслить пустоту – ведь она воспринимается как ничто.

Таковы традиционные многовековые представления о психике, закрепленные в английском и других языках средневропейского стандарта. Подчеркнем: здесь мы говорим не о текстах, а о системе языка, о том, что содержится в языковых единицах – словах и устойчивых словосочетаниях. Именно через них, через их значения, внутреннюю форму и сочетаемость, упомянутые представления влияют на картину мира и мировоззрение и передаются из поколения в поколение.

До сих пор многие носители английской и других лингвокультур, хоть они и получили современное естественнонаучное образование, верят в бессмертную душу, общение с призраками и т.п. Но даже те, кто в это **не** верит, словесно формулируют свои мысли так, как будто они в это верят, потому что выражать мысли таким способом предписывает им родной язык: *to give up the ghost / to yield one's breath* “испустить дух”, *to join the silent majority / to go to one's fathers* “отправиться к праотцам”, *to pour out one's soul* “излить душу” и др. Даже у атеистов этот когнитивный паттерн подспудно влияет на мировосприятие – так велика сила слова, заставляющая людей мыслить в этом формате.

Но если, согласно логике этого формата мышления, психика есть в некотором смысле материальное образование, то внутри себя она тоже организована по образцу материального мира. Такие представления естественны для наивного сознания. Дефицит фактов компенсируется воображением, которое в данном случае выполняет не развлекательную и не эстетическую, а познавательную функцию.

С целью составить представление о строении психики народ создал ее визуальную модель; следует подчеркнуть, что в обыденном сознании

визуальная модель – это не абстрактная научная схема, а сенсорно-наглядная «картина».

Проведем параллель. Специалисты по возрастной психологии свидетельствуют: когда родители слишком рано начинают разьяснять ребенку тайну его рождения, сообщая, что сначала он «жил у мамы в животике», ребенок тут же принимается реконструировать ситуацию, исходя из того житейского опыта, который у него уже имеется; например, он фантазирует, что в мамином животике у него был домик с игрушками, щенок, самокат, садик, в котором он гулял и играл, и т.д.

По закону Геккеля, действие которого наблюдается не только в области биологической наследственности, но и – в определенной мере – в сфере культурного наследия, в филогенезе происходило то, что в весьма сокращенном виде повторяется в онтогенезе. Примерно так же, как вышеупомянутый ребенок, мыслили в давние времена люди взрослые, но в ряде отношений столь же наивные. Они представляли себе, что духовный мир – это пространство, которое имеет измерения, что в нем располагаются разнообразные вещи и происходят всякого рода события, аналогичные событиям внешнего мира. По данным английского языка, ментальный мир человека обладает некоторыми пространственными характеристиками, а именно:

глубиной: *the depths of smb. 's soul/ mind, deep/ shallow mind, the bottom of smb. 's soul* (ср. рус. *в глубине души, глубокий / поверхностный ум, мелкая душонка* и т.п.);

высотой: *high soul, elevated soul / mind, high / low intellect / intelligence* (ср. рус. *высокий дух, возвышенные помыслы, высокий / низкий интеллект* и т.п.);

шириной: *broad / narrow mind, vast / big soul, narrow / petty soul* (ср. рус. *широкий ум, узость мышления, широкая душа, широкий / узкий кругозор*).

По традиционному представлению, ментальный мир расположен в сердце и имеет центр: *in the core of smb. 's soul, in the heart of hearts* “в самой сердцевине души”; окраину: *at the back of smb. 's mind* “на периферии сознания”, *hind mind* “задний ум”.

Понятия об умственных действиях возникли на основе понятий о действиях внешних, предметно-практических. Это видно на примере английских наименований арифметических действий:

производить сложение: to add от *лат.* ad- “при-” + dare “ставить”, т.е. букв. “приставлять, прибавлять”

производить вычитание: to subtract от *лат.* sub- “от-” + trahere “тащить”, т.е. букв. “оттаскивать, отнимать”

производить умножение: to multiply от *лат.* multi “множественно” + plexere “плести”, т.е. букв. “переплести”

производить деление: to divide от *лат.* dis- “рас-” + visare “членить”, т.е. букв. “расчленять, рассекать”

извлекать корень: to extract a root от *лат.* ex- + trahere + root, букв. “выкорчевывать (корень дерева)”

возводить во вторую / третью степень: to square / cube (букв. “придавать форму квадрата / куба”)

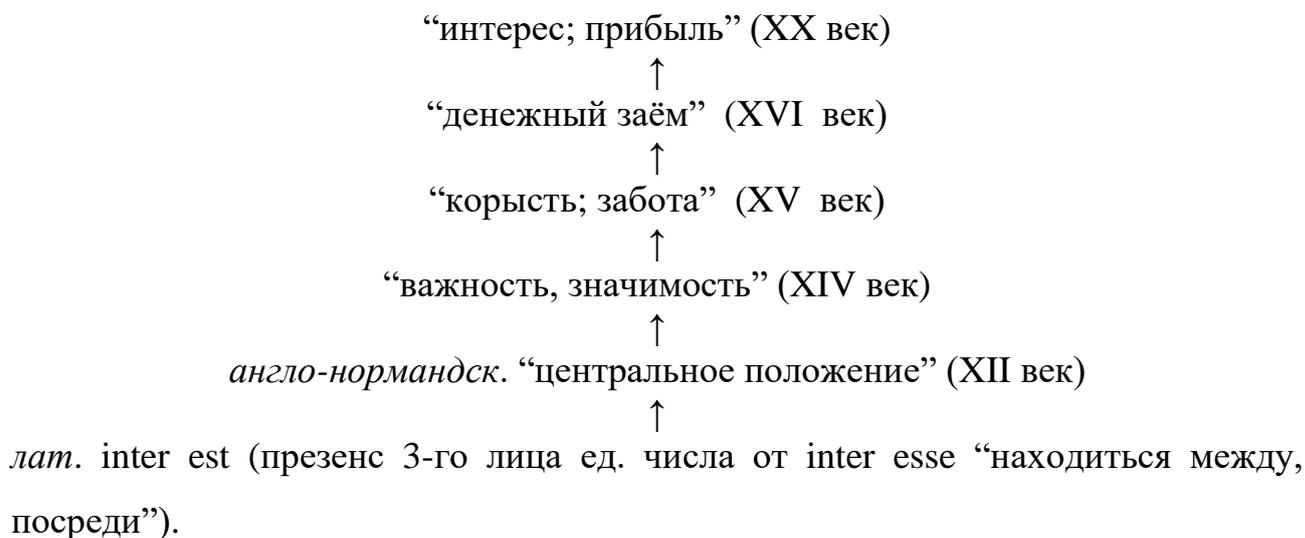
возводить в степень: to exponentiate от *лат.* ex- “вы-” + ponere “двигать”, т.е. букв. “выдвигать (вперед)”

вычислять, высчитывать: to compute и to count (этимологические дублиеты) от *лат.* com- “со-” + putare “считать” от индоевропейской лексической основы *rau- “отрубать, обрезать”.

Следует оговориться, что внутренняя форма таких слов носит этимологический характер и потому неизвестна большинству современных носителей английской лингвокультуры, не имеющих филологического образования. Но, будучи выявлена научным методом, она наглядно показывает, какими путями возникали в диахронии соответствующие понятия и их наименования.

По М.М. Маковскому [2007], современное значение слова – это вершина большой вертикали исторических пластов лексической семантики, возникшей в ходе развития семантической структуры слова. Анализируя абстрактные значения, спускаясь по этой вертикали в глубину веков, на той или иной глубине мы обнаруживаем конкретно-наглядный когнитивный субстрат рассматриваемых нами абстракций.

В качестве примера приведем историческую вертикаль английского слова *interest* (по данным этимологических словарей [KED], [OED]):

Рис. 15. Семантическая эволюция слова *interest*

Другие ментальные действия тоже обозначаются словами, восходящими к названиям предметно-практических действий, например:

синтезировать: *to synthesize* от древнегреч. *syn-tithenai*, то есть букв. “составлять”

анализировать: *to analyse* от древнегреч. *ana-* “раз-” + *lyein* “класть”, букв. “разлагать”

предполагать: *to suppose* от лат. *sub-* “под-” + *ponere* “класть”, букв. “подкладывать”

делать вывод: *to deduce* от лат. *de-* “вы-” + *ducere* “водить”, букв. “выводить”

осмысливать: *to consider* от лат. *considerare* “пристально смотреть, наблюдать”

допускать: *to assume* от лат. *ad-* “при-” + *sumere* “брать”, букв. “прибирать”

размышлять, вынашивать мысль: *to brood*, букв. “высиживать (птенцов)”

обдумывать: *to ponder* от лат. *ponderare* “взвешивать” *etc.*

У тематической группы английских глаголов, обозначающих **понимание**, постижение, усвоение сведений, в качестве внутренней формы выступает семема “брать, хватать”, а также тематически близкая семема “принимать внутрь, глотать”:

to get it / to grasp / to catch “догадаться, угадать, ухватить смысл”

to comprehend от лат. *com-* “со-” + *prehendere* “хватать”

to conceive от лат. *con-* “со-” + *cipere* “захватывать”

to take in (усваивать, букв. “принимать внутрь”)
to swallow (усваивать, букв. “заглатывать”).

Упомянем в этой связи также прилагательное clever “умный” от диал. *cliver* “искусный в хватании, ловле” (ср. рус. *хват* “ловкач”; *ловкий* от *ловить*).

Семема “взять, схватить” прослеживается и во внутренней форме рус. *понимать* / *понять* (от древнерус. *по-имати* / *по-яти*). Глаголы *понимать* и *поймать* имеют общее происхождение, различаясь лишь эпентезами (-н- / -й-). Параллель между пониманием и поимкой, улавливанием, схватыванием подчеркивает, что понимание представляет собой усвоение сведений, их интериоризацию, включение в когнитивный мир реципиента.

Что касается английского глагола *to understand* (“понимать”), то в нем, как отмечалось в § 5, префикс *under-* имеет устаревшее значение “посреди”. Понимание сущности объекта представлено здесь иначе – как проникновение в его **центр**. Этот глагол входит в другой тематический ряд – *to penetrate*, *to permeate*, *to pervade*. Эти глаголы буквально означают “проникать внутрь”, а фигурально – “постигать глубинный смысл, переходить с уровня явления на уровень сущности”. Научное познание нередко метафорически представляется как вторжение, прорыв (*break in*), погружение в глубину (*immersion*, *going deeply in*). Ср. также *superficial* / *deep know-ledge* (поверхностные / глубокие знания). Так во внутренней форме слов высвечивается еще один аспект понимания – приближение к скрытой сущности.

Английское существительное *intelligence* “ум, разум” восходит к причастию настоящего времени *intelligens* латинского глагола *intelligere* / *intellegere* “понимать, постигать”, а английское существительное *intellect* – к причастию прошедшего времени *intellēctus* этого же латинского глагола, в котором произошла фонетическая ассимиляция: его первоначальной формой была *inter legere* “читать между (строк)”. Здесь понимание представлено как умение находить имплицитный смысл.

Взаимное наложение вышеприведенных семантических моделей феномена понимания позволяет убедиться, что понимание репрезентируется

как проникновение внутрь объекта, в самую его сердцевину, и схватывание скрытого там «предмета» (сущности), расположенного в этой сердцевине.

Рассмотрим в этой связи также средства выражения понятий **созидания** и **уничтожения**. Они относятся как к внешнему (материальному), так и к внутреннему (духовному) миру. По нашим наблюдениям, соответствующие английские названия имеют предметно-физический, конкретно-наглядный когнитивный субстрат, хотя они могут обозначать абстрактные ментальные действия.

В английском языке отражено складывавшееся в течение многих веков интуитивное представление о законах сохранения материи и энергии; согласно этим законам, нечто не возникает из ничего и не превращается в ничто. Во внутренней форме членов синонимического ряда “Созидание” этот процесс представлен **не** как сотворение чего-то из ничего, а как придание той или иной формы (структуры) тому, что доселе существовало, но не имело данной формы: to create от *лат.* creatus (причастие от глагола creare) от *индоевр.* *ker- “растить”
to erect “сооружать” от *лат.* e- “вы-” + rectus “прямой”, т.е. букв. “выпрямлять”
to build от *древнеангл.* byldan “строить дом” от *германск.* *bōrlą “жилище”
to make от *древнеангл.* macian “придавать форму; строить”
to design от *лат.* designāre “маркировать; чертить, рисовать”
to fabricate от *лат.* fabricāre “конструировать, строить”
to form / to shape “формировать, придавать форму”
to construct от *лат.* con- “со-” + struere “строить”.

По Библии (1 Коринф. 12: 7-10), человек подобен Богу тем, что способен к творчеству; но Бог может творить из ничего, а человек – лишь из сотворенного Богом. Ср. рус. *создавать* / *созидать* с корнем -зид- / -зод- (*зодчество* “строительство”), *творить* от *индоевр.* *teue- “растить”, *изготавливать* (букв. “делать готовым”).

Кроме того, созидание представлено в английском языке как выдвижение объекта с заднего плана на передний:

to frame “сооружать” от *древнеангл.* fram “вперед”, т.е. букв. “выдвигать вперед”

to project от *лат.* pro- “вперед” + iacĕre “толкать”, т.е. *букв.* “выталкивать вперед”

to produce от *лат.* pro- “вперед” + ducĕre “водить”, т.е. *букв.* “выводить вперед”

to spawn от *лат.* expandĕre “метать икру” от *лат.* ex- “вы-” + pandĕre “лить”

to generate “порождать” от *лат.* generāre “давать начало роду; рожать”

to (pro)create от *лат.* pro- “вперед” + creāre “выталкивать; рожать”

to bring forth “создавать” (*букв.* “выводить вперед; рожать”).

Презентация созидания как рождения младенца – это еще один пример того, что в старину мир представлялся соматически, т.е. в виде человеческого тела.

Далее, созидание представляется как постановка в вертикальное положение:

to put up / build up / make up / set up (*ср. рус. воздвигать, возводить*)

to originate от *лат.* origĭni “поднимать” от *индоевр.* *heri- “поднимать”.

Выдвижение и воздвижение делают предмет видимым наблюдателю. Возникновение предмета из небытия фактически приравнивается к его появлению в поле зрения. Объективный процесс (созидание) образно представляется с помощью субъективного процесса (попадания на глаза). Не зря глагол to appear (“появиться”) имеет два значения (по словарю [CALD]): 1) “to start to exist” (начать существовать); 2) “to start to be seen or to be present” (начать быть видимым или присутствующим). Человек воспринимает всё со своих позиций. Язык антропоцентричен.

Кроме того, созидание представляется как сборка, соединение частей в целое:

to constitute от *лат.* con- “со-” + stituĕre < statuĕre “ставить”, т.е. *букв.* “составлять”

to compose “сочинять” от *лат.* com- “со-” + ponĕre “ставить”, т.е. *букв.* “составлять”

to synthesize от *древнегреч.* syn- “со-” + tithenai “ставить”, т.е. *букв.* “составлять”

to assemble от *старофранц.* assembler “собирать вместе, соединять в одно”

to establish от *лат.* stabilĭre “делать прочным”, т.е. *букв.* “скреплять”.

Итак, в народном представлении вещи возникают не из ничего, а из чего-то. Исключение составляют лишь обороты *to cause to be* (букв. “вызвать в бытие”) и *to bring into being / existence* (букв. “привести в бытие”), внутренняя форма которых подразумевает, что вещам придается не форма, а само бытие. Но даже в этом случае творец **приводит** (*brings*) вещь в зону бытия. Этот глагол имплицитно подразумевает наличие зоны небытия, из которой приводится вещь. В § 4 Главы I мы показали, что небытие не есть ничто. Понятие “ничто” не задействовано и в данном случае.

Многое из сказанного об обозначении созидания относится и к обозначению **уничтожения**. Английские слова, обозначающие уничтожение, своей внутренней формой подразумевают частичную или полную деструктуризацию объекта:

to demolish от *лат. de-* “раз-” + *moliri* “строить”, т.е. букв. “расстраивать, разрушать”

to destroy от *лат. de-* “раз-” + *struere* “строить”, т.е. букв. “расстраивать, разрушать”

to pulverize от *лат. pulvis* “пыль; порошок”, букв. “превращать в пыль / порошок”

to liquidate от *лат. liquidus* “жидкий”, т.е. букв. “превращать в жидкость”

to vaporize от *лат. vapor* “пар”, т.е. букв. “превращать в пар”

to ruin от *лат. ruere* “валить; разбивать на куски”

to break down “ломать вдребезги”

to tear down “рвать на куски”.

При совершении вышеперечисленных действий форма предмета разрушается, он утрачивает свою идентичность и качественную определенность, но то, из чего он состоял, т.е. субстанция – пыль, порошок, жидкость, пар, дребезги (осколки), руины, куски – остается. Здесь нет превращения в ничто. Лишь в словах *to annihilate* и *to annul* (от *лат. ad-* “к” + *nihil / nullum* “ничто”) как исключение внутренняя форма подразумевает превращение чего-то в ничто (ср. рус. *уничтожать, аннигилировать, аннулировать*). Как упоминалось выше, эти слова относятся к разрушению не

только материальных, но и ментальных объектов – планов, замыслов, чаяний, надежд и т.д. Образы внешнего мира служат когнитивным субстратом для презентации событий мира внутреннего.

Особая тема – английские фразеологизмы, описывающие события духовного мира. Согласно их образным основам, люди выходят за пределы внутреннего мира (to go out of one's mind, to be beside oneself) или, наоборот, замыкаются в нем (to withdraw into oneself, to hide in one's shell), подвергаются обыскам в душе (I the Lord search ... the mind – Jeremiah 17: 10) падают в ямы (to fall into a rage / fury / panic / temper / tantrum / melancholy), взвинчивают что-либо в своей голове (to screw up / pluck up one's courage), хоронят и вновь оживляют что-л. (to bury / revive one's hope / aspiration), хранят что-л. в своем внутреннем мире (to have / keep smth. in mind) и совершают много иных вещей, какие происходят и в материальном мире (ср. рус. *выйти из себя, уйти в себя, замкнуться в своей скорлупе, впасть в ярость, держать в голове* и т.п.). Материальный мир выступает как модель духовного мира.

Итак, с точки зрения обыденного сознания духовный мир – это такое пространство, в котором кто-то что-то хватает, что-то к чему-то приставляет и оттаскивает, что-то куда-то вставляет и извлекает, выталкивает вперед и вталкивает назад, куда-то проникает и откуда-то вылезает, что-то строит и разрушает и т.д.

Не только обыденное мышление народа, но и профессиональное мышление психологов при описании психики не обходится без предметно-наглядных аналогий.

- Выше мы упоминали топическую модель личности по З. Фрейду [2007], в которой психика представлена как трехслойный сэндвич (Сверх-Я – Я – Оно).
- Л.С. Выготский [2015] сравнивал психику с колодезем, на срубе которого располагаются высшие психические функции, а на дне – животные инстинкты.
- Он же [2016] писал об облаке мысли, которое проливается дождем слов.

Образная основа обнаруживается не только в англоязычных текстах по психологии (т.е. в речевых произведениях), но и в психологических терминах

(т.е. в системе английского языка). Многие английские термины из области психологии имеют предметно-наглядную образную основу:

temperament (от *лат.* temperamentum “микстура, устойчивая смесь компонентов”)

conformity (con- “со-” + formāre “формировать, лепить”), т.е. “лепить по образцу”

bifurcation of impulses (от *лат.* bi- “два” + furca “вилка”), т.е. букв. “развилка”

motive (от *лат.* motus “движение” от индоевр. *meue- “толкать”)

personality (от *лат.* persona “маска” от *этрусск.* phersu “маска”)

character (от *древнегреч.* kharakter “клеймо, метка”)

phlegmatic (от *древнегреч.* phlegma “лимфа”) *etc.*

От этих же лексических основ происходят и русские психологические термины *темперамент, конформность, мотив, характер* и др.

Как можно убедиться, даже абстрактно-теоретическое научное мышление не свободно от сенсорной наглядности, выступающей как его когнитивный субстрат. Эта наглядность, способствующая моделированию объекта методом аналогии, играет полезную роль в научном мышлении. Говоря в целом, у любой единицы английского языка, относящейся к ментальному миру, на том или ином уровне исторической «глубины» обнаруживается конкретно-наглядное значение:

to hesitate “склоняться то к одному, то к другому мнению” от *лат.* hesitāre “шататься”

to excite “волновать” от *лат.* excitāre “поднимать, будить, приводить в движение”

touchy “эмоционально ранимый” от to touch “трогать”

to be moved “быть растроганным” от to move “двигать”

to feel “чувствовать” от *древнеангл.* felan “щупать”

to solve “решать” от to solve букв. “растворять” *etc.*

Как видим, сенсорный субстрат глубоко и органично врос в абстрактное мышление и подспудно влияет на него. Модель стимулирует развитие теории. Когда ученый развертывает концептуальную метафору, его мысль следует логике ее строения и, так сказать, «движется по рельсам» метафорической

модели изучаемого фрагмента действительности. В результате формируется теория этого фрагмента мира. Например, в XX веке в экономической науке коммерческое предприятие было уподоблено живому человеку. В основе этой концептуальной метафоры лежит когнитивный паттерн “Жизненный цикл человека”. Эту метафору стали разворачивать, вследствие чего возник нижеследующий комплекс понятий и терминов:

“рождение предприятия” (birth of a business / giving birth to a business)

“жизненный цикл предприятия” (the life cycle of a business)

“молодость предприятия” (youth / young age of a business)

“дочернее предприятие” (affiliate от лат. filia “дочь”)

“рост предприятия” (growth / maturing of a business)

“родительское предприятие” (parental business)

“зрелость предприятия” (maturity of a business)

“старение предприятия” (aging of a business)

“смерть предприятия” (death of a business).

Так на основе аналогии возникла экономическая теория жизненного цикла предприятия, позволившая обнаружить ряд закономерностей динамики бизнеса.

Аналогичная история произошла в XIX веке, когда А. Шлейхер [1956] уподобил живому организму естественный язык. Презентация языка как организма привела к тому, что позже возникла концепция языка как гармонического целого: от “организма языка” по А. Шлейхеру → к “обобщающей конструкции языка” по И.А. Бодуэну де Куртенэ → к “механизму языка” по В. Вундту, Г. Шухардту, К. Фосслеру → и далее к “системе языка” по Ф. де Соссюру. На этой основе вырос структурализм, а на его базе – лингвистическая системология. И всё это «многоэтажное здание» зиждется на прочном фундаменте – аналогии между абстракцией (язык) и конкретно-наглядным представлением (живое тело). Это пример того, как когнитивный субстрат языкового мышления способствует продвижению вперед в познании мира.

На наш взгляд, презентация языка как организма лучше передает гармоничность языка, чем его презентация как механизма.

Эвристический эффект аналогии между организмом и языком состоит, помимо прочего, в том, что организм может существовать только как целостное единство во взаимосвязи всех своих органов и систем; нарушение целостности ведет к дисфункции, а то и гибели организма. Не случайно английское слово *integrity* (букв. “целостность”) имеет значение “здоровье”, а слово *wholesome* (*whole* “целый”) значит “здоровый” (ср. рус. *цел и невредим* “здоров”). Идея целостности была перенесена с организма на язык. Это весьма конструктивная аналогия. На наш взгляд, А. Шлейхер, называя язык организмом, подразумевал именно его целостность (системность), а не то, что язык – живое существо. Слово *органический* означает не только “относящийся к живому”, но и “обладающий внутренним единством, гармонией”.

По нашему мнению, напрасно А. Шлейхера упрекали в биологизаторстве лингвистики. Междисциплинарные заимствования полезны. Так, из биологии в лингвистику перешел термин *морфология*, из химии – *валентность*, из геометрии – *конгруэнтность*, из физики – *интерференция*, и никто не называет это биологизаторством или химизаторством, геометризаторством, физикализаторством науки о языке.

Сенсорно-наглядный и абстрактный компоненты семантики порой переплетены так тесно, что разделить их бывает практически невозможно: одно и то же слово может относиться к явлениям как внешнего, так и внутреннего мира. Ср. *англ.* *to share* “делиться”: делиться можно пирогом (*to share a pie with smb.*), а можно – радостью (*to share joy with smb.*). Этимологическое значение этого глагола носит материально-предметный характер (*древнеангл.* *sceran* “резать на куски”), но ныне это не ощущается: произошла нейтрализация оппозиции между буквальным и фигуральным значениями этого слова. То же можно сказать и о таких английских словах, как *to raise* “повышать” (от *древнеангл.* *ræran* “выращивать”) *to lower* “снижать” (от прагерманск. **lega-* “лежать”)

to start “начинать” (от древнеангл. *steortian* “прыгать”)
 to increase “увеличивать” (от лат. *increscere* “растаться”)
 to decrease “уменьшать” (от лат. *decrecere* “съживаться”)
 to stop “прекращать” (от др. англ. *stoppan* “застывать, замирать”).

Анализ языкового материала убедил нас в том, что каждая входящая в него языковая единица с абстрактным значением на том или ином этапе своей истории обнаруживает сенсорно-наглядную основу. Это заставляет предположить, что **все** абстрактные значения единиц языка исторически восходят к конкретно-предметным. Это предположение требует широкомасштабной эмпирической проверки. Но уже сейчас, выборочно рассматривая тексты, в которых говорится о душевных состояниях, можно убедиться, что соответствующие абстрактные значения восходят к конкретно-предметным. Обратимся для примера к взятому наугад отрывку из работы психоаналитика и антрополога Э. Фромма [Fromm 1994: 35]:

<p>“A <i>person</i> who has not been <i>completely alienated</i>, who <i>has remained sensitive and able to feel</i>, who <i>has not lost the sense of dignity</i>, who is not yet “for sale”, who can still <i>suffer</i> over the <i>suffering</i> of others, who has not <i>acquired fully the having mode of existence</i> – briefly, a <i>person</i> who <i>has remained a person</i> and not become a thing – cannot help <i>feeling lonely, powerless, isolated</i> in <i>present-day society</i>”.</p>	<p>«Человек, который еще не полностью отчужден, который остался чувствительным и способным чувствовать, не утративший чувства достоинства, еще не «выставленный на продажу», еще способный страдать из-за чужих страданий, не усвоивший в полной мере «присвоительный» способ существования – короче говоря, человек, оставшийся человеком и не ставший вещью – в нынешнем обществе не может не чувствовать себя одиноким, бессильным, изолированным».</p>
--	--

В этом отрывке выделены курсивом знаменательные слова. Ниже прослеживается рождение их современных отвлеченных значений из более ранних, конкретно-предметных значений:

person “персона” от *этрусск. phersu* “маска”
completely “полностью” от *лат. complate* “наливать доверху”

alienated “отчужденный” от *лат.* alius “иной” от *индоевр.* *al- “вне, за пределами”
 remain “оставаться” от *лат.* re- “позади” + manĕre “пребывать, располагаться”
 sensitive / sense “чувствительный / чувство” от *лат.* sentire “нащупывать”
 able “способный” от *лат.* habere “держат” от *индоевр.* *ghabh- “брать”
 feel “ощущать” от *герм.* *foljanan “щупать” от *индоевр.* *rel- “трогать; похлопывать”
 lost “утратил” < to lose от *индоевр.* *leu- “резать на части”
 dignity “достоинство” от *лат.* dignus “пригодный” от *индоевр.* *dek-но “получать”
 suffer “страдать” от *лат.* sub- “под-” + ferre “носить” от *индоевр.* *bher- “носить”
 acquire “обретать” от *лат.* ad- “к” + quaerere “хватать”, т.е. *букв.* “прихватывать”
 mode “способ” от *лат.* modus (в одном из значений) “мерная чаша”
 existence “существование” от *лат.* ex- “вы-” + sistere “ступать”, т.е. “выступить вперед”
 lonely “одинокий” от lone от alone от *древнеангл.* alla ana “совсем один” (all one)
 powerless “бессильный” от *индоевр.* *poti- “хозяин”
 isolated “изолированный” от *лат.* insula “остров”
 present “нынешний” от *лат.* prae-esse “пре-быв-” + -ens “-ающий” (“стоящий перед ч.-л.”)
 day “день” от *индоевр.* *dhegh- “гореть; сиять”
 society “общество” от *индоевр.* *sokw-yo- “идущий вслед за (кем-л.)”.

По нашим наблюдениям, это относится практически к любым текстам, в которых автор оперирует отвлеченными понятиями. Сенсорно-наглядный когнитивный субстрат образует прочный фундамент абстрактного мышления.

В каждой терминосистеме сконденсирована теория того или иного фрагмента реальности. В частности, кто знает и адекватно понимает все эволюционистские термины в их взаимосвязи, тот знает теорию происхождения видов. Аналогичным образом, в общеупотребительном языке сконденсирована обыденная (житейская) и мифологическая «теория» мира, а в лексико-фразеологических полях – «теории» отдельных областей действительности. Для примера представим себе человека, которому известны значения нижеследующих устойчивых оборотов: new or young moon “новолуние”;

crescent moon “луна на прибывке”; waning moon “луна на ущербе”; lunar quarter “лунная четверть”; crescent moon “полумесяц”; full moon “полнолуние”; old moon “старая луна”; dark moon “безлуние”. Такой человек знаком с традиционной, основанной на прямых визуальных наблюдениях и фольклоре концепцией, согласно которой луна периодически «съёживается» и исчезает (умирает), вновь рождается и «пухнет», пока не станет полной.

Как видим, речевые синтагмы (концепции, выражаемые текстами) сгущаются в номинационные парадигмы (терминосистемы и лексико-фразеологические поля обыденного языка) и в таком виде из стихии речи поступают в систему языка, образуя языковой (точнее говоря, лингвокультурный) фонд знаний о мире.

§9. Потенциал семантической системы языка

В этом разделе рассматривается вопрос о перспективах развития семантической системы языка. Ее когнитивный субстрат обладает мощным креативным потенциалом и продолжает порождать новые значения на основе аналогии. Семантическая система языка – моделирующая система. В качестве ее объектной области выступает весь мир – не только реальный, но и возможные, и даже невозможные миры.

Всё сущее традиционно называют универсумом (< лат. unus “один” + versum “граница”), но современные достижения квантовой механики и космологии позволяют обоснованно предположить существование мультиверсума (< лат. multi “много” + versum), под которым понимается «многомирие; мироздание в целом как совокупность миров с разными физическими законами и числом измерений» [Эпштейн 2019: 1]. В соответствии с данной гипотезой, мироздание – это не только то, что есть, но и совокупность всего, что может быть [DeWitt 1973: 124].

Помимо научно-гипотетических миров, в этом ряду следует упомянуть вымышленные (художественные, виртуально-игровые и т.п.) миры. В русле

нашей тематики важно не отношение всех этих миров к реальной действительности, а возможность их конструирования с помощью различных семиотических систем, в первую очередь вербальных языков. То, что существует реально, служит когнитивным субстратом для языкового моделирования того, что может возникнуть.

В этой связи обратимся еще раз к феномену лакун, но на этот раз под иным углом зрения. Семантическая система языка делится на участки, именуемые семантическими полями. Их можно представить в виде матриц; лакуны выявляются на пересечении матричных координат. В § 4 Главы I, а также в ряде наших публикаций обоснована целесообразность интралингвистического подхода к феномену лакунарности. Данный подход лежит в основе того направления в лакунологии, в русле которого анализируются не межъязыковые и кросс-культурные соответствия (и несоответствия), а проблематика соотношения между потенциалом языка и его практическим воплощением, между схемой, нормой и узусом языка, между окказиональными и узуальными реализациями языковых единиц и форм. Кроме того, в этом русле под специфическим углом зрения могут рассматриваться закономерности языковой номинации, пути удовлетворения непрерывно возникающих новых коммуникативных потребностей и в целом тенденции и альтернативы в развитии языка.

Всякая знаковая система состоит из информационного компонента, т.е. набора готовых знаков, и процедурного компонента, т.е. набора правил оперирования знаками [Новиков 1989]. Это относится и к естественному языку. Правила воплощены в языковых моделях, по которым строятся произведения речи. Но и сам язык формируется и пополняется из речевого источника: некоторые речевые единицы обретают устойчивость и тем самым становятся языковыми.

Таким образом, речевые и языковые единицы создаются с помощью одних и тех же порождающих моделей: ведь по этим моделям строятся окказиональные слова, переменные сочетания слов и высказывания, а на

следующем этапе, по мере обретения устойчивости, некоторые речевые единицы становятся языковыми. Информационный компонент языка – продукт работы процедурного компонента. В качестве примера приведем модельный ряд английских устойчивых наименований, созданных с помощью синекдохического переноса значения:

red berets (красные береты) “члены отряда военизированной охраны”
white helmets (белые каски) “члены отряда гражданской обороны”
blue berets (голубые береты) “бойцы миротворческих сил ООН”
blue caps (синие фуражки) “сотрудники военной полиции”
red caps (красные фуражки) “вокзальные носильщики”
black berets (черные береты) “морские пехотинцы”
white caps (белые колпаки) “куклукс-клановцы”
green berets (зеленые береты) “десантники”
blue bonnets (синие шапки) “крестьяне”
red hats (красные шляпы) “кардиналы”.

Они построены по одной и той же фразообразовательной модели. Можно продолжить этот ряд по содержащемуся в модели правилу: название головного убора того или иного цвета и фасона синекдохически обозначает представителя того или иного рода занятий. На практике реализована лишь часть креативного потенциала модели.

Генеративная область этой модели (совокупность всех существующих и возможных продуктов ее работы) превышает реализованный модельный ряд. Это связано с предметной областью модели: на свете есть множество головных уборов, указывающих на род занятий их носителей. Можно представить себе потенциально возможные продукты работы вышеприведенной модели:

*green hoods (зеленые капюшоны) “браконьеры”
 *black top hats (черные цилиндры) “трубочисты”
 *orange helmets (оранжевые шлемы) “байкеры”
 *red helmets (красные каски) “пожарники”
 *yellow caps (желтые кепи) “бейсболисты”
 *white toques (белые колпаки) “кулинары”.

Такие наименования могут занять (и, возможно, когда-либо в будущем действительно займут) пустующие ячейки в матрице, репрезентирующей генеративную область этой модели. Всё это наводит на мысль о **потенциале** языковой системы. Он огромен; он намного превышает то, что реализовано на данном этапе эволюции языка, и обеспечивает дальнейшее развитие языка в грядущих политических, экономических, социальных и культурных условиях.

В возможном безбрежном океане
 Действительное – маленький Гольфстрим (Васильев 2012).

Потенциал языка предполагает будущее бытие множества единиц и форм, которых пока нет, но они имеют возможность возникнуть, потому что это позволяет система языка. «Они как бы потенциально существуют в языке, и нужен лишь внешний стимул, обусловленный речевой ситуацией, чтобы они были употреблены», – отметил В.В. Лопатин [1973: 70]. Это множество не бесконечно; имеются ограничения на возникновение единиц, не отвечающих канонам данного языка. Но предсказать его во всей его полноте невозможно по причинам, перечисляемым ниже:

- во-первых, потому, что мы не знаем коммуникативные потребности потомков;
- во-вторых, потому, что неизвестно, как будут меняться генеративные модели;
- в-третьих, потому, что некоторые генеративные модели языка не являются строгими алгоритмами, а значит, продукты их работы низко предсказуемы.

Можно лишь строить догадки о ближайшем этапе языкового развития, основываясь на существующих ныне тенденциях.

Взгляд в будущее в какой-то мере симметричен взгляду в прошлое: подобно тому, как гипотетически восстанавливаются утраченные языковые единицы и формы, можно делать предположения о потенциально возможных единицах и формах языка.

Легче всего их делать, когда языковые единицы и формы строятся по строгому алгоритму, не предполагающему творческого подхода. Так, по единой модели образованы английские существительные *horser* “любитель лошадей” (в одном из значений этого слова), *butterflier* “любитель бабочек” и *birder*

“любитель наблюдать и слушать птиц”. Эта модель имеет значение “любитель того или иного вида животных”. Чтобы создавать по ней окказионализмы, нужно всего лишь механически присоединять суффикс *-er* к лексическим основам названий животных:

*raccooner “любитель енотов”

*ferreter “любитель хорьков”

*badgerer “любитель барсуков”

*parroter “любитель попугаев”

*hamsterer “любитель хомяков”

*guinea-pigger “любитель морских свинок”

*mini-pigger “любитель карликовых свиней”.

Одна из особенностей английского словообразования состоит в том, что в рамках модельного ряда граница между виртуальными и реальными продуктами работы модели размыта. В английском языке существует ряд очень активных словообразовательных аффиксов, с помощью которых легко образуется большое количество дериватов, причем не всегда можно с уверенностью сказать, воспроизводится ли данный дериват «в готовом виде», т.е. является единицей языка, или создается каждый раз заново как единица речи.

Например, касательно префикса *re-* в толковом словаре дано пояснение: “*Re-* is a **living** prefix ... It may be prefixed for the occasion to **any** verb ... The words are compounded **before** being adopted by English” [COD: 1025] («*Re-* – **живой** префикс. Его можно присоединять по случаю к **любому** глаголу. Такие слова сочиняются **до** их принятия в систему английского языка»). То же можно сказать о субстантивных суффиксах *-er* и *-ing*, о субстантивных и адъективных префиксах *super-*, *over-* и др. Не случайно в некоторых толковых словарях ([COD] и др.) они имеют свои собственные словарные статьи, как если бы они были не связанными формами (морфемами), а свободными формами (словами) с широкой сочетаемостью. Ограничения на присоединение таких аффиксов к английским лексическим основам минимальны. При сборе материала нам было

трудно найти английские глаголы, от которых **не** образованы существительные с суффиксом *-er*, означающим деятеля. В английском языке имеются диковинные для русского языкового сознания существительные, образованные от отсубстантивных глаголов:

исходное существительное	глагол, образованный от су- ществительного по конверсии	существительное, образованное от глагола суффиксом <i>-er</i>
a bed постель	to bed укладывать в постель	a bedder тот, кто укладывает в постель
a table стол	to table расставлять на столе	a tabler тот, кто расставляет на столе
a breakfast завтрак	to breakfast кормить завтраком	a breakfaster тот, кто кормит завтраком
a mother мать	to mother нянчиться	a motherer тот, кто нянчится
a girl девушка	to girl проводить кастинг	a girler тот, кто проводит кастинг
scissors ножницы	девушек to scissor резать ножницами, кроить	девушек a scissorer тот, кто режет ножницами, кроит

В таких модельных рядах лакун немного, а те, которые существуют, носят спорный характер: не исключена возможность, что соответствующие окказиональные слова появляются в английской речи достаточно часто, чтобы уже считаться единицами языка. Таково, например, английское окказиональное слово **hoper* (“тот, кто надеется”; ср. с узуальными словами *believer / confider* “тот, кто верит / доверяет” и т.п.): хотя слова **hoper* пока нет в толковых словарях, нет и гарантий того, что оно, спорадически возникая в речи, *de facto* не стало уже узуальным.

Если же словообразовательная модель представляет собой не строгий, а **эвристический** алгоритм, оставляющий некоторую свободу для

индивидуального творчества, то продукты ее работы мало предсказуемы или не предсказуемы вовсе:

<i>talkathon</i>	< talk + marathon	говорильня,	бесконечные
<i>flirtini</i>	< flirt + martini	разговоры	
<i>alcoholiday</i>	< alcohol + holiday	романтическое знакомство в баре	
<i>edutainment</i>	< education	+ воскресная попойка	
<i>Coca-</i>	entertainment	обучение в игровой форме	
<i>colonization</i>	< Coca-cola	+ распространение кока-колы по	
<i>mockumentary</i>	colonization	миру	
<i>wedsite</i>	< mock + documentary	псевдодокументальный фильм	
<i>text-massage</i>	< wedding + website	брачное знакомство по Интернету	
<i>frankenfood</i>	< message + massage	прием sms в виброрежиме	
<i>covidiot</i>	< Frankenstein + food	генно модифицированная еда	
	< COVID + idiot	нарушитель режима пандемии	

Ср. рус. *хрущобы* (<Хрущев + *трущобы*), *катастройка* (<*катастрофа* + *перестройка*), *прихватизация* (<прихватить + *приватизация*) и т.п.

Хотя эти окказионализмы (некоторые из них уже перешли в лексический фонд языка) созданы по единой модели телескопного словообразования, они представляют собой не результат рутинного применения модели, а творческие находки – ведь их создатели должны были выбрать лексические основы для соединения в остроумное телескопное слово; это не механический, а креативный процесс.

Чем выше креативность, а значит, и нестандартность, тем больше оснований полагать, что данная единица не входит в схему языка и потому является не лакунарной, а потенциальной (возможной), а то и невозможной в языке. Приведем ряд примеров.

Окказионализм *travel-stained* (букв. “замызганный в поездке”), созданный Дж. Толкином («Властелин колец»), вписывается в словообразовательную модель (*mud-stained* “заляпанный грязью”, *blood-stained* “запятнанный кровью”, *ink-stained* “запачканный чернилами” и т.п.) и потому может быть отнесен к числу лакунарных (виртуальных) единиц. У него есть все шансы стать реальным английским словом.

Окказионализм *pneumono-ultra-microscopic-silico-volcano-coniosis* (“легочное заболевание, вызванное вдыханием очень мелкой кремниевой пыли”) создан по непродуктивной модели и представляет собой скорее потенциальное, чем виртуальное слово⁵⁸. В принципе оно может войти в язык, но это маловероятно, т.к. оно не отвечает требованию лаконичности.

Окказионализм *underdarkneath*, букв. “под-темно-низом” (Дж. Джойс. Поминки по Финнегану), созданный в порядке языковой игры вне каких-либо словообразовательных моделей (путем ненормативной вставки корня *-dark-* “темно” внутрь наречия *underneath* “снизу”), представляет собой, скорее всего, невозможное слово. Такого слова нет в системе английского языка, и вряд ли оно имеет шансы войти в эту систему, не говоря уже о норме и узусе языка. Между множествами узуальных, окказиональных, виртуальных и потенциальных слов нет резко очерченных границ.

Номинативные единицы тесно связаны со своей предметной областью – тем миром, который они описывают. Фантазируя о мирах будущего, писатели сочиняют адекватные им окказиональные номинаторы фантастических реалий. Некоторые из них представлены ниже.

окказионализм	значение	автор
<i>chronoclasm</i>	“парадокс времени”	Дж. Уиндэм
<i>synthosteak</i>	“искусственное мясо”	Р.
<i>hyperspace</i>	“пространство, где можно летать быстрее	Хайнлайн
<i>graviflyer</i>	света”	А. Кларк
<i>scorcher</i>	“летательный аппарат на гравитационной	Р. Шекли
<i>robotics</i>	тяге”	К. Саймак
<i>blaster</i>	“лучевое оружие”	А. Азимов
	“робототехника”	У. Ле Гуин
	“электромагнитное оружие”	

В XX веке англоязычные литературно-художественные произведения в жанрах научной фантастики и фэнтези образовали единое дискурсивное

⁵⁸ «Это слово является искусственным. Его придумал в 1935 г. президент *Puzzler's League* Э. Смит как образец слова, имеющего шансы войти в употребление в медицине» [Майоров 2018: 1].

пространство (интертекст), в котором многие окказиональные наименования стали кочевать из одного произведения в другое, тем самым превращаясь из окказиональных в узуальные – по крайней мере, в рамках этого интертекста. Их устойчивость возросла. В дальнейшем некоторые из них стали выходить за пределы фантастического мира и проникать в реальный. Так, слова *hyperspace* (гиперпространство) и *robotics* (робототехника) перешли из произведений фантастики в реальный дискурс и стали настоящими терминами, обладающими полноценной языковой устойчивостью.

Порой такие наименования создаются не в художественной, а в научной литературе. В частности, термин *cyborg* (киборг), образованный способом акронимизации от словосочетания *cybernetic organism*, возник в статье [Clynes 1960], в которой обсуждались возможности адаптации человеческого организма к условиям космоса. Ныне киборгизация понемногу воплощается в жизнь, а слово *cyborg* прошло этап виртуальности (лакунарности) и стало реальным словом.

Будущее «прорастает» в настоящем. В наше время, благодаря жанрам научной фантастики и фэнтези, а также футурологическим прогнозам, люди мысленно настолько освоились с будущим, что многие понятия и термины подобного рода употребляются так же широко, как и названия реальных вещей.

В пространстве фантастики, публицистики, СМИ, Интернета, электронных игр широко и свободно «гуляют» реалии будущего – всяческие антигравитаторы, гипноизлучатели, кибер-дворники, робото-няни (А. Азимов. «Я, робот») и даже электронные бабушки (Р. Брэдбери. «Тело электрическое я пою»). В нашу эпоху стремительного возникновения и внедрения научно-технических, социальных и культурных инноваций люди не успевают отслеживать, какие прогнозы и планы еще не реализованы, а какие уже воплотились в жизнь.

«Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его», – писал о будущем Н.Г. Чернышевский [2012: 154]. Люди (особенно поколение *next*) в какой-то мере уже живут грядущим, тем самым приближая его; ведь по

нынешним образцам оно в определенной степени и формируется. В «Мастере и Маргарите», в споре на Патриарших прудах («Кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?»), прав был не только Воланд («управляет <не человек, а> кто-то совсем другой»), но отчасти и Иван Бездомный («сам человек и управляет»). Будущее – равнодействующая человеческих планов и объективных обстоятельств. В языковых лакунах вырисовываются возможные контуры не только языка, но и цивилизации, и культуры. В них сквозит облик грядущего.

Некоторые прогнозы уже сбылись; названия вымышленных объектов стали обозначать реальные вещи и переходить из виртуального в реальный домен языка. Так, в романе Г. Уэллса «Война в воздухе» (1907) описан вымышленный летательный аппарат под немецким названием *Drachenflieger* (букв. «драконолёт»). Ныне так по-немецки именуются настоящие дельтапланы, а по-английски (*dragon-flyer*) – настоящие мини-вертолеты.

Многие вещи, воплотившиеся в действительность, получили названия, в свое время сочиненные писателями-фантастами: *robot* «робот» (К. Чапек. «Р.У.Р.», 1920), *spaceship* «космический корабль» (К. Льюис. «Из недр молчаливой планеты», 1938), *smart house* «умный дом» (Р. Брэдбери. «Вельд», 1950) и т.п. Многие другие фантастические названия ждут своего часа, но, скорее всего, большинство из них так и не перейдет в реальность.

Будущее всё же далеко не настолько предсказуемо, чтобы соответствовать всем нынешним прогнозам. Многие такие названия, став широко известными, изменили значения. Так, слово *moonraker* (Я. Флеминг. «Лунный гонщик») ныне обозначает не фантастический звездолет, а реальный вид скутера; *android* (О. Виллье де Лиль-Адан. «Ева грядущего») – не вымышленное искусственное разумное существо, а настоящую операционную систему для смартфонов и ноутбуков.

По Э. Стюарт, модель есть шаг на пути к теории [Stewart 1976: Chapter 1]. Далее, теория есть шаг на пути к технологии, а технология – шаг на пути к грядущей реальности. Некоторые лакунарные языковые единицы,

составляющие языковое обеспечение моделей, теорий и технологий, вместе со своими денотатами находятся на пути к превращению в реальные единицы. Лингвистическая лакунология имеет лингвопрогностический аспект. Лингвопрогностические эксперименты вначале проводились публицистами, философами и писателями-фантастами:

С. Лемом с его лингвофутурологическим хрономоделированием («Осмотр на месте»)

Г. Фрейденталем с его «линкосом» («Проект языка для межпланетного общения»)

Дж. Р. Толкином с его «синдаринном» и иными языками («Властелин колец»)

А.Н. и Б.Н. Стругацкими с их «языком флюверов» («Отягощенные злом»)

Э. Бёрджессом с его «надсатом» («Заводной апельсин»)

Дж. Оруэллом с его «новоязом» («1984») и др.

Р. Брэдбери сделал прогноз изменений в английской орфографии:

Tyme Sefari Inc. Sefaris tu any yeer en the past. Yu naim the animall. Wee taek yu thair. Yu shoot itt. R. Bradbury. <i>A Sound of Thunder</i>	A/O софари вовремени. Арганизуем софари влюбой год прошлого. Вы выбираете дабычу. Мы даставляем наместо. Вы убеваете ее.
--	--

Прогноз в области английского словообразования сделал Дж. Оруэлл, экстраполировав в будущее наблюдавшиеся им в сфере политических неологизмов тенденции к лексикализации словосочетаний, элизии, акронимии, телескопии:

Newspeak (новояз)	minitruе (миниправ)	duckspeak (речекряк)
Oldspeak (старояз)	miniluv (минилюб)	thinkpol (мыслепол)
Ingsoc (ангсоц)	joyscamp (радлаг)	plusgood (очхор)

Приведем толкование одного из окказионализмов, сочиненных Дж. Оруэллом и использованных в его знаменитой антиутопии:

Consider ... a typical sentence: "Oldthinkers unbellyfeel Ingsoc". The shortest rendering one could make of this in Oldspeak would be "Tho- se whose ideas were formed before	Возьмем ... типичное предложение: «Старомыслы ненутрят ангсоц». Кратчайшим способом на староязе это можно изложить так: «Те, чьи идеи
---	---

<p>the Revolution cannot have a full emotional understanding of ... English Socialism". But this is not an adequate translation ... Only a person thoroughly grounded in Ingsoc could appreciate the full force of the word <i>bellyfeel</i>, which implied a blind, enthusiastic, and casual acceptance difficult to imagine today. <i>G. Orwell. 1984</i></p>	<p>сложились до Революции, не воспринимают всей душой принципы английского социализма». Но это неадекватный перевод ... Лишь человек, воспитанный в англосоце, почувствует всю силу слова <i>нутрить</i>, подразумевающего слепое восторженное приятие, которое в наши дни трудно вообразить.</p>
---	---

Сходные идеи изложены в антиутопиях Г. Уэллса («Когда спящий проснется»), О. Хаксли («Дивный новый мир»), В.В. Набокова («Приглашение на казнь»).

В этой связи стоит отметить своеобразный принцип слово- и фразообразования, по которому новая языковая единица создается путем «отталкивания» от старой. Например, английское слово *automobile* (от *древнегреч.* *auto-* “само-” + *лат.* *mobilis* “движущийся”) возникло как антитеза представлений о конной тяге. Ср. также:

- существительное *wireless* “радио” от *wireless telegraph* “беспроводной телеграф”
- существительное *movies* “кино”, *сокращ.* от *moving pictures* “движущиеся картинки”, возникшее на фоне представлений об обычных (неподвижных) картинках;
- существительное *automatic*, *сокращ.* от *automatic pistol* “самозарядный пистолет”, возникшее на фоне представлений о более ранних, несамозарядных пистолетах (ср. рус. *автомат* – название вида оружия, образованное как антитеза названий традиционного неавтоматического стрелкового оружия).

В этих случаях в основе нового значения лежит дифференциальная сема, зафиксированная во внутренней форме названия (отсутствие проводов, подвижность, самозарядность). Такие языковые единицы демонстрируют прогресс в той или иной предметной (в наших примерах – научно-технической) области. По этому принципу можно создавать и такие языковые единицы, которые обозначают пока еще не существующие вещи; модель наводит на мысль о возможности их возникновения в будущем, тем самым выполняя

прогностическую функцию. Виртуальная языковая единица вписывается в модельный ряд реально существующих единиц. Например:

модельный ряд узуальных слов	виртуальное слово	значение виртуального слова
bit-coin, bit-currency, bit-money	*bit-wage	“зарплата биткоинами”
bankomat, foodomat, drinkomat	*airmat	“автомат по продаже воздуха”
robocook, roboguide, robocleaner	*robocab	“такси с автопилотом”
e-mail, e-bank, e-library, e-shop	*e-church	“электронная церковь”

В пустующих ячейках (лакунах) модельных рядов угадывается облик грядущего.

Ныне лингвопрогностика поставлена на научную основу и возведена в ранг теории [Гамова 2001]. «На необходимость лингвистической прогностики как научного направления, обращенного к будущему, указывает наличие лингвистической палеонтологии, обращенной к прошлому языка», – отметил А.А. Кретов [2006: 4].

Дальнейшему развитию обоих этих направлений может способствовать лингвистическая лакунология, исследующая «пустоты» в языке и реконструирующая их возможное заполнение.

Можно ли считать **все** языковые единицы, которые могут быть созданы по моделям данного языка, лакунарными? По нашему мнению, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Ведь лакунарные единицы – это такие единицы, «которые должны присутствовать в языке, если исходить из его отражательной функции ... и из лексической системы языка» [Гак 1977: 261], а о потенциально возможных единицах мы не знаем, должны ли они будут когда-нибудь присутствовать в языке.

Такого рода единиц (по крайней мере, в настоящий момент) не существует не только в составе нормы и узуса, но и в составе схемы языка, то есть в языке их нет совсем. О том, чего нет совсем, трудно утверждать что-либо достоверное и определенное. Поэтому выше, анализируя лакуны, мы говорили не о обо всем потенциале языка, а лишь о его **виртуальном** домене. Мы ограничились рассмотрением лишь тех единиц, которые существуют в схеме

языка, хотя и отсутствуют в его норме и узусе. Иначе говоря, мы подвергли анализу не все потенциальные единицы языка, а лишь их разновидность – виртуальные единицы. Свидетельством их существования в схеме (виртуальном домене) языка служит их окказиональное появление в речи.

Внутри потенциала языка его виртуальный домен не образует анклава с резко очерченной границей. Весь потенциал языка может в определенной мере рассматриваться с позиций лакунологии. С этих позиций язык предстает как реальность, возникшая из (если воспользоваться формулировкой А.Ф. Лосева) «хаоса бесконечных трансформаций», т.е. из потенциала.

Сущее предстает на фоне возможного; исходя из этого, можно ставить вопросы о том, почему в реальный домен перешли именно эти единицы и формы, почему не перешли другие и как этот процесс будет развиваться в дальнейшем. Иными словами, можно отслеживать тенденции языковой эволюции и в какой-то мере прогнозировать развитие языка. Таков, в нашем представлении, ответ на вопрос о том, какие задачи призвана решать лингвистическая лакунология на основе внутриязыкового подхода в свете концепции когнитивного субстрата языкового мышления.

Выводы по главе II

В главе II рассмотрен вопрос о способах, которыми во внутренней форме единиц языка фиксируется корреляция сенсорных ощущений и отвлеченных понятий.

В §1 «Когнитивный паттерн “Пространство”» отмечено, что природа человека и обусловленные ею особенности форм отражения реальности не могут быть устранены из познания мира. Люди воспринимают физическое пространство, пользуясь зрительным анализатором, присущим приматам. Специфика приматского восприятия мира в большой мере обуславливает характеристики человеческой картины мира. Спациальные категории играют роль всеобщего языка при моделировании структуры социума, системы

родства, внутреннего мира человека, общественных и личных отношений, иерархии ценностей, уровней качества и т.д.

В §2 «Участки когнитивного паттерна “Пространство”» проанализированы когнитивные возможности спатальных категорий верх – низ, близость – дальность, правая – левая сторона. Прежде всего рассмотрено отношение верха и низа, которое глубоко внедрено в семантическую систему английского языка. С помощью понятий, связанных с вертикалью, моделируются различные сферы бытия, в первую очередь устройство общества. Отношение “близость – дальность” лежит в основе таких смысловых антитез, как градация и сходство / различие. Правая сторона ассоциируется с позитивными аспектами жизни, а левая – с негативными.

В §3 «Презентация времени с помощью пространственных категорий» продемонстрировано, что существуют три модели времени – циклическая, прямолинейная и комбинированная. В этом разделе рассмотрено и понятие “вечность”. По одним представлениям, вечность есть неограниченно длящееся время, а по другим – отсутствие времени. Всё это закреплено в значениях английских языковых единиц.

В §4 «Когнитивный паттерн “Физические параметры предметов”» отмечено, что человек в ходе познания действительности выявляет не только объективные закономерности мира, но и человеческий смысл мира, «примеряет» мир на себя, оценивает природные и культурные реалии относительно себя. Оценка витальной значимости материальных предметов и явлений переносится на социальные, культурные и психологические явления. Это отражено в семантике языка. В частности, многие абстракции созданы на базе аналогии с наглядными сенсорными представлениями. А) Представления о тяжести – легкости используются при моделировании целого ряда явлений средствами английского языка и лежат в основе таких понятий, как значимость, значительность, влияние кого-либо или чего-либо в пространстве социальных, культурных, межличностных отношений, а кроме того, душевные состояния, нагрузка, ответственность, катастрофичность тех или иных явлений.

Б) Представления о плотности – рыхлости передают личностные свойства человека, эпистемические состояния, волевые качества и интенциональные состояния, социальные нормы, интеракции. В) Представления о силе – слабости передают эмоциональные и интенциональные состояния, социальные и культурные явления, действия, убеждения, ментальные свойства и качества. Г) Представления о чистоте – грязи ассоциируются в основном с двумя тематическими областями – сферой морали, а также возобновлением. Д) Представления о конфигурации предметов ассоциируются с разнообразными отвлеченными понятиями. Острота – тупость: физические ощущения, чувственное восприятие, интенциональные состояния, эмоциональные состояния, умственные состояния и качества, воздействие и взаимодействие, объективные обстоятельства. Угловатость – округлость: неловкость, неудобство, неуклюжесть, нескладность, несуразность, невоспитанность; гладкость, комфорт, удобство, завершенность, всесторонность, совершенство. Прямызна – кривизна: простота, непосредственность, правдивость, честность, искренность; усложненность, неискренность, изворотливость, искажение, лицемерие, ханжество, лживость, мошенничество, неправильность, отступление от простого и ясного изложения мыслей. Е) Тепло – холод символизируют разную интенсивность проявления эмоций.

В §5 «Перцепция как когнитивная основа ментальной деятельности» показано: в английской лингвокультуре преобладает ментальной деятельности по отношению к перцепции проявляется в том, что ментальная деятельность репрезентируется как перцепция. В частности, мысленный образ предмета, являющийся результатом интеллектуальной переработки сенсорной информации, подается как непосредственное видение предмета глазами. Кроме того, умственная деятельность репрезентируется как слышание. Под слышанием (актом перцепции) подразумевается понимание (ментальный акт). Обоняние ассоциируется у носителей лингвокультуры с представлениями о предвидении, предвосхищении, интуитивном знании. Осязание, будучи контактным физическим ощущением, ассоциируется в основном с общением,

ментальным контактом, духовной связью людей. Представления о вкусе как о физическом ощущении во рту переносятся в английской лингвокультуре на представления о предпочтениях, стиле, эстетических качествах и о признаках, показателях тех или иных явлений действительности. Образы физической боли лежат в основе представлений об отрицательных эмоциях. Кроме того, боль ассоциируется с предпринимаемыми усилиями. Ментальные акты моделируются также с помощью образов физических процессов и предметно-практических действий.

В §6 «Проблема понимания в свете концепции когнитивного субстрата языкового мышления» отмечено, что атавизмы предметно-наглядного мышления в когниции до сих пор столь сильны, что для ясного понимания структуры визуально не воспринимаемого объекта человеку требуются наглядно-чувственные аналогии. Без старого, привычного и понятного, им трудно постичь новое, невообразимое, у которого нет «внешнего вида». Человек, постигая не воспринимаемый чувствами мир с помощью разума, пропускает мир через призму знакомой ему совокупности чувственных представлений, приспособлявая воспринимаемые эмпирические данные к имеющимся у него сенсорным образам мира, уподобляя новое старому и тем самым включая поступающую информацию в свой когнитивный мир в адаптированном виде. Понимание достигается путем сведения незнакомого к знакомому. Этому в большой мере способствует вербальный язык, в котором содержатся результаты прошлого познавательного опыта людей. Язык, в категориях которого люди мыслят и отражают окружающий мир, заставляет их именовать новые объекты уже существующими вербальными средствами и встраивать их в имеющиеся грамматические конструкции, тем самым уподобляя новое старому.

В §7 «Культурные скрипты как часть когнитивного субстрата языкового мышления» отмечено, что среди когнитивных паттернов особо выделяются культурные скрипты; скрипт определяется нами как вид когнитивного паттерна, который отражает ролевую структуру ситуации или совокупности

взаимосвязанных ситуаций (сферы деятельности), типичной для данной этнокультуры. В этом же разделе установлены корреляции между образной основой культурных скриптов и теми сферами действительности, которые ими моделируются и символизируются.

В §8 «Ментальный мир в наглядно-чувственном представлении англосаксов» продемонстрирована историческая преемственность и структурный параллелизм предметно-практической и абстрактно-теоретической деятельности. Показано, что сенсорно не воспринимаемые психические явления и процессы выражаются в английском языке с помощью наглядно-чувственных образов и не могут выражаться каким-либо иным способом в силу особенностей моделирующей способности человеческого языкового мышления.

В §9 «Потенциал семантической системы языка» охарактеризованы пока не реализованные возможности лексико-фразеологической системы и продемонстрировано различие между реальными, лакунарными и потенциальными языковыми единицами. Показано, что виртуальные единицы языка, в отличие от других потенциальных его единиц, отсутствуют лишь в его норме и узусе, но наличествуют в его схеме; это подтверждается их окказиональным появлением в речевых актах.

Итак, в Главе II когнитивный субстрат семантической системы языка и языкового мышления был рассмотрен в его лексико-фразеологическом аспекте. В следующей главе анализируется грамматический аспект данного явления.

ГЛАВА III. ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОГНИТИВНОГО СУБСТРАТА ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Как известно, грамматика языка представляет собой его реляционный каркас, на который наращивается «плоть» лексико-фразеологического фонда. В лексических и фразеологических единицах зафиксированы отдельные лингвокультурные концепты, определяющие специфику языкового мышления и мироощущения народа – носителя языка, тогда как в грамматике – опосредованно – отражены основные схемы моделирования действительности (речемыслительные паттерны), которые в совокупности составляют грамматический субстрат языкового мышления. По поводу связи этих схем с особенностями менталитета народа – носителя языка – высказываются разнообразные, порой противоположные и спорные мнения. В Главе III излагается наша позиция по ряду вопросов, касающихся связи грамматики со стратегиями языкового мышления, и приводятся аргументы в поддержку этой позиции.

§1. Влияние строя и типа языка на языковое мышление

«В то время как число слов языка представляет объем его мира, грамматический строй языка дает нам представление о внутренней организации мышления», – указал В. фон Гумбольдт [1984: 345]. Грамматика и мышление находятся в двусторонней причинно-следственной связи, взаимовлиянии. Ниже мы рассмотрим вопрос о том, какой из этих векторов преобладает, или, иначе говоря, какое влияние сильнее: мышления на грамматику или грамматики на мышление.

По А.Ф. Лосеву [1982], в процессе культурно-исторического развития языковое мышление проходит ряд стадий, каждой из которых соответствует

свой грамматический строй языка. Для каждой стадии языкового мышления и, соответственно, для каждого строя языка характерен свой тип грамматического предложения.

В ходе эволюции человеческого мышления языки последовательно проходили инкорпорирующую, эргативную и номинативную стадии.

Инкорпорирующая стадия – самая ранняя. В древнейшие времена человек, с его слабо развитым его, еще не умел отчетливо противопоставлять себя окружающему миру. Мир (внешний феномен) и картина мира (феномен внутренний) были для человека практически тождественны⁵⁹.

Отсюда проистекал полисинтетизм грамматического предложения (точнее, прото-предложения, получившего наименование *инкорпоративный комплекс*): в его составе субъект еще не выделялся (или, по крайней мере, весьма нечетко выделялся) из действительности как самостоятельная сущность.

На следующей – **эргативной** – стадии субъект уже отчетливо выделялся, но в качестве субъекта выступал не человек. Человек позиционировал себя как инструмент в руках субъекта. Вместо *Волка убил охотник* предложение строилось по схеме *Волка убило охотником* (ср. с русской реликтовой конструкцией *Ивана убило молнией*). В качестве субъекта выступало выраженное соответствующей формой глагола некое «Оно» – сверхъестественное существо, причина и инициатор всего происходящего в мире. В частности, «Оно» убило Ивана молнией, а волка – охотником. Охотник мыслился не как инициатор действия, а как орудие инициатора (божества, демона, идола и т.п.). Люди еще не чувствовали себя хозяевами мира – слишком слабы и беспомощны они были перед природными стихиями в те времена.

Наконец, на **номинативной** стадии развития мышления и языкового строя человек, добившись успехов в покорении сил природы, почувствовал

---

⁵⁹ В наше время такое неразличение внешнего и внутреннего миров наблюдается в онтогенезе в период раннего детства: «Когда обидят двухлетнего Элю, он говорит угрожающе: “Сейчас темно сделаю!” И закрывает глаза, убежденный, что благодаря этому весь мир погрузился во тьму» [Чуковский 2020: Глава 2].

себя хозяином жизни и инициатором действий. Образно говоря, человек ссадил божество с престола и уселся на него сам. В морфологии языка возник самостоятельный, независимый падеж имени существительного – номинативный. Он противопоставлен косвенным падежам в том отношении, что он не управляется глаголом. В синтаксисе возникло «гордое» подлежащее, существующее само по себе и диктующее сказуемому лицу, число, а в некоторых языках и грамматический род.

Наша дальнейшая аргументация носит полемический характер. Прежде чем продолжить, мы считаем необходимым сделать важную методологическую оговорку. Полемика неизбежно предполагает сопоставление точек зрения и их рациональную оценку. В этой связи порой возникают нарекания в отходе от научной объективности и даже в переходе научного дискурса на рельсы публицистики. На это следует возразить: оценка, если она, во-первых, носит рациональный, а не эмоциональный характер, а во-вторых, имеет под собой твердое обоснование, – такая оценка является вполне правомерным элементом научной коммуникации. В лингвокогнитивном и тесно связанном с ним лингвокультурологическом дискурсе обсуждение ряда социальных и культурных вопросов проводится в русле решения лингвистических, а не социально-политических задач; поэтому такой дискурс нельзя назвать публицистическим. Например, обсуждение особенностей менталитета народа в лингвокогнитивной работе – не самоцель, а способ выявления связи языка и культуры, что является одной из основных задач когнитивной лингвистики.

Итак, в XX – XXI веках появился целый ряд исследований, в рамках которых предпринимались попытки увязать особенности грамматического строя языка с особенностями менталитета народа – носителя данного языка. В частности, А. Вежбицкая [1992; 1996; 1999; 2001a], С.Г. Тер-Минасова [2000], Ю.В. Чернавская [2000], К. Годдард [Goddard 2002] и некоторые другие лингвисты выдвинули тезис: в английском предложении подлежащее в большинстве случаев выражено существительным в номинативном падеже, передающем семантическую роль “агенса”, что, по их мнению, свидетельствует

об активности, инициативности и самостоятельности англосаксов – покорителей мира, хозяев своей судьбы и кузнецов своего счастья. Согласно этому тезису, такой способ языкового мышления стимулирует активную деятельность и способствует достижению жизненного успеха.

По контрасту утверждалось, что в русском языке обилие безличных и неопределенно-личных конструкций с нуль-подлежащим или с подлежащим в косвенном падеже говорит о пассивности носителей русского языка, их фатализме, покорности и неспособности выступать в качестве хозяев жизни и собственной судьбы. В порядке подтверждения приводились парные примеры типа англ. *Wow, I did it!* (Вау, я сделал это!) vs. рус. *Ура, у меня получилось!* Подчеркивалось: англосакс сделал дело, а у русского оно «само» получилось.

Это различие прослеживалось упомянутыми учеными при описании не только действий, но и состояний: англ. *John feels sad* (Джон ощущает грусть) vs. рус. *Ивану грустно*. Англосакс – субъект душевного состояния (имя актанта стоит в номинативе), а русский – скорее его объект (душевное состояние как бы пришло к нему извне, помимо его воли, о чем свидетельствует дативная форма имени актанта).

Такие утверждения лишь на первый взгляд кажутся убедительными. Более тщательный анализ позволяет увидеть шаткость подобной аргументации. Мы имеем обоснованные возражения против вышеприведенного тезиса.

Наблюдения показывают: нельзя утверждать, что английская личная конструкция предложения с глаголом в активном залоге носит сугубо **агентивный** характер. Поскольку агенс – это деятель (сознательный инициатор действия), данная семантическая роль входит в падежный фрейм **только** акциональных глаголов (глаголов действия). Но в английском предложении подлежащее сочетается не только с ними, но и с любыми другими глаголами и выражает **все** семантические роли:

агенс, т.е. деятель (*John made* – Джон сделал),

адресат, т.е. получающий (*John received* – Джон получил),

пациенс, т.е. претерпевающий (*John underwent* – Джон подвергся),

релятив, т.е. состоящий в отношении (John belonged – Джон принадлежал),
 статив, т.е. пребывающий в том или ином состоянии (John slept – Джон спал),
 локант, т.е. находящийся в каком-либо месте (John was inside – Джон был
 внутри),
 локатив, т.е. вмещающий (John kept a secret inside him – Джон хранил тайну в
 себе);
 экспериенцер, т.е. ощущающий (John felt / heard – Джон чувствовал / слышал) и
 др.

Этот факт не позволяет утверждать, что высокая речевая частотность конструкции с подлежащим в общем падеже при глаголе в активном залоге свидетельствует об активном, деятельном характере англосаксов. Англосаксы и вправду деятельные, но это – экстралингвистический факт; вызывает сомнения существование причинно-следственной связи между этой чертой национального характера и этой грамматической конструкцией. Есть основания утверждать: она частотна не поэтому, а потому, что английская грамматика, с ее бедным флексийным фондом, не допускает практически никаких других морфологических форм подлежащего – в частности, формы датива. У современного английского существительного попросту нет датива, а потому нет и дативной конструкции. Нет у него и номинатива. Общий падеж, в котором стоит подлежащее, – это тот же падеж, в котором стоит дополнение.

Упомянутые исследователи почему-то не учитывают очевидное: английское подлежащее стоит не в номинативном, а в общем падеже, принципиально отличающемся от номинативного. Поскольку ныне английское существительное имеет лишь два падежа (общий и притяжательный), общий падеж вынужденно выражает все падежные значения, иногда даже притяжательное; потому его и именуют общим⁶⁰.

По-русски можно сказать *Ивана зашатало*, потому что форма винительного падежа существительного (*Ивана*) передает семантическую роль “пациенс”, а глагольная форма третьего лица среднего рода единственного

---

⁶⁰ Некоторые лингвисты (Г.Н. Воронцова, А.М. Мухин и др.) и вовсе отказывают форме -’s в статусе падежной флексии. Эта точка зрения подразумевает, что у современного английского существительного вообще нет категории падежа. См. об этом: [Бочкарев 2016: 35-37].

числа (*зашатало*) подразумевает нуль-подлежащее в семантической роли “агенса”. В английской же грамматике такая конструкция просто невозможна, т.к. у существительного нет винительного падежа, у глагола нет рода, а в прошедшем времени нет и лица. Английская морфология сравнительно бедна, поэтому, по закону компенсации, большую роль в ней играет синтаксис – в частности, позиция подлежащего, ставшая универсальной при обозначении семантических ролей.

Мысль о том, что кого-то зашатало, англосаксы вынуждены выражать так: *John staggered* (Джон зашатался). Это не номинативный и не винительный, а общий падеж, и Джон – не деятель, а носитель состояния, в данной ситуации лишенный агентивности. Его агентивность – иллюзия, навеянная тем фактом, что его имя стоит в позиции подлежащего и не имеет флексии косвенного падежа. Но этот факт не является свидетельством агентивности Джона. Нельзя задать вопрос *What did John do?* (Что *сделал* Джон?) и ответить: *He staggered* (Он зашатался): ведь *staggered* (зашатался) – **не** действие. Джон ничего не сделал. С ним что-то произошло: *What happened to John?* (Что случилось с Джоном?) – *He staggered* (Он зашатался). Здесь он – **пассивная** сторона, каким бы членом предложения ни было его имя. Это не вопрос особенностей менталитета народа; это вопрос возможностей грамматики языка.

Что касается архаичной английской конструкции *methinks / meseems* (мне думается / мне кажется), она возможна именно потому, что английское личное местоимение, в отличие от существительного, имеет формы номинативного и объектного падежей, а глагол – форму третьего лица. Как видим, эта конструкция возможна в английском языке по той же причине, что и в русском. Но с английскими существительными эта конструкция невозможна, а с русскими – возможна (*Ивану думается / кажется*), поскольку у русских существительных имеется дативная форма⁶¹.

---

⁶¹ Аргументация А. Вежбицкой и ее сторонников нередко основывалась на постулировании жесткой связи номинатива, агенса и подлежащего: в английском предложении подлежащее якобы всегда – агентс, а значит, англосакс всегда – деятель. Но выше мы показали, что это не так.

Подчеркнем еще раз: конструкций типа *У меня не вышло* в английском языке нет не потому, что англосаксы – хозяева своей судьбы, а потому, что у их существительного нет косвенных падежей, кроме притяжательного (а возможно, нет и его). Они вынуждены во всех случаях использовать форму общего падежа: *У меня не вышло* – I failed (*Я потерпел неудачу*). Эта английская конструкция ничуть не «агентивнее» русской: ведь неудачник – не хозяин положения. Как видим, причина носит не культурный и не психологический, а языковой характер – она состоит в дефиците падежных форм и, как следствие, в употреблении общего падежа для выражения всех семантических ролей.

Вот если бы англосаксы, строя свою речь, намеренно ставили подлежащее в номинативную форму при наличии альтернативных форм (косвенных падежей), то можно было бы говорить о гордом духе народа – хозяина мира, выбирающего номинатив как средство обозначения самого себя и предпочитающего его всем другим формам. Но в английском языке практически **нет** такой альтернативы, нет других форм, а значит, нет и выбора. Любому падежу русского существительного соответствует общий (не номинативный!) падеж английского существительного:

русский язык			английский язык		
аргумент	падеж	предикат	аргумент	падеж	предикат
Иван	номинативный	строит	John	общий	builds
Ивана	родительный	нет дома	John	общий	is out
Ивану	дательный	снится	John	общий	dreams of
Ивана	винительный	трясет	John	общий	shakes
Иваном	творительный	восхищаются	John	общий	is admired
Об Иване	предложный	помнят	John	общий	is remembered

Как видим, носители английского языка обо всем говорят в общем падеже. Ничего другого им не остается – ведь, как упоминалось, у английского существительного нет косвенных падежей, кроме притяжательного. Мы полагаем, что дело здесь не в менталитете народа, а в строе языка. По логике вещей, в любом языке, который характеризуется дефицитом или отсутствием

падежей, дело обстоит так же, какому бы народу с каким бы менталитетом этот язык ни принадлежал.

Ср. с французским языком, где существительное не имеет падежей:

русский язык			французский язык		
аргумент	падеж	предикат	аргумент	предикат	дословный перевод
Ивана	родительный	здесь нет	Jean	n'est pas là	Жан не здесь
Ивану	дательный	страшно	Jean	a peur	Жан имеет страх
Ивана	винительный	трясет	Jean	frissonne	Жан дрожит

Общий падеж подлежащего – еще не показатель того, что англосаксы чувствуют себя инициативными строителями и властителями своей судьбы, кузнецами своего счастья и т.п. Рассмотрим ситуацию:

John overslept again and got the sack.	Джон опять проспал и получил расчет.
He suffered a kick on the ass	Ему дали пинка под зад,
and is back at the bottom of the ladder.	и он остался у разбитого корыта.

Несмотря на общий падеж существительного и номинативный падеж местоимения в функции подлежащего, вряд ли англосакс в этой ситуации имеет основания утверждать, что здесь он выступает как активное начало, инициатор и хозяин положения. В данном случае он – пассивное и страдающее лицо, жертва обстоятельств. Как видим, общий падеж существительного и номинативный падеж личного местоимения в равной мере выражают как успех, так и провал, как активность, так и пассивность, как своеволие, так и покорность судьбе.

Бедность английского флексивного фонда обуславливает обязательность наличия подлежащего в общем падеже или номинативе; иначе фраза будет непонятна. Русский может сказать *Меня швырнуло оземь*, а англосакс не может сказать **Me hurled on the ground*, т.к. дефицит флексий не позволяет понять, кто кого швырнул. Приходится употреблять местоимение в номинативе при сказуемом в пассиве: *I was hurled on the ground* (Я был брошен

на землю). В этом употреблении форм гордый дух «хозяина своей судьбы», лежащего на земле, не проявляется никак.

Ныне на Земном шаре **сосуществуют** языки всех трех упоминавшихся выше типов – языки инкорпорирующего, эргативного и номинативного строя. При этом языки первых двух типов принадлежат отнюдь не только культурно отсталым, но и цивилизованным народам. Однако это не означает, что носители таких языков, будучи цивилизованными, мыслят архаически (это было бы противоречием в терминах). Архаические черты этих языков давно уже стали **условностью**, не мешающей людям мыслить современно.

На глубинном уровне языкового мышления носители таких языков думают цивилизованно и лишь на поверхностном уровне оформляют мысль на старинный лад. Таковы, например, баски с их эргативной конструкцией, русские с их грамматическим родом у неодушевленных существительных и др.

Как показали изыскания в области универсальной грамматики, генеративной семантики и семантического синтаксиса, грамматики языков мира имеют семантический инвариант, который может быть описан, в частности, в виде системы семантических ролей, но не филлморовской [Филлмор 1981а; 1981б], которая зависит от характера семантики английских глаголов, а скорее груберовской [Gruber 1970], которая носит долексический характер и определяется не семантикой глаголов какого-либо отдельно взятого языка, а ролевой структурой обозначаемой ситуации. Носители разных языков передают одни и те же грамматические значения с помощью неодинаковых грамматических форм.

Отсюда следует вывод: прогрессивный строй мышления, ставящий субъекта во главу угла и позиционирующий человека (а не божество) в качестве господина положения и хозяина жизни, свойствен современным цивилизованным людям, и он по большей части **не** зависит от типа грамматики их языков (хотя какое-то реликтовое влияние может сохраняться). Мышление (вещь подвижная) опередило грамматику (вещь довольно консервативную). Говоря по-старому, современные люди мыслят по-новому. По нашим

наблюдениям, нет жесткой обусловленности строя мышления грамматическим строем языка.

Люди не могут всё время подгонять грамматику языка под быстрое развитие своего мышления, потому что в этом случае нарушился бы баланс между изменчивостью и стабильностью языка; снизилась бы способность языка выполнять коммуникативную функцию, поскольку конвенции, необходимые для общения, не успевали бы устанавливаться во всенародном масштабе. Возникло бы «вавилонское столпотворение» взаимного непонимания. Поэтому в языке сохраняются атавизмы (такие, как грамматический род у французских и русских неодушевленных существительных), но они в целом не мешают языку нормально функционировать.

Отвечая на вопрос, как связаны строй языка и языковое мышление народа, надо учитывать, что народы и языки не изолированы друг от друга, что они образуют гиперэтнические общности. Не следует увязывать одну грамматическую черту с ментальностью одного народа, как порой поступала А. Вежбицкая. Так, по ее мнению, английская личная форма *John wants* (Джон хочет) подразумевает, что субъект контролирует свое интенциональное состояние и берет на себя ответственность за него, тогда как русская безличная форма *Ивану хочется* подразумевает, что субъекту неподконтрольна его интенция (не Иван хочет, а что-то ему «само» хочется), а значит, англосаксам свойственна самодисциплина и ответственность, а русским – недисциплинированность и безответственность [Вежбицкая 1996: 69-70; Wierzbicka 2002].

Такого рода утверждения иногда доходят до абсурда. Так, англосаксонская инициативность и русский фатализм проиллюстрированы следующим примером: «Особенно ярко видны активные конструкции английского языка в сравнении с пассивными русскими: *I am sick – Мне нехорошо; This baby is teething – У этого ребенка режутся зубы*» [Коляда 2017: 27]. По мнению А.А. Коляды, английские взрослые и дети сознательно контролируют свою тошноту и рост зубов, поскольку они – хозяева жизни, а

русских тошнит спонтанно, и зубы у них режутся самопроизвольно, поскольку русские, включая младенцев, – фаталисты по натуре.

Это утверждение не выдерживает критики. Выше мы показали: английский общий падеж не обязательно выражает агенс. Во всех этих четырех иллюстративных примерах – и английских, и русских – подлежащее выражает одну и ту же семантическую роль “экспериенцер”. Неправомерным является приписывание роли “агенс” любому подлежащему в общем падеже.

По нашему мнению, чтобы добиться достоверности выводов, следует отказаться от атомарного подхода и осуществлять глобальный подход. Нужно рассмотреть определенный тип менталитета, присущего группе народов, и попытаться найти причинно-следственную связь с языками этих народов. Укладываются ли эти языки в определенный тип? Если окажется, что да, тогда появляются основания для утверждения о взаимовлиянии типа ментальности и типа языка. И наличие этой связи необходимо доказывать на обширном эмпирическом материале, не ограничиваясь утверждениями о причинной связи между единичным фактом языка и единичной чертой этнического менталитета.

Например, сомнительным выглядит утверждение, что стремление англосаксов к свертыванию сложных предложений в более лаконичные простые предложения (Everybody knows that he is keen on playing games of chance → He is known as a gambler, букв. «Всякий знает, что он увлекается азартными играми → Он известен как игрок») – свертыванию, совершаемому в русле закона языковой экономии – свидетельствует об экономном и бережливом характере англосаксов, который проявляется в вопросах ведения хозяйства. Экономностью как чертой характера англичан объясняют и упразднение английских косвенных падежей [Deutschbein 1953: 183]. В логике такие утверждения называются не правдивыми, а правдоподобными.

Прежде чем объяснять то или иное языковое явление психологическими и / или культурными причинами, следует тщательно проверить, не обусловлено ли оно собственно языковыми причинами. Лишь в том случае, если лингвистических объяснений не найдено, можно с определенной долей

осторожности выдвигать психологические и культурологические предположения. Эта рекомендация находится в соответствии с известным методологическим принципом, гласящим, что сущностей не следует умножать сверх необходимости [Оккам 2001].

Сказанное в этом разделе подводит к выводу о том, что, вопреки мнению ряда лингвистов, широкая распространенность в английской речи предложений с подлежащим в общем падеже при глаголе в активном залоге не свидетельствует об агентивности английского языкового мышления, якобы проистекающей из активности и инициативности англосаксов.

Специфика английского языкового мышления состоит не в агентивности подлежащего, а в использовании подлежащего в общем падеже для выражения **всех** семантических ролей (в отличие, например, от русского языка, в котором разным семантическим ролям соответствуют разные падежные формы существительного). Это обусловлено не особенностями англосаксонского менталитета, а особенностями морфологии английского существительного.

Носители английского языка, как и все цивилизованные народы, отчетливо различают агенс, пациенс, перцептив, инструменталис и остальные семантические роли на «глубинном» (семантическом) уровне. Но на «поверхностном» (синтаксическом) уровне, за неимением развитой падежной системы, англосаксы выражают семантические роли одной и той же формой общего падежа в позиции подлежащего, подразумевая ту или иную семантическую роль, выводя ее из семантики глагола. В этом состоит одна из стратегий английского языкового мышления. Этим она отличается от русской стратегии, использующей «поверхностные» падежи.

§2. Когнитивная сущность безличных конструкций

Эта тема является прямым продолжением предыдущей – она тоже связана с дискуссионным вопросом о способах грамматического выражения инициативности и активности как черт англосаксонского менталитета. В

системе английского предложения безличные конструкции хоть и не представлены столь широко, как в русской, но всё же играют существенную роль, противореча утверждению о том, что в английской грамматике всё вращается вокруг личного субъекта-агенса. На самом деле реликты мифологического мышления сохранились и здесь.

Поскольку, как известно, морфология английского глагола не допускает нулевого подлежащего (за исключением эллиптических и императивных конструкций), большое значение приобрело безличное местоимение *it*, употребляемое в синтаксической функции подлежащего. Оно выполняет ту же функцию, что и нуль-подлежащее – функцию эвфемистической замены табуированного имени. Его семантика разнообразна, она определяется разновидностью безличного предложения.

В предложениях *It rains / drizzles / snows / hails / lightnings / thunders / thaws* (букв. “<Оно> дождит / моросит / снежит / градит / молнит / гремит / тает”) местоимение *it* в функции подлежащего – это, в исторической ретроспективе, эвфемистическая замена табуированного имени упоминавшегося выше сверхъестественного существа, которое, согласно мифологическим представлениям, управляет всем на свете и, в частности, совершает вышеперечисленные действия. Замена обусловлена суеверием «Чёрт лёгок на помине» или заповедью «Не поминай святое имя всуе».

Действие табу проявляется в ряде языков: в испанском используется нулевое подлежащее (*Llueve*, букв. “Дождит”), во французском – безличное местоимение *il* (*Il pleut*, букв. “Он дождит”), в немецком – безличное местоимение *es* (*Es regnet*, букв. “Оно дождит”) и т.д. Как свидетельствует А.Ф. Лосев [1982], только древние греки говорили прямо, не прибегая к эвфемизации: *Zeus hwei* (букв. “Зевс дождит”), хотя, учитывая, что для эллинов Зевс (от *индоевр.* *dyéws “небо”) был не «богом неба», а «богом-небом», этот оборот можно понимать и как «Небо дождит».

В этой связи уместно упомянуть и английский оборот Mother Carey⁶² is plucking her geese (букв. “Матушка Кэри ощипывает гусей”, перен. “Идет снег”). Ср. также: «В русском народе укоренилось мнение, что “Илья-пророк грозы держит” – лишь ему подвластны небесная и водная стихии ... При дожде говорили: *Илья-про-рок из бочек воду льет*» [Илья-пророк 2017]. Эти факты наглядно демонстрируют и подтверждают присутствие сверхъестественной личности, скрыто выражаемой подлежащим, которое в настоящее время считается безличным.

В связи с темой нашего исследования нас в первую очередь интересует один из аспектов данного грамматического явления, а именно то, как оно определяет характер английского языкового мышления.

Разумеется, современные англосаксы очень далеко отошли от древнего мифологического мышления и миропонимания; в наше время никто из них (кроме филологов) не думает и, скорее всего, даже не догадывается о том, что в рассматриваемой грамматической конструкции кроется древнее представление о силах небесных, которым подвластен мир. Но факт остается фактом: в этой конструкции подлежащим является «Оно» (It), которое при наличии фантазии можно наполнять разнообразным конкретным содержанием, но в любом варианте «Оно» заставляет осмысливать ситуацию в определенном когнитивном формате: в роли “агенса” выступает некая стихия, нечеловеческая по своей природе и неподконтрольная человеку. В этом формате мировосприятия ощущаются отголоски архаического мышления, хотя в наше время они не акцентированы и носят имплицитный характер.

Чтобы наглядно продемонстрировать специфику данной английской конструкции, в качестве эталона сравнения кратко охарактеризуем ее русский эквивалент – *Идет / льет / моросит / накрапывает дождь. Идет / падает / валит снег*. В функции подлежащего в ней выступают названия осадков;

---

⁶² Mother Carey – *искаж. лат. Mater cara* (“милая Матушка”) – одно из перифрастических наименований Пресвятой девы, которое в фольклоре английских моряков стало именем феи ветров.

формально осадки представлены как агенс действия. Но фоновые знания подсказывают, что осадки не могут выступать как сознательный инициатор действия (агенс), а значит, соответствующие глаголы обозначают не действие. Фактически процесс здесь обозначается не глаголом, а всей конструкцией целиком. В таких предложениях дождь и снег мыслятся не как субстанция (вода в ее разных агрегатных состояниях), а как целостные события, происшествия, что подтверждается возможностью обходиться без глагола:

<p><i>А на улице снег, снег, Между нами не год – век</i> (Михалев 2003)</p>	<p><i>Дождик, дождик на дворе, Хмурится погода</i> (Чадова 2017)</p>	<p><i>А за окном то дождь, то снег, И спать пора</i> (Ошанин 2011)</p>
--	---	---

Здесь слова *дождь* и *снег* ассоциируются с событиями, а не с субстанцией, поэтому глагол опущен. Но опускаться может, наоборот, существительное: «*Льет без конца. В лесу туман ...*» (Бунин 2021). Это подтверждает, что такие предложения нерасчленимы на тему и рему. Предложения типа *Идет дождь*, по существу, представляют собой семантические синкреты. В их составе лексические компоненты **не** являются отдельными номинаторами. Такие предложения отражают событие холистически (целостно, неделимо), как если бы это было единое слово. У них отсутствует актуальное членение. Нельзя спросить: *Что идет?* и ответить: *Дождь* или *Что делает дождь?* – *Идет*. Можно лишь задать вопрос ко всему предложению: *Что происходит?* и получить целостный ответ *Идет дождь* (ср. с безличным предложением *Дождит*). Такая нечленимость общего значения оборота на значения составных частей называется семантической целостностью.

И всё же в этой русской конструкции слышатся отголоски древней персонификации: дождь представлен как существо, способное ходить и лить (не литься, а именно лить), а снег – как существо, способное валить (не валиться, а именно валить). У глаголов *лить* и *валить* в составе этой

конструкции нейтрализована оппозиция «переходность: непереходность», что говорит об их событийности, а не акциональности. В событии, описываемом высказыванием *Идет дождь*, никто не действует (дождь – не агенс); просто нечто происходит. В этом формате русские мыслят данный тип ситуаций под влиянием грамматики родного языка.

Следует, впрочем, оговориться, что в фольклоре персонификация всё же ощущается: «На дворе дождь, дождь, да не сеян, не дробен, да не ситечком сеян – *ведром поливает*» (Reelroad 2019). Оборот, выделенный в этом примере курсивом, вызывает в сознании визуальный образ некоего существа, льющего воду из ведра. Как видим, в фольклоре реликтовая мифологическая составляющая этой конструкции сохранилась.

В английском безличном предложении дело обстоит аналогично: невозможен обмен репликами *Who is raining?* – *IT* (букв. “Кто дождит? – *ОНО*”), а также *What is IT doing?* – *Raining* (букв. “Что *ОНО* делает? – Дождит”). Возможен лишь диалог *What is happening?* – *It is raining* (букв. “Что происходит? – Дождит”).

Обратимся далее к английской безличной конструкции *It is (getting / growing) dark / cold / hot / windy etc* (букв. “«Оно» (становится) темно / холодно / жарко / ветрено” и т.п.). В ее составе местоимение *it* имеет несколько иное значение. С его помощью подлежащее выражает AMBIENTНЫЙ субъект (от *лат. ambiens* “расположенный кругом, повсюду”) [Чейф 2009]. В качестве субъекта здесь позиционируется вся окружающая обстановка. В соответствующей русской конструкции – *Темно, Холодно, Смеркается, Светает* и т.п. – AMBIENTНЫЙ субъект выражен нуль-подлежащим, которое по своей семантике не имеет существенных отличий от английского безличного *it*⁶³. Наличие AMBIENTНОГО субъекта подчеркивается в английских предложениях использованием обстоятельства места: *It's cold here* (букв. “Оно здесь

⁶³ Ср. «День вечереет» (Бунин 2021), где в качестве субъекта выступает вся описываемая ситуация, обозначенная словом *день* вместо нуль-подлежащего. Равнозначность предложений *Вечереет* и *День вечереет* подтверждает AMBIENTНОСТЬ нуль-подлежащего.

холодно”). Раздельное употребление *it* и *here* отчетливо показывает, что местоимение *it* выражает здесь именно субъект (в логическом смысле, как член пропозиции), а локатив выражается наречием. Необходимость этого замечания вызвана тем, что некоторые лингвисты, рассматривая предложения типа русского *Здесь холодно*, в слове *здесь* усматривают грамматическое подлежащее и, соответственно, логический субъект. Но эквивалентность английской конструкции *It's cold here* и русской *Здесь холодно* показывает, что в действительности логическим субъектом является не место (*here*), а всё то, что находится в этом месте, всё то, что его заполняет (*it*).

Смещение локатива с логическим субъектом, вероятно, обусловлено тем, что один и тот же актант может мыслиться то как место, то как предмет. Ср.:

It is dirty in the room – В комнате грязно (комната – место).

The room is dirty – Комната грязная (комната – предмет).

Ситуация репрезентируется языковыми средствами по-разному, в зависимости от цели высказывания. Это в очередной раз подтверждает известный тезис К. Маркса [1955a] о том, что язык есть практическое, действительное сознание, и тезис А.Ф. Лосева [1982] о том, что язык «подает» мысль в том или ином ракурсе, выдвигая в фокус внимания одни аспекты реальности и отодвигая другие на задний план.

В ряде случаев в безличной конструкции обозначен наблюдатель, например: *It's too stuffy for me in here* – “Мне здесь слишком душно”. Но даже если в предложении наблюдатель прямо не упомянут (*It's too stuffy in here* – “Здесь слишком душно”), он всё равно присутствует в ситуации – ведь душно всегда **кому-то**.

В одних случаях результат наблюдения представляет собой простую констатацию; оценка, если она дается, определяется ситуацией. Например: *It's cloudy today* – “Сегодня облачно”. Наблюдатель констатирует факт – наличие облачности – к которому он может относиться положительно, отрицательно

или равнодушно; в самом предложении нет указаний на то, оценивается ли объект и если да, то как.

В других случаях оценка состояния объекта наличествует и определяется однозначно. Так, в примере *It's too stuffy in here* негативная оценка выражена словом *stuffy* (душно – это плохо) и наречием *too* (слишком душно – это еще хуже).

Таким образом, складывается следующий когнитивный формат этой грамматической конструкции: некий субъект присутствует в некоем месте, он наблюдает и оценивает состояние всего того, что расположено в этом месте. Он вовлечен в ситуацию и на себе испытывает состояние объекта через свои органы чувств. Например:

“It's damned cold out here”, he said and shivered. “Let's go in” (McDride-Harris 2008) – «Здесь чертовски холодно, – сказал он и поежился. – Давай войдем внутрь». В этом формате англосаксы осмысливают ситуации данного типа.

Близка к вышеописанной и темпоральная конструкция *It is 8 / It is evening now* («Сейчас восемь / Сейчас вечер»), с той разницей, что амбиентный субъект, выраженный словом *it*, характеризуется по локализации не в пространстве, а во времени.

Рассмотрим далее вопрос о языковом выражении способности к внутреннему самоконтролю, способности управлять своим душевным состоянием. Она традиционно считается признаком цивилизованности, а ее отсутствие – признаком варварства. В своей работе «Русский язык» А. Вежбицкая посвятила этому вопросу целый раздел под названием «Неконтролируемость чувств», в котором она отметила: «Говоря о людях, можно ... придерживаться двух разных ориентаций: можно думать о них как об агентах, или деятелях, и можно – как о пассивных экспериенцерах. Пассивно-экспериенциальный способ в русском языке имеет более широкую сферу применимости, нежели в немецком, французском, английском. При экспериенциальном способе представления лица, о котором говорится в предложении, как правило, выступает в грамматической форме дательного

падежа, а предикат обычно имеет безличную форму среднего рода. Одним из основных семантических компонентов, связанных с таким способом представления, является отсутствие контроля: “не потому, что X это хочет”. Безличная форма глагола и дательный падеж имени в предложениях, где идет речь о человеческих чувствах, тоже выражают отсутствие контроля» [Вежбицкая 1996: 45].

В подтверждение этого тезиса в упомянутой работе приведены англо-русские параллели типа *John feels sad* “Джон ощущает грусть” (личная конструкция) – *Ивану грустно* (безличная конструкция).

Эта аргументация вызывает возражения, поскольку она основана на уже обсуждавшемся в предыдущем разделе смешении номинативного и общего падежей подлежащего, вследствие которого общий падеж считается выразителем исключительно семантической роли “агенса”. Ниже приводятся наши контраргументы.

1) Английская конструкция *John feels sad* “Джон ощущает грусть” не более «агентивна», чем русская *Ивану грустно*. Выше было показано, что английский общий падеж передает не только роль “агенса”, но и **любую другую** роль, в том числе роль пребывающего в состоянии (экспериенцера). В конструкции *John feels sad* падежный фрейм глагола *to feel* “ощущать” содержит именно роль “экспериенцер”.

Подчеркнем еще раз: личная форма *John* в этой английской конструкции не является формой номинативного падежа, и выражает она **не** агенса. Не следует смотреть на эту английскую грамматическую форму глазами носителя польского, русского или иного флективного языка. Ощущение того, что *John* здесь – агенса, вызвано интерференцией флективного языка, в котором подлежащее обычно стоит в номинативе и выражает агенса. Нужно учитывать, что в английском языке это не так. Английское подлежащее стоит в общем падеже не потому, что оно выражает агенса, а потому, что ему не в чем больше стоять – ведь, как упоминалось, у английского существительного нет ни датива, ни других косвенных падежей, кроме притяжательного. А. Вежбицкая сделала

психологический вывод из языкового факта, который на самом деле, по принципу У. Оккама, поддается лингвистическому объяснению.

2) В русском языке наряду с безличным способом обозначения эмоций существует личный способ:

<i>Ивану страшно</i> = <i>Иван боится,</i>	<i>Ивану обидно</i> = <i>Иван обижается,</i>
<i>Ивану стыдно</i> = <i>Иван стыдится,</i>	<i>Ивану завидно</i> = <i>Иван завидует,</i>
<i>Ивану грустно</i> = <i>Иван грустит,</i>	<i>Ивану невдомёк</i> = <i>Иван не понимает,</i>

и статистически не подтверждается, что в русской речи безличный способ предпочитается личному. Так, предложения *Я боюсь* и *Мне страшно* – равноценные русские способы обозначения страха. Значит ли это, что русские то контролируют свои эмоции, то нет, а англосаксы контролируют их всегда? Это сомнительно.

В действительности в русской речи выбор то личного, то безличного способа обозначения эмоций определяется не тем, что русские то контролируют, то не контролируют свои эмоции. Выбор диктуется расхождениями

а) в семантических нюансах: *Я стыжусь / жалею / обижаюсь* (многократно переживаемые состояния) – *Мне стыдно / жалко / обидно* (сиюминутные состояния)⁶⁴;

б) в стилистических нюансах: *Я испытываю удовольствие / отвращение* (книжный стиль речи) – *Мне приятно / противно* (нейтральный стиль речи);

в) в сочетаемости: *Я завидую (кому-либо – косвенное дополнение) – Мне завидно, что ...* (+ придаточное изъяснительное).

3) Русские конструкции с дативом (*Мне подумалось, Мне не спится* вместо *Я подумал, Я не хочу спать* и т.п.) отражают тот факт, что некоторые психические процессы неподконтрольны сознанию, что они исходят из сферы бессознательного и воздействуют на сознание. В английском языке, по закону компенсации, этот факт **тоже** отражен, но только, за неимением косвенных падежей, с помощью **других** грамматических конструкций:

⁶⁴ Это не строгое разграничение, а лишь тенденция.

а) конструкция, в которой подлежащее – безличное it

It came to my mind (“мне пришло в голову”)

It seemed to me (“мне показалось”)

It dawned on me (“до меня дошло”)

It occurred to me (“меня осенило”)

It struck me (“меня поразило”);

б) конструкция, в которой подлежащее – наименование эмоции

Anger seized me (“меня обуял гнев”)

Fear befell me (“на меня напал страх”)

Desire overcame me (“мною овладело желание”)

Joy overwhelmed me (“меня захлестнула радость”)

Anxiety took hold of me (“меня охватила тревога”) и т.п.

Как видим, в этих английских конструкциях человек обозначен формой не номинативного (субъектного) падежа в роли агенса, а формой объектного падежа местоимения в функции предложного дополнения (to me / on me) в роли экспериенцера, а также прямого дополнения (me) в роли пациенса. Это показывает, что в таких случаях эмоции **не** подконтрольны англосаксу так же, как и русскому.

Суть дела не изменится, если поставить местоимение в форму номинатива при сказуемом в пассивном залоге: I was overwhelmed by joy (Я был охвачен радостью). По Ч. Филлмору [1981а; 1981б], разные поверхностные (синтаксические) структуры могут передавать одну и ту же глубинную (семантическую) структуру.

То, что эмоции в одних случаях в той или иной мере контролируются, а в других не поддаются контролю – это универсальный факт, не определяемый этнической принадлежностью субъекта. У англосаксов психические процессы в ряде случаев бывают столь же неподконтрольны сознанию, сколь и у русских, что и подтверждается вышеприведенными английскими конструкциями.

О. Есперсен проследил постепенное превращение древнеанглийской конструкции с субъектом в дативном падеже в современную конструкцию с субъектом в общем падеже. В предложении *Synge licoden peran* (букв. “Королю

нравились груши”) субъект оценки (сунге “королю”) выражен не подлежащим, а дополнением в дативе, на что указывает флексия *-e*. Подлежащим в номинативе выражен объект оценки (перан “груши”), на что указывает флексия *-an*.

В среднеанглийский период флексия датива элиминировалась (the king liceden peares), а позднее возникла амбивалентная конструкция the king liked pears, допускавшая двойное понимание: “Королю нравились груши” (король – дополнение, груши – подлежащее) или “Король любил груши” (король – подлежащее, груши – дополнение). Под влиянием необходимости устранить амбивалентность возник фиксированный порядок слов «подлежащее – сказуемое – дополнение», в результате чего ныне эта конструкция допускает лишь одно прочтение: король – подлежащее, груши – дополнение [Jespersen 2006].

Так исчезла из английского языка конструкция с дативом. О. Есперсен объяснял это тем, что субъект наконец занял «подобающее» ему почетное место подлежащего, показывающее, что субъект контролирует свое внутреннее состояние. Но это – психологизированное толкование явления, поддающегося лингвистическому объяснению. Мы полагаем, что дело здесь не в почете, который оказывается субъекту, контролирующему свои действия и состояния, а в анализации английской грамматики и в ее рамках – в отпадении флексий, приведшем к возрастанию роли синтаксиса и (как следствие) к фиксации порядка слов, позволяющей установить, где – подлежащее, а где – дополнение.

Наблюдения привели нас к выводу: из сравнения вышеприведенных английских и русских конструкций не следуют психологические и культурологические выводы о чьей-то инициативности и чьей-то фаталистичности. Следуют лишь выводы о разнице в формах выражении одного и того же содержания, проистекающей из разницы в грамматическом строе языков. Сказанное выше о конструкциях с эмотивной семантикой касается и перечисляемых ниже конструкций с иной семантикой:

- с семантикой долженствования (I ought to – *Мне надлежит*, I should – *Мне следует*, I have to – *Мне приходится*)
- с интенциональной семантикой (I want – *Мне хочется*, I am unwilling – *Мне не охота*, I don't feel like working – *Мне не работается*)
- с оценочной семантикой (I like – *Мне нравится*, I don't care – *Мне безразлично*, разг. I don't give a damn – разг. *Мне до лампочки*)
- с имажинативной семантикой (I dream of – *Мне снится*, I fancy – *Мне представляется*, I vision – *Мне чудится / мерещится*)
- с сенсорной семантикой (I feel pain – *Мне больно*, I feel tickled – *Мне щекотно*, I feel sick – *Меня тошнит*) и т.п.

Уточним: предложения типа *Мне трудно сосредоточиться* не являются безличными, т.к. безличные предложения по определению односоставны⁶⁵, а в данном случае наблюдается двусоставность: в качестве подлежащего выступает инфинитив (*сосредоточиться*), а в качестве группы сказуемого – оборот с дативом (*мне трудно*). Такая же конструкция есть в английской грамматике: It is difficult for me to concentrate, с той разницей, что инфинитивное подлежащее дублируется безличным it, но можно обойтись и без него: To concentrate (= concentrating) is difficult for me. В предложениях на обоих языках субъект (*мне / for me*) представлен в роли “экспериенцер” (переживающий, ощущающий). Как русская, так и английская конструкции широко применяются в речи. Принципиальной разницы между ними нет, в том числе разницы в «инициативности» и «безынициативности» субъекта.

В завершение отметим: разница между английским и русским языками в рассмотренной области состоит не в том, что один из них – язык инициативных активистов, а другой – язык безынициативных фаталистов, а в том, что одни и те же явления обозначаются в этих языках разными способами, которые определяются разницей в структурах этих языков. Именно в этих языковых

---

⁶⁵ «Безличное предложение – простое односоставное предложение со сказуемым, называющим такое действие или состояние, которое представлено без участия подлежащего» [РЯЭ].

способах моделирования действительности состоит этноспецифика языкового мышления.

§3. Семантическая имплицитность / эксплицитность наименований

Обратимся далее к вопросу о том, как языковое мышление определяется характером скрытого смысла наименований.

Эксплицитной называют ту часть семантики наименования, которая прямо выражена лексическими и грамматическими средствами, а имплицитной – ту, которая не имеет собственных десигнаторов. Имплицитная семантика в одних случаях выводится из эксплицитной семантики и фоновых знаний путем инференции (логического вывода), а в других случаях приписана наименованию языковой конвенцией.

Например, у английского наименования ear ring / earring “серьга” (букв. “ушное кольцо”) к эксплицитной части значения относится семема “кольцо, имеющее отношение к уху”, и не более того. Но вкупе с фоновыми знаниями эта семема позволяет сделать однозначный вывод: данное наименование обозначает именно серьгу, поскольку в общественной практике не существует какого-либо иного устоявшегося отношения между кольцом и ухом. Комплекс семантических признаков, характеризующий именно серьгу, – это и есть имплицитная часть значения данного наименования, притом инференциальная (выводная).

Приведем другой пример. У английского наименования sea plane / seaplane (букв. “морелёт”) к эксплицитной части значения относится семема “самолет, имеющий отношение к морю”. Фоновые знания подсказывают, что теоретически данное наименование может иметь ряд значений:

1) поисковый самолет службы спасения на водах	5) самолет береговой охраны
2) рыбаборзведочный / океанологический самолет	6) поплавковый гидросамолет
	7) самолет типа “летучая лодка”

- 3) боевой самолет авианосного судна
 4) самолет противолодочной авиации
- 8) экраноплан.

Реальным значением этого наименования является шестое – “поплавковый гидросамолет” [СПС]. Но оно **не** выводится однозначно из эксплицитной части значения (“самолет, имеющий отношение к морю”) и фоновых знаний, а приписано языковой конвенцией. Такой имплицитный смысл называется приращенным, а само явление именуется семантической целостностью.

По нашим наблюдениям, английские названия в целом характеризуются высокой семантической имплицитностью. На наш взгляд, это положение дел обусловлено (1) аналитизмом строя английского языка, проистекающим из бедности его флексийного фонда; (2) высокоразвитой полисемией и омонимией английских слов.

Рассмотрим это явление на примере так называемых субстантивных биномов – сочетаний двух существительных, одно из которых выступает в синтаксической функции определения к другому. Семантика атрибутивных словосочетаний многосторонне рассмотрена в работах Е.Б. Борисовой ([2000], [2003], [2021] и др.).

В субстантивных биномах определяющее существительное не имеет флексии, вследствие чего характер семантического отношения между существительными не выражен. Так, наименование *air ticket / air-ticket* буквально означает “билет, имеющий отношение к воздуху”. При этом прямо не указано, каково это отношение. Чтобы правильно понять это наименование, реципиент должен провести поиск по имеющимся в его памяти культурным скриптам и выбрать тот, в котором отношение между билетом и воздухом соответствует реальности и логике здравого смысла.

Кроме того, нужно провести поиск в рамках семантической структуры слова *air*: (1) “воздух”, (2) “окружающая обстановка”, (3) “внешний вид”, (4) “радио- и телеэфир”, (5) “относящийся к авиации” – и выбрать требуемое значение. На пересечении двух этих линий поиска обнаруживается культурный

скрипт “Пассажирские авиаперевозки”. Лишь тогда становится ясно, что здесь задействовано пятое значение слова *air* и что оно означает “документ, удостоверяющий право пользования пассажирским авиатранспортом” (ср. рус. *билет на самолет, авиабилет*).

Как видим, значение рассматриваемого наименования имеет имплицитную часть, и в целях ее выявления реципиент должен проделать умозаключение.

Что касается продуцента речи, при создании субстантивного бинема он выбирает две ключевых семемы и выражает их двумя существительными, соединенными способом примыкания, а всю остальную часть культурного скрипта продуцент речи убирает в имплицит.

Получается короткая, семантически ёмкая формулировка, способствующая реализации закона языковой экономии. Наименование *air plane / airplane* образовано по нижеследующей лексико-семантической модели:

КОНСТАНТЫ		
лексическая	семантическая	морфологическая
<i>air</i>	“нечто имеющее отношение к авиации”	<имена существительные>

По ней создан целый ряд единиц путем вставки переменных элементов:

airline / airline, air way / airway, airport, air mail / airmail, air terminal, air company, air show, air transport, air route, air cargo, air travel, air force, air craft / aircraft, air balloon, air fortress, air assault, air raid, air alarm etc.

(ср. рус. *авиалиния, аэропорт, аэроплан, аэровокзал, авиапочта, авиакомпания, авиашоу, авиамаршрут, авиапутешествие, аэроплан, авианалет* и т.п.).

У каждого из этих наименований имеется свой имплицитный смысл. Так, в наименовании *air force* (букв. “воздушная сила”) имплицирована семема “военная авиация” (а, к примеру, не “пневматическое давление”, не “сила ветра” и т.п.).

Но знание модели не гарантирует стопроцентного угадывания значения наименования. Так, нижеследующие примеры **не** вписываются в приведенную лексико-семантическую модель:

air engine (букв. “воздушный двигатель”) – не “авиадвигатель”, а “пневмодвигатель”;

air pump – не “авиакомпрессор”, а “воздушный компрессор” (перекачивающий воздух);

air gadget – не “авиаприбор”, а “прибор с беспроводным дистанционным управлением”.

Неоднозначность расшифровки обусловлена полисемией лексических компонентов таких наименований.

Имплицитный смысл, образно говоря, «проваливается» в подтекст через пробел между словами. Ниже в порядке иллюстрации приводится еще один модельный ряд; курсивом выделен «провалившийся» (имплицитный) смысл – семантическое отношение между лексическими компонентами словосочетаний:

apple fragrance – аромат, *испускаемый* яблоками

apple acid – кислота, *содержащаяся* в яблоках

apple tree – дерево, *плодоносящее* яблоками

apple worm – червь, *питающийся* яблоками

apple jam – джем, *приготовленный из* яблок

apple pulp – мякоть, *составляющая* яблоко

apple peel – кожура, *покрывающая* яблоко

apple pie – пирог, *начиненный* яблоками

apple diet – диета, *состоящая из* яблок.

Как видим, субстантивные биномы могут имплицитно выражать **любые** семантические отношения между их лексическими компонентами, извлекаемые из фоновых знаний и согласующиеся с логикой здравого смысла. Языковое мышление реципиента работает аналитически, расшифровывая такого рода наименования путем восстановления вышеупомянутых семантических отношений.

Семантическая неопределенность примыкания в ряде случаев приводит к амбивалентности словосочетаний и неоднозначности их расшифровки. Реципиент может выдвигать разные версии по поводу того, в каком смысловом отношении состоят друг с другом лексические компоненты субстантивного биннома. Например:

air cooler – устройство, охлаждающее воздух (кондиционер), или устройство, охлаждающее (двигатель) потоком воздуха

distance recorder – регистратор пройденного пути или самописец с дистанционным управлением

ice building – здание, сделанное из льда, или хранилище льда в теплое время года

gas heater – обогреватель помещений (калорифер), работающий на газе, или теплообменный аппарат для нагрева проходящего через него газа

fire signal – сигнальный огонь (т.е. знак, у которого означаемым является огонь) или противопожарный сигнал (т.е. знак, у которого означаемым является огонь).

Амбивалентность бывает вызвана и другим фактором – упоминавшейся выше многозначностью лексем-компонентов, а также их омонимией, например:

volume increase – увеличение ёмкости или увеличение громкости

sound conductor – проводник звука или исправный проводник

light gadget – легкий прибор или оптический прибор.

Чтобы точно установить значения таких словосочетаний в конкретных случаях их употребления, реципиент привлекает контекст и речевую ситуацию. Так языковое сознание справляется с задачей расшифровки этих лаконичных языковых образований с частично скрытым смыслом.

Еще больший объем смысла убирается в имплицит путем телескопии, усечения, фонетического стяжения (ниже курсивом выделена опускаемая часть):

speed limit exceeding → speeding
primary education reader → primer
imaginative engineering → imagineering
female rights defense seminar → feminar
helicopter functioning as a bus → helibus
Internet communication etiquette → netiquette
nuclear-powered industrial complex → nuplex
timer-triggered detonation bomb → time-bomb
sports events covering TV broadcast → sportscast
movie / television camera operating man → cameraman
adult person who has remained a kid at heart → kidult
breath sample blood alcohol content analyser → breathalyzer
boat with sleeping accommodations used as a hotel → boatel
overnight travel accessories-holding container → overnighter etc.

В порядке пояснения приведем несколько русских калек, приблизительно соответствующих английским оригиналам: *феминистский семинар* → *феминар*; *вертолет, используемый как автобус* → *вертобус*; *бот, используемый как отель* → *ботель*; *интернетский этикет* → *нетикет* и т.п.

Пропускная способность информационного канала определяется тем, какое количество содержания приходится на единицу плана выражения, т.е. семантической ёмкостью речи. По нашим наблюдениям, английская речь обладает высокой семантической ёмкостью.

Тактика английского языкового мышления состоит в том, чтобы по возможности убирать смысл в имплицит, жертвуя мотивационной прозрачностью наименований. Этим английская речь отличается от русской, в которой проявляется тенденция выражать мысль более ясно, а значит, более эксплицитно и детально, жертвуя лаконичностью. Например:

английские наименования	число слов	русские наименования	число слов
sit-in	2	сидячая забастовка	8
speeding	2	превышение скорости	8
drunk driving	3	вождение в пьяном виде	8
sick pay	2	оплата по больничному листу	10
U-turn	2	разворот в обратную сторону	10

tax evasion	4	уклонение от уплаты налогов	12
overnight case	4	чемоданчик для поездки с одной ночевкой	13
stage phoning	3	постановочный разговор по мобильному	13
time bomb	2	взрывное устройство с часовым механизмом	14
breath test	2	проверка на содержание алкоголя в крови	15
bomb hoax	2	ложное сообщение о заминировании	16

(В порядке пояснения приведем окказиональные русские кальки с английского: *хворь-лист, *ночь-кейс, *дых-тест, *бах-фейк.)

Внутренняя форма английских наименований содержит лишь минимальный набор сем, недостаточный для опознания денотата; в русских же наименованиях обычно содержится набор сем, достаточный для этой цели.

Межъязыковое различие в длине подобного рода наименований в целом обусловлено не столько меньшей длиной английских слов (многие английские слова многосложны, как и русские), сколько большей концентрацией смысла в английских формулировках за счет опущения поясняющих слов. Русская речь в среднем уступает английской речи в лаконизме и семантической ёмкости, зато превосходит ее в ясности выражения мысли. Реципиенту русской речи в меньшей степени приходится угадывать семантическое отношение между словами, поскольку оно выражено эксплицитно и недвусмысленно.

Например, трудно догадаться, что́ обозначает английское наименование *side-by-side engine* (букв. “бок-о-бок-двигатель”). Реципиент, впервые столкнувшийся с ним, может предположить, что оно имеет одно из значений, приводимых ниже:

- двигатель, внутри которого какие-то детали находятся бок-о-бок друг с другом,
- или двигатель, расположенный бок-о-бок с какой-то другой частью автомобиля,
- или двигатель, размещенный сбоку от водителя (*и т.п.*).

Что касается эквивалентного русского наименования *двигатель с параллельными цилиндрами*, оно имеет в 2,4 раза бóльшую длину (12 слогов),

чем английское (5 слогов), зато не оставляет сомнений касательно того, что́ имеется в виду. Оно самообъяснительно.

Знание того, что такое side-by-side engine, **не** помогает угадать, что такое side-by-side vehicle (букв. “бок-о-бок-автомобиль”). Нелегко догадаться, что этим словосочетанием (6 слогов) называется 4-местный внедорожник, в котором все сиденья, включая водительское, расположены в один ряд, и люди, в том числе водитель, сидят бок-о-бок друг с другом.

По-русски это называется в два раза длиннее: *однорядно-посадочный / поперечно-посадочный мотовездеход* (13 слогов). Это тоже не стопроцентно самообъяснительное (не полностью мотивационно прозрачное) название, но всё же оно гораздо понятнее, чем английское. Это подтверждает известную сентенцию: недостатки оборачиваются достоинствами и наоборот.

В этом ряду стоит отметить также **эллиптические** конструкции, характерные для английской речи; в них опущены такие элементы, которые понимаются сами собой. Приведем примеры (в русских эквивалентных формулировках слова с само собой понимающимся смыслом выделены курсивом):

английские формулировки	русские формулировки
Help me / show me out of here!	Помоги мне <i>выбраться</i> / покажи, как <i>выйти</i> отсюда!
The cop whistled them to stop.	Полисмен засвистел, <i>приказывая</i> им остановиться.
He talked her to consent.	Он уговаривал ее, <i>пока она не дала свое</i> согласие.
The video showed him there at 8.	Видеокамера показала, что он <i>находился</i> там в 8.
He waved me away.	Взмахом <i>руки</i> он велел мне <i>убираться</i> прочь.
I am glad to hear from you.	Я рад услышать <i>известия</i> от тебя.

В этой связи упомянем также английские **идиомы** с повышенной семантической ёмкостью. Большой объем смысла убран в имплицит благодаря

метафорической образности. В образной основе таких идиом скрыт прецедентный культурный скрипт, мотивирующий значение идиомы.

Приведем пример: *Balaam's ass* (Валаамова ослица) – безропотный, молчаливый человек, доведенный до отчаяния брутальным обращением и в какой-то момент осмелившийся возвысить голос в свою защиту. Эта идиома заимствована английским языком из Библии (Числа 22 – 24). Это интернационализм (*франц.* l'âne de Valaam, *нем.* Valaams Esel, *итал.* l'asino di Valaam и др.). Но существуют и такие идиомы, которые возникли на английской лингвокультурной почве. Например: *helicopter parents* – «родители-вертолеты», склонные к гиперопеке, назойливо контролирующие своих великовозрастных чад на каждом шагу. Они отличаются от *drone parents* – «родителей-дронов», осуществляющих контроль по возможности скрытно.

Языковое мышление реципиента в этих случаях работает следующим образом. Из совокупности фоновых знаний извлекаются сведения о том, как функционируют вертолет (шумно и заметно) и дрон (тихо и малозаметно). Затем проводится метафорическая аналогия между ними и родителями, и тогда становится ясен образ действий родителей-вертолетов и родителей-дронов. Прецедентными скриптами здесь служат не тексты широко известных произведений (как в случае с идиомой *Balaam's ass*), а фрагменты фоновых знаний (в данном случае технических). Эти фрагменты находятся в имплиците, мотивируя значения идиом.

Мастерство лапидарного выражения мысли высоко ценится еще с античных времен. Удачное соотношение краткой формы и объемного содержания в ряде случаев бывает обусловлено спецификой данного языка и потому не поддается переводу на другие языки с сохранением лаконического эффекта, важного для регулярного речевого употребления такого рода оборотов. Поэтому некоторые обороты заимствуются другими языками без перевода и носят название варваризмов.

Примером может служить латинизм *habeas corpus* (*букв.* «имеешь тело»). Когда адвокат задержанного предъявляет правоохранительным органам *habeas*

corpus, он тем самым требует выдвинуть обоснованное обвинение либо, при отсутствии достаточных оснований для задержания, выпустить задержанного под залог. На других языках трудно выразить столь большой объем содержания в столь краткой форме; поэтому данный латинизм входит в юридические терминосистемы многих языков без перевода. Так же можно охарактеризовать следующие заимствованные слова и обороты юридической тематики:

- *лат.* sub iudice (букв. “в ходе суда”) “запрет на публичное обсуждение и разглашение сведений, относящихся к судебному разбирательству”
- *лат.* alibi (букв. “не в том месте”) “доказательство того, что подозреваемый / обвиняемый в момент совершения преступления находился в другом месте и, следовательно, не мог совершить инкриминируемое ему деяние”
- *франц.* déjà vu (букв. “уже виденное”) “психологический эффект, состоящий в том, что человеку кажется, будто он прежде уже бывал в каком-либо месте”
- *франц.* force majeure (букв. “высшая сила”) “непредвиденное событие (катастрофа, эпидемия, стихийное бедствие и т.п.), не подконтрольное сторонам, заключившим договор, и препятствующее исполнению договорных обязательств” и др.

Английский язык, с его тенденцией к имплицитности смысла, сам является источником большого числа таких заимствований. Новое слово или оборот заимствуется вместе с новым концептом, который возник на английской культурной почве и не получил собственного обозначения в других языках. Приведем примеры:

- life hack (рус. *лайфхак*) – стратегия, методика, уловка, взятая на вооружение, чтобы эффективнее распоряжаться своим временем и решать повседневные задачи;
- freegan (< free + vegan; рус. *фриган*) – тот, кто по идейным соображениям отверг принцип потребительства и свел свои повседневные нужды к минимуму;
- sexism (рус. *сексизм*) – набор предрассудков и предвзятое отношение к людям по признаку пола, гендерная дискриминация, предубеждение, антипатия по отношению к людям того или другого пола;
- spam (< spa'am <spiced ham; рус. *спам*) – назойливые рекламные сообщения и призывы, циркулярно рассылаемые компаниями по обычной и электронной почте.

Контраст между краткостью этих неологизмов и большой длиной их дефиниций наглядно демонстрирует тот факт, что они являются весьма ёмкими кумуляторами смысла, удобными для широкого применения в речи.

В завершение этого раздела отметим, что английский и русский способы языкового мышления в данной области имеют как свои достоинства, так и свои недостатки, которые являются продолжением достоинств. Английские формулировки передают большой объем содержания в малом объеме выражения, сокращая время коммуникации. Русские формулировки в целом уступают им в этом отношении, зато обеспечивают более высокий уровень понимания и большую надежность связи.

§4. Выражение пола / гендера языковыми средствами в свете концепции когнитивного субстрата

Для языкового мышления выражение пола / гендера всегда было одним из важнейших условий моделирования социокультурной действительности. Пол / гендер выражается как лексико-фразеологическими, так и собственно грамматическими средствами. В течение тысячелетий в языках мира грамматическая категория рода формировалась на базе более архаичных морфологических категорий [Лакофф 1988; 2011] и эволюционировала в разных направлениях. В настоящее время она представлена в грамматиках языков в широком диапазоне – от наделения грамматическим родом всех (одушевленных и неодушевленных) имен существительных (явления, анимистического по своей культурно-исторической природе) до полного лишения всех имен существительных категории грамматического рода.

Обозначение пола / гендера языковыми средствами высокозначимо для языкового мышления по той причине, что половой / гендерный диморфизм представляет собой одну из важнейших основ существования человеческого рода, общественного устройства и культуры – он обеспечивает самовоспроизводство человечества, обуславливает существование семьи

(ячейки общества), устанавливает распределение социальных ролей, детерминирует характер цивилизации и культуры, радикальным образом влияет на человеческую психологию. «Разум, определяющий социальную жизнь людей, галопирует верхом на нашей половой жизни» [Лем 1990: 305]. Пол / гендер пронизывает сообщество людей сверху донизу. Людям было бы психологически неудобно моделировать социокультурную действительность языковыми средствами, игнорируя ее гендерную составляющую, т.е. не учитывая того факта, что человеческий род делится на мужчин и женщин со всеми вытекающими отсюда важнейшими социокультурными последствиями.

Как известно, древнеанглийский язык был флективным; имя существительное имело грамматическую категорию рода, выражавшуюся флексиями. Но тенденция к слабому произношению безударных и иные причины⁶⁶ привели в XII – XIII веках к редукции и последующему отпадению большинства флексий, вследствие чего английское существительное в конечном счете утратило категорию рода.

Однако носители английского языка и культуры ощущали настоятельную потребность в выражении пола / гендера; без этого цивилизация и культура не могли бы нормально функционировать. Поэтому была разработана разветвленная система языковых средств, с помощью которых выражался пол / гендер: лексические (корневые), лексико-грамматические (суффиксальные), фразеологические средства, мужские и женские антропонимы, личные и притяжательные местоимения, у которых категория рода сохранилась. В частности, существовала развитая система этикетных форм указания на гендер. Утрата грамматической категории рода существительного эффективно компенсировалась ее функциональными эквивалентами.

---

⁶⁶ Существует и другая гипотеза отпадения флексий: «Викингам-пришельцам приходилось общаться с местным населением ... Их язык имел много общего с древнеанглийским языком. Корни слов зачастую совпадали, а окончания были другими. В конечном счете окончания отпали как нечто мешающее коммуникации» [EDKID-NET 2019: 6]. Возможно, оба фактора сыграли свою роль.

Но в XX веке на Западе появилось идейное течение, покусившееся на эту основу основ языкового мышления. В борьбе против ущемления прав женщин понятие равноправия было подменено понятием равенства, а оно, в свою очередь, – понятием гендерного тождества, ставшего идеалом феминисток и целью, к которой они устремились, «стирая грани» между мужчинами и женщинами.

Следует подчеркнуть: дальнейшее изложение **не** преследует цель обсуждения социокультурной значимости феминизма как таковой. Мы не отступаем от лингвокогнитивной линии исследования и обращаемся к вопросу о возникновении феминизма исключительно в его связи с типологическими чертами английской грамматики. Это соответствует задачам когнитивно-лингвистических изысканий.

Не в последнюю очередь это идейное течение проявилось в языковой политике феминисток. Они стали пропагандировать массовое употребление языковых унисекс-форм: h/she вместо he и she, person вместо man и woman, parent 1 / parent 2 вместо father и mother, spouse 1 / spouse 2 вместо husband и wife и т.п. Была объявлена война суффиксам -ess (waitress), -ette (usherette), -ine (heroine), -ina (ballerina), -enne (comedienne), -euse (masseur) и, кроме того, суффиксизированным лексическим основам -man / -woman в сложных словах (sportsman / sportswoman). Слова waiter, actor, poet, steward и т.п. должны, в согласии с этой языковой политикой, утратить сему “мужской пол” и стать гендерно нейтральными: She is a waiter / steward (вместо She is a waitress / stewardess), She is an actor, She is a hero, She is an usher *etc.*

Можно убедиться, что феминистками ведется активная работа по удалению гендерных сем из речи на английском языке. Это связано с тем, что, согласно логике этого идейного течения, принадлежность к женскому полу – это то, что следует скрывать, подобно тому, как порой скрывается принадлежность к некоторым расам и национальностям, а также к различным контингентам ущемленных и обездоленных.

Такие образчики речи уже существуют. В частности, заявления о приеме на работу порой составляются так, что по ним нельзя установить гендерную принадлежность заявителя – на тот случай, если менеджер по кадрам окажется «сексистом».

Дальнейшее развитие этой тенденции, по идее, со временем должно привести к тому, что английская речь в значительной, а то и в полной мере перестанет выражать гендерную принадлежность как коммуникантов, так и третьих лиц.

Какие социокультурные последствия это может повлечь за собой? Если такая метаморфоза английского языка и англосаксонских культур действительно произойдет, то, в соответствии с гипотезой лингвистической относительности, она кардинально повлияет на англоязычные и культурно ориентирующиеся на них народы.

Их постигнет ряд существенных перемен:

- перераспределение социальных ролей,
- частичная утрата полоролевой идентификации,
- сближение гендерных полюсов во всех аспектах,
- частичное слияние гендерных стереотипов мышления и поведения,
- ослабление маскулинных и фемининных личностных свойств и черт характера,
- формирование и широкое распространение андрогинного культурного типажа,
- ослабление половой любви и, как следствие, упадок любовной лирики в искусстве.

Одно из последствий состоит в том, что из поэзии исчезнет любовная лирика, а вместе с нею – и огромный пласт духовной культуры, драгоценнейшее наследие человечества. Это будет другой мир с существенно иным языковым мышлением. Мы не беремся давать ему оценки, а лишь стремимся выявить ряд причинно-следственных связей в этой области лингвокультуры. Эти процессы сравнительно легко протекают в современном английском языке, поскольку в его каркасе – грамматическом строе – почти

отсутствует категория рода. На этом фоне не так уж трудно провести некоторые частные изменения в лексическом фонде, и в результате английский язык в существенной мере утратит способность выражать гендер.

Но в ряде других языков проделать такую операцию гораздо труднее, если вообще возможно. Широкой экспансии этих новшеств в значительной степени препятствует разница между грамматической структурой английского языка и структурами тех языков, на которые английский язык оказывает влияние. К их числу принадлежат в первую очередь флективные языки и, в частности, русский.

В нашей стране раздаются голоса в пользу переноса гендерных нововведений в английском языке на российскую лингвокультурную почву. Этот перенос уже происходит, причем иногда в приказном порядке. Так, родовые корреляты *студент / студентка* в документах предписано заменить единым словом *студент* – вероятно, в подражание английскому гендерно немаркированному слову *student*. При этом не учитывается, что устранить сему “гендер” таким путем всё равно не удастся, и возникает диссонанс гендерно маркированных и немаркированных языковых форм.

Эти новшества не приносят пользы ни в каком отношении. Хуже того, механический перенос «бесполого» способа выражения мысли болезненно сказывается на русской речи. Инициаторы этих изменений упускают из виду тот факт, что грамматический род в структуре русского языка укоренен очень глубоко – он выражается не только существительными и местоимениями, но и прилагательными, и причастиями, и порядковыми числительными, и некоторыми количественными числительными (*двадцать один – двадцать одна*), и формами глагола в прошедшем времени, и суффиксами. Русская грамматика пронизана гендером насквозь.

Попытки лишить русские имена существительные гендерных характеристик приводят к грубейшим нарушениям законов русской грамматики, проявляющимся в рассогласовании грамматических форм и ведущим к корявости русской речи:

- *Работу выполнил студент Иванова,
- *Магистрант Петрова заслужил высокую оценку,
- *Опытный педагог Сидорова руководил подготовкой диссертации и т.п.

Если искусственно лишить гендерной маркированности русские имена существительные типа *студент*, *магистрант* и др., то же самое придется проделать с именами прилагательными, причастиями и порядковыми числительными, которые служат определениями к этим именам существительным, а также с формами прошедшего времени глаголов, согласующихся с этими существительными. Получится, что, например, глагольные формы на *-л* являются формами не мужского, а никакого рода. Если предписано говорить **Иванова выполнил*, то, по новому «стандарту», следует говорить **Вода вскипел*, **Луна взошел*, **Голова заболел*, резко нарушая даже не норму, а саму систему русского языка.

Лишить русский язык гендерной составляющей можно было бы только путем радикального перекраивания его грамматического строя – элиминации флексий (как это в свое время произошло с английским языком) и его превращения в язык аналитического строя. Столь сокрушительная перестройка русского языка относится к области фантастики; а ведь без нее проект, состоящий в лишении русской речи гендерной составляющей, не может быть реализован. Те активисты, которые стремятся лишить языки гендерности, выдвигают следующий тезис: «В русском языке категория рода и категория падежа будут устаревать и в итоге исчезнут за ненужностью, так как они громоздки» [Андреевских 2017: 2]. Предполагается, что русский и другие флективные языки, будучи несовершенными, должны перейти в разряд языков аналитического строя типа английского, считающегося образцом.

Этот тезис выдает его приверженцев с головой: они невольно демонстрируют несистемность своего мышления (игнорирование того факта, что нельзя изъять что-либо из системы, не перекроив всю систему) и слабую осведомленность в вопросах структурной типологии языков. Потеря флексий

означает утрату драгоценного достояния, потерю значительной части функционального потенциала языка.

Основоположник типологии языков В. фон Гумбольдт считал самыми совершенными именно флективные языки, т.к. они характеризуются отнюдь не громоздкостью, а высокими достоинствами, которые присущи им благодаря наличию флексий. «Совершенство языка требует, – писал он, – чтобы каждое слово было оформлено как определенная часть речи и несло в себе те свойства, какие выделяет в категории данной части речи философский анализ языка. Необходимой предпосылкой этого является флексия» [Гумбольдт 1984в: 155]. Мы видим прочные основания для поддержки этой точки зрения и не видим оснований для ее опровержения.

Таким образом, феминистские и политкорректные веяния при попытках насадить их на русскую лингвокультурную почву наталкиваются на русский грамматический строй, служащий барьером против искажения когнитивного субстрата русского языкового мышления.

Н.Н. Болдырев [2006], Е.И. Голованова [2013] и ряд других лингвистов полагают, что наличие грамматического рода (особенно у неодушевленных существительных) говорит о некоторой архаичности языкового мышления народа. На этой основе делается вывод, что англосаксы (в отличие от франкофонов, немцев, русских и др.) лишены этого реликта древней мифопоэтики в своем мироощущении.

Действительно, английскому языковому мышлению мало свойственно олицетворение, тогда как, к примеру, для Г. Гейне, носителя немецкого языка, в котором существительное имеет категорию рода, было естественно считать, что дендроним мужского рода *Fichtenbaum* (“ель”) символизирует мужчину, а дендроним женского рода *Palme* (“пальма”) – женщину. Русские названия *ель* и *пальма* – оба женского рода. Чтобы сохранить тему любви мужчины и женщины, Ф. Тютчев, А. Майков и И. Павлов в своих переводах стихотворения Гейне заменили ель кедром, а А. Фет – дубом (оба названия – мужского рода). В переводе М. Лермонтова «однополые» дендронимы *сосна* и *пальма* заменяют

тему разлуки влюбленных темой духовного одиночества. В английском переводе Дж. Томсона дендронимы fir-tree (“ель”) и palm-tree (“пальма”) лишены категории рода и заменяются местоимением it, используемым для неодушевленных существительных, что приводит к снижению эмоциональности и в целом художественной выразительности перевода. Для русских поэтов, как и для Гейне, было естественно обозначать мужчин и женщин дендронимами мужского и женского рода: «Клён там встретил вербу, // Там сосну приметил» (С. Есенин); «Как бы мне, рябине, // К дубу перебраться» (И. Суриков).

Эти отголоски архаического мышления с его тотальным анимизмом придают мироощущению определенную живость, лиризм и романтику. Носители языков, имеющих грамматический род, умом понимают условность его применения к неодушевленным предметам, а душой откликаются на олицетворяющую (одухотворяющую) мифопоэтику языка; это проявляется в искусстве, фольклоре, юморе, бытовой риторике. Такие языки органично способствуют персонификации.

Приведем пример: «Чувствуя, что красота ее начинает отцветать и желая как-то продлить свое лето, Березка выкрасилась в желтый цвет – самый модный в осеннем возрасте. И тогда все увидели, что осень ее наступила ...» (Кривин 2001). Эту лирическую миниатюру трудно перевести на английский язык, полностью сохранив ее эмоционально-духовный «заряд», т.к. слово birch-tree (“береза”) гендерно-нейтрально, оно не ассоциируется у англосаксов ни с мужчиной, ни с женщиной. Перевести ее можно (употребив местоимение женского рода), но, на наш взгляд, при этом будет несколько снижена ее поэтичность, т.к. для англоязычных читателей непривычно представлять это гендерно-нейтральное (в их глазах) дерево в образе женщины. Так отсутствие категории рода у существительного влияет на ментальность народа. Как видим, гендер, помимо прочего, придает языку высокий мифопоэтический потенциал, подтверждая цитировавшиеся нами слова А.А. Потебни о том, что слово есть

искусство, именно поэзия. Устранение рода из грамматики снижает этот потенциал и лишает художественное творчество важного ресурса.

Приведем еще один пример воздействия языка на представления о поле / гендере. Русскоязычный автор одного из учебных пособий по английскому языку для российской средней школы, в сказке, сочиненной им самим на английском языке, заменял существительное *snake* (змея) личным местоимением женского рода *she* (она). Выбор этого местоимения был обусловлен тем, что русское слово *змея*, как и слова *черепаха*, *лягушка*, *ящерица* и т.п., имеет женский грамматический род. Носители русского языка привыкли думать о змее как о существе женского пола (хотя, разумеется, змеи имеют оба пола). Это навеянное русским языком представление повлияло на употребление английского личного местоимения женского рода. В английской речи существительное *snake* заменяется гендерно-нейтральным местоимением *it*, а в английских сказках змея обычно персонифицируется в мужском роде (*he*). Создавая текст на английском языке, автор вышеупомянутого учебного пособия мыслил на русском языке с последующим дословным переводом на английский. Так язык определяет способы формулирования мысли. Англосаксам, с их «бесполым» местоимением *it*, приписывание гендера неодушевленным предметам в обыденном (не сказочном) дискурсе психологически непривычно и странно.

В порядке иллюстрации упомянем одну из новелл Ф. Брет-Гарта (*Bret Harte 2012*), в которой англоязычные школьники потешались над своими франкоязычными одноклассниками из-за того, что те в своей английской речи под влиянием интерференции родного французского языка заменяли слово *table* (стол) местоимением женского рода *she* (французское слово *la table* имеет женский род). “Do tables wear skirts (разве столы носят юбочки)?” – поддразнивали юные носители английского языка своих одноклассников-

франкофонов. Приписывание пола / гендера неодушевленным предметам было для них экзотикой⁶⁷.

В завершение этого раздела поясним необходимость предпринятого нами экскурса в сравнительную грамматику языков с грамматическим родом и без него. Она обусловлена тем, что специфику языкового мышления удобно выявлять путем сопоставления грамматических структур языков разного типа и разного строя. По Э. Сепиру и Б. Уорфу, этнический язык в той или иной степени определяет характер мышления его носителей. Исходя из этого, правомерно будет предположить, что феминистская идеология, требующая устранения гендерных различий между людьми, не случайно зародилась на лингвокультурной почве именно того народа, у которого родным является английский язык, характеризующийся отсутствием категории рода у существительного и, следовательно, в значительной мере нейтрализованной гендерной оппозицией в области грамматики.

Вследствие этой особенности своего родного языка англосаксы не придают гендерным лингвокультурным различиям той значимости, которую придают им носители языков, имеющих грамматический род. Сами флективные языки своей грамматикой постоянно напоминают их носителям о гендерных различиях:

Я говорю: «пошел, бродил»,	И этим «ла» ты на каждом шагу
А ты: «пошла, бродила» ...	Подчеркивала: «Я – женщина!»
И вдруг как будто веяньем	И я влюбился в глаголы твои,
крыл	А с ними – в косы, плечи!
Меня осенило!	Как вы поймете без любви
С тех пор прийти в себя не	Всю прелесть русской речи? (Сельвинский
могу.	2004)
Всё правильно, конечно,	

---

⁶⁷ Но в порядке исключения англосаксы всё же приписывают женский пол любимым вещам – Британии, кораблям и своим автомобилям. К этим вещам они относятся лирически и в риторическом контексте употребляют по отношению к ним личное местоимение женского рода she (она).

У английской речи есть много своей прелести, но **этой** прелести у нее нет. Так различия в грамматическом строе языков влияют на особенности мироощущения, а также создания и распространения идеологий. Это не единственный, но мощный фактор возникновения феминистской идеологии именно в англосфере. Данное предположение находится в русле умеренной версии гипотезы Сепира – Уорфа.

Так, по нашим представлениям, выглядят под лингвокогнитивным углом зрения специфика выражения пола / гендера средствами языка и влияние этой специфики на мышление народа.

§5. Порядок слов предложения в лингвокогнитивном аспекте

Ряд лингвистов разделяет мнение, выраженное в следующем высказывании: «Четкость и стабильность порядка слов в предложении, принятая в английском языке, является ярким признаком строгости и логичности мышления британцев» [Колишева 2011: 3]. Есть даже такое мнение: «Строгий порядок слов в аналитическом предложении – это дисциплина в гражданском обществе, с разделением труда между частными индивидами» [Гачев 1998: 61]. На первый взгляд это утверждение кажется достоверным, но при более пристальном рассмотрении оно представляется таким, которое в логике называется правдоподобным, т.е. лишь похожим на правду.

Во-первых, следует уточнить, какой смысл вкладывается в характеристику «четкость и стабильность порядка слов в предложении».

Во-вторых, требуется установить вектор каузальной связи: то ли строгость и логичность мышления британцев обусловила четкость и стабильность порядка слов в английском предложении, то ли, наоборот, четкость и стабильность порядка слов в английском предложении привела к строгости и логичности мышления британцев.

В-третьих, само существование каузальной связи между неизменностью порядка слов и четкостью мышления находится под вопросом. Действительно

ли имеются основания утверждать, что британцы мыслят четче, чем другие народы?

Под «четкостью и стабильностью» понимается фиксированность порядка слов в английском предложении, на фоне которой инверсия выглядит скорее исключением, чем правилом, в отличие от порядка слов в языках синтетического строя, где порядок слов не характеризуется строгой фиксированностью и определяется той конкретной коммуникативной задачей, которую ставит перед собой продуцент речи.

В научном исследовании важно избегать оценочности. «Не смеяться, не плакать, не порицать, но понимать», – предостерегал против оценочности Б. Спиноза [2004: 4]. Формулировка «четкость и стабильность» имплицитно подразумевает положительную оценку, а на долю нефиксированного порядка слов остается, по контрасту, «расхлябанность и неустойчивость» с отрицательной оценочной коннотацией (так считал, например, М. Дейчбейн [Deutchbein 1998: 61]).

Между тем подлинно научный подход требует не идеологизированных оценок, а беспристрастного анализа обоих видов порядка слов. Английский порядок слов проистекает из аналитизма строя языка, ставящего синтаксис во главу угла вследствие ограниченного числа морфологических форм у английских слов, что, в свою очередь, вызвано редукцией безударных гласных в среднеанглийский период.

На самом деле фиксированность порядка слов в английском предложении обусловлена не строгостью и логичностью мышления британцев, а уменьшением (в исторической ретроспективе) числа падежей у английского существительного, приведшим к перестановке акцента с морфологии на синтаксис и возрастанию роли порядка слов для передачи ролевого расклада обозначаемой ситуации.

Благодаря многочленности падежной системы русского существительного по-русски можно сказать *Ваня любит Машу, Машу любит Ваня, Ваня Машу любит, Любит Машу Ваня, Любит Ваня Машу* и т.д., меняя характер актуального членения предложения, но сохраняя ролевой расклад

описываемой ситуации. В английском предложении такая перестановка привела бы либо к изменению ролевого расклада (John loves Mary / Mary loves John), либо к аграмматизму и бессмыслице (*Loves Mary John / *John Mary loves / *Mary John loves / *Loves John Mary).

У грамматики свои законы; по ним в английском языке возник фиксированный порядок слов, **не** определяемый особенностями менталитета народа. В любом другом языке с аналитическим строем порядок слов тоже фиксирован, каким бы менталитетом ни обладали носители этого языка. Таким образом, провозглашение каузальной связи «строгость и логичность мышления англосаксов → четкость и стабильность порядка слов», на наш взгляд, не выдерживает критики.

Наличие противоположно направленной причинной связи – того, что строгий порядок слов в английском предложении обуславливает четкость и логичность мышления англосаксов – тоже вызывает сомнения. В языках, считающихся средствами выражения цивилизованного рационалистического менталитета, наблюдается не только типичный порядок слов SVO, т.е. Subject – Verb – Object (английский, французский, шведский), но и SOV (латынь, хинди, японский), и VSO (шотландский, ирландский, валлийский) [Гак 1990: 388], и другие.

На наш взгляд, нет оснований утверждать, что именно SVO – это самый «строгий» или самый «правильный» порядок слов. Такое утверждение проистекает из традиции и привычки носителей европейских языков, в которых этот порядок слов широко распространен.

Между тем среди лингвистов и логиков популярен взгляд на предложение, согласно которому центром предложения является предикат, определяющий аргументный состав пропозиции. Логично поэтому ставить предикат на первое место в предложении, что и происходит, например, «в современных кельтских языках, в которых порядок слов в предложении фиксирован: сказуемое – подлежащее – дополнение» [Королев 2011: 2]. Кроме того, логично поставить на первое место дополнение, если говорящий

выдвигает его в фокус внимания (например, *лат.* Volentes du-cunt fata, nolentes trahunt⁶⁸). По существу, логичен любой порядок слов, отвечающий своему коммуникативному назначению.

На наш взгляд, строгость и логичность мышления **не** является прерогативой народа – носителя того или иного языка. В любом народе есть те, кто мыслит логично, и те, кто мыслит сумбурно. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить многочисленных чудаков, растяп и простофиль – персонажей англоязычной литературы, которые, несомненно, думали и говорили по-английски. Не случайно Дж. Сантаяна охарактеризовал Англию как “the paradise of individuality, eccentricity, heresy, anomalies, hobbies, and humours” [Santayana 2008: 29] (райское место для проявлений индивидуальности, чудачеств, отклонений, увлечений и юмора). Порядок слов SVO, базовый для английского языка, никак не способствует превращению английских чудаков в эталоны здравомыслия.

Одним словом, вряд ли можно согласиться с тем, что тот или иной порядок слов обуславливает стройность или, наоборот, сумбурность мышления всех или хотя бы большинства его носителей. Что касается языков с так называемым свободным порядком слов, определение *свободный* **не** следует понимать как «произвольный» или «случайный». В них порядок слов регламентирован рядом факторов:

- актуальным членением предложения,
- коммуникативным типом предложения,
- ритмикой речи («Белеет парус одинокий // В тумане моря голубом»),
- стилистическими факторами («может быть» не имеет коннотации; «быть может» имеет лирическую коннотацию).

Здесь наблюдается высокий уровень системности. Мы полагаем, что во избежание недоразумений такой порядок слов следует называть не свободным, а поливариантным. Нам представляется, что связь между грамматическим

---

⁶⁸ «Желающих судьба ведет, а упирающихся – тащит» (афоризм Клеанфа, ставший пословицей).

строем языка и культурным обликом народа – его носителя выражена не столь ярко, как это порой провозглашается в трудах по лингвокогнитивистике.

Еще Н. Хомский [1999] доказывал значительную автономность грамматики от лексической семантики. В связи с темой нашего исследования нас интересует не столько связь грамматики языка с чертами национального характера, сколько стратегии языкового мышления, т.е. способы кодирования содержания языковыми (в том числе грамматическими) средствами. В этой области грамматические системы языков имеют свои особенности.

В частности, вынужденная ограниченность варьирования порядка слов приводит к тому, что носители английского языка, по закону компенсации, выражают рему иными средствами – такими, как выделительные конструкции (It was John who did it – букв. «Это был Джон, который сделал это»), логическое ударение (*John* did it – букв. «*Джон* сделал это»), неопределенный артикль (A boy did it – букв. «Какой-то мальчик сделал это») и др. Владение такими стратегиями составляет важную часть языковой компетенции; помимо прочего, оно позволяет снизить интерференцию родного языка при овладении навыками речевой деятельности на неродном языке.

§6. Категория определенности / неопределенности существительного в лингвокогнитивном аспекте

Эта категория выражается в английском языке рядом грамматических и лексических средств: артиклями; притяжательными местоимениями; существительными в притяжательном падеже в атрибутивной функции; количественными числительными в нумеративной функции.

Продуцируя речь, носители английского языка в автоматическом режиме маркируют существительные по данной категории. Для них это обязательно, тогда как в русской речи значения определенности / неопределенности часто выводятся из контекста и речевой ситуации без их эксплицитного выражения.

Ср.:

Я знаю человека, который умеет кукарекать – I know *a* man who can crow like a cock.

Я знаю человека, который донес на вас – I know *the* man who reported on you.

Для носителей русского языка маркировка существительных по этой категории малосущественна; поэтому, порождая английскую речь, они нередко подходят к этой маркировке формально. По нашим наблюдениям, они склонны ставить определенный артикль чуть ли не перед каждым существительным, считая его семантически пустым, «полагающимся» элементом. Приведем пример из учебного текста на тему «Зима», сочиненного русским педагогом: It is winter. *The* snow lies on *the* roofs of *the* houses (букв. «Зима. Этот снег лежит на крышах этих домов»). На самом деле согласно норме английской речи здесь не нужны артикли: It is winter. There is snow on building roofs (букв. «Зима. На крышах домов снег»).

В этой связи стоит упомянуть также интерпретацию, которая иногда дается употреблению английских притяжательных местоимений. Эта интерпретация носит психологический характер. В качестве материала берутся английские предложения, содержащие притяжательные местоимения, в сравнении с эквивалентными русскими предложениями, которые их не содержат:

Норма английской речи	Дословный перевод	Норма русской речи
He broke his leg. He put his hand into his pocket. He lifted his hat in salutation.	Он сломал свою ногу. Он сунул свою руку в свой карман. Он приподнял свою шляпу в знак приветствия.	Он сломал ногу. Он сунул руку в карман. Он приподнял шляпу в знак приветствия.

Утверждается, что в таких ситуациях принадлежность объектов субъекту очевидна, а потому употребление притяжательных местоимений в подобных предложениях семантически избыточно – ведь русские предложения легко обходятся без них. Русская формулировка *Он сунул свою руку в свой карман

прозвучала бы удручающе педантично. Делается вывод об излишнем педантизме как черте английского национального характера. Здесь вновь наблюдается, во-первых, широкое обобщение на основе единичного факта; во-вторых, психологическое толкование явления, которое поддается собственно лингвистическому объяснению; в-третьих, подход к явлению одного (английского) языка с позиций нормы другого (русского) языка.

Английское правило obligatorности выражения определенности / неопределенности у существительных не допускает никаких других вариантов:

- Вариант *He put hand into pocket (без маркеров определенности / неопределенности)

прямо нарушает грамматическое правило и потому неприемлем.

- Вариант *He put a hand into a pocket (с неопределенным артиклем) активизирует в сознании странную ситуацию, когда некто сунул чью-то руку в чей-то карман.
- Вариант *He put the hand into the pocket (с определенным артиклем) означает, что некто сунул ту самую (не обязательно свою) руку в тот самый (не обязательно свой) карман. Это выглядит как семантическая аномалия.

Остается лишь вариант He put his hand into his pocket (с притяжательным местоимением). В нем это местоимение органично соответствует английской категории определенности / неопределенности и носит служебный, притом сугубо лингвистический характер, не будучи связано с психологическими чертами англосаксов.

§7. Использование форм пассивного залога глагола

В лингвокогнитивном аспекте

Как известно, конструкции с пассивной залоговой формой глагола широко применяются в английской речи. «Квантитативные исследования показали, что англичане прибегают к пассиву чаще, чем носители других германских, а также славянских и романских языков» [Зарецкий 2007: 2]. Пассивные конструкции функционально эквивалентны безличным. По Р.Г. Кодрингтону, «особенно близко стоит к пассивному глаголу активный

глагол, употребленный безлично» (цит. по: [Тромбетти 1950: 159]). Этого взгляда придерживался и Н. Мак-Коли: пассивные и безличные конструкции служат для выражения одной и той же семантики [McCawley 1976: 202]. А.А. Потебня и впоследствии А.Н. Гвоздев тоже считали их синонимичными, а В.В. Виноградов даже назвал безличные конструкции разновидностью пассивных (об этом свидетельствует Е.В. Зарецкий [2008: 182]).

По М.М. Гухман, безличные и пассивные конструкции состоят в обратной пропорции: «В языках с развитым употреблением страдательного залога роль конструкций с дательно-винительным лица сведена до минимума и, наоборот, при отсутствии развитого употребления страдательного залога наблюдается продуктивность данной конструкции» [Гухман 1945: 156-157]. Это подтверждается фактами: в английской речи предложения с пассивом частотнее безличных, а в русской речи –наоборот. Одни заменяют другие – именно потому, что они эквивалентны.

Как же увязать факт высокой речевой частотности английских пассивных конструкций и низкой частотности русских пассивных конструкций с утверждениями об активной жизненной позиции англосаксов и пассивной жизненной позиции русских? Собственно говоря, никак. «Активные» англосаксы больше, чем русские, используют пассивный залог, а «пассивные» русские больше, чем англосаксы, используют активный залог. Корреляция между активной / пассивной жизненной позицией и употреблением активных / пассивных залоговых форм **не** прослеживается. Любой русской имперсональной конструкции с глаголом в активе соответствует английская конструкция с глаголом в пассиве:

Ветром захлопнуло ставни – The shutters were slammed by the wind

Тут-то его и прихватило – That's when he was suddenly taken ill

У меня тяжело на душе – I am depressed

Мне затруднительно – I am embarrassed

Мне надлежит – I am obliged

Мне стыдно – I am ashamed

Мне смешно – I am amused

Мне боязно – I am scared

Мне скучно – I am bored.

В учебниках по переводу русские безличные конструкции рекомендуется передавать по-английски в первую очередь конструкциями с пассивом. Это нормативные межъязыковые соответствия. Так где же здесь перевес «английской активности» над «русской пассивностью»? В этом плане английская и русская речь уравниваются; это подтверждается результатами подсчета, проведенного Е.В. Зарецким на обширном английском и русском материале: «Таким образом, никаких резких различий между английским и русским языками по числу агентивных субъектных форм и пациентивных объектных форм не наблюдается» [Зарецкий 2008: 188].

Приведем трогательные слова о пассивном залоге в английской речи: «Употребление пассивного залога ... делает нас человечнее. Оно позволяет нам поставить себя на место тех, кому в истории досталась роль страдальцев ... Вспомним слова, производные от пассивных форм глаголов: униженные, оскорбленные, отверженные, преследуемые, обездоленные. Пассивный залог уместен в тех случаях, когда люди оказываются вышвырнутыми с работы, изгнанными из дома, лишенными медицинской помощи, выжатыми как лимон. В этих цепочках пассивных форм слышится знакомая нота. Это та грамматика, которую использовал Оруэлл, говоря о жертвах истории: беззащитные деревни бомбардируются, жители изгоняются в леса, домашний скот расстреливается из пулеметов, хижины предаются огню с помощью зажигательных пуль» [Nunberg 2019: 3] (перевод наш – Е.С.).

Разумеется, англосаксам не чуждо милосердие; в их речи формы пассивного залога нередко выражают сочувствие к страждущим (*passive* от *lat. pati* “терпеть, страдать”; ср. рус. *страдательный залог*). Эта гуманистическая тенденция противостоит имперским по своему духу декларациям об английской грамматике как выразительнице исключительно «гордого духа англосаксов – покорителей мира».

Завершая обсуждение вопросов, поднятых в Главе III, обобщим сказанное и сформулируем нашу позицию по этим вопросам.

Если на предыдущих этапах развития языкознания грамматические факты объяснялись типологическими особенностями языков, то ныне появилась тенденция искать для них экстралингвистические (этнопсихологические и этнокультурные) причины. «Уже стало традицией противопоставлять англосаксонский языковой тип мышления русскому по признаку “активность, деятельность, контроль над ситуацией” и “пассивность, отсутствие контроля, неволевитивность чувства”», – отметила С.М. Треблер [2004: 147]. Можно сделать целую подборку цитат на данную тему, но они в основном повторяют вышеприведенную.

Делаются и еще дальше идущие выводы, носящие философско-этнологический характер. В качестве аргумента сравниваются образы героев английской и русской классической литературы: волевой Чайльд-Гарольд говорил I want («Я хочу»), а ленивый Митрофанушка – «Меня берет охота». Подчеркивалось: англосакс предстает как субъект интенции («я»), а русский – как объект воздействия («меня»).

Беда этих выводов и этих культурных параллелей состоит в том, что они имеют слабую доказательную базу. Их обоснование строится на том, что в английском языке есть много личных конструкций с подлежащим в номинативе, и это якобы свидетельствует, что англосаксы активны, ответственные, рациональны и способны контролировать свои ментальные состояния, в отличие от тех народов, в чьих языках есть много конструкций без подлежащего в номинативе.

Ошибка состоит в смешении номинатива и общего падежа и в убеждении, что личное подлежащее всегда выражает агенс. Но это не так. Английское существительное в позиции подлежащего имеет точно такую же грамматическую форму, что и существительное в позиции дополнения, а именно форму общего падежа. Подлежащее в этой форме само по себе не «активнее» дополнения, имеющего ту же форму. Всё дело в сказуемом: именно

его семантикой и его формой, а вовсе не позицией подлежащего, определяется активность и пассивность актантов. В зависимости от сказуемого подлежащее может обозначать то активного, то пассивного субъекта.

Выше мы показали следующее:

- в английских предложениях падеж подлежащего – не номинативный;
- он выражает отнюдь не только агенс, но и все остальные семантические роли;
- в английской речи высокочастотны конструкции с глаголом в пассиве, функционально эквивалентные безличным конструкциям;
- русские безличные конструкции всегда имеют корреляты – личные конструкции, что позволяет русским по желанию выражать мысли то лично, то безлично;
- английские конструкции с подлежащим в общем падеже равно передают как активность, так и пассивность, как своеволие, так и покорность судьбе;
- в любом народе есть как рационально, так и сумбурно мыслящие люди, и грамматика не помогает английским чудакам стать образцами здравомыслия.

Тезис об особо активном и особо рациональном характере английской грамматики не выдерживает критики. Как упоминалось, фиксированный порядок слов, почему-то принимаемый за признак и результат стройности мышления англосаксов, на самом деле возник из-за отпадения флексий, вызванного редукцией безударных.

У ограниченной вариативности порядка слов нет достоинств. Чтобы ее преодолеть, англосаксы вынуждены прибегать к различным ухищрениям – выделительным конструкциям, логическому ударению, особому употреблению артиклей и др.

«При пациентивной ориентации (как в русском языке) акцент делается на “бессилии” и пациентивности (“я ничего не могу делать, разные вещи случаются со мной”)), – такую точку зрения высказала А. Вежбицкая [1996: 64]. «Именно пациентивно ориентированная модель для русской языковой и ментальной картин мира является культуроспецифичной», – вторит ей Е.В. Устинова [2007: 11]. Но этот вывод безоснователен. Ведь именно для

английского, а не для русского языка характерны конструкции с глаголом в пассивном залоге, в которых подлежащее выражает именно пациентивность, а отнюдь не агентивность.

По-видимому, «гипнотическое» влияние на некоторых лингвистов оказывает английское подлежащее в общем падеже, которое имеется даже в пассивных конструкциях и в котором лингвистам чудится агенс. Но в предложении *John was killed with a lightning* актанта John (пациент) ничуть не «агентивнее», чем актанта Иван (пациент) в русском предложении *Ивана убило молнией*. Ведь, как упоминалось, пассивная и безличная конструкции равнозначны и функционально эквивалентны. Оба они, Джон и Иван – в равной степени жертвы обстоятельств (пациенты). «Агентивность» Джона, убитого молнией, – это иллюзия, вызванная пресловутой формой общего падежа, ошибочно принимаемого за номинативный. Приписывание покойнику роли агенса вызывает содрогание.

По-русски тоже можно сказать *Иван был убит молнией*, и никому не придет в голову утверждать, что здесь Иван – агенс, хотя его имя стоит в номинативном падеже. Так почему же Джон – агенс? Потому что он англосакс? Но это уже чистой воды предвзятое мнение, содержащее в себе шовинистический этностереотип и не имеющее отношения к подлинно научному лингвистическому анализу.

Порой складывается впечатление, что некоторые лингвисты исходят из априорного мнения, будто носители лингвокультуры намеренно творят себе такую грамматику, которая выражает базовые черты их менталитета. Получается, что англосаксы нарочно «сделали» себе порядок слов SPO, чтобы выразить свою инициативность и активность. Но грамматика в значительной мере развивается по своим законам, а не по воле носителей языка. В частности, как отмечалось выше, фиксированный порядок слов возник в английском предложении не потому, что англосаксы мыслят строго и логично, а потому, что редукция безударных привела к отпадению флексий у существительного, и варьирование порядка слов резко ограничилось.

Странно было бы полагать, что англосаксы (и другие народы, в языках которых существительное имеет скудную падежную систему или вовсе ее не имеет) специально редуцировали свои безударные гласные, чтобы сделать неизменным свой порядок слов и тем самым выразить стройность и логичность своего мышления. На самом деле фонетические изменения носят бессознательный характер.

К тому же, на наш взгляд, ригидность синтаксиса не способствует ни стройности, ни логичности мышления. Скорее наоборот – им способствует гибкость синтаксической структуры, проявляющаяся в поливариантности порядка слов.

Обобщая сказанное выше, отметим, что ряд популярных культурно-языковых параллелей при тщательном рассмотрении выглядит в той или иной мере умозрительно, натянуто и предвзято, демонстрируя идейно-пропагандистский уклон там, где требуется научный анализ.

Что касается наших (приведенных выше) соображений по данному вопросу, они не ориентированы ни на критику, ни на апологию той или иной лингвокультуры. Напротив, мы привели аргументы против идеологизации науки. Мы сделали всё, чтобы, в согласии с принципом У. Оккама («Сущности не следует умножать сверх необходимости»), оставаться в русле собственно лингвистической аргументации. В частности, опора на принципы структурной типологии языков позволяет дать гораздо более убедительное объяснение различиям порядка слов в предложении, чем апелляция к внеязыковому фактору – разнице в этнических менталитетах и национальных характерах народов.

Грамматические свойства (тот или иной порядок слов, соотношение личных и безличных конструкций и т.д.) определяются прежде всего строем языка (аналитическим / синтетическим) и его типом (флективным, корнеизолирующим и др.). Например, как отмечалось выше, вариативность порядка слов обусловлена синтетизмом языкового строя и флективностью языка. На флективных языках говорят народы, проживающие в разных уголках

Земного шара и значительно различающиеся своим менталитетом – ирландцы, литовцы, русские, некоторые африканские народы и др. Эти языки характеризуются поливариантным порядком слов. Так определяется ли он менталитетом народа или всё же типом языка? [Савицкая 2020: 13-18].

По нашим наблюдениям, лексико-фразеологический фонд зависит от этноменталитета и этнокультуры в значительно большей степени, чем грамматический строй языка. Лексико-фразеологический фонд – «слепок» с культуры. Носители языка, пользуясь слово- и фразообразовательными моделями, создают такие номинаторы, которые нужны им для обозначения реалий их культуры (например, англичане создали слово *gentleman*, чтобы выразить специфически британский лингвокультурный концепт), а утратившие социальную и культурную актуальность слова и обороты постепенно уходят из лексико-фразеологического фонда. Лексикон языка причинно обусловлен культурой на каждый данный момент своего существования.

Что же касается грамматики, она далеко не в такой мере подчинена культуре. Она более «своенравна»; у нее свои законы.

Во-первых, грамматика более персистентна, чем лексика. Лексикон существенно меняется со сменой культурно-исторических периодов (даже кратких), а грамматические изменения происходят гораздо медленнее и **не** в столь крупных масштабах. Во-вторых, грамматика более системна, чем лексика. В ней наблюдается тотальная причинно-следственная обусловленность явлений. Так, по данным структурной типологии языков, тенденция к корнеизоляции обуславливает аналитичность грамматических форм слов; она, в свою очередь, обуславливает функциональное доминирование синтаксиса над морфологией; снижение роли морфологии приводит к размыванию границ между частями речи; это, в свою очередь, обуславливает фиксацию порядка слов; фиксация определяет способы актуального членения предложения и т.д., в результате чего формируется относительно автономная грамматическая система с собственной внутренней причинной обусловленностью, **не** очень подверженная воздействию культуры. Нельзя «подогнать» грамматику под

культуру того или иного исторического периода. Культура не столько строит грамматику под свои смыслы, сколько приспосабливается к имеющейся грамматике, чтобы выразить свои смыслы.

Весьма разные этнические менталитеты – например, китайский и западноафриканский – накладываются на один и тот же грамматический строй языка (в данном случае корнеизолирующий). Это подтверждает, что менталитет не делает грамматику, а адаптируется к ней. Сравним, например, английскую конструкцию *He had his horse killed in battle* и русскую *Под ним в бою убили коня*. Существует мнение, что здесь имеет место различие в отношении англосаксов и русских к результату действия, приведшее к различиям в конструкциях. Согласно этому мнению, ментальность подстраивает под себя грамматику. Но мы **не** видим оснований для такого вывода. Ведь, во-первых, английский глагол не имеет категории совершенного / несовершенного вида (английский перфект – это не то же, что русский совершенный вид), а во-вторых, для английской грамматики не типична неопределенно-личная конструкция. Поэтому для выражения результата действия носителям английского языка приходится применять конструкцию *to have <smth. done>*, которая способна выразить результат действия. Ментальность подстраивается под грамматику.

Не исключено, что англосаксы и русские действительно по-разному относятся к результату действия. Но приведенные примеры этой разницы **не** демонстрируют. Всё это лишний раз подтверждает неоднократно приводившийся выше тезис: специфика грамматического субстрата английского языкового мышления состоит **не** в том, что грамматика выражает особенности английского менталитета, а в том, что англосаксы пользуются специфическими стратегиями для выражения своего менталитета, исходя из возможностей своей грамматики.

Исследования в области универсальной грамматики ([Арно 1991], [Филлмор 1981а, б], [Мельчук 1999], [Шаумян 2013], [Хомский 2018] и др.) позволили выявить наличие единой инвариантной системы грамматических

закономерностей, по отношению к которой грамматические системы отдельных языков выступают как варианты. На наш взгляд, специфика языкового мышления каждого народа состоит не столько в том, что в грамматику этноязыка заложен менталитет этого народа, сколько в том, какими стратегиями пользуется мышление данного народа для выражения универсальных грамматических значений (таких, как семантические роли, субъект-объектные отношения, тема и рема, гендер, модальные и темпоральные значения и др.), исходя из возможностей грамматической системы родного языка [Савицкая 2020: 13-18].

Описанные выше грамматико-культурные и грамматико-психологические параллели демонстрируют атомарный подход к объекту исследования: одно грамматическое явление увязывается с одной чертой этнического менталитета (e.g. негибкий порядок слов → логичность мышления). Кроме того, иногда на основании беспристрастного грамматического факта делаются глобальные выводы о национальном характере (e.g. личная грамматическая конструкция – гордый дух народа-покорителя мира; безличная конструкция предложения → фатализм и покорность народа). Между тем подлинная научность требует комплексного подхода: система грамматических черт некоторой совокупности языков должна соотноситься с системой ментальных черт группы народов – носителей этих языков. Только так можно добиться объективности и достоверности выводов. В противном случае оказывается, что исследователи отклонились от собственно научных принципов и сделали крен в сторону идеологической пропаганды.

Выводы по главе III

В этой главе рассмотрен грамматический аспект концепции когнитивного субстрата английского языкового мышления. Проанализирован ряд явлений английской грамматики в связи со стратегиями английского языкового мышления.

В §1 «Влияние строя и типа языка на языковое мышление» отмечено, что в процессе развития человеческого мышления языки последовательно проходили инкорпорирующую, эргативную и номинативную стадии. В этом же разделе отмечено, что в XX веке появился целый ряд исследований, в рамках которых предпринимались попытки увязать особенности грамматического строя языка с особенностями мышления народа – носителя данного языка. Был выдвинут тезис о том, что в английском предложении подлежащее в большинстве случаев выражено существительным в номинативном падеже, передающем семантическую роль “агенса”, и это свидетельствует об активности, инициативности и самостоятельности англосаксов – покорителей мира, его хозяев и кузнецов своего счастья. В §1 приведены наши возражения против этого тезиса. Наблюдения показывают: нельзя утверждать, что английская личная конструкция предложения с глаголом в активном залоге носит сугубо агентивный характер. Агент – это семантическая роль, входящая в падежный фрейм только акциональных глаголов и выражающая сознательного инициатора действия. Что касается английского предложения, его подлежащее выражает отнюдь не только агенса, но и любую семантическую роль, а значит, лицо, обозначенное подлежащим, может быть объектом воздействия.

В §2 «Когнитивная сущность безличных конструкций» отмечено, что в системе английского предложения безличные конструкции хотя и не представлены столь же широко, как в русской, но всё же играют важную роль, противореча тезису, что в английской грамматике всё вращается вокруг личного субъекта-агенса.

На самом деле реликты мифологического мышления сохранились и здесь. Поскольку морфология английского глагола не допускает нулевого подлежащего (если не считать эллиптических и императивных конструкций), большое значение приобрело безличное местоимение *it*, употребляемое в синтаксической функции подлежащего. Оно выполняло ту же функцию, что и нуль – функцию эвфемистической замены табуированного имени. Его

семантика разнообразна, она определяется разновидностью безличного предложения.

В §3 «Семантическая имплицитность / эксплицитность наименований» показано, что английские языковые образования в целом характеризуются высокой семантической имплицитностью. Это обусловлено двумя факторами: а) аналитизмом строя английского языка, проистекающим из бедности его флексийного фонда; б) высокоразвитой полисемией и омонимией английских слов. Феномен смысловой имплицитности продемонстрирован в этом разделе на примере английских субстантивных биномов. Показано, что синтаксическая связь «примыкание» способствует вытеснению значительной части смысла в имплицит, в результате чего английские субстантивные биномы обладают высокой семантической ёмкостью и лаконизмом, тогда как их русские эквиваленты менее экономны в этом плане; зато русские обороты более мотивационно прозрачны; их легче понять. Тактика английского языкового мышления состоит в том, чтобы по возможности убирать смысл в имплицит. Этим английская речь отличается от русской, в которой проявляется тенденция выражать мысль эксплицитнее, а значит, детальнее.

В §4 «Выражение пола / гендера языковыми средствами в свете концепции когнитивного субстрата» отмечено, что для языкового мышления выражение пола / гендера всегда было одним из важнейших условий моделирования социокультурной действительности и коммуникации. В течение тысячелетий в языках мира грамматическая категория рода формировалась на базе более архаичных морфологических категорий и развивалась в разных направлениях. Ныне она представлена в грамматиках языков в широком диапазоне. Но в XX веке на Западе появилось идейное течение, покусившееся на эту основу основ языкового мышления. В борьбе за равноправие полов понятие равноправия было подменено понятием равенства, а оно – понятием гендерного тождества, ставшего идеалом феминисток и целью, к которой они устремились, «стирая грани» между мужчинами и женщинами.

Дальнейшее развитие этой тенденции, по идее, со временем должно привести к тому, что английская речь в значительной мере перестанет выражать гендерную принадлежность как участников общения, так и лиц, упоминаемых в речи.

Вышеупомянутые процессы сравнительно легко протекают в современном английском языке, поскольку в его реляционном каркасе – грамматическом строе – отсутствует категория рода. На этом фоне не так уж трудно провести некоторые частные изменения в лексическом фонде, и в результате английский язык в значительной мере утратит способность выражать гендер. Но в ряде других языков проделать такую операцию гораздо труднее, если вообще возможно. Широкой экспансии выше охарактеризованных новшеств в большой мере препятствует разница между грамматической структурой английского языка и структурами тех языков, на которые он оказывает влияние в ходе лингвистической экспансии. К их числу принадлежат в первую очередь флективные языки и, в частности, русский язык.

В §5 «Порядок слов предложения в лингвокогнитивном аспекте» показано, что, вопреки утверждению ряда лингвистов, фиксированный порядок слов в предложении **не** свидетельствует о стройности и логичности мышления носителей языка, а вариативный порядок слов **не** говорит о расхлябанности и бессистемности языкового мышления. Отмечается, что у грамматики свои законы; она в значительно меньшей степени определяется социальными, культурными и психологическими особенностями народа, чем лексика и фразеология. Порядок слов гораздо более детерминирован типом и строем языка, нежели внеязыковыми факторами.

В §6 «Категория определенности / неопределенности существительного в лингвокогнитивном аспекте» показано, что специфика употребления артиклей и притяжательных местоимений, входящих в число языковых средств выражения этой категории в английском языке, определяется не психологическими особенностями англосаксов, а собственно языковым фактором – типологическими свойствами английской грамматики.

В §7 «Употребление форм пассивного залога глагола в лингвокогнитивном аспекте» выдвинуты аргументы против утверждения о том, что частота употребления форм активного и пассивного залога глагола якобы определяется чертами национального менталитета. По нашим наблюдениям, она определяется, как и в предыдущем случае, не психологическим, а лингвистическим фактором – типологическими чертами грамматики.

На этом основании сделан вывод о том, что ряд популярных культурно-языковых сопоставлений при тщательном рассмотрении выглядит в той или иной мере умозрительно, натянуто и предвзято, демонстрируя идейно-пропагандистский уклон там, где требуется научный анализ. Нами приведены аргументы против идеологизации науки и сделали всё, чтобы, согласно принципу Оккама, оставаться в русле собственно лингвистической аргументации.

Грамматические свойства (тот или иной порядок слов, соотношение личных и безличных конструкций и т.д.) определяются прежде всего строем языка (аналитический / синтетический) и его типом (флективный, корнеизолирующий и др.).

Итак, в Главе III охарактеризован ряд особенностей грамматического аспекта семантической системы английского языка и английского языкового мышления, рассмотренного на фоне других языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая обсуждение проблематики когнитивного субстрата семантической системы языка и языкового мышления, подведем его главные итоги.

С позиций лингвокогнитивного подхода первостепенное внимание уделяется не коммуникативной, а мыслеформирующей, моделирующей и кумулятивной функциям языка. С этой точки зрения рассматривается связь между знаниями о мире и языком. Знания не только выражаются и закрепляются, но и создаются языком.

Непосредственное сенсорное восприятие мира дает субъекту только совокупность фактов; это, так сказать, знания первого порядка. Далее требуется их систематизация, осмысление, включение в когнитивный мир индивидуума и культурного коллектива, их оценка по разным шкалам, установление их аксиологического ранга, их обобщение, выявление их сущности и практические выводы об их применении в человеческой деятельности. Так возникают знания второго порядка. Они выводятся из знаний первого порядка с помощью операций логической инференции, в осуществлении которых важнейшую роль играет язык. Выводное знание формируется языковыми средствами.

В лингвокогнитивном аспекте язык представляет собой полиметрическое (многомерное) ментальное пространство, по маршрутам которого движется человеческая мысль. Люди воспринимают мир, оценивают явления действительности и вырабатывают линии поведения в значительной мере так, как подспудно предписывает им родной язык.

Индивидуальный разум (личность) и коллективный разум (этнокультура) запрограммированы (закодированы) родным языком. В языке (его единицах, формах и конструкциях) заложены когнитивные установки, иногда сознательно, а чаще бессознательно усваиваемые субъектом в онтогенезе речи. Полагая, что поступает по собственной воле и своему разумению, человек на

самом деле часто, не отдавая себе отчета, следует когнитивным установкам, содержащимся в словах и других языковых средствах выражения мысли.

«Сила слова» (так Г. Клаус [1967] охарактеризовал прагматический потенциал языка) локализована на двух уровнях: на уровне значений языковых единиц и на уровне их внутренней формы. В одних случаях эти два фактора согласуются, в других – не согласуются друг с другом, но во всех случаях они совместно воздействуют на языковое мышление и принятие решений.

Это воздействие основано на знаниях о мире, которые бывают двоякого рода: традиционные, житейско-обыденные, составляющие наивную картину мира, и современные, сциентизированные, составляющие научную картину мира. В зависимости от конкретных условий субъект задействует то один, то другой взгляд на мир.

Так называемый повседневный жизненный мир служит в качестве когнитивного субстрата современного цивилизованного сциентизированного мышления. Он «не отпускает» от себя абстрактное мышление, не дает ему окончательно уйти в зону формализованной логики и математики – по крайней мере, до тех пор, пока мышление пользуется вербальным языком, пока человек остается человеком, не превращаясь (в результате автоэволюции) в нечеловеческое искусственное разумное существо.

Характер когнитивного субстрата языкового мышления определяется природным окружением, способом хозяйствования, социальной и культурной историей народа, его контактами с другими народами; отсюда проистекает этноспецифика когнитивного субстрата и особенности его влияния на абстрактное мышление. Но эти особенности и межэтнические различия не препятствуют тому, что в процессе познания мира представители разных народов приходят к открытию единых объективных закономерностей мироустройства. История развития языкового мышления – это история перехода от архаичного мифопоэтического восприятия мира к его рационалистическому осмыслению.

Что касается английского языкового мышления, в нем проявляются такие черты англосаксонского менталитета, как преобладание рационального компонента над эмоциональным, целеустремленность, расчетливость, склонность к имплицитному выражению смысла. Следует отметить, что они манифестируются прежде всего в сфере английской лексики и фразеологии, тогда как грамматическая специфика английского языка, по нашим наблюдениям, определяется в первую очередь аналитизмом его строя и его уклоном в корнеизоляцию, а не экстралингвистическими (культурными и психологическими) факторами. Это связано с тем, что грамматика во многом развивается по своим системным законам, проистекающим скорее из ее собственной природы, чем из внешней среды.

В частности, вопреки декларациям, имеющим идейно-пропагандистский уклон, частотность подлежащего в общем падеже и фиксированный порядок слов SPO являются результатом не активности и инициативности англосаксов, не особой стройности и строгости их мышления, а исторической редукцией безударных флексий, т.е. интралингвистическим, а не экстралингвистическим фактором. Мы не хотим сказать, что англосаксонскому менталитету не свойственны вышперечисленные черты; они ему свойственны, но они не выражаются в особенностях структуры английского предложения. Для их выражения в английском языке существуют другие средства и способы. Грамматическая специфика английского языкового мышления состоит не столько в том, что в нем отражаются те или иные психологические черты англосаксов, сколько в том, какими стратегиями пользуется английское языковое мышление для выражения таких универсальных грамматических явлений, как субъект-объектная структура мысли, семантические роли, тема и рема, гендер и др.

Такова, по нашим представлениям, роль когнитивного субстрата семантической системы английского языка и английского языкового мышления.

Дальнейшие перспективы исследования видятся нам в следующем:

1. Продолжение изучения преемственности между предметно-практическим и абстрактно-теоретическим языковым мышлением.
2. Дальнейшее углубление понимания того, как грамматический строй языка определяет стратегии языкового мышления.
3. Развитие речевого аспекта концепции когнитивного субстрата семантической системы языка и языкового мышления.
4. Верификация и распространение теоретических выводов, сделанных на материале английского языка, на другие языки (как аналитического, так и синтетического строя).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теоретическая литература

1. Агудов, В.В. Соотношение категорий “форма” и “структура” / В.В. Агудов // Вопросы философии. – 1970. – № 1. – С. 62-70.
2. Акай, О.М. Онтологические и гносеологические особенности межъязыковых и внутриязыковых лакун / О.М. Акай // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. – Серия «Лингвистика». – 2019. – Том 16. – № 3. – С. 5-10.
3. Александров, Г.Ф. Практика – критерий истины [Электронный ресурс] // Г.Ф. Александров. Диалектический материализм. – 2011. – URL: 13296 (дата обращения 15.01.2020).
4. Алесинская, Т.В. Основы логистики. Общие вопросы логистического управления / Т.В. Алесинская. – Таганрог: Таганрогский радиотехнический ун-т, 2005. – 121 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории / Н.Ф. Алефиренко // Вестник Вятского гос. ун-та. – № 2. – 2008. – С. 75-78.
6. Англосфера [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ru_wiki/1362097 (дата обращения 18.07.2019).
7. Андреева, И.В. Ценностная картина мира как лингвистическая и философская категория / И.В. Андреева // Аналитика культурологии. Научный журнал Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина. – 2006. – № 6. – С. 7-13.
8. Андреевских, О. Гендерно-нейтральный язык и небинарные идентичности: как реформировать язык? / О. Андреевских [Электронный ресурс]. – Makeout. – 2017. – URL: makeout.by/2017/02/27/genderno-neytralny-yazyk-html (дата обращения 15.04.2017).
9. Апресян, Ю.Д. К формальной модели семантики: правила взаимодействия значений / Ю.Д. Апресян // Представление значений и моделирование процесса понимания: Сб. науч. тр. – Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1980. – С. 16-24.

10. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.
11. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2010. – 232 с.
12. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения. – В 4-х тт. – Том 1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
13. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. – Том 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376-644.
14. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. – СПб.: Азбука, 2000. – 346 с.
15. Арно, А. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / А. Арно, К. Лансло. – Л.: изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1991. – 126 с.
16. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
17. Арошидзе, Н. Различия языковых картин мира в клишированных образах / Н. Арошидзе. – Тбилиси: Универсал, 2013. – 120 с.
18. Артемьева, Е.Ю. Психология субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева. – М.: изд-во ЛКИ, 2007. – 136 с.
19. Афанасьева, В.В. Пространство: Новейшая онтология / В.В. Афанасьева, К.В. Кочелаевская, А.Г. Лазерсон. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2013. – 223 с.
20. Ахманова, О.С. Синонимия // О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. – М.: URSS, 2021. – 576 с.
21. Бабенко, Л.Г. Изучение лексики в пространственном измерении // Л.Г. Бабенко. Русская глагольная лексика: денотативное пространство. – Екатеринбург: изд-во Уральского гос. ун-та, 1999. – С. 7-21.
22. Байрамова, Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны / Л.К. Байрамова // Вестник Челябинского ун-та. – 2011. – № 25. – Вып. 58. – С. 22-27.
23. Баксанский, О.Е. Когнитивная картина мира, созданная А. Эйнштейном / О.Е. Баксанский // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 71-80.

24. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Либроком, 2009. – 398 с.
25. Баранов, М.И. Квантово-волновая природа электротока в металлическом проводнике и некоторые электрофизические проявления / М.И. Баранов // *Электротехника і Електромеханіка*. – 2014. – № 4. – С. 25-33.
26. Барт, Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 455-457.
27. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р.Барт. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
28. Безингер, А.А. Когнитивные паттерны [Электронный ресурс] / А.А. Безингер. – 2016. – URL: <https://xn--e1abcgakjmf3afc5c8g.xn--plai/communication/forums/psychology/kognitivnye-patterny/> (дата обращения 14.06.2018).
29. Березина, О.А. Конфигурация как когнитивный субстрат безличных структур [Электронный ресурс] / О.А. Березина // *В мире научных открытий*. Научный журнал. – 2013. – URL: <http://naukarus.com/konfiguratsiya-kak-kognitivnyu-substrat-bezlichnyh-struktur> (дата обращения 12.03.2014).
30. Березина, О.А. Языковые средства реализации категории “безличность” / О.А. Березина. – М.: ООО «Бук», 2018. – 230 с.
31. Блажевич, Н.В. Универсалии языка науки: Философско-методологические аспекты / Н.В. Блажевич. – Екатеринбург: Межвузовский центр проблем непрерывного гуманитарного образования при Уральском гос. ун-те, 1999. – 120 с.
32. Блаженный, А. Исповедь / А. Блаженный. – М.: Духовное наследие, 2007. – 89 с.
33. Блинов, А.Л. Интенционалистские теории языка (П. Грайс, Дж. Серль) / Л.А. Блинов // *Аналитическая философия* / под ред. М.В. Лебедева и А.З. Черняка. – М.: изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. – С. 265-292.
34. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2000. – 123 с.

35. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как форма знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.
36. Болдырев, Н.Н. Структура концепта. Концептуальный анализ // Н.Н. Болдырев. Когнитивная семантика. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016. – С. 38-50.
37. Борисова, Е.Б. Атрибутивные словосочетания в художественном произведении и проблема перевода / Е.Б. Борисова // Вестник факультета иностранных языков. Научно-методический журнал / Самарский гос. пед. ун-т. – 2000. – № 1. – С. 51-57.
38. Борисова, Е.Б. Лингвопоэтика английских атрибутивных словосочетаний с существительным *sea* / Е.Б. Борисова // Вестник факультета иностранных языков. Научно-методический журнал / Самарский гос. пед. ун-т. – 2003. – № 4. – С. 42-48.
39. Борисова, Е.Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология, лингвопоэтика, перевод / Е.Б. Борисова. – Самара: Поволжская гос. социально-гуманитарная академия, 2010. – 356 с.
40. Борисова, Е.Б. Малый синтаксис в контексте художественного перевода / Е.Б. Борисова, А.В. Протченко // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. – Вып. 4. – Материалы IV Междунар. научно-практической конференции. 3.02.2021г. / отв. ред. И.Е. Коптелова. – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2021. – С. 543-549.
41. Босова, Л.М. Концептуальная картина мира как основа понимания смысла речевого произведения [Электронный ресурс] / Л.М. Босова // Ползуновский альманах. Журнал Алтайского гос. технического ун-та. – 1999. – № 1. – URL: [http:// elib.altstu. ru/elib/books/Files/pa1999_1/pages/30/pap_30.html](http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa1999_1/pages/30/pap_30.html) (дата обращения 25.06.2019).
42. Бочкарев, А.И. Теоретическая грамматика английского языка. Морфология / А.И. Бочкарев. – Новосибирск: изд-во Новосибирского технического ун-та, 2016. – 92 с.

43. Брильц, О.А. Место и роль ментальных моделей в понимании / О.А. Брильц // Вестник Челябинского ун-та. – 2014. – № 11. – Вып. 32. – С. 126-129.
44. Брутян, Г.А. Очерки по анализу философского знания / Г.А. Брутян. – Ереван: Айастан, 1972. – 288 с.
45. Быкова, Г.В. Внутриязыковая лакунарность в лексической системе русского языка / Г.В. Быкова. Благовещенск: изд-во Амурского гос. ун-та, 1998. 219 с.
46. Быкова, Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г.В. Быкова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / 10.02.19. – Воронеж, 1999. – 33 с.
47. Быкова, Г.В. Словарь «несуществующих слов»: фантастика или реальность? / Г.В. Быкова // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина. – Благовещенск: изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 20-27.
48. Валгина, Н.С. Современный русский язык / Н.С. Валгина, М.И. Фомина. – М.: Высшая школа, 1964. – 416 с.
49. Валеева, Д.Р. Понятия “картина мира”, “концептуальная картина мира” и “языковая картина мира” в концептологических исследованиях [Электронный ресурс] / Д.Р. Валеева // Филологический аспект. Международный научно-практический журнал. – № 3 (35). – 2018. – URL: <http://scipress.ru/philology/articles/ponyatiya-kartina-mira-kontseptualnaya-kartina-mira-i-yazykovaya-kartina-mira-v-kontseptologicheskikh-issledovaniyakh.html> (дата обращения 27.11.2019).
50. Варгунина, А.В. Структура фразеологического кода современного английского языка/А.В. Варгунина: Автореф. дис. канд. филол. наук/ 10.02.04. Самара, 2001. 22 с.
51. Вардзелашвили, Ж. Метафорические номинации в языковой картине мира / Ж. Вардзелашвили // Санкт-Петербургский гос. ун-т, Тбилисский гос. ун-т. Научные труды. Серия: филология. – Выпуск II. – СПб. – Тбилиси, 2001. – С. 32-37.
52. Вежбицкая, А. Семантика грамматики // А. Вежбицкая. – М.: изд-во Российской академии наук, 1992. – 32 с.

53. Вежбицкая, А. Семантические примитивы и универсалии // А. Вежбицкая. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах / THESIS. Общественно-научный альманах Института гуманитарных исследований при НИУ «Высшая школа экономики». 1993. Вып. 3.– С. 191-204.
54. Вежбицкая, А. Русский язык // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 33-88.
55. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
56. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
57. Вежбицкая, А. (2001а). Понимание культур через средство ключевых слов // А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
58. Вежбицкая, А. (2001б). Сопоставление культур через средство лексики и прагматики // А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
59. Вежбицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая // А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Приложение. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 467-499.
60. Веремьева, К.М. Представление о лингвистическом пространстве [Электронный ресурс] / К.М. Веремьева // Rhema / Рема. Электронный научный журнал. – 2013. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-o-lingvisticheskomprostranstve> (дата обращения 16.05.2018).
61. Вересаев, В.В. Записи для себя / В.В. Вересаев. – СПб.: Лениздат, 2012. – 192 с.
62. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
63. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2014. 509 с.
64. Винер, Н. Творец и будущее // Н. Винер. – М.: АСТ, 2003. – 736 с.

65. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М.: Канон+, 2017. – 288 с.
66. Внутренняя форма слова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – С. 85.
67. Волков, В.В. Философия. Основные понятия и проблемы/ В.В. Волков. – М.: Ленанд, 2015. – 136 с.
68. Волцит, П.М. Тело человека. Анатомия. Физиология / П.М. Волцит. – М.: АСТ, Астрель, 2012. – 128 с.
69. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
70. Воропаев, Д.Н. Смысл понятия “ничто” в истории европейской философии: Гегель, Хайдеггер, Сартр / Д.Н. Воропаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11 (73). – Часть 1. – С. 40-43.
71. Выготский, Л.С. История развития высших психических функций / Л.С. Выготский. – М.: Юрайт, 2015. – 359 с.
72. Выготский, Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования / Л.С. Выготский. – М.: Национальное образование, 2016. – 368 с.
73. Высоцкий, М.И. Планетарная модель атома [Электронный ресурс] / М.И. Высоцкий. – URL: <https://postnauka.ru/faq/77646> (дата обращения 20.08.2019).
74. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
75. Гак, В.Г. Порядок слов / В.Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – С. 387-388.
76. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
77. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М.: Академия, 1998. 430 с.

78. Гамова, О.Л. Прогностика глаголов перемещения в русском и английском языках / О.Л. Гамова: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. – Воронеж, 2001. – 243 с.
79. Гегель, Г. Наука логики // Г. Гегель. Энциклопедия философских наук. – В 3-х тт. – Том 1. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
80. Гегель, Г. Философия природы // Г. Гегель. Энциклопедия философских наук. – В 3-х тт. – Том 2. – М.: Мысль, 1975. – 695 с.
81. Гегель, Г. Учение о бытии // Г. Гегель. Наука логики. – Книга 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 17-348.
82. Герц, Г. Принципы механики, изложенные в новой связи / Г. Герц // Жизнь науки. Антология вступлений к классике естествознания / сост. С.П. Капица. – М.: Наука, 1973. – С. 206-210.
83. Гёте, И.В. Фауст / И.В. Гёте. – М.: Азбука-Аттикус, 2016. – 528 с.
84. Голованова, Е.И. Категория рода как когнитивная матрица / Е.И. Голованова // Челябинский гуманитарий. Серия «Филология и искусствоведение». – 2013. – № 3 (24). – С. 25-29.
85. Голубева, Н.А. Когнитивные принципы и операции в грамматике / Н.А. Голубева // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 32-35.
86. Горелов, И.Н. Разговор с компьютером. Психолингвистический аспект проблемы / И.Н. Горелов. – М.: Наука, 1987. – 256 с.
87. Горский, Д.П. Концепт // Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. Краткий словарь по логике. – М.: Просвещение, 1991. – С. 80.
88. Грачева, Ю.А. Особенности традиционных семейно-брачных отношений народа наси и этнической группы мосо / Ю.А. Грачева // Общество и государство в Китае. Научный журнал Ин-та востоковедения РАН. – 2016. – № 1. – С. 125-148.
89. Григорьев, В.И. Волны де Бройля [Электронный ресурс]/ В.И. Григорьев. – 2016. – URL: http://femto.com.ua/articles/part_1/0570.html (дата обращения 20.08.2019).

90. Гумбольдт, В. фон. (1984а). О различии строения человеческих языков и об их влиянии на развитие человеческого рода // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 85-107.
91. Гумбольдт, В. фон (1984б). О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 108-165.
92. Гумбольдт, В. фон (1984в). О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 307-354.
93. Гумилев, Л.Н. Этногенез и этносфера [Электронный ресурс] / Л.Н. Гумилев. – 2015. URL: <http://www.gumilev-center.ru/ehtnogenez-i-ehtnosfera/> (дата обращения 6.05.2018).
94. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2016. – 560 с.
95. Гухман, М.М. Конструкции с дательным-винительным падежом лица в индоевропейских языках / М.М. Гухман // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1945. – № 4. – С. 148-157.
96. Дарвин, Ч. Происхождение видов / Ч. Дарвин. – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.
97. Дебердеева, Е.Е. Отражение национального менталитета в языке (на примере русских и английских пословиц) / Е.Е. Дебердеева, Н.Н. Саянная // Вестник Волгоградского гос. ун-та. – Серия 2. Языкознание. – 2013. – № 1 (17). – С. 109-113.
98. Декарт, Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.
99. Дмитриенко, Г.В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте / Г.В. Дмитриенко: Дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Пятигорск, 2007. – 166 с.
100. Доладова, О.В. Структура и функции английских языковых единиц с амбивалентным лингвистическим статусом / О.В. Доладова: Дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 2018. – 175 с.

101. Долинин, К.А. Стилистика французского языка / К.А. Долинин. – Л.: Просвещение, 1978. – 302 с.
102. Домнин, Л.Н. Элементы теории графов / Л.Н. Домнин. – Пенза: изд-во Пензенского гос. ун-та, 2007. – 144 с.
103. Дубровский, Д.И. Проблема «Сознание и мозг» / Д.И. Дубровский // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Научно-теоретический журнал. – Том XV. – Выпуск 2. – 2018. – С. 14-29.
104. Дукальская, И.В. Лингвокультурный код как средство формирования коммуникативной компетенции [Электронный ресурс] / И.В. Дукальская. – 2011. – URL: www.gramota.net/materials/1/2011/4/35.html (дата обращения 16.05.2011).
105. Ельмслев, Л. Язык и речь / Л. Ельмслев // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / сост. В.А. Звегинцев. – Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 111-121.
106. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Зарубежная лингвистика. – Вып. 1. – М.: Прогресс, 1999. – С. 131-256.
107. Ельмслев, Л. Метод структурного анализа в лингвистике // Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. Статьи. – М.: КомКнига, 2006. – С. 156-163.
108. Ерохина, Н.В. Структура и функции идиом: На материале субстантивных устойчивых словосочетаний и сложных существительных английского языка / Н.В. Ерохина: Дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 1999. – 198 с.
109. Ждан, А.Н. История психологии / А.Н. Ждан. – М.: изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1990. – 367 с.
110. Жельвис, В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В.И. Жельвис // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. – С. 194-206.
111. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.

112. Жинкин, Н.И. Язык. Речь. Творчество. Избранные труды / Н.И. Жинкин. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.
113. Жмуров, В.А. Психопатология / В.А. Жмуров. – Часть 1. – Иркутск: изд-во Иркутского гос. ун-та, 1994. – 165 с.
114. Загриценко, С.А. Состав фразеологического кода английского языка / С.А. Загриценко: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 2002. – 24с.
115. Зайдаль, Т.В. Паттерн как объект исследования культурной антропологии / Т.В. Зайдаль // Искусство и культура. – 2017. – № 1 (25). – С. 65-68.
116. Зайцева, О.В. Разрушители мифов [Электронный ресурс] / О.В. Зайцева. – 2014. – URL: <https://ru.just-translate-it.com/sneg-i-eskimosy/> (дата обращения 4.05.2020).
117. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, 2007. – 560 с.
118. Зализняк, Анна А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] / Анна А. Зализняк // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная онлайн энциклопедия. – 2014. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html (дата обращения: 7.08.2018).
119. Зарецкий, Е.В. О русском фатализме в грамматике [Электронный ресурс] / Е.В. Зарецкий // Культура. Научно-культурологический журнал. № 12 (157). 2007. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguww.woa/wa/Main?textid=2030&levell=mvel 1=main&level2=artides> (дата обращения 12.01.2020).
120. Зарецкий, Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты / Е.В. Зарецкий. – Астрахань: издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 564 с.
121. Зевахина, Т.С. Метафорика ситуационного образа: когнитивный анализ устойчивых сравнений [Электронный ресурс] / Т.С. Зевахина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Электронный научный журнал. – С. 1-4. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2707/zevahina.pdf> (дата обращения 8.07.2018).

122. Землякова, К.В. Факторы семантической сочетаемости предикатов с фразеологическими характеристиками качества процесса / К.В. Землякова // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. – 2012. – № 5. – С. 64-69.
123. Зимбардо, Ф. Застенчивость. Что это такое и как с этим бороться / Ф. Зимбардо. – М.: АСТ, Астрель, 2005. – 208 с.
124. Зимняя, И.А. Лингвopsихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.: Московский психологo-социальный институт; Воронеж: Научно-производственное объединение «МОДЭК», 2001. – 432 с.
125. Зимовец, Н.В. К вопросу семантической декомпрессии текста / Н.В. Зимовец // Perspektywiczne opracowania sq naukq i technikami – 2013: Materialy IX Miedzynarodowej naukowii-praktycznej konferencji, 7-15 listopada 2013 roku / red. naczelna S.Gorniak. – Przemysl, 2013. – Vol. 23. Filologiczne nauki. – S. 27-30.
126. Иваницкий, В.В. Функции языка / В.В. Иваницкий // Вестник Новгородского гос. ун-та. – № 29. – 2004. – С. 103-110.
127. Ивин, А.А. Аналогия // А.А. Ивин. Логика. М.: Знание, 1998. С. 137-169.
128. Ивин, А.А. Логика // А.А. Ивин. – М.: Гардарики, 2007. – 352 с.
129. Ивин, А.А. Искусство определения // А.А. Ивин. Логика. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 95-121.
130. Илья-пророк [Электронный ресурс] // Баникофф. Новости. – 29.07.2017. – URL: <https://banikoff.ru/news/2017/ilya-prorok> (дата обращения 18.06.2018).
131. Ишмуратов, А.Т. Логический анализ практических рассуждений: Формализация психологических понятий / А.Т. Ишмуратов. – Киев: Наукова думка, 1987. – 137 с.
132. Казакова, О.М. Язык, картина мира и менталитет: Проблема соотношения / О.М. Казакова // Интеллектуальный потенциал ученых России: Труды Сибирского института знаниеведения / под ред. Е.В. Ушаковой, Ю.И. Колюжова. – Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 2006. – Вып VI. – С. 157-160.
133. Казакова, О.М. (2007а). Структура национального менталитета / О.М. Казакова // Научная жизнь. – М.: Наука, 2007. – № 2. – С. 132-135.

134. Казакова, О.М. (20076). Национальный менталитет в языковой картине мира (на примере сопоставления русскоязычной и англоязычной картин мира) / О.М. Казакова: Автореф. дис... канд. филос. наук / 24.00.01. – Барнаул, 2007. – 18 с.
135. Калмыкова, О. Въелось в мозг: как метафоры влияют на наши решения [Электронный ресурс] / О. Калмыкова // НОЖ. Интеллектуальный журнал о культуре и обществе. 9 ноября 2019. – URL: https://knife.media/watch-your-mouth/?utm_source=pulse_mail_ru&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru (дата обращения 12.02.2020).
136. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Эксмо, 2016. – 736 с.
137. Капичина, Е.А. Семиозисное мышление в музыке как проблема философского дискурса / Е.А. Капичина // Вестник Воронежского гос. ун-та. – Серия философия. – 2015. – № 1. – С. 137-143.
138. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
139. Карасик, В.И. Языковые ключи/ В.И. Карасик. Волгоград: Парадигма, 2007.– 520 с.
140. Карасик, В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. Научный журнал. – Екатеринбург: изд-во Уральского гос. педагогического ун-та, 2012. – Вып. 1(39). – С. 43-50.
141. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
142. Картина мира этническая [Электронный ресурс] // Большой психологический словарь онлайн [Электронный ресурс] / Е.В. Григорьева, О.П. Меженина, М.Д. Протасова, С.А. Торлецкий. 2000. URL: https://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/ (дата обращения 24.08.2019).
143. Карцевский, С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С.О. Карцевский // Введение в языковедение: Хрестоматия / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 76-81.

144. Касевич, В.Б. Элементы общей лингвистики / В.Б. Касевич. М.: Наука, 1977. 183 с.
145. Кибрик, А.Е. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни (ред.). – М.: Наука, 1987. – 279 с.
146. Кибрик, А.Е. Лингвистические постулаты // А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). – М.: изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1992. – С. 17-27.
147. Кибрик, А.Е. Когнитивная лингвистика: наука о невысказанном [Электронный ресурс] / А.Е. Кибрик. – 2019. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/17654-nauka-o-nevyskazannom-cto-takoe-kognitivnaya-lingvistika> (дата обращения 8.12.2019).
148. Клаус, Г. Сила слова: гносеологический и прагматический анализ языка / Г. Клаус. – М.: Прогресс, 1967. – 216 с.
149. Кобзев, А.И. Китай и атомизм / А.И. Кобзев // Историко-философский ежегодник Института философии РАН. – Серия языкознание и литературоведение. – 2011. – № 20-10. – С. 367-390.
150. Кодухов, В.И. Введение в языкознание / В.И. Кодухов. М.: Либроком, 2016. – 604 с.
151. Кожанов, Д.А. Когнитивный аспект изучения функционирования языка науки / Д.А. Кожанов // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. – 2013. – № 2. – С. 111-116.
152. Козлова, Л.Я. Формирование языковой картины мира англичан / Л.Я. Козлова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2016. – № 5 (19-2). – С. 53-63.
153. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
154. Колишева, С.И. Проявление британского менталитета в грамматике английского языка [Электронный ресурс] / С.И. Колишева. – 2011. – URL: <https://infourok.ru/material.html?mid=171991> (дата обращения 20.12.2019).

155. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
156. Коляда, А.А. Национальный менталитет и его отражение в языке / А.А. Коляда. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2017. – 66 с.
157. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: УОУО Media, 2012. – 721 с.
158. Кондаков, И.М. Уроборос // И.М. Кондаков. Психология. Иллюстрированный словарь. – СПб.: Прайм-Еврознак, Харвест, 2007. – С. 621-622.
159. Коннова, М.Н. Введение в когнитивную лингвистику / М.Н. Коннова. – Калининград: изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2012. – 313 с.
160. Кононенко, Б.И. Культурная картина мира // Б.И. Кононенко. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече, АСТ, 2003. – С. 246-247.
161. Кононович, Э.В. Общий курс астрономии / Э.В. Кононович, В.И. Мороз / под ред. В.В. Иванова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 544 с.
162. Коралова, А.Л. Прагматические аспекты передачи образности в тексте перевода [Электронный ресурс] / А.Л. Коралова // Сайт о переводе и для переводчиков «Думать вслух». – 2014. – URL: <http://www.thinkaloud.ru/scienceak.html> (дата обращения 15.03.2018 г.).
163. Королев, А.А. Кельтские языки [Электронный ресурс] / А.А. Королев. – 2011. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/060/568.htm> (дата обращения 3.01.2019).
164. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – Вып. III. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – С. 143-343.
165. Кретов, А.А. Основы лексико-семантической прогностики / А.А. Кретов. – Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006. – 390 с.

166. Крячко, В.Б. Концептосфера “Война” в английской и русской лингвокультурах / В.Б. Крячко: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. – Волгоград, 2007. – 24 с.
167. Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка: К постановке проблемы / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. – Серия литературы и языка. – 1997. – Том 56. – № 3. – С. 22-31.
168. Кубрякова, Е.С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека / Е.С. Кубрякова // Вестник Чувашского гос. педагогического ун-та. – 2003. – № 4 (38). – С. 2-12.
169. Кузнецова, Т.Ф. Культурная картина мира в свете тенденций развития культурологии / Т.Ф. Кузнецова, В.А. Луков // Вестник Международной академии наук. – Русская секция. – 2009. – № 1. – С. 66-69.
170. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка / Э.В. Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
171. Кукушкин, Н.В. Как понять всё / Н.В. Кукушкин // НОЖ (Научный онлайн журнал). Интеллектуальный журнал о культуре и обществе. Ноябрь 2015. – URL: [https:// knife. media/understand-it/](https://knife.media/understand-it/) (дата обращения 28.02.2020).
172. Кулаева, О.А. Устойчивость английских лингвистических единиц в свете концепции речезыкового пространства / О.А. Кулаева: Дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 2003. – 226 с.
173. Куликова, Н.В. Моделирование действительности в образной основе английских фразеологических единиц / Н.В. Куликова: Дис. ... канд. филол. наук / 10. 02.04. – Самара, 2011. – 179 с.
174. Кунин, А.В. Фразеологический уровень языка / А.В. Кунин // Уровни языка и их взаимодействие: Тезисы докладов науч. конф. – М.: Московский гос. пед. ин-т иностранных языков им. М. Тореза, 1967. – С. 90-97.
175. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – Биробиджан: Тривиум, 2000. – 490 с.

176. Ладенко, И.С. Методология семиотического моделирования / И.С. Ладенко. – Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, 1987. – 64 с.
177. Лазарев, Ф.В. Интервал абстракции / Ф.В. Лазарев // Философия науки: Словарь терминов / под ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический проект, 2004. – 320 с.
178. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
179. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
180. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.
181. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Гнозис, 2011. – 512 с.
182. Лебедев, А.В. Протагор [Электронный ресурс] / А.В. Лебедев // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека Института философии РАН / под ред. В.С. Степина. – 2018. – URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HAS_H2f2798_ca78af_bb_2bef7e2f (дата обращения 24.08.2019).
183. Лебедев, М.В. Теория речевых актов Дж. Остина / М.В. Лебедев // Аналитическая философия / под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. – М.: изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. – С. 260-265.
184. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление. Коллективные представления в сознании первобытных людей / Л. Леви-Брюль. – М.: Красанд, 2012. – 340 с.
185. Лексико-семантическая система языка и ее специфика [Электронный ресурс]. – 2010. – URL: <https://gigabaza.ru/doc/71510.html> (дата обращения 2.05.2020).
186. Лем, С. Еще о «проблеме контакта» // С. Лем. Маска. Не только фантастика: авторский сборник. – М.: Наука, 1990. – С. 304-306.

187. Лем, С. ГОЛЕМ XIV. Вступительная лекция ГОЛЕМа. О человеке тройко // С. Лем. Мнимая величина: авторский сборник. – М.: АСТ, Астрель, 2010. – С. 142-191.
188. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Том 18. – М.: Госполитиздат, 1968. – С. 7-384.
189. Ленин, В.И. (1969а). О праве наций на самоопределение // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Том 25. – М.: Госполитиздат, 1969. – С. 255-320.
190. Ленин, В.И. (1969б). Философские тетради // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Том 29. – М.: Госполитиздат, 1969. – 782 с.
191. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М.: Едиториал URSS, 2020. – 312 с.
192. Лихачев, Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев. – М.: КолЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с.
193. Логачева М.И. Системные характеристики семантических отношений в английском фразеологическом фонде / М.И. Логачева: Дис. ... канд. филол. наук/ 10.02.04.– Самара, 2016. – 193 с.
194. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении // Дж. Локк. Сочинения в 3-х тт. – Том 1. – М.: Мысль, 1985. – 623 с.
195. Лопатин, В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В.В. Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 150 с.
196. Лосев, А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // А.Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М.: изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1982. – С. 280-407.
197. Лосев, А.Ф. Бытие и небытие // А.Ф. Лосев. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 299-526.
198. Лосев, А.Ф. Чтожность // А.Ф. Лосев. История античной эстетики. – В 8 тт. – Том IV. Аристотель и поздняя классика – М.: Фолио, 2000. – С. 124-158.
199. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.

200. Лотман, Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и Тартуско- московская семиотическая школа: Сб. научных статей / сост. А.Д. Кошелев. – М.: Гнозис, 1994. – С. 17-258.
201. Лотман, Ю.М. О природе искусства // Ю.М. Лотман. Об искусстве: Сб. научных трудов / сост. Р.Г. Григорьев. – СПб.: Искусство – СПб, 1998. – С. 400-403.
202. Лотман, Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблема искусственного разума // Ю.М. Лотман. Семиосфера. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – С. 557-567.
203. Лысенко, В.Г. Атомистический подход в школах буддийской абхидхармы: дхармы и атомы / В.Г. Лысенко // Вопросы философии. – 2016. – № 8. – С. 150-165.
204. Майоров, Г.С. Многосложные слова английского языка [Электронный ресурс] / Г.С. Майоров, Ю.Л. Барановская // Вестник Иркутского национального исследовательского технического ун-та. – 2018. – № 2. – С. 1-4. – URL: [mvestnik.istu.irk.ru> sys>mod> attach> articles> article_21_0](http://mvestnik.istu.irk.ru/sys/mod/attach/articles/article_21_0) (дата обращения 15.07.2019).
205. Маковский, М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках / М.М. Маковский. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с.
206. Малинович, Ю.М. Синтаксис как отражение динамики мышления и языкового сознания в онтогенезе / Ю.М. Малинович, М.В. Малинович // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. – № 2. – 2012. – С. 56-63.
207. Марков, Б.В. Культура повседневности / Б.В. Марков. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
208. Марков, Б.В. Эрмитажное собрание Рембрандта как трансмедийный ресурс русской культуры / Б.В. Марков // Вестник Московского гос. ун-та культуры и искусств. – 2019. – № 4 (90). – С. 71-79.
209. Маркс, К. (1955а). Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Изд. 2. – Том 1. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 7-544.

210. Маркс, К. (1955б). Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Изд. 2. – Том 3. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 1-6.
211. Маркс, К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Изд. 2. – Том 13. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 489-499.
212. Маслов, Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 801 с.
213. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
214. Матханова, И.П. Лакунарность в системе эмотивных средств русского языка / И.П. Матханова, Т.А. Трипольская // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: Сб. науч. тр. / под ред. Т.И. Стексовой. – Новосибирск: изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2009. – С. 6-16.
215. Мелерович, А.М. Образная основа и внутренняя форма фразеологических единиц / А.М. Мелерович // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: Сб. науч. тр. / под ред. З.Д. Поповой. – Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 1983. – С. 80-85.
216. Мелерович, А.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного английского языка / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: изд-во Костромского гос. ун-та, 2008. – 484 с.
217. Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ текст» / И.А. Мельчук. – М.: Издательский дом ЯСК, 2020. – 370 с.
218. Меркулов, И.П. Знание врожденное [Электронный ресурс] / И.П. Меркулов, А.Н. Симонов // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. – М.: Центр гуманитарных технологий, 2019. – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7284> (дата обращения 21.07.2019 г.).
219. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – 320 с.
220. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: изд-во «КАРО», 2010. – 304 с.

221. Молчкова, Л.В. Лингвокультурные коды как моделирующая, регулирующая и речепорождающая система / Л.В. Молчкова // European Social Science Journal / Европейский журнал социальных наук. – 2011. – № 11 (14). – С. 147-153.
222. Мордовцев, С.М. Основные понятия сферической геометрии // Конспект лекций по курсу «Сферическая геометрия и тригонометрия» / С.М. Мордовцев, А.И. Колосов, А.В. Якунин. – Харьков: Харьковский национальный ун-т городского хозяйства им. А.Н. Бекетова, 2016. – С. 6-19.
223. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – С. 45-97.
224. Назарова, А.А. К вопросу о функциях языка и речи / А.А. Назарова // Гуманитарный вектор. Научный журнал Забайкальского гос. ун-та. – Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 75-79.
225. Небольсина, П.А. Языковая картина мира: определение понятия / П.А. Небольсина // Материалы XV ежегодной междунар. богословской конференции. 20-22 января 2005 г. – Том 2. – М.: изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2005. – С. 302-305.
226. Нелюбова, М.В. Психология цвета [Электронный ресурс] / М.В. Нелюбова. 2018. URL: http://www.videoton.ru/Articles/pshiho_color.html (дата обращения 19.05.2018).
227. Немченко, В.Н. Введение в языкознание / В.Н. Немченко. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 494 с.
228. Никитин, М.В. О семантике метафоры / М.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91-102.
229. Никитин, М.В. Основы когнитивной семантики / М.В. Никитин. – СПб.: изд-во Российского гос. педагогического ун-та им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.
230. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. СПб.: изд-во Российского гос. педагогического ун-та им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.

231. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: Едиториал URSS, 2009. – 168 с.
232. Никонова, М.Н. Современный русский язык / М.Н. Никонова. – Омск: изд-во Омского гос. технического ун-та, 2008. – 164 с.
233. Новиков, А.И. Знание в системах общения / А.И. Новиков // Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ / отв. ред. Ю.Н. Марчук. – М.: Наука, 1989. – С. 58-102.
234. Новоселов, М.М. Логика абстракций / М.М. Новоселов. – М.: изд-во Института философии РАН, 2003. – 155 с.
235. Оккам, У. Отрывки [Электронный ресурс] / У. Оккам. – 2001. – URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/ОККАМ/okkam.txt> (дата обращения 25.12.2019).
236. Огороков, В.Б. Антропология времени в диахронно-синхроническом измерении / В.Б. Огороков // Философия и космология. Журнал Международного философско-космологического общества. – 2015. – Том 14. – С. 193-214.
237. Павлова, А.В. Язык как источник сведений о национальной картине мира / А.В. Павлова // Филологические заметки. Журнал Пермского национально-исследовательского ун-та. – 2009. – Вып. 7. – Том 1. – С. 207-220.
238. Паксман, Дж. Англия: портрет народа / Дж. Паксман. – М.: Амфора, 2013. – 380 с.
239. Палмер, Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens / Дж. Палмер, Л. Палмер. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
240. Панкина, Н.Ф. Семантическое пространство языка и подходы к его изучению / Н.Ф. Панкина // Вопросы когнитивной лингвистики. Общероссийский академический научный журнал. – 2004. – № 1(001). – С. 146-149.
241. Панченко, В.А. Вильгельм фон Гумбольдт. Внутренняя форма языка как отражение самобытности этнической культуры / В.А. Панченко // Известия Российского гос. педагогического ун-та. – 2010. – № 124. – С. 396-401.

242. Папшева, А.В. Структурно-семантические и функциональные характеристики английского лингвокультурного кода “Природа” / А.В. Папшева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 2010. – 24 с.
243. Пирс, Ч.С. Разделение знаков // Ч.С. Пирс. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – С. 176-199.
244. Платон. Избранные диалоги / Платон. – М.: АСТ, 2006. – 512 с.
245. Платонова, С.И. Метод идеализированных допущений в решении социально-экономических проблем / С.И. Платонова: Дис. ... канд. филос. наук / 09.00.01. – М., 1992. – 182 с.
246. Плеханов, А.Е. Лексическая сочетаемость слов в идиоэтническом аспекте (на материале английских субстантивных и глагольных речевых словосочетаний) / А.Е. Плеханов: Дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 1999. 178 с.
247. Плеханов, А.Е. Идиоэтизм речи (проблемы лексической сочетаемости) / А.Е. Плеханов, В.М. Савицкий. – Самара: Самарский филиал Московского гор. пед. ун-та, 2002. – 178 с.
248. Полежаев, Д.В. Менталитет и язык: особенности феноменологического взаимодействия / Д.В. Полежаев // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. – 2009. – № 2. – С. 57-62.
249. Поляков, М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики / М.Я. Поляков. – М.: Советский писатель, 1986. – 480 с.
250. Попова, А.Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в речезыковом пространстве (на материале английского языка) / А.Н. Попова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 2014. – 20 с.
251. Попова, З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики / З.Д. Попова // Вестник Воронежского гос. ун-та. – Серия 1. Гуманитарные науки. – 1996. – № 2. – С. 64-68.
252. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: «Восток – Запад», 2007. – 314 с.

253. Поппер, К.Р. Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия / К.Р. Поппер. – М.: изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
254. Поршнева, Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнева. – СПб.: Алетейя, 2007. – 720 с.
255. Потемкина, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потемкина. – М.: Эдиториал URSS, 2010. – 320 с.
256. Потемкина, А.А. Мысль и язык / А.А. Потемкина. – М.: Юрайт, 2016. – 290 с.
257. Почепцов, О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110-122.
258. Пространство языка и речи: лингвистические проблемы изучения и описания: Сб. статей / под ред. Н.Л. Шамне. – Волгоград: изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2014. – 256 с.
259. Прохорова, О.Н. Концептуальная метафора “Society is a body” как одно из средств репрезентации концептосферы “Society” в английском языке / О.Н. Прохорова, О.В. Афанасьева // Научные ведомости. – Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 6. – № 12 (83). – С. 86-91.
260. Резанова, З.И. Внутренняя форма слова как объект метаязыковой рефлексии / З.И. Резанова // Язык и культура. Научный журнал. – 2008. – № 1. – С. 78-85.
261. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – 536 с.
262. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебрянникова. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
263. Рубинштейн, С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса / С.Л. Рубинштейн // Вопросы психологии. – 1983. – № 2. – С. 9-25.
264. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Издательский дом «Питер», 2015. – 705 с.
265. Руссо, Ж.Ж. Юлия, или Новая Элоиза / Ж.Ж. Руссо // Библиотека всемирной литературы. – Том 58. – М. Художественная литература, 1968. – 776с.

266. Рябова, Т.Б. Медведь как символ России: социологическое измерение / Т.Б. Рябова // Русский медведь: история, семиотика, политика: Сб. науч. тр. – М.: изд-во «НЛО», 2012. – С. 338-353.
267. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
268. Савицкая, Е.В. Язык и миф / Е.В. Савицкая // XXVI городская научно-творческая конференция: Сб. науч. тр. – Самара: Департамент образования администрации г. Самары, 2007. – С. 43-44.
269. Савицкая, Е.В. Мифопоэтические основы английского языкового мышления / Е.В. Савицкая // 53-я ежегодная конференция преподавателей и студентов «День науки – 2009»: Сб. науч. тр. – Самара: изд-во Поволжской гос. социально-гуманитарной академии, 2009. – С. 51-54.
270. Савицкая, Е.В. Этнокультурные факторы речевого общения / Е.В. Савицкая // Вестник ПГСГА, 2010. – Самара: изд-во Поволжской гос. социально-гуманитарной академии, 2010. – С. 64-68.
271. Савицкая, Е.В. Структурно-семантические и функциональные особенности заглавий текстов разных жанров / Е.В. Савицкая // Традиции и новаторство в развитии лингвистической и методической мысли: Материалы Международной науч. конф. – Самара: изд-во Поволжской гос. социально-гуманитарной академии, 2010. – С. 68-72.
272. Савицкая, Е.В. Порождение речи в свете теории дискурса / Е.В. Савицкая // Человек. Язык. Культура. Концептуальный и лингвальный миры: Сб. науч. статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика. – Том 2. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 736-746.
273. Савицкая, Е.В. Лингвоконцептуальные лакуны: интракультурный аспект / Е.В. Савицкая // Самарский научный вестник. – № 4 (5). – 2013. – Самара: изд-во Поволжской гос. социально-гуманитарной академии, 2013. – С. 136-140.
274. Савицкая, Е.В. Английские языковые лакуны в свете интралингвистического подхода / Е.В. Савицкая: Дис. ... канд. филол. наук/ 10.02.04.– Самара, 2015. – 193 с.

275. Савицкая Е.В. Мультикодовый характер художественного текста / Е.В. Савицкая // Международный научный институт «Эдукатио». – № 4 (30). – Новосибирск: Международный научный центр «Эдукатио», 2017. – С. 26-29.
276. Савицкая, Е.В. Спациальное моделирование действительности в естественном языке / Е.В. Савицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. – Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 09/2. – С. 157-160.
277. Савицкая, Е.В. (2019а). Когнитивный субстрат языкового мышления / Е.В. Савицкая // Известия Воронежского гос. пед. ун-та. – № 1 (282). – 2019. – С. 166-172.
278. Савицкая Е.В. (2019б). Ценностные смыслы как элементы идейно-художественного содержания текста / Е.В. Савицкая, В.М. Савицкий // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: Материалы Международной научной конференции. – Тяньцзиньский университет иностранных языков, 16 ноября 2018 г. – Тяньцзинь, 2019. – С. 361-369.
279. Савицкая Е.В. Оппозиция «правое: левое» как когнитивный паттерн языкового мышления (на материале английского языка) / Е.В. Савицкая // Материалы V Международной научно-практической конференции 14-15 октября 2021 года, г. Орёл, ISBN 978-5-9708-0947-1. - С. 432-438.
280. Савицкая Е.В. Роль общеупотребительного языка в научном познании // Языковые единицы в свете современных научных парадигм / Е.В. Савицкая // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 18 декабря 2020 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 285-291. ISBN 978-5-7477-5248-1
281. Савицкая Е.В. Пассивные и безличные грамматические конструкции в когнитивно-лингвистическом аспекте / Е.В. Савицкая // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. ISSN: 1680-5755 С. 13-18.

282. Савицкая Е.В. Внутренняя форма языковой единицы как мотиватор ее значения (на материале английского и русского языков) / Е.В. Савицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice ISSN 2782-4543 (online) ISSN 1997-2911 (print) 2022. Том 15. Выпуск 8. С. 2660-2665.
283. Савченко, Л.В. Репрезентация концептуальных кодов культуры во фразеосистеме / Л.В. Савченко // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. статей по материалам LXIII международной научно-практической конф. – № 8 (63). – Новосибирск: изд-во Ассоциации научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2016. – С. 68-76.
284. Саидумаров, С.С. Ибн Сина об учении мизаджа (темперамента) и психофизической природе человека / С.С. Саидумаров // Вестник Таджикского технического ун-та. – 2014. – № 1 (25). – С. 139-141.
285. Саная, Н.Т. Роль ассоциативно-образного этапа в процессе формирования связанных значений слов / Н.Т. Саная // Фразеологическая параметризация в машинном фонде русского языка: Сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Телия. – М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1990. – С. 123-128.
286. Сартр, Ж.П. Бытие и ничто / Ж.П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
287. Сводеш, М. К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании / М. Сводеш // Зарубежная лингвистика / ред.-сост. В.Д. Мазо. – Вып. 1. – М.: Прогресс, 1999. – С. 7-36.
288. Севастьянова, В.С. Образы движения и неподвижности в языковой картине мира немецкой романтической поэзии / В.С. Севастьянова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2014. – № 23 (352). – Филология. – Вып. 92. – С. 70-73.
289. Седых, Д.В. Проблемы фоносемантики в современном английском языке / Д.В. Седых // Междунар. журнал экспериментального образования. – 2011. №5. С. 135-136.

290. Селиверстова, О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // О.Н. Селиверстова (ред.). Семантические типы предикатов: Сб. науч. тр. – М.: Наука, 1982. – С. 86-157.
291. Семенов, Н.Н. Когнитивный субстрат паремий в фокусе задач моделирования паремической семантики / Н.Н. Семенов // Вестник Вятского гос. ун-та. – 2017. – № 1. – С. 46-51.
292. Сепир, Э. Язык // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2001. – С. 224-249.
293. Скоробогатова, Т.И. Этническая картина мира и этноидиоматика (на материале английского и французского языков) / Т.И. Скоробогатова, Т.А. Шкуратова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – Серия III. Филология. – 2007. – № 3 (9). – С. 97-114.
294. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 339 с.
295. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1998. – 260 с.
296. Смирницкий, А.И. Лекции по истории английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Добросвет, 2010. – 234 с.
297. Сова, Л.З. У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков / Л.З. Сова. – М.: Директ-медиа, 2014. – 383 с.
298. Солопова М.А. Античный атомизм: к вопросу о типологии учений и истоках генезиса / М.А. Солопова // Вопросы философии. – 2011. – № 8. – С. 157-168.
299. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: изд-во Уральского гос. ун-та, 1999. – 432 с.
300. Спиноза, Б. Политический трактат [Электронный ресурс] / Б. Спиноза // Электронная библиотека научной и учебной литературы. – 2004. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Spinoza_P_tr.pdf (дата обращения 2.01.2020).

301. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
302. Стойкович, Л.Ю. Лексическое поле глаголов речепроизводства в современном английском языке / Л.Ю. Стойкович: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 2007. – 23 с.
303. Сэмунд Мудрый. Старшая Эдда / Сэмунд Мудрый // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Эксмо, 2014. – С. 205-379.
304. Тейлер, Дж. Как атеисты могут защитить здравый смысл: 15 способов [Электронный ресурс] / Дж. Тейлер // ИноСМИ.РУ / Россия сегодня. 14.01.2014. – URL: <https://inosmi.ru/world/20140114/216477609.html> (дата обращения 18.03.2020).
305. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2000. – 146 с.
306. Толстикова, Т.А. Отражение особенностей национальной картины мира в английской и русской поэзии / Т.А. Толстикова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: Материалы VI Международной научной конференции молодых ученых (Екатеринбург, 10 февраля 2017 г.). Часть 2. Современные проблемы изучения истории и теории литературы. – Екатеринбург: изд-во Учебно-методического центра Уральского гос. технического ун-та, 2017. – С. 229-235.
307. Толстой, А.Н. Слово есть мышление // А.Н. Толстой. Собр. соч. в 10 тт. Том 10. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 401-409.
308. Треблер, С.М. (2004а). Судьба русского литературного языка в Евразийском контексте // Евразийство и Казахстан / С.М. Треблер // Труды Евразийского научного форума «Гумилевские чтения». – В 2-х тт. – Том 2. – Астана, 2004. – С. 135-152.
309. Треблер, С.М. (2004б). К характеристике русского национального языкового сознания / С.М. Треблер // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка

- (МГУ им. М.В. Ломоносова, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы / под ред. М.Л. Ремизовой и О.В. Дедовой. – М.: изд-во Московского гос. ун-та, 2004. – С. 147-148.
310. Тромбетти, А. О теории пассивного характера глагола / А. Тромбетти // Эргативная конструкция предложения: Сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Кондрашова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. – С. 152-166.
311. Троянова, И.М. Когнитивная функция как одна из важнейших функций языка / И.М. Троянова // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2008. – № 2 (76). – С. 56-58.
312. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. – М.: Эдиториал URSS, 2018. – 176 с.
313. Удалова, Г.П. Доминирование-лидерство у приматов: эволюционный аспект [Электронный ресурс] / Г.П. Удалова // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – 2018. – С. 25-49. – URL: http://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-225-8/978-5-88431-225-8_03.pdf (дата обращения 23.07.2019).
314. Узнадзе, Д.Н. Психология установки / Д.Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
315. Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. – Вып. V. Языковые универсалии – М.: Прогресс, 1970. – С. 250-299.
316. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Зарубежная лингвистика. – Вып. I. – М.: Прогресс, 2002. – С. 58-91.
317. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
318. Устинова, Е.В. Функционально-семантическое поле агентивности / неагентивности в современном русском литературном языке XX – начала XXI в. / Е.В. Устинова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. – Ростов-н/Д., 2007. – 26 с.

319. Ухтомский, А.А. Доминанта как фактор поведения // А.А. Ухтомский. Учение о доминанте. – М.: Юрайт, 2019. – С. 75-101.
320. Федотов, Г.П. Национальное и вселенское // Г.П. Федотов. Собр. соч. В 12 тт. – Том 2. – М.: Мартис; SAM and SAM, 1998. – С. 116-121.
321. Филлмор, Ч. (1981а). Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369-495.
322. Филлмор, Ч. (1981б). Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 496-530.
323. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики/ Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XII. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С. 74-122.
324. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.
325. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Мидгард, 2007.– 608 с.
326. Фрейденберг, О.М. (сост.). Античные теории языка и стиля: Антология текстов / О.М. Фрейденберг. – СПб.: Алетейя, 1996. – 362 с.
327. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
328. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2015. – 320 с.
329. Фурер, О.В. Композиция фреймов / О.В. Фурер // Альманах современной науки и образования. – № 3 (34). – Часть II. – Тамбов: Грамота, 2010. – С. 171-172.
330. Фурс, Л.А. Принципы и методы исследования синтаксиса в когнитивном аспекте / Л.А. Фурс // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. – Тамбов: изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2008. – С. 149-155.
331. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.

332. Хайруллина, Д.Д. Соотношение и взаимосвязь терминов “концепт”, “понятие”, “значение” в современных исследованиях / Д.Д. Хайруллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 12 (78). – Часть 1. – 2017. – С. 157-161.
333. Харари, Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю.Н. Харари. – М.: Синдбад, 2016. – 520 с.
334. Харрис, Дж. Алгебраическая геометрия. Начальный курс / Дж. Харрис. – М.: изд-во Московского центра математического образования, 2005. – 400 с.
335. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. – 257 с.
336. Хомский, Н. Картезианская лингвистика: Глава из истории рационалистической мысли / Н. Хомский. – М.: Эдиториал URSS, 2018. – 232 с.
337. Хорни, К. Культура и невроз // К. Хорни. Невротическая личность нашего времени. – Niköping, Sweden: Philosophical arkiv, 2016. – P. 181-186.
338. Храмова, Е.Ю. Справочник неотложной помощи [Электронный ресурс] / Е.Ю. Храмова. 2011. – URL: <https://info.wikireading.ru/74047> (дата обращения 15.02.2018).
339. Хроленко, А.Т. Эвристические и креативные возможности русского языка / А.Т. Хроленко // Ученые записки Курского гос. ун-та. – Серия: Филологические науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 74-83.
340. Хрянин, А.В. Феномен левостороннего мануального предпочтения и психофизиологические особенности леворуких людей / А.В. Хрянин // Известия Пермского гос. пед. ун-та. – Серия естественных наук. – № 5 (9). – 2007. – С. 51-54.
341. Чанышев, А.Н. Трактат о небытии / А.Н. Чанышев // Вопросы философии. – № 10. – 1990. – С. 158-165.
342. Чейф, У. Память и вербализация прошлого опыта / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XII. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С. 35-73.

343. Чейф, У. Значение и структура языка / У. Чейф. – М.: Либроком, 2009. – 430 с.
344. Чернавская, Ю.В. Народная культура и национальные традиции / Ю.В. Чернавская. – Минск: Беларусь, 2000. – 421 с.
345. Чернышевский, Н.Г. Что делать? / Н.Г. Чернышевский. – М.: Азбука, 2012. – 448 с.
346. Чистюхин, И.Н. Теория драмы / И.Н. Чистюхин. – Орел: Орловский гос. ун-т искусств и культуры, 2014. – 130 с.
347. Чуковский, К.И. От двух до пяти / К.И. Чуковский. М.: Детская литература, 2020. – 366 с.
348. Шалютин, С.М. Искусственный интеллект: Гносеологический аспект / С.М. Шалютин. – М.: Мысль, 1985. – 198 с.
349. Шарипов, А.Ш. О тесносплетениях языка и культуры (на примере немецких и таджикских пословиц и поговорок) / А.Ш. Шарипов // Уч. зап. Худжандского гос. ун-та. – Серия гуманитарных наук. – 2015. – № 4 (45). – С. 194-198.
350. Шаумян, С.К. Аппликативная грамматика как семантическая теория естественных языков / С.К. Шаумян. – Л.: Наука, 2013. – 204 с.
351. Шелякин, М.А. Особенности семантической системы языка // М.А. Шелякин. Язык и человек. Особенности мотивированности языка. – М.: Флинта, 2012. – 296 с.
352. Шлейхер, А. Теория Дарвина в ее применении к языку / А. Шлейхер // Хрестоматия по истории языкознания XIX – XX веков / сост. В.А. Звегинцев. – В 2-х тт. – Том I. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 116-121.
353. Шрёдингер, Э. Лекции по физике / Э. Шрёдингер. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 160 с.
354. Штофф, В.А. Моделирование и философия [Электронный ресурс] / В.А. Штофф. 2012. – URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_nauki_tekhniki/shtoff_v_a_modelirovanie_i_filosofija/30-1-0-2949 (дата обращения 22.09.2014).

355. Шурыгина, Е.Н. Понятие “картина мира” в лингвокультурологическом освещении / Е.Н. Шурыгина // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 3. – Том 1 (Гуманитарные науки). – С. 184-187.
356. Щербинина, А.Е. Понятие “картина мира” в современных лингвистических исследованиях / А.Е. Щербинина // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. / под ред. Т.В. Симашко. – М. – Архангельск: БИБКОМ, 2009. – Вып. 4. – С. 222-226.
357. Щукина, Г.О. Виды фразеологической номинации в английском языке / Г.О. Щукина: Дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 2016. – 205 с.
358. Эйнштейн, А. Мотивы научного исследования // А. Эйнштейн. Как изменить мир к лучшему: Сб. публицистических работ. М.: Алгоритм, 2013. С. 40-43.
359. Эко, У. Роль читателя / У. Эко. – М.: Corpus, 2016. – 640 с.
360. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1983. – 483 с.
361. Эпштейн, М.Н. Мультиверсум [Электронный ресурс] / М.Н. Эпштейн. – 2019. – URL: http://www.emory.edu/INTELNET/fs_multiverse.html (дата обращения. 9.01.2020).
362. Юнг, К.Г. Личное и коллективное бессознательное // К.Г. Юнг. Очерки по психологии бессознательного. – М.: Когито-Центр, 2010. – С. 78-95.
363. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: за и против: Сб. статей / под ред. Е.Я. Басина. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
364. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
365. Austin, J.L. A Plea for Excuses / J.L. Austin // *Philosophy and Linguistics* / ed. by C. Lyas. – McMillan Publishers Ltd., 1971. – P. 79-101.
366. Bernhardsen, T. Geographic Information Systems: an Introduction / T. Bernhardsen. – N.Y.: Wiley, 2002. – 448 pp.
367. Chandler, D. Semiotics: the Basics / D. Chandler. – London: Routledge Academic Publishing, 2017. – 332 pp.

368. Cienki, A. Metaphor & Cultural Models as Bases & Profiles / A.Cienki // Metaphor in Cognitive Linguistics / ed. by R. Gibbs. Amsterdam: Benjamins, 1999. Pp. 189-204.
369. Clement, M. Relationship between Language and Thought [Electronic Resource] / M. Clement // Language and Thought. – February 3, 2017. – URL: <https://www.translit.ie/relationship-language-thought/> (accessed 17.02.2020).
370. Clynes, M.E. Cyborgs and Space / M.E. Clynes, N.S. Kline // Journal of Astronautics / American Astronautic Society. 09.1960.– Pp. 26-27; 74-76.
371. Coggle. Public Diagram [Electronic Resource]. – 2005. URL: [https://coggle.it/diagram LGBoyrVgABDcM8/t/](https://coggle.it/diagram/LGBoyrVgABDcM8/t/) (accessed 2.05.2020).
372. Deutschbein, M. Grammatik der englischen Sprache auf wissenschaftlicher Grundlage / M. Deutschbein. – Leipzig: Quelle & Meyer, 1953. – 264 S.
373. DeWitt, B.S. The Many-Worlds Interpretation of Quantum Mechanics [Electronic Resource] / B.S. DeWitt, N. Graham, S. Hawking. – Princeton: Univ. Press, 1973. 266 pp.
374. Diamond [Electronic Resource] // Rocks & Minerals. University of Auckland. School of Geography, Geology and Environmental Science. – 2005. – URL: [Diamond \[Electronic Resource\] // Rocks & Minerals. University of Auckland. School of Geography, Geology and Environmental Science. – 2005. – URL: https://flexiblelearning.auckland.ac.nz/rocks_minerals/minerals/index.html#](https://flexiblelearning.auckland.ac.nz/rocks_minerals/minerals/index.html#) (accessed 12.04.2017).
375. EDKID-NET. Studying English [Electronic Resource]. – 2019. – URL: <https://edkid.net/start/kuda-ischezli-okonchania-angliyskih-slov> (accessed 11.01.2020).
376. Emmanation, M. Congruence by Degree: On the Relation between Metaphor and Cultural Models / M. Emmanation // Metaphor in Cognitive Linguistics / ed. by R. Gibbs and G. Steen. – Amsterdam: Benjamins, 1999. – Pp. 205-218.

377. Fauconnier, G. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2000. 464 pp.
378. Fromm, E. *The Art of Being* / E. Fromm. – Bloomsbury Academic, 1994. 144 pp.
379. Geeraerts, D. *Cognitive Linguistics* / D. Geeraerts // *Handbook of Pragmatics* / ed. by J. Verschueren, J.O. Östman. – Amsterdam: John Benjamins, 1995. – Pp. 111-116.
380. Geeraerts, D. *Theories of Lexical Semantics*. – Oxford: Univ. Press, 2010. – 341 pp.
381. Gentner, D. *As Time Goes By: Understanding Time as Spatial Metaphor* / D. Gentner, M. Imai // *Language and Cognitive Processes*. – 2002. – Vol. 17. – Pp. 537-565.
382. Gibbs, R.W. *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding* / R.W. Gibbs. – New York: Cambridge Univ. Press, 1994. – 538 pp.
383. Gibbs, R.W. *Cognitive Linguistics and Metaphor Research: Past Successes, Skeptical Questions, Future Challenges* / R.W. Gibbs // *Educational Development Innovations in Applied Linguistics Research*. – Vol. 22. – 2006. – Pp. 1-20.
384. Gleitman, L. *New Perspectives on Language and Thought* [Electronic Resource] / L. Gleitman, A. Papafragou. – New York: Oxford Univ. Press. URL: https://cpbusw2.pmu.cdn.com/web.sas.upenn.edu/dist/f/575/07/Gleitman_Papafragou (accessed 15.08.2018)
385. Goddard, C. *Meaning and Universal Grammar – Theory and Empirical Findings* / C. Goddard. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2002. – XVI, 337 pp.
386. Green, M. *On the Syntax and Semantics of Impersonal Sentences in Russian* / M. Green. – Ann Arbor: Cornell University, 1980. – 248 pp.
387. Grice, H.P. *Meaning* / H.P. Grice // *The Philosophical Review*. – Vol. 66. – 1957. – Pp. 377-388.
388. Gruber, J.S. *Studies in Lexical Relations* / J.S. Gruber. – Bloomington: Indiana Univ. Linguistics Club, 1970. – 224 pp.

389. Hampshire, S. *Thought and Reality* / S. Hampshire. N.Y.: Viking, 1960. 268 pp.
390. Hinzen, W. *The Oxford Handbook of Linguistic Minimalism* [Electronic Resource] / W. Hinzen // *Cambridge Handbook of Thinking and Reasoning* / ed. by K. Holyoak, R. Morrison. – 2012. – URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199549368.001.0001/oxfordhb-9780199549368-e-022> (accessed 12.04.2019).
391. Horner, M. *Models of the Atom* / M. Horner, W. Heather. Physical Science. – Siyavula Publishers, 2018. – Pp. 64-67.
392. Jespersen, O. *A Modern English Grammar on Historical Principles* / O. Jespersen, N. Haislund. – Vol. 12. – Routledge, 2006. – 700 pp.
393. Johnson, M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason* / M. Johnson. – Chicago: Univ. Press, 1987. – 272 pp.
394. Johnson, R. *Introduction: What Was British Imperialism* // R. Johnson. *British Imperialism: Histories and Controversies*. – London: Palgrave, 2003. – Pp. 1-12.
395. Kassian, A. *The Swadesh Wordlist. An Attempt at Semantic Specification* / A. Kassian, G. Starostin // *Journal of Language Relationship*. – 2010. – No. 4. – Pp. 46-89.
396. Katz, J.J. *The Structure of a Semantic Theory* / J.J. Katz, J.A. Fodor // *Language*. – Vol. 39. – No. 2. – 1963. – Pp. 170-210.
397. Kaul, M.R. *On the Experience of Compiling Russian-English and English-Russian Cognitive Learners' Dictionaries* / M.R. Kaul // *Multidisciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXI Century*/ ed. by O.M. Karpova, F.I. Kartashkova. – Cambridge Scholars Publishing, 2013. – Pp. 124-133.
398. Ksanfomality, L.V. *Signs of Hypothetical Flora and Fauna of the Planet Venus* [Electronic Resource] / L.V. Ksanfomality, A.S. Selivanov, Yu.M. Gektin // *International Journal of Optics and Photonic Engineering*. Volume 3. Issue 1. 2018. URL: <https://www.vibgyorpublishers.org/content/ijope/fulltext.php?aid=ijope-3-007> (accessed 12.09.2019).

399. Lakoff, G. *Cognitive Semantics* / G. Lakoff // *Meaning and Mental Representations* / ed. by U. Eco. – Bloomington: Indiana University Press, 1988. – Pp. 78-106.
400. Lakoff, G. *The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas?* / G. Lakoff // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1. – Pp. 39-74.
401. Lakoff G., Johnson M. *Mertaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – The University of Chicago Press, 2008. – 256 pp.
402. Langacker, R.W. *Foundations of Cognitive Grammar* / R.W. Langacker. – Vol. 1. – *Theoretical Prerequisites*. – Stanford, CA: Univ. Press, 1987. – 516 pp.
403. Lynch, G. *A Kantian View of Space* / G. Lynch, L. Palmer // *Science. AAAS Journal*. – 2010. – Vol. 328. – Pp. 1487-1488.
404. McCawley, N. *From OE / ME Impersonal to Personal Constructions: What Is a “Subjectless” S?* / N. McCawley // *Papers from the Parasession on Diachronic Syntax*. April 22.1976 / ed. S. Steever. – Chicago: Chicago Linguistic Society, 1976. – Pp. 192-205.
405. Nunberg, G. *Passionate about the Passive Voice [Electronic Resource]* / G. Nunberg // *NPR Program Stream. Transcript*. – 2019. – URL: <https://www.npr.org/templates/story.php/storyId=103709904> (accessed 6.01.2019).
406. O’Meara, B.E. *Napoléon en exile. Tome II* / B.E. O’Meara. – Paris: Huzard-Courcier, 1824. – Édition en facsimilé 2015. – 488 pp.
407. Osgood, Ch. E. *The Measurement of Meaning* / Ch. E. Osgood, G.J. Suci, P.H. Tannenbaum. – Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 1979. – 346 pp.
- Santayana, G. *The British Character* // G. Santayana. *Soliloquies in England and Later Soliloquies*. – N.Y.: Read Books, 2008. – Pp. 29-32.
408. Roberts, M.H. *The Science of Idiom: A Method of Inquiry into the Cognitive Design of Language* / M.H. Roberts [Electronic Resource] // *Publications of the Modern Language Association of America. Journal of Research*. – Vol. 59. – Issue 1. – Published online by Cambridge Univ. Press 2 December 2020. – Pp. 291-306. – URL: <https://www.jstor.org/stable/458858> (accessed 14.09.2024).

409. Schiffer, S. Intention-based Semantics / S. Schiffer // Notre Dame Journal of Formal Logic. – Volume 23. – No. 2. – April 1982. – Pp. 119-156.
410. Smith, G. Tantra & Tao / G. Smith. – Constable & Robinson Ltd., 1996. 224 pp.
411. Stewart, A.H. Graphic Representation of Models in Linguistic Theory / A.H. Stewart. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1976. – 195 pp.
412. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy. – Cambridge (MA): MIT Press, 2000. – Vol. 1. – 573 pp.
413. Teilhard de Chardin, P. The Omega Point// P. Teilhard de Chardin. The Phenomenon of Man. – London, New York: Harper Perennial, 2010. – Pp. 257-272.
415. Wierzbicka, A. Russian Culture Scripts: The Theory of Cultural Scripts and Its Applications / A. Wierzbicka // Ethos. – 30 (4). – 2002. – Pp. 401-432.

2. Словари и справочники

1. АРП – Англо-русский онлайн переводчик Google [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rdfo.ru/?menu=TranslatorOnline>
2. АРС – Англо-русский словарь глагольных словосочетаний / под ред. Э.М. Медниковой. – М.: Русский язык, 1986. – 640 с.
3. БАРФС – Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М.: Русский язык – Медиа, 2005. – 1210 с.
4. БЭС – Большой этимологический словарь современного английского языка / М.М. Маковский. – М.: Либроком, 2014. – 528 с.
5. НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 1488 с.
6. НТС – Научно-технический словарь [Электронный ресурс]/ под ред. М.Г. Циммермана. – 2014. – URL: <http://slovariki.org/nauchno-tehnicheskij-slovar-simmermana>
7. РЯЭ – Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина. – М.: Советская Энциклопедия, 1979. – 432 с.
8. СЛТ – Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

9. СПС – Современный англо-русский политехнический словарь / под ред. А.М. Фединой. – М.: Вече, 2012. – 512 с.
10. СРЯ – Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Оникс-ЛИТ, Мир и Образование, 2018. – 1376 с.
11. СРЯАН – Словарь русского языка / Ин-т русского языка АН СССР / под ред. А.П. Евгеньевой. – В 4-х тт. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.
12. ССМ – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М.М. Маковский. М.: Владос, 1996. – 416 с.
13. СУС– Словарь усилительных словосочетаний. Англо-русский, русско-английский / И.И. Убин. – М.: Р. Валент, 2007. – 552 с.
14. ТСУ – Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
15. ТСФ – Терминологический словарь по физике [Электронный ресурс] / В.П. Попов. – 2012. – URL: <https://sites.google.com/site/fizikadlanahimovcev9/poleznye-ssylki/terminologiceskij-slovar>
16. ЭСФ – Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – В 4-х тт. – М.: Прогресс, 1986. – Том 1. 576 с. – Том 2. 672 с. – Том 3. 832 с. – Том 4. – 864 с.
17. BBI – The BBI Combinatory Dictionary of English / M. and E. Benson, R. Ilson. – Amsterdam: John Benjamin's Publishing Co., М.: Русский язык, 1990. – 286 pp.
18. CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary / P. Gillard (ed.). – Cambridge: Univ. Press, 2003. – 1549 pp.
19. CEC – Cambridge English Corpus. Use *electric current* in a sentence [Electronic Resource]. 2019. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/electric-current>
20. CED – Collins English Dictionary / P. Hanks (ed.) – London, Glasgow: William Collins Sons and Co. Ltd., 2006. – 946 pp.
21. COD – Concise Oxford Dictionary of Current English / H.W. Fowler, F.G. Fowler, R.E. Allen (eds). – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 1044 pp.

22. EAT – Edinburgh Associative Thesaurus / G.R. Kiss et al. [Electronic Resource]. Rutherford Appleton Laboratory, 2010. URL: <http://www.cis.rl.ac.uk/proj/psych/eat/eat>
23. KED – Klein’s Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language / E. Klein. – Amsterdam, London, NY: Elsevier Publishing Co., 2013. – 844 pp.
24. LD – Legal Dictionary [Electronic Resource]. – URL: <https://dictionary.law.com/>
25. MWD – Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/>
26. MWMD – Merriam-Webster Medical Dictionary [Electronic Resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/medical>
27. ODE – Oxford Dictionary of English Etymology / C.T. Onions (ed.). – Oxford: Univ. Press, 1996. – 1024 pp.
28. OED – Online Etymology Dictionary of English [Electronic Resource] / D. Harper (ed.). – URL: <https://www.etymonline.com/>
29. ORD – Oxford Russian Dictionary: Russian-English / English-Russian / M. Wheeler, B. Unbegaun, P. Falla, D. Thompson (eds). – Oxford: Univ. Press, 2007. – 1344 pp.
30. RIT – Roget’s International Thesaurus. – N.Y.: HarperCollins, 2001. – 1248 pp.
31. SYD – Sentence. Your Dictionary [Electronic Resource]. – URL: <https://sentence.yourdictionary.com/>

3. Художественная литература

1. Аверченко, А.Т. Хлопотливая нация / А.Т. Аверченко. Хлопотливая нация. Юмористические произведения. – М.: Политиздат, 1991. – С. 83-86.
2. Анищенко, М.В. Оберег: Авторский сборник // М.В. Анищенко. – М.: Прогресс-Плеяда, 2008. – 160 с.
3. Белозеров, Т.М. Дождливый вечер [Электронный ресурс] / Т.М. Белозеров // Русский стих. Стихи про дождь. – 2019. – URL: <https://rustih.ru/stixi-o-dozhde/> (дата обращения 2.02.2020).

4. Борхес, Х.Л. Тлён, Укбар, Орбис терциус // Х.Л. Борхес. Рассказы – М.: Фолио, Феникс, 1999. – С. 219-225.
5. Бунин, И.А. Вечер / И.А. Бунин [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/poems/26933/vecher> (дата обращения 24.01.2023).
6. Ваншенкин, К.Я. Я люблю тебя, жизнь. Избранное / К.Я. Ваншенкин. – М.: Эксмо, 2013. – 352 с.
7. Васильев, Н.А. Тоска по вечности / Н.А. Васильев. – Казань: типолитография В.М. Ключникова, 1904. – Репринт 2012. – 155 с.
8. Волошин, М.А. Путник по вселенным / М.А. Волошин. – М.: Советская Россия, 1990. – 384 с.
9. Вяземский, П.А. Англичанке / П.А. Вяземский. Стихотворения. – М.: Текст, 1999. – С. 337.
10. Гомер. Одиссея / Гомер. – М.: АСТ, 2010. – 320 с.
11. Гумилев, Н.С. Стихотворения и поэмы / Н.С. Гумилев. – СПб.: Академический проект, 2000. – 736 с.
12. Дербенев, Л.П. Призрачно всё [Электронный ресурс] / Л.П. Дербенев. – 2011. – URL: <http://vtvmir.kz/chst/chsr03.htm> (дата обращения 16.04.2017 г.).
13. Державин, Г.Р. Река времен в своем стремленьи ... // Г.Р. Державин. Стихотворения. Оды. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – С. 138.
14. Добронравов, Н.Н. И вновь продолжается бой [Электронный ресурс] / Н.Н. Добронравов. – 2005. – URL: <https://www.marxists.org/history/ussr/sounds/lyrics/i-vnov.html> (дата обращения 19.07.2019).
15. Дор, Ф. Города ночного фонари // Фелиса Дор (Елена Михелькевич). Брызги счастья: Сб. стихов и песен. – М.: Ridero, 2017. – С. 12.
16. Есенин, С.А. Отговорила роща золотая [Электронный ресурс] / С.А. Есенин // Интернет-библиотека Алексея Комарова. – 2020. – URL: https://ilibrary.ru/text/1290/p.1_index.html (дата обращения 17.03.2020).
17. Жилко, Н.М. Вправи з граматики англійської мови / Н.М. Жилко, Л.С. Панова. – Ніжин: Ніжинський державний педагогічний ун-т ім. Гоголя, 2002. 210 с.

18. Коротич, В.А. Избранное / В.А. Коротич. – М.: Художественная литература, 1986. – 216 с.
19. Кривин, Ф.Д. Осень / Ф.Д. Кривин // Антология сатиры и юмора XX века. – Том 18. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – С. 34.
20. Кэрролл, Л. Алиса в Стране чудес // Л. Кэрролл. – М.: РОСМЭН, 2019. – 144с.
21. Лермонтов, М.Ю. Выхожу один я на дорогу/ М.Ю. Лермонтов. Сочинения в 2-х тт. – Том 1. – М.: Правда, 1988. – С. 125.
22. Лермонтов, М.Ю. Парус // М.Ю. Лермонтов. Стихотворения. Поэмы. – М.: Эксмо, 2019. – С. 78.
23. Маяковский, В.В. Сергею Есенину // В.В. Маяковский. Стихотворения. Поэмы. Статьи. – М.: БСГ-Пресс, 2019. – 336 с.
24. Метерлинк, М. Синяя птица / М. Метерлинк. – М.: Нигма, 2014. – 152 с.
25. Михалев, И.П. А на улице дождь [Электронный ресурс] / И.П. Михалев. – 2003. – URL: http://www.bard.ru.com/php/print_list.php?id=2949 (дата обращения 30.12.2019).
26. Набоков, В.В. Постскрипtum к русскому изданию «Лолиты» // В.В. Набоков. Собр. соч. в 5 тт. – Том 2. – СПб.: Симпозиум, 1997. – С. 386-390.
27. Ошанин, Л.И. Песня о тревожной молодости [Электронный ресурс] / Л.И. Ошанин. – 2006. – URL: https://45parallel.net/lev_oshanin/pesnya_o_trevozhnoy_molodosti.html (дата обращения 12.11.2017).
28. Ошанин, Л.И. Я тебя подожду [Электронный ресурс] / Л.И. Ошанин. – 2011. – URL: <http://a-pesni.org/drugije/jatediapod.htm> (дата обращения 22.12.2019).
29. Ошанин, Л.И. Красная гвоздика [Электронный ресурс] / Л.И. Ошанин. – 2012. – URL: <http://kniganot.ru/2012/04> (дата обращения 12.05.2018).
30. Пушкин, А.С. Пир во время чумы / А.С. Пушкин. – М.: Эксмо, 2008. – 52 с.
31. Рабле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Ф. Рабле. – М.: Азбука, 2016. 608 с.
32. Рождественский, Р.И. Погоня [Электронный ресурс] / Р.И. Рождественский. 2012. – URL: <https://www.askbooka.ru/stihi/robert-rozhdestvenskiy/pogonya.html> (дата обращения 12.05.2018).

33. Северянин, И. Стихотворения / И. Северянин. – М.: Профиздат, 2017. – 272с.
34. Сельвинский, И.Л. Из пепла, из поэм, из сновидений: Сб. стихотворений / И.Л. Сельвинский. – М.: Время, 2004. – 752 с.
35. Сидоров, И.С. Люди идут по свету [Электронный ресурс] / И.С. Сидоров. – URL: http://www.bard.ru.com/php/print_list.php?id=1953 (дата обращения 5.03.2018).
36. Тютчев, Ф.И. Silentium// Ф.И. Тютчев. Стихотворения. М.: Профиздат, 2015. 288 с.
37. Уэллс, Г. Дж. Люди как боги / Г. Дж. Уэллс. – М.: Диамант, 1995. 492 с.
38. Фет, А.А. Стихотворения / А.А. Фет. – М.: Эксмо, 2017. – 384 с.
39. Чадова, Л.Е. Дождика слезинки [Электронный ресурс] / Л.Е. Чадова // Песни маленьких зверят. Ноты детских песен, видео, танцев. – 2017. – URL: <http://possum.ru/?p=361> (дата обращения 22.02.2020).
40. Шекспир, У. Трагедия Гамлета, принца Датского / У. Шекспир. – М.: Речь, 2007. – 336 с.
41. Blake, W. Auguries of Innocence [Electronic Resource] // William Blake Quotes. Brainy Quote.com, BrainyMedia Inc. – 2018. – URL: https://www.brainyquote.com/quotes/william_blake_150124 (accessed December 18, 2018).
42. Bret Harte, F. Selected Stories // F. Bret Harte. – Puritan, 2012. – 281 pp.
43. Byron, G.G. Lachin y Gair [Electronic Resource] / G.G. Byron. – 2010. – URL: <http://ingeb.org/songs/awayyega.html> (accessed 15.02.2019).
44. Donne, J. Meditation XVII. Devotions upon Emergent Occasions // J. Donne. Poetry [Electronic Resource]. – 2017. – URL: <https://web.cs.dal.ca/~johnston/poetry/island.html> (accessed 19.12.2017).
45. King, S.E. The Word Processor of the Gods / S.E. King. Skeleton Crew: Stories. – New York: Simon and Schuster, 2018. – 747 pp.
46. London, J. Martin Eden / J. London. – SeaWolf Press, 2018. – 398 pp.

47. McBride-Harris, Sh. *Between Two Storms* / Sh. McBride-Harris. – London: Xlibris Corp., 2008. – 256 pp.
48. Orwell, G. *The English People* / G. Orwell. – London: Haskell House, 1974. – 47 pp.
49. Orwell, G. *1984* / G. Orwell. – HarperPerennial Classics, 2008. – 349 pp.
50. Reelroad. *Ой дождь, дождь* [Electronic Resource]. – 2019. – URL: <https://pesniclub.com/text/reelroad> (accessed December 22, 2019).
51. Shakespeare, W. *The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark* / W. Shakespeare. – London: Simon and Schuster, 2012. – 342 pp.
52. Shaw Quotes [Electronic Resource] / Shaw Quotes. – 2014 – URL: https://www.azquotes.com/author/13418-George_Bernard_Shaw (accessed September 5, 2019).
53. Swinburne, A. *The Garden of Proserpine* [Electronic Resource] / A. Swinburne. – 2012. – URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/45288/the-garden-of-proserpine> (accessed June 23, 2019).
54. Ustinov, P.A. *Halfway Up the Tree: a Comedy in Three Acts* / P.A. Ustinov. – New York: Random House, 1968. – 118 pp.
55. Wordsworth, W. *Selected Poems* / W. Wordsworth. – New York, Toronto: Penguin Classics, 2004. – 356 pp.

4. Источники текстовых примеров

1. Рязанова, М.К. 12 слов, помогающих понять корейскую культуру [Электронный ресурс] / М.К. Рязанова // Arzamas. Научно-популярный журнал. – 10.02.2020. – URL: <https://arzamas.Academy/mag/787-korea> (дата обращения 11.03.2020).
2. Шикова, Е. Жизнь как поток. Рецензия на книгу: Mihaly Chiksentmihalyi. *Flow: The Psychology of Optimal Experience* [Electronic Resource] / Е. Шикова. 27.06.2009. – URL: <https://big-i.ru/karera/lichnye-kachestva-i-navyki/a9871/> (accessed 03.01.2023).

3. Best CV Templates [Electronic Resource]. – 2019. – URL: <https://www.template.net/business/resume/sample-formal-curriculum-vitae/> (accessed 30.12.2019).
4. Brolley, B. The Average Women's Clothing Size Explained [Electronic Resource] / B. Brolley. – 2016. – URL: <https://www.thelist.com/105630/truth-average-womens-clothing-size/> (accessed 9.05.2020).
5. Esquire. An International Journal [Electronic Resource]. – 25.11.2019. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/esquire.ru/50-nepervodimyh-slov-iz-raznyh-iazykov-mira-kotorye-oznachaiut-emocii-i-situacii-5c499261ba3bb400addbd83b> (accessed 1.03.2020).
6. Joan Rivers Quotes [Electronic Resource]. – 2011. – URL: https://www.brainyquote.com/quotes/joan_rivers_386753 (accessed 12.04.2018).
7. Krishnan, M. A New Day Is Born [Electronic Resource]// M. Krishnan. Child Planet. 2018. – URL: <http://www.childplanet.com/engpoems/meera2.htm> (accessed 12.05.2018).
8. Marvin, F.R. The New Year: a Hymn [Electronic Resource] / F.R. Marvin // Carols of Hope: a Compilation of Select Sacred Songs for Use in Sunday Schools, Praise and Young People's Services. – Boston, Mass.: Advent Christian Publication Society, 2014. – P. 81. – URL: https://hymnary.org/text/the_old_year_dies (accessed 14.05.2018).
9. Nautical Slang in Common Usage. 50 Sailing Phrases That Have Enriched Our Language [Electronic Resource]. – URL: <https://owlcation.com/humanities/50-Nautical-Terms-And-Sailing-Phrases-that-Have-Enriched-Our-Language> (accessed 5.12.2019).
10. Neyo, J. 25 Untranslatable Words [Electronic Resource] / J. Neyo // Exciter. An Electronic Magazine. – 12.2011. – URL: <http://excitermag.net/another-25-untraslatable-words.html#ixzz5ISLxzFRM> (accessed 25.04.2017).
11. Nautical Idioms: 9 English Idioms with Meanings and Examples // Next Step English. – 2011. – URL: <https://nextstepenglish.com/nautical-idioms/> (accessed 4.12.2019).

12. Osgood, C. *The Measurement of Meaning* [Text] / C. Osgood, G. Suci, P. Tannenbaum. – Urbana, IL: University of Illinois Press, 1978. – 360 pp.
13. Pevear, R. *Notes* / R. Pevear, L. Volokhonsky // M.A. Bulgakov. *The Master and Margarita*. – London, New York: Penguin Classics, 2016. – Pp. 416-430.
14. *Phrases & Idioms. The Largest Idioms Dictionary* [Electronic Resource]. – 2019. – URL: <https://www.theidioms.com/doldrums/> (accessed 5.12.2019).
15. *Red Cap Hill* [Electronic Resource]. – 2023. – URL: <https://www.anyplaceamerica.com/directory/pa/blair-county-42013/summits/red-cap-hill-1184751/> (accessed 26.03.2023).
16. *Reverso Context* [Electronic Resource]. – 2018. – URL: <https://context.reverso.net/Dagger+Through+My+Heart> (accessed 8.12.2019).
17. *Reverso Context* [Electronic Resource]. – 2019. – URL: <https://context.reverso.net.in+the+doldrums> (accessed 5.12.2019).
18. Ronca, D. *Why Do People Throw Salt over Their Shoulders?* [Electronic Resource] / D. Ronca. – 2018. – Pp. 1-2. – URL: <https://people.howstuffworks.com/why-do-people-throw-salt-over-shoulders.htm> (accessed 25.07.2018).
19. *Sentence Examples. Use Pawn in a Sentence* [Electronic Resource]. – 2011. – URL: <https://sentence.yourdictionary.com/pawn> (accessed 30.11.2019).
20. Shaw, G.B. *Annajanska, the Bolshevik Empress: a Revolutionary Romancelet* / G.B. Shaw. – Whitefish, MT: Kessinger Publishing Co., 2010. – 22 pp.
21. *The Phrase Finder. Which English Expressions Have a Nautical Origin?* [Electronic Resource]. – 2019. – URL: <https://www.phrases.org.uk/meanings/nautical-phrases.html> (accessed 5.12.2019).
22. *Urban Dictionary Top Definition* [Electronic Resource]. – 2008. – URL: [https://www.urbandictionary.com/define.php?term=three%20sheets%20to%](https://www.urbandictionary.com/define.php?term=three%20sheets%20to%20) (accessed 12.09.2018)
23. *Use Pygmalion in a Sentence* [Electronic Resource]. – 2019. – URL: <https://www.wordhippo.com/what-is/sentences-with-the-word/pygmalion.html> (accessed 6.08.2018).

24. Wonderopolis. Which Side Is the Wrong Side of the Bed? [Electronic Resource] // National Center for Families Learning. – 2016. – URL: <https://wonderpolis.org/wonder/which-side-is-the-wrong-side-of-the-bed> (accessed 12.09.2018).
25. Wood, R.D. The Golden Day Is Dying [Electronic Resource] / R.D. Wood, R. Stewart // Hem Folk Band Album. – 2006. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aggGAqFh4XA> (accessed 12.05.2018).
26. Writer's Resources [Electronic Resource]. – 2016. – URL: <http://novelexperience.info/resources-for-writers/> (accessed 26.12.2019).
27. Your Dictionary. Sentence Examples [Electronic Resource]. – 2014. – URL: <https://sentence.yourdictionary.com/> (accessed 30.11.2019).